

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07020986 5

УТРО,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

СБОРНИКЪ.

МОСКВА.

Въ типографіи газеты «РУССКІЙ»,
на Тверской, въ Бѣловскомъ пер., д. Смирнова.

1868.

УТРО,
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ
СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. ШОГОДИННЫМЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГАЗЕТЫ «РУССКІЙ».

на Тверской, въ Брюсовскомъ переулкѣ, д. Смирнова.

1868.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
835121
ASTOR LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1918 L

ANDY WAIN
SLIP
PAPER

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стран.</i>
Голось изъ Германіи 1859 года (<i>Г. Д. А. Т.</i>) . . .	1
Взглядъ на міровданіе. Думы I и II. <i>М. М. Магницкаго.</i>	39
Слово, сказанное въ день торжества освобожденія обителѣ препод. Сергія отъ нашествія враговъ, Троицкой семинаріи, греческаго и еврейскаго языковъ учителемъ, <i>Василіемъ Дроздовымъ</i> , (Митроп. Филаретъ), 1806 года.	53
Монастырь Липеси, мѣсто погребенія греческой царицы, русской княжны, Анны Васильевны. <i>Архим. Леонида</i>	59
Рейвскій вопросъ и границы Франціи. <i>С. П. К.</i>	65
Побѣдка во внутреннюю Чехію весною 1860 года. <i>П. А. Лавровскаго.</i>	93
Изъ трагедіи «Петръ Великій», дѣйствія III, IV и V. <i>М. П. Погодина.</i>	247
Записки Штелина о Петрѣ III.	309
Объ открытіи записокъ Штелина. <i>М. П. Погодина.</i>	363
Мысли Иннокентія, архіепископа херсонскаго, о Россійскомъ Библейск. Обществѣ, (дост. <i>П. Савваитовымъ</i>).	371
Замѣтка о кievскомъ митрополитѣ Евгеніѣ. <i>П. Савваитова.</i>	375
Письмо архимандрита Макарія, алтайскаго миссіонера, къ <i>А. С. Норову</i>	377
Память о кievскомъ воеводѣ Григоріѣ Ходкевичѣ. <i>М. А. Максимовича.</i>	378
Изъ трагедіи «Торквато Тассъ» Зедлица <i>Ө. В. Миллера.</i>	381
Позднѣйшіе годы. <i>Л.</i>	391
По случаю Записки, помѣщенной въ «Сѣверной Почтѣ» 1867 г. о дѣйствіяхъ комитета для преобразованія духовноучебныхъ заведеній. <i>В. В. Т.</i>	401
Одиннадцать записокъ Пушкина къ <i>М. П. Погодину</i> , 1830 г.	435
Замѣтка о селѣ Знаменскомъ. <i>М. Н. Ломонога.</i>	437

—

Копія

ГОЛОСЪ ИЗЪ ГЕРМАНИИ

1859 года. *

Въ настоящее время, когда всѣ глаза устремлены на Италию, никто, кажется, не обращаетъ вниманія на политическое движеніе, недавно проявившееся въ Германіи. Французскіе журналы едва упоминаютъ объ адресахъ, которые подписываются по городамъ въ пользу Германскаго союза.—Однако это движеніе полно будущности, и не преминетъ произвести рѣшительное вліяніе не только на эту страну, но и вообще на ея отношенія къ Европѣ.

По нашему мнѣнію, очень нужно имѣть ясное понятіе о такихъ политическихъ проявленіяхъ; и потому мы подвергаемъ на общій судъ нѣкоторыя соображенія объ этомъ предметѣ.

Поводъ къ пробужденію поданъ Итальянскою войною; тогда обнаружались разнаго рода намѣренія и цѣли. По заключеніи мира, эти намѣренія и цѣли опредѣлились еще болѣе; по сей причинѣ мы должны обратиться къ этимъ не давно минувшимъ событіямъ, дабы разпознать ихъ начало и истинное значеніе.

* Намъ печально попалась на глаза эта брошюра, напечатанная на Французскомъ языкѣ за восемь лѣтъ въ Брюсселѣ. Мы помѣщаемъ ее въ переводѣ, 1-е, какъ образецъ политическаго чутія, (смотри въ особенности заключеніе) 2-е, какъ образецъ національнаго безпристрастія, съ которымъ только Русскій человекъ можетъ становиться на чужое мѣсто, 3-е, какъ собраніе примѣчательныхъ политическихъ мыслей, которыя могутъ еще пригодиться. Полное заглавіе брошюры: Une voix d'Allemagne, par le comte Dmitry Tolstoy. Bruxelles. Librairie Europeenne, place Royale. C. Muquardt, editeur, 1859.

Народный во сторгъ, который обнаружился въ Германіи при мысли о нападеніи Французовъ, ожидавшихся на Рейнъ, напоминалъ о войнѣ за независимость. — Казалось, что Штейнъ готовъ снова ожить. — Въ политическихъ собраніяхъ, въ обществахъ, въ театрахъ, въ журналахъ, слышались только возгласы войны противъ Франціи и вызовы къ тѣсной связи между союзниками. Партеръ громко и неистово рукоплескалъ слѣдующимъ словамъ стараго Гётца Берлихенгена: «соединясь съ нашими братьями, мы перейдемъ границу, какъ херувимъ, съ огненнымъ мечемъ, на защиту земель нашего возлюбленнаго государя.» Герцогъ Брауншвейгскій вызывалъ память о тѣхъ славныхъ дняхъ, когда отецъ и дѣдъ его погибли, сражаясь противъ Французовъ. Не было также недостатка въ плохихъ стихотвореніяхъ въ честь этого дѣла. Всѣ, наконецъ, до самыхъ духовныхъ лицъ, опоясались мечемъ. *Furore Teutonico* поднялся до своей высоты. Но что же вышло изъ всего этого волненія умовъ? отъ чего оно происходило? отъ опасности, угрожавшей со стороны Франціи, — или происходило оно отъ другихъ причинъ? — Мы не поколеблемся утвердить, что это волненіе, происшедшее, повидимому, отъ боязни нашествія, — было въ особенности питаемо и укрѣпляемо самыми правительствами, которыя, видя неудовольствіе своихъ подданныхъ, старалось пріобрѣсть ихъ расположеніе, присоединяясь къ патріотическимъ обѣтамъ и отвлекая такимъ образомъ умы отъ внутреннихъ заботъ. Въ самомъ дѣлѣ, воинственнѣ всѣхъ оказывались Баварія, Ганноверъ и оба Гессенскія герцогства; а эти-то самыя страны и имѣютъ наиболѣе причинъ желать лучшаго управленія. Извѣстно, что Баварское министерство часто находилось въ распрѣ съ Палатою, и опиралось часто на одинъ только голосъ. Несмотря на такую рознь, — оно однакоже удерживало свою власть въ продолженіи 9-ти лѣтъ, — явленіе безпримѣрное въ конституціонной исторіи народовъ! Въ Ганноверѣ Палаты, состоящія большей частью изъ чиновниковъ,

поддерживаютъ г. Борриса, но страна противъ него. Несогласія, которыя раздѣляютъ правителей отъ управляемыхъ въ Гессенскихъ герцогствахъ, простирались до того, что были преданы верховному суду Германскаго союза.—Въ Саксоніи, въ Виртембергскомъ королевствѣ и другихъ странахъ, политическое состояніе, хотя еще не дошло до такого кризиса, но вообще мало разнится отъ Баваріи и Ганновера. Во всѣхъ, этихъ странахъ подъ бранными кликами скрывались совершенно миролюбивыя стремленія; война представлялась средствомъ выйти изъ политической летаргіи.—Истинная цѣль была распространеніе конституціонной свободы, законное признаніе предоставленныхъ народу правъ.

Пруссія, гдѣ хартія исполнялась, и Брауншвейгъ, удержавшій свою прежнюю конституцію, сохраняли мирное положеніе, готовые впрочемъ оборонять свою независимость и свою честь въ случаѣ опасности.

Видно раздраженіе Германскаго народа было очень сильно, если онъ рѣшился проливать свою кровь въ пользу Австріи, страны ни нѣмецкой, ни пользующейся доброю славою въ Германіи. Но представлялся случай бросить на вѣсы тяжесть публичнаго мнѣнія; Германія надѣялась осуществить блистательную мечту своего единства; она надѣялась получить столь ею желаемую конституцію, поддерживая Австрію, какъ и Италия не поколебалась искать себѣ свободы цѣною благодарности, которой могъ потребовать отъ нея Людовикъ Наполеонъ. Притомъ, весьма естественно государству при видѣ опасности, будь она даже воображаемая, думать о своей защитѣ, если оно не имѣетъ достаточнаго довѣрія къ своему правительству, поражаясь отсутствіемъ всякаго единства возрѣній дипломатическихъ и военныхъ. — Раздѣленіе ослабляетъ Германію въ мирное время, а въ военное оно можетъ ее погубить. Германскій народъ, предъ такими испытаніями, могъ естественно забывать своихъ микроскопическихъ принцевъ, и думать только объ общемъ

отечествѣ, которое могло бы жить, хотя бы и не существовали болѣе Зондергаузены, Пирмонты и Липпе-Детмольты! Вотъ эти-то мелкіе владѣтели, равно какъ и второстепенныя государства, выставляли съ наибольшимъ хвастовствомъ свою мнимую любовь къ отечеству, внушенную единственно желаніемъ сохранить свое наслѣдство. — А между тѣмъ они-то и стараются изъ всѣхъ силъ о раздробленіи Германіи, находя опору и покровительство въ австрійскомъ правленіи, коего принятое правило есть властвовать разъединяя.

Баварскій король позабылъ при этомъ случаѣ, что онъ обязанъ своею короною одному изъ Наполеоновъ. Король Виртембергскій и великій герцогъ Баденскій также не хотѣли вспомнить, кому они обязаны своими титулами и владѣніями. Сама Саксонія сочла долгомъ требовать молчанія отъ Россіи чрезъ органъ г. Бейста. Г. Бейстъ однакоже не можетъ не знать, что Россія въ 1813 г. гораздо болѣе способствовала къ независимости Германіи, чѣмъ Саксонское правительство, которое заставляло своихъ солдатъ сражаться противъ соотечественниковъ въ рядахъ французскаго войска, и это въ самое то время, когда Германскій народъ былъ готовъ пролить кровь за отечество, однимъ словомъ, всѣ правительства, нелюбимыя народомъ, промышляли дешевымъ патриотизмомъ и кричали «война!»

Онѣ имѣли нужду въ войнѣ, чтобъ заставить себя забыть; онѣ могли, онѣ желали жить подъ такимъ условіемъ. Народъ же, съ своей стороны, поднимая этотъ крикъ, надѣялся освободиться отъ отсталыхъ правительствъ. Такимъ образомъ всѣ надѣялись обратить въ свою собственную пользу войну противъ Франціи.

Увидимъ далѣе развитіе этихъ намѣреній, но прежде считаемъ не лишнимъ указать на другія причины, которыя способствовали къ возбужденію умовъ въ Германіи, и постараемся опредѣлить ихъ значеніе.

Если либеральное движеніе выказалось противъ воли въ пользу политики австрійской, то, на оборотъ, это государство встрѣтило истинное сочувствіе на югѣ Германіи, который соединенъ съ ней узами одного вѣроисповѣданія. Ультрамонтанство, получивъ власть, вслѣдствіе конкордата, въ Австріи, оказало ей большую услугу, взволновавъ католиковъ Баваріи, великаго герцогства Баденскаго и другихъ государствъ. — Духовенство, испуганное возможностью секуляризаціи (отчужденія) Римскихъ владѣній оружіемъ Франціи, возстановило народъ противъ Лудовика Наполеона, своими проповѣдями, своими сочиненіями, постановленіями, а въ особенноти подземными и невидимыми средствами, къ которымъ оно такъ привыкло. Минхенъ Бамбергъ и Фрибургъ въ великомъ Баденскомъ герцогствѣ сдѣлались центрами этого крестоваго похода противъ Франціи; религія, какъ обыкновенно, была искусно обращена въ орудіе политики; въ рукахъ партіи, которая не отступить ни предъ чѣмъ, если дѣло идетъ для нея о сохраненіи и укрѣпленіи своей власти. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что въ это послѣднее время римская пропаганда сдѣлала огромные успѣхи въ протестантской части Германіи, и что сила этой церкви утвердилась тамъ конкордатами, заключенными между Римомъ и разными правительствами. Въ средней Германіи Дессау сдѣлалось недавно точкой сосредоточенія ультрамонтанской партіи. Апостольскій нунцій уже имѣетъ тамъ свое пребываніе. То же ученіе водворилось на востокъ — въ Кельнъ и въ противоположной сторонѣ — въ Познани, такъ что Пруссія съ обѣихъ сторонъ окружена теперь римскими крѣпостями, откуда іезуиты уже дѣлаютъ вылазки во внутренность страны, подъ видомъ миссій. Известно, что іезуиты никогда не теряютъ времени и дѣлаютъ свое дѣло безпрестанно. Благодаря своему развѣтвленію по всей Германіи, римская партія прибрѣла для Австріи многочисленныхъ новобранцевъ-партизановъ, не только на югѣ, но даже въ центрѣ и на сѣверѣ Германіи.

И такъ мы еще разъ видимъ этотъ чудовищный союзъ либерализма съ папизмомъ, которые, сами того не подозрѣвая, подаютъ другъ другу руку, чтобъ защищать плохое дѣло Австріи—одинъ во имя свободы, другой во имя порабощенія Германіи.

Непріязнь противъ Франціи и Лудовика-Наполеона воспламенила огонь, давно уже тлѣвшій въ глубинѣ народныхъ массъ Германіи, и ждавшій только случая обнаружиться. Французскій характеръ, столь блистательный, живой и подвижной, противенъ нѣмецкому духу, спокойному, глубокому и въ высшей степени философскому. Эти два племени пополяются взаимно, но не имѣютъ соприкосновенія. Сверхъ того исторія раздѣлила эти два народа, также какъ раздѣляются ихъ происхожденія и свойства: Нѣмцы не могутъ простить Французамъ вятіе Альзаса и другихъ провинцій; ихъ ученія изслѣдованія показали имъ въ точности, какое пространство и какое число жителей, прежде принадлежавшихъ Германіи, увеличили, вслѣдствіе разныхъ завоеваній, владѣнія Франціи. По ихъ исчисленіямъ, около 600 квадратныхъ миль Германіи и 2,400,000 жителей были отняты у нихъ Франціей втеченіи двухъ вѣковъ, что почти равняется Вюртембергскому королевству и великому герцогству Баденскому вмѣстѣ. Можно ли Нѣмцамъ не злиться за это! Но въ особенности живъ въ памяти всего народа гнетъ владычества французскаго при Наполеонѣ I, и народъ основательно опасается, чтобъ это бѣдствіе не возобновилось.

Притомъ самое имя и все предыдущее Лудовика-Наполеона конечно не могутъ внушить довѣрія къ такъ-называемой справедливости и умѣренности французскаго правительства. Можно-ли вѣрить, говорятъ Нѣмцы, обътамъ государя, который провозгласилъ владычество мира, и былъ главной виною двухъ большихъ войнъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ, который сражается за свободу народовъ, надѣвая оковы на свой; который, наконецъ, даетъ конституціи независящимъ отъ него націямъ, и уничтожаетъ ту, которую онъ торжественно клялся соблюдать.

Можно сказать без преувеличенія, что никто въ Германіи не вѣритъ искренности провозглашеній французскаго правительства, и французскія брошюрки, внушаемыя этимъ правительствомъ,—таково общее мнѣніе въ Германіи,—конечно, не способствуютъ къ успокоенію умовъ; напротивъ, онѣ увеличиваютъ недоувѣріе, и болѣе возбуждаютъ расположеніе къ войнѣ. Сочиненіе Лагероньера: «Наполеонъ III и Италія», не достигло вовсе своей цѣли: въ немъ видѣли лишь одно намѣреніе польстить Пруссіи, чтобы отвратить отъ нея остальную Германію. Возраженій было много и очень сильныхъ. Что же касается до брошюръ гг. Жирардена и де Ле-Массона «Границы Франціи», появившихся въ концѣ 1852 года, онѣ произвели самое несчастное дѣйствіе на отношенія двухъ народовъ, дѣлая ненавистнымъ имя Французовъ, и развивая бранныя стремленія.

Армія, разумѣется, поддерживала это направленіе умовъ; она, чувствуя себя въ своей сферѣ. Не надо забывать, что австрійская армія набираетъ своихъ офицеровъ во всѣхъ земляхъ Германіи, слѣдовательно, эта, такъ-сказать, военная пропаганда, выходя изъ Вѣны, обошла всю страну: Военная Австрія для Германіи тоже, что Римъ для католицизма. Она еще до сихъ поръ, какъ во время Радецкого, есть лагерь, и это самое придаетъ ей значеніе въ Германіи. Легко можно было предвидѣть, что ея воинственная пропаганда откликнется во всѣхъ областяхъ Союза.

Подобно арміи, дворянство смотритъ на Вѣну, какъ на истинную свою столицу, потому что въ одной только Австріи существуютъ разныя привилегіи дворянства, исчезнувшія въ другихъ земляхъ конституціями; Австрія въ глазахъ дворянства все еще та германская имперія, которая укрываетъ подъ сѣнію своихъ орловъ обездоленные роды. Здѣсь новое объясненіе сочувствія, встрѣченнаго этой страной.

Наконецъ капиталы и бумаги австрійскія имѣли не менѣе важное значеніе среди всеобщаго смятенія. Владѣльцы этихъ бумагъ разсѣяны по всей Германіи. Объявленіе войны лишало ихъ милліоновъ. Для нихъ было необходимо поддерживать курсъ этихъ цѣнностей, и они думали, что лучше всего достигнуть своей цѣли поддержкою Австріи всѣми силами Германіи, и обезпечивая ей такимъ образомъ побѣду, а съ побѣдою возвышая ея бумаги.

Явленіе столькихъ разнородныхъ элементовъ, казалось, способствовало побѣдѣ Австріи. Каждая партія, каждое стремленіе воображало достигать своей цѣли. Дворянство старалось увѣковѣчить свои преимущества, народъ—возвратить свои льготы, правительства же, противорѣча и тѣмъ и другимъ, старались о продолженіи своего существованія и о поддержаніи *statu quo*; духовенство, наконецъ, искало первенства надъ всѣми. Эти стремленія, столь противоположныя, столь несогласныя между собой, избрали себѣ Австрію точкою объединенія. Они заставили Германію сочувствовать государству, къ которому вовсе она была не сочувственна, и смотрѣть на Итальянскій вопросъ черезъ призму графа Буоля и его товарищей.

Вообще, Италія извѣстна въ Германіи не болѣе самаго Китая; по этому надобно сознаться, что Итальянскій вопросъ былъ искаженъ въ Австріи, по крайней мѣрѣ насколько то было возможно въ официальныхъ документахъ, равно какъ въ журналахъ и брошюрахъ. Ломбардія, подъ владычествомъ Австріи, была представлена раемъ земнымъ, а Итальянцы народомъ, не терпящимъ образованія, неспособнымъ пользоваться политическимъ устройствомъ независимаго общества. Исторія, казалось, была позабыта, или была переписана на совершенно новый ладъ, чтобъ не оставить за Итальянцами никакого достоинства, не только въ настоящемъ времени, но даже въ прошедшемъ. Нѣкоторые публицисты, отъ излишняго усердія къ Австріи, не поколеба-

лись утверждать что Римляне, предки настоящихъ Итали-
цевъ, ничѣмъ не способствовали къ просвѣщенію Европы,
потому что они были только подражателями Грековъ.

Принявъ въ соображеніе разсчитанное недоброжела-
тельство, тѣмъ не менѣе удивляешься чрезвычайному эгоизму
Германіи въ отношеніи къ Итальянскому народу, который
въ сущности не имѣетъ съ нею ничего общаго; ибо
Австрія вовсе не Германія, и даже не Нѣмецкая страна.
Немногіе знаки участія, оказанные Италиі въ Нѣмецкой
печати, были оглашены плодами ложной чувствительности
лишь молодыхъ дѣвицъ, которыя проливаютъ слезы
надъ Вертеромъ!» «Italia faga da se!»

Любопытно было слушать, какъ Нѣмцы унижали Итальянскую національность, по той причинѣ, что Италия никогда не составляла цѣльнаго владѣнія, и всегда была раздѣлена на нѣсколько независимыхъ государствъ. Они утверждали эту истину помощію историческихъ свидѣтельствъ, и приходили, такимъ образомъ, къ заключенію, что Италию необходимо принести въ жертву Австріи. Однакоже очевидно, что Германія, еще болѣе раздробленная, чѣмъ Италия, можетъ существовать какъ независимое государство, и не требуетъ чести покориться какому-нибудь другому народу.

Тамъ какъ судьба Италиі не возбудила участія Нѣмцевъ, то война, вѣденная Франціей, представлялась нападениемъ на Германію, и вражда противъ Наполеона усиливалась болѣе и болѣе съ каждой его побѣдою. — «Не за Австрію,» кричали всѣ, «но противъ Наполеона.» Прошедшая жизнь этого государя привлекла вниманіе всей Германіи, и такимъ образомъ исторія великаго Наполеона разпространилась болѣе, чѣмъ произведеніемъ г-на Тьера.

Содѣйствіе французской арміи въ Итальянской войнѣ толковали въ Германіи слѣдующимъ образомъ: Франція не желаетъ войны, но правительству нельзя обойтись безъ нея, какъ для удовлетворенія бранной страсти войска,

такъ и для сообщенія другаго направленія умамъ, раздраженнымъ перспективой Байены, Ламбессы, мбрами дѣйствій полиция, Леспинасса и строгостію законовъ о печати. Внутреннее состояніе Франціи таково, что переворотъ неминуемъ, если вниманіе не будетъ отвлечено отъ внутреннихъ вопросовъ, и не обращено къ чужестранной политикѣ, которою такъ удобно развлекать общее мнѣніе. И подлинно, вопросы, подлежащіе ея вѣдомству, по самой своей общности, занимательны для всѣхъ, тогда какъ внутреннія преобразования, болѣе трудныя и болѣе медленныя, бывають оцѣняемы обыкновенно очень поздно. Вотъ почему Людовикъ Наполеонъ предпочелъ роль дипломата роли организатора и администратора; вотъ почему онъ задумалъ передѣлать карту Европы, и прибѣгалъ къ оружію, когда дипломатическія усилія ему измѣняли.

Что касается собственно до Италіи, онъ не желаетъ ей ни свободы, ни независимости; онъ нашелся принужденнымъ быть ея освободителемъ, чтобъ избѣгнуть бомбъ новаго Орсіни и кинжаловъ карбонаровъ, которымъ онъ клялся въ 1830 году оставаться всегда демократомъ, и дѣйствовать въ такомъ смыслѣ для освобожденія Италіи. Страхъ придасть ему храбрости, а лицемѣріе сообщило маску любви къ чловѣчеству и желанія независимости народовъ. Единственная его цѣль утвердить престолъ Франціи своей дліею блескомъ славы оружія, и замѣнить въ Италіи австрійское владычество вліаніемъ французскимъ, все въ видахъ династическихъ; принять вѣнецъ славы и содѣлаться въ глазахъ войска Наполеономъ не только по имени, но и на дѣлѣ; наконецъ доставить блистательное зрѣлище французскому народу, столько тщеславному, столько жадному къ славѣ, и столько любящему всевозможныя парады. — Что ему до этихъ тысячей людей, похищенныхъ у отечества на полѣ сраженія; что ему до милліоновъ, которые заплатятъ правнуки нынѣшнихъ Французовъ для погашенія долга, болѣе чѣмъ удвоеннаго впродолженіе его царствованія. Дѣло въ томъ, чтобъ устоять какъ можно долѣе

на своемъ импровизированномъ престолѣ, и для этой цѣли онъ не откажется ни отъ какой жертвы. Сегодня онъ освободилъ Италію, завтра онъ пойдетъ освобождать Германію, и ослабленная, уничиженная Австрія, можетъ быть въ союзѣ съ нимъ, не будетъ имѣть силы или охоты спасать общее отечество. И такъ лучше идти противъ Франціи, пока Австрія еще сильна, чѣмъ дожидаться пораженія одного изъ своихъ союзниковъ. Съ этой точки зрѣнія смотрять теперь вообще въ Германіи на Итальянскую войну.

Такимъ образомъ, ненависть къ Франціи проникла въ дворцы, равно какъ и въ хижины; нечего было искать безпристрастія ни въ разсужденіяхъ, ни въ опредѣленіяхъ. Всѣ, казалось, съ нетерпѣніемъ желали вступить во борьбу съ непріателемъ; дѣлали разсчеты, приведшіе къ заключенію, что французское войско очень слабо; что войско союза вдвое сильнѣе, и гораздо совершеннѣе, лучше устроено. Нашлись патріоты, которые предлагали идти прямо на Парижъ, раздѣлить Францію и оставить ей только 35 департаментовъ, которые изъ великодушія они соглашались у нее еще не отнимать. Наконецъ рѣшено было завоевать Альзасъ, Стразбургъ, сослать Людовика Наполеона на островъ Св. Елены, и отдать его министровъ подъ судъ.

Въ это время, исполненное патріотической ярости, историкъ могъ бы сдѣлать открытія стольже неожиданныя, какъ и любопытныя. Напримѣръ, онъ узналъ бы, что Европа одолжена паденіемъ Наполеона I Ганноверу, что герцогъ Брауншвейгскій разбилъ Французское войско, наконецъ, что вовсе не народъ избавилъ Германію отъ иностраннаго ига въ 1813 году, но, кто знаетъ, можетъ быть какой-нибудь кн. Зондергаузенъ!

Воростепенныя владѣнія очень искусно извлекли пользу изъ этого направленія умовъ; каждое изъ нихъ хотѣло играть роль, и отличиться патріотизмомъ, который на этотъ разъ былъ очень легокъ. Баварія волно-

валась особенно: желаніе, которое такъ давно уже снѣдаетъ ее, сдѣлаться великою державою въ Германіи, и которое Нѣмцы такъ вѣрно характеризировали словомъ: *Grossmachts taasterei* или *Bambergerei*, проглядывало изъ-подъ германскаго восторга. Ганноверъ, завидуя Пруссіи, хотѣлъ взять предъ нею преимущество, выказывая особенную храбрость. Наконецъ, каждое изъ этихъ владѣній имѣло притязаніе представлять собою исключительно всю Германію.

Такое притязаніе тѣмъ болѣе странно, что правительства этихъ государствъ находятся въ противорѣчій съ Нѣмецкимъ народомъ, между тѣмъ какъ на немъ и на его настроеніи онѣ основывали свою политику.

Ганноверъ недоволенъ Пруссіей, зачѣмъ она такъ добросовѣстно приводитъ въ исполненіе конституціонныя начала, которыхъ желаетъ большинство Германскаго народа. Движимый этимъ неудовольствіемъ, онъ старался отстранить Пруссію въ этомъ національномъ вопросѣ, и помѣстить на второй планъ.

Но кто же однако далъ Ганноверу, Баваріи и другимъ второстепеннымъ государствамъ, возможность выставить такимъ образомъ свои патріотическія чувства, если не народное движеніе, напрасно, нестати это правда, возбужденное, — и такъ дурно понятое правительствами, которыя на этотъ разъ были сильно поддержаны имъ?

Онѣ должны выдти изъ заблужденія: эти заявленія не были сдѣланы въ пользу Австріи, которой политическія начала приходится имъ такъ по вкусу, но въ пользу единства, и твердой конституціи въ Германіи, для того единства, котораго онѣ такъ боятся. Общее отечество представлялось въ опасности, и вотъ поспѣшность соединиться для его защиты; а чѣмъ сильнѣе единство, тѣмъ менѣе надежды остается ее парализму, потому что единство исключаетъ раздробленіе. Соединившись между собою тѣснѣе, Нѣмцы увидѣли, что не было единства ни во внѣшней политикѣ, ни во внутреннемъ управленіи,

ни въ войскахъ, уже готовыхъ идти на непріятеля; и такъ еще разъ провинціализмъ оказался препятствіемъ на пути. Второстепенныя государства надѣялись вытти сильнѣе, и, можетъ быть, болѣе раздѣленными изъ этого движенія, которое между тѣмъ клонилось къ тому, чтобы уничтожить мѣстныя различія, и ослабивъ частныя владѣнія, усилить Германію.

Баварскій депутатъ, г. Братеръ, превосходно опредѣлялъ желанія своихъ соотечественниковъ: «Германія», говоритъ онъ, «хочетъ германской войны, а вовсе не крестоваго похода въ честь деспотизма и ультрамонтанизма. Германія хочетъ защищать нѣмецкіе интересы, а не интересы Римскаго двора. Германія хочетъ отстаивать начала своего политическаго развитія въ противность имперіализму, который господствуетъ въ Парижѣ, но требуетъ также обезпеченія отъ Вѣнскаго абсолютизма, потому что ея собственныя начала не только національны, но и либеральны: твердѣйшая основа общественной жизни Германіи лежитъ въ порядкѣ конституціонномъ. Это начало должно быть признано и приложено къ дѣлу тѣмъ, для кого Германія готовится принести огромную матеріальную жертву. Австрія должна намъ дать ручательства, что, въ случаѣ воинскихъ успѣховъ, она не будетъ подрывать конституціи нѣмецкихъ государствъ ни явнымъ образомъ, ни скрытымъ. Графъ Буоль объявилъ недавно англійскому кабинету, что конституціонная система не можетъ быть приложена къ Италіи; въ одинъ прекрасный день то же самое можетъ быть объявлено относительно Германіи, что и исполнялось въ теченія тридцати трехъ лѣтъ княземъ Метернихомъ. Безъ гарантій мы не отважимся довѣрить южныя владѣнія государству, которое въ теченіи сорока трехъ лѣтъ не умѣло найти благопріятной минуты, чтобы честно привести въ исполненіе Вѣнскій договоръ; которое, въ противность духу этого договора, заключило конкордатъ съ римскимъ дворомъ, противный духу времени и природѣ нѣмецкой; которое наконецъ, какъ

предполагаетъ одна ненавистная партія, воздасть вѣрно за единодушное возстаніе Германіи благодаріемъ политическаго и религіознаго угнетенія. Мы не можемъ предоставить случаю рѣшенія, кому должны достаться плоды войны—Германіи, Риму, началамъ конституціоннымъ, или абсолютизму. Мы не выйдемъ болѣе на поле битвы съ довѣрчивою беззаботностію 1813 года, за которую получили жалкую реставрацію 1815 г. Мы должны имѣть положительное увѣреніе, что слѣдствіемъ войны будетъ открытіе Австрію дверей для цивилизаціи и свободы германской, а не для абсолютизма и угнетенія австрійскаго въ Германіи. Мы протягиваемъ руку нашимъ братьямъ, но не врагамъ Австріи. Повторяю еще разъ, что мы должны начать войну, которая потребуетъ всѣхъ нашихъ силъ, только тогда, когда удостовѣримся въ нашей политической будущности. Мы не требуемъ ничего новаго, мы не соблазнимся никакою утопіей радикальной или доктринерной, — мы только хотимъ утвержденія нашей законной конституціонной организаціи, на которой зиждется власть нашихъ государей и свобода Германскаго народа.»

Нельзя было лучше г-на Братера схватить смыслъ симпатій, выказанныхъ Австріи Германією въ итальянскую войну: онѣ были совершенно условны. Благопріятствуя національному порыву, надѣялись воспользоваться имъ, чтобы укрѣпить конституціонную организацію и единство страны. Покрайней мѣрѣ съ этою мыслію большинство въ Германіи предлагало свою кровь и свои деньги для поддержанія австрійской плохой тяжбы въ Италіи. Да, настоящая сила національнаго возстанія таится въ либеральныхъ стремленіяхъ и стремленіяхъ къ единству, которыя пережили войну, и обнаруживаются въ настоящую минуту все болѣе и болѣе.

Одно только государство могло отвѣчать на эти національныя стремленія, —это Пруссія, единственное большое государство, дѣйствительно нѣмецкое, съ правительствомъ, облеченнымъ полною довѣренностію страны. Добросовѣстность,

съ, которою оно прикладываетъ хартию для прилитія самыхъ передовыхъ либераловъ съ конституціонной партіей, находящейся теперь во главѣ управления, пріобрѣла принцу-регенту всеобщее уваженіе. Эта хартия, сообщивъ единство управленію, отстранила на будущее время всякую революціонную попытку, какъ безполезную и невозможную.

И такъ Германія нашла въ Пруссіи и настоящій нѣмецкій духъ, и тотъ умѣренный прогрессъ, къ которому она стремится изо всѣхъ силъ, и, наконецъ, осуществленіе всѣхъ своихъ политическихъ и національных стремленій. А между тѣмъ Пруссія оставалась уединенною въ своей политикѣ, тогда какъ Австрія находила многочисленныхъ приверженцевъ, не только въ правительствахъ, но даже и въ народѣ. Это явленіе можетъ быть объяснено только слѣдующимъ соображеніемъ: Нѣмцы, какъ мы уже сказали, выражали свои симпатіи Австріи единственно съ цѣлю достигъ общаго возстанія, для отстраненія препятствій, встрѣчаемыхъ внутренними реформами. Прусскій же народъ, напротивъ того, не имѣетъ нужды въ такихъ крайнихъ мѣрахъ: онъ уже обладаетъ благоумною свободою, приспособленною къ нуждамъ страны; у него есть правительство, дѣйствительно патріотическое, заслуживающее полнаго уваженія. Стало бытъ, ему не было никакой причины присоединять къ нѣмецкому вопросу вопросъ итальянскій, и ему нечего было бояться иностраннаго вторженія. Онъ имѣлъ твердое убѣжденіе, что его правительство всегда будетъ стоять на высотѣ доблѣтей, на что не могли крѣпко надѣяться государства второстепенныя. Слѣдовательно, Пруссія не должна была стараться о возбужденіи всеобщаго волненія, котораго цѣлю было бы не спасеніе общаго отечества, — въ дѣйствительности оно и не подвергалось опасности, — а возникновеніе плановъ и вопросовъ безъ всякаго отношенія къ итальянской войнѣ.

Въ Пруссіи не смотрѣли на обладаніе Австріи Ломбардією, ни какъ на необходимое условіе для цѣлости Германіи, ни какъ на оплотъ противъ иностраннаго вторженія, что старались утверждать въ Вѣнѣ. Напротивъ того, говорили, что присоединеніе этихъ странъ къ Австріи имѣло слѣдствіемъ то, что это государство отложилось отъ чисто нѣмецкихъ интересовъ, и переносило всѣ живыя силы имперіи далеко отъ Германіи, на служеніе цѣлямъ, сей послѣдней совершенно чуждымъ. Никто не думалъ и не заботился о сохраненіи договоровъ, заключенныхъ отдѣльно съ правительствами средней Италіи, и всѣ разсужденія австрійскихъ юрисконсультовъ, (законовѣдовъ) въ родѣ Клейншродта, не приводили къ убѣжденію, что малыя владѣнія, какъ Парма и Модена, могутъ сохранять свою независимость, предоставляя большому праву занимать ихъ войскомъ когда угодно по усмотрѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, не ребячество ли имѣть притязаніе, чтобы договоры были вѣчны? Еслибы это было такъ, то исторіи не существовать бы.

Что касается до Австріи, то ея внутреннее управленіе и образъ ея дѣйствій въ Германіи были оцѣнены по достоинству всѣми нѣмецкими землями, которыя не пріпитаны ультрамонтанскими ученіями. Довольно сказать, что сужденія объ этой державѣ не были такого рода, чтобы заставить Пруссію отклониться отъ начертанной ею для себя программы, и броситься съ закрытыми глазами въ объятія Австріи.

Кто же не помнилъ, въ самомъ дѣлѣ, того, столь мало патристическаго положенія, которое эта держава постоянно принимала относительно Германіи во всѣхъ важныхъ оборотахъ ея исторіи, начиная отъ измѣны Кампо форміо и Вѣнскаго конгресса, на которомъ князь Метернихъ добился, чтобы интересы нѣмецкіе были принесены въ жертву первенству австрійскому, до введенія таможеннаго единства, которому Австрія постоянно противилась, до созданія

нѣмецкаго флота, не имѣвшаго успѣха отъ ея недоброжелательства, до вопроса о герцогствахъ Шлезвигъ-Гольштейнскихъ, и до занятія Раштадта? *Ex quo tuo te iudico!*

Внутреннее управленіе этой страны, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, было предметомъ общаго осужденія въ Пруссіи, и конкордатъ, заключенный съ римскимъ дворомъ, отодвинулъ эту державу въ глубину среднихъ вѣковъ, связавъ умы, принеся въ жертву народное воспитаніе и всюбудущность имперіи клерикальной партіи, и вызывая, наконецъ, преслѣдованія диссидентовъ. Протестантская Германія поддалась чувству негодованія, очень понятному. Людовикъ-Наполеонъ, — таково было общее мнѣніе, — человекъ, и политика его кончится вмѣстѣ съ нимъ: Австрія же есть цѣлая система, и слѣдовательно зло долговѣчно. Всѣ эти причины, вмѣстѣ соединенныя, побуждали Пруссію сохранять независимое положеніе, не подчиняясь вліянію ни слѣпаго сочувствія къ Австріи, ни преувеличеннаго страха предъ мнимой опасностію, ни надежды на лучшую будущность. Пруссія исполнила свой долгъ, поставивъ на военную ногу три корпуса своего войска, и провозгласивъ вооруженный нейтралитетъ. Эта мѣра охраняла ее отъ неожиданностей. Она очень умно воздержалась принимать некстати наступательное положеніе, которое не преминуло бы сдѣлать войну народною во Франціи, а это должно было утвердить еще болѣе престолъ Наполеона, и произвести общій пожаръ. Миссіи въ Берлинѣ эрцгерцога Альберта и генерала Виллизена, которые требовали, ни много, ни мало, отрѣшенія фамиліи Бонапарта, не поколебали твердости прусскаго правительства. Пруссія соглашалась стоять за цѣлость Австрійской области, но ни мало не помышляла предпринять крестовый походъ во имя святости частныхъ трактатовъ между Австріей и средней Италіей. Она была готова защищать независимость Германіи, но отнюдь не подвергать ея опасности въ пользу Австріи; однимъ словомъ, она въ случаѣ нужды шла

на бой, но не иначе, какъ pro ага et focus (за олтaрь и очагъ). Такое поведеніе прусскаго правительства, основанное на согласіи страны, было одобрено обѣими палатами единогласно, кромѣ одного—Поляка. Печать, очень съ малыми исключеніями, приняла сторону этой политики; многіе періодическіе листы, между которыми назовемъ въ особенности Кельнскую Газету (Kölnische Zeitung), просвѣтили общее мнѣніе касательно участія, которое Германія должна была принять въ Итальянской войнѣ. Нѣкоторые даровитые публицисты, какъ напр. Карль Фогтъ, Безелеръ, псевдонимъ Сандрани и прочіе, не побоялись потерять расположеніе публики, возражая противъ ложныхъ мнѣній, повсюду распространенныхъ печатью юга, и представляя дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Однимъ словомъ, Пруссія осталась безпристрастною къ воюющимъ сторонамъ, крѣпкою внутри, и готовою защищать Германію отъ всякаго нападенія.

Объявленіе войны Австріей Пиемонту, совершенно неожиданное, порицаемое всѣми нейтральными государствами, послужило подтвержденіемъ политики берлинскаго кабинета, и отвлекло его еще болѣе отъ принятія участія въ войнѣ.

Извѣстны козни Австріи при всѣхъ дворахъ Германіи, клонившіяся къ тому, чтобъ Пруссія принуждена была оставить положеніе, столькоже благородное, сколько и національное. Австрійское правительство имѣло явно двѣ цѣли: привлечь Пруссію къ отвѣтственности за свои собственные ошибки и неудачи, вовлекая ее съ цѣлюю Германією въ войну, отъ которой польза приносилась, въ случаѣ успѣха, одной лишь Австріи, или уронить Пруссію въ глазахъ всей остальной Германіи, отнять мѣсто, которое она въ ней занимала по всѣмъ правамъ, и которому такъ сильно завидовалъ Вѣнскій кабинетъ. Второстепенныя государства, какъ обыкновенно, соглашались съ Австріей, и Ганноверъ поднялъ голосъ на Франкфуртскомъ сеймѣ, требуя мобилизациі войска. Когда Пруссія заставила его молчать, объявивъ, что не подчинится большинству голо-

совъ, и не повлечется за второклассными государствами, графъ Рехбергъ, отъявленный врагъ Пруссіи и протестантизма, отправилъ въ Берлинъ принца Виндишграца съ порученіемъ воспротивиться назначенію принца-регента начальникомъ четырехъ корпусовъ союзнаго войска, развѣ онъ будетъ находиться въ повиновеніи сейма, гдѣ Австрія имѣетъ предсѣдательство и большинство голосовъ; однимъ словомъ, съ условіемъ, чтобы регентъ Прусскаго королевства сдѣлался австрійскимъ генераломъ.—И такія притязанія предъявлялись послѣ столькихъ пораженій въ Италіи! Эта зависть къ Пруссіи простирается до того, что Австрія, даже лишаясь Италіи, не принимала защиты отъ Германіи, потому что во главѣ ея стоялъ принцъ прусскій, не подчиненный ея волѣ.

Миръ прекратилъ эти жалкія продѣлки, хотя и нельзя сказать, чтобъ онѣ остались безъ всякаго послѣдствія.

Увлеченная общимъ движеніемъ, умышленно возбужденнымъ Австріей, Пруссія была наконецъ двинута далѣе, чѣмъ то было нужно для пользы Германіи. Ее, такъ сказать, принудили объявить мобилизацію шести корпусовъ и отправленіе войска на Рейнъ. Это случилось 14 іюня, то-есть вслѣдъ за предложеніемъ Ганновера. Напрасно объяснять эту политическую переменъ слѣдствіемъ слишкомъ быстрыхъ успѣховъ французскаго войска въ Италіи, оборонительнымъ положеніемъ разбитой Австріи, между тѣмъ какъ французское войско, побѣдоносное при Маджентѣ, становилось съ своей стороны наступательнымъ, занявъ Миланъ. Это объясненіе не выдерживаетъ критики. И подлинно, чѣмъ былъ въ то время измѣненъ планъ французскаго императора? Не объявилъ-ли онъ въ самомъ началѣ похода, что намѣревается освободить Италію до Адріатики? Обнаружилъ ли онъ другія притязанія съ тѣхъ поръ? Нѣтъ. Однако Пруссія объявила себя въ то время нейтральною, хотя и вооруженною. Нужно-ли было начальнику французскаго войска допустить себя до пораженія, чтобъ имѣть право на этотъ нейтралитетъ?

Очевидно, политическое поведение Пруссіи въ этомъ второмъ фазисѣ войны, грѣшитъ противъ логики—и оно навѣрно кончилось бы объявленіемъ войны Франціи, если бы миръ не далъ ей возможности выйти снова на настоящую вѣрную дорогу, по которой она старалась идти прежде (*). Спѣшимъ повторить еще разъ, что вся вина лежитъ на Австріи и ея приверженцахъ. Она достигла своей цѣли, уронивъ Пруссію въ глазахъ Германіи, и поставивъ ее въ непріязненные отношенія къ Франціи. Пруссія сдѣлала мало для Германіи въ австрійскомъ смыслѣ, и мало противъ Франціи; впрочемъ она не имѣла нужды, подобно Австріи во время восточной войны, удивить кого бы то ни было громадностію своей благодарности!—А что дѣлали тѣ, которые такъ мужественно побуждали Пруссію вооружиться противъ Франціи?—Оказалось, что они-то и явились менѣе всѣхъ готовыми къ войнѣ. Какъ скоро мобилизація была опредѣлена, неистовый Ганноверъ сталъ отсовѣтывать наступательныя мѣры, и вдругъ охладѣвъ, съ осторожностію принялъ оборонительное положеніе. Извѣстно, къ какой постыдной лжи прибѣгало австрійское правительство, по заключеніи Вилла-Франкского мира, чтобъ оклеветать нерѣшительность прусской политики, и какъ оно старалось, въ вознагражденіе потерянной Ломбардіи, приобрѣсти незаслуженное вліяніе на Германію, въ ущербъ Пруссіи. «Лучше для Австріи лишиться трехъ Ломбардій», говорилъ пражскій журналъ, «чѣмъ уступить Пруссіи въ Германіи». И въ самомъ дѣлѣ, со времени войны, общее мнѣніе и нѣмецкія правительства стали гораздо болѣе на сторону Австріи, чѣмъ Пруссіи.

Въ этомъ положеніи международныхъ отношеній, при такомъ направленіи умовъ, весьма неблагоприятномъ для Германіи, будетъ обсуждаться національный Германскій вопросъ, возбужденный послѣднею войною, и оставленный

(*) Но новое положеніе и движеніе Пруссіи не содѣйствовало ли тогда заключенію мира? М. II.

ею на размышленіе патріотовъ! Неспособность Германскаго союза быть достойнымъ представителемъ Германіи достаточно выказалась во время послѣднихъ происшествій. Всѣ второстепенныя государства потребовали, безъ особенной надобности, войны противъ Франціи. Одна лишь Пруссія воспротивилась, — и война не была объявлена. Мы, разумѣется, не будемъ порицать благоразумное поведеніе Пруссіи, но не забудемъ, что это государство имѣетъ лишь одинъ голосомъ въ сеймѣ; и тогда, что-же представляетъ большинство этого собранія и какое значеніе сейма?

Пока Пруссія обсуждала съ Австріей вопросъ о начальствѣ надъ союзнымъ войскомъ, а Австрія противилась предоставленію онаго принцу-регенту безъ ограниченій, Виллафранкскій миръ былъ подписанъ. Вопросъ о военачальствѣ остался не рѣшеннымъ; однако его слѣдовало бы рѣшить хотя бы во избѣжаніе впредь подобныхъ раздоровъ. Какъ не воскликнуть съ Мальборугомъ: «Эти господа опаздываютъ всегда годомъ, опаздываетъ ихъ войско и мысль». Нѣтъ ни одного поколѣнія, ни одной партіи, ни одного правительства въ Германіи, которыя бы не согласились, что устройство сейма неудовлетворительно, за исключеніемъ однакоже ультрамонтанской партіи и Крестовой газеты. Сама Австрія призналась въ томъ во время войны, когда всѣ эти недостатки мѣшали исполненію ея плановъ.

Нѣкто опредѣлялъ сеймъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Спрашиваютъ часто, что такое Германскій сеймъ: это все, и ничего; это нѣчто, о которомъ говорятъ много, и изъ котораго ничего не видно; что-то чрезвычайно эластическое, а между тѣмъ мертвое; однимъ словомъ, что-то, изъ чего можно все сдѣлать. Можетъ быть, вы не довольствуетесь этимъ отвѣтомъ и пожелаете знать навѣрное, что дѣлаетъ этотъ германскій сеймъ? Германскій сеймъ ничего не дѣлаетъ, ничего не понимаетъ, ничего

не можетъ и ничего не смѣетъ. Но гдѣ же тотъ Германскій сеймъ, о которомъ такъ много говорятъ? При такомъ вопросѣ можно только улыбнуться. Можетъ быть, онъ въ Шлезвигѣ, или въ прекрасной странѣ Альзаса? Очень возможно также, что онъ и въ Швейцаріи. А, я вижу, гдѣ онъ долженъ быть: вѣроятно, въ Вѣнѣ, главномъ городѣ гордой Австріи, или въ Берлинѣ, мѣстопробываніи этихъ могущественныхъ государей Пруссіи, или на величественномъ Изарѣ, или на древнемъ Рейнѣ, наконецъ гдѣ-нибудь, гдѣ нѣмецкое слово находитъ себѣ отголосокъ въ сердцахъ. Разубѣдитесь: ни въ одномъ изъ этихъ мѣстъ не находится Германскій сеймъ, ибо вездѣ есть независимыя государства, изъ коихъ ни одно не называется Германскимъ сеймомъ. Довольно объ этомъ. Посмотримъ на самыя основы учрежденія, о которомъ мы говоримъ, и постараемся извлечь изъ него самую суть. Видимое выраженіе свѣтлѣйшаго Германскаго сейма есть собраніе, засѣдающее во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, древнемъ имперскомъ городѣ, на улицѣ Эшенгеймеръ, во дворцѣ принца Турна и Таксиса. Онъ состоитъ изъ депутатовъ, или изъ отдѣленій депутатовъ нѣмецкихъ государствъ, и собирается постоянно въ дипломатическое засѣданіе разъ въ недѣлю, исключая праздниковъ. Члены конфедераціи не имѣютъ полномочій, и принуждены при всякомъ случаѣ обращаться къ своимъ правительствамъ за наставленіями; и потому часто случается, что предложенія представлены бывають тогда, когда предметъ оныхъ былъ уже рѣшенъ дипломатическимъ порядкомъ; бывають также примѣры, что членъ, не имѣющій увѣдомленія отъ своего правительства, удерживается отъ подачи голоса. Нельзя представить себѣ медлительности, съ которой идутъ дѣла; это подало поводъ къ пословицѣ: *Der Bundes Tag ist der laengste Tag* (день сеймовый есть длиннѣйшій изо всѣхъ дней). Ганноверъ, напримѣръ, даетъ предложеніе приготовить къ походу армію и двинуть ее на Рейнъ. Пруссія, разумѣется, возражаетъ; но разсужденія отъ того не

прекращаются; послѣ чего высокій сеймъ отсылаетъ вопросъ на разсмотрѣніе военной комиссіи; эта послѣдняя до сихъ поръ не приняла никакого рѣшенія, и никогда его не приметъ. Вотъ какъ идутъ въ сеймѣ дѣла, отъ которыхъ зависитъ безопасность страны; нѣтъ заботы ни о положеніи вещей, ни объ общественномъ мнѣніи. Въ теченіи длиннаго ряда годовъ, протекшихъ съ 1815 года, Германскій сеймъ не сдѣлалъ ничего. Онъ долженъ былъ учредить союзъ таможенный и торговый, однообразную монетную систему и много другихъ полезныхъ постановленій; но онъ не сдѣлалъ ничего. Не смотря на то, онъ продолжаетъ, какъ и прежде, засѣдать на улицѣ Ешенгеймеръ, и занимается исчисленіемъ о вознагражденіяхъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ владѣній за потери, ими понесенныя при переходѣ черезъ ихъ земли войска другихъ германскихъ владѣній, и наконецъ разсуждаетъ о важномъ вопросѣ касательно пенсіи совѣтнику Юрдану. Эти значительныя услуги, оказанныя сеймомъ, имѣли вліяніе на народное движеніе, которое мы теперь видимъ».

Дѣйствительно, невозможно, чтобы организація сейма, въ теперешнемъ ея видѣ, могла принести какую-либо пользу Германіи. Два могущественныя государства, полагая въ основѣ противоположныя политическія правила, имѣя совершенно различные интересы, состоятъ членами союза, заставляютъ его дѣйствовать, и раздѣляютъ его каждое въ томъ смыслѣ, какъ ему лучше. Эта законодательная машина могла бы быть полезною тогда только, если бы Австрія и Пруссія были согласны между собою, и стремились къ одной цѣли; но это невозможно и никогда еще не случалось. Распредѣленіе голосовъ на сеймѣ тоже очень странно: Австрія и Пруссія съ своими двадцатью шестью милліонами нѣмецкихъ жителей имѣютъ голосъ равный Виртембергу и Ганноверу, взятымъ вмѣстѣ, а ихъ народонаселеніе доходитъ только до трехъ милліоновъ съ половиной. Veto самага младшаго изъ владѣній

можетъ приостановить общее рѣшеніе. Эта кажущаяся независимость малыхъ владѣній въ отношеніи къ двумъ большимъ государствамъ, содѣйствуетъ еще болѣе къ увлеченію ихъ то однимъ, то другимъ; они свободны только для дѣйствія въ чуждомъ смыслѣ. Еще важнѣйшее неудобство этого политическаго соединенія происходитъ отъ двойкаго характера имперіи Австрійской и королевства Прусскаго: кромѣ того, что они суть члены Германскаго союза, они еще и великія державы европейскія, и въ этомъ значеніи ихъ пользы находятся часто въ противорѣчій между собою и общими пользами Германіи. Такимъ образомъ, Пруссія недавно была поставлена между двумя огнями, и должна была преодолѣвать весьма большія затрудненія, чтобы согласовать свое положеніе независимой европейской державы съ требованіями, предъявленными большинствомъ Германскаго союза. Очевидно, что механизмъ подобнаго рода не можетъ приходить въ движеніе безпрепятственно. Оттого-то, повторяю, въ Германіи общественное мнѣніе единогласно осуждаетъ союзъ, какъ нѣчто безсильное. Его пренебрегаютъ, какъ ненужную и безжизненную форму, и презираютъ, какъ органъ, послушный губительному вліянію, которое Австрія имѣетъ на Германію.

Всѣ великіе европейскіе кризисы отражались въ Германіи манифестаціями, враждебными сейму, и выражавшими желанія получить центральную власть болѣе независимую и сильную. Это мы видѣли въ 1830 и 1848 годахъ, видимъ и въ настоящую минуту подобное движеніе, хотя другаго характера. Многочисленные голоса раздаются въ пользу непосредственнаго преобразованія сейма. Были сдѣланы различныя предположенія для достиженія этой цѣли. Мы не остановимся на странномъ предположеніи сдѣлать изъ Германіи конфедерацію, подобную Соединеннымъ-Штатамъ Америки: о подобномъ планѣ не стѣдуетъ и говорить безъ шутокъ. Другіе думали

принести пользу дряхлой конфедерации, создавъ новое государство, которое бы стало между Австріей и Пруссіей. Предъявлена была мысль о соединеніи малыхъ владѣній съ державами второклассными, чтобы изъ этого соединенія вышло нѣчто въ родѣ третьей нѣмецкой союзной державы, дѣйствующей въ одномъ духѣ и совокупными силами, и приходящей на помощь то Австріи, то Пруссіи, смотря по тому, какъ политика того или другаго изъ этихъ государствъ болѣе согласуется съ общественнымъ мнѣніемъ центральной Германіи.

Не нужно быть великимъ политикомъ, чтобы сразу увидѣть, какія трудности произойдутъ отъ приведенія въ исполненіе этого проекта. Согласившись на такое средство, Германія, вмѣсто того чтобы окрѣпнуть, почувствовала бы себя слабѣе, потому что вмѣсто двойства, которое колеблетъ ее между двумя противоположными направленіями, она раздѣлилась бы на три части, въ такой степени равныя между собою, что онѣ могли бы вредить одна другой, и на столько несходныя между собою, что не могли бѣ дѣйствовать единодушно. Къ тому же очевидно, что, въ настоящемъ положеніи дѣлъ, Австрія одна получила бы выгоды отъ этой перемѣны, какъ то доказывається симпатіями, которыя, нисколько не скрываясь, питаютъ правительства второстепенныхъ державъ къ ея политикѣ.

Наконецъ, большинство хочетъ парламента. Сначала это было стремленіемъ очень смутнымъ. Ограничивались тѣмъ, что хотѣли парламента, не опредѣляя его настоящихъ принадлежностей, и, еще того менѣе, не указывая на практическія средства, какъ его составить. Но мало-по-малу мнѣнія выражались точнѣе, и предложеніе, выраженное въ печати въ самую эпоху войны, можетъ быть изложено такъ: Парламентъ, подъ предсѣдательствомъ Пруссіи, долженъ состоять изъ двухъ палатъ — верхней

палаты, гдѣ будутъ засѣдать повѣренные государей, и палаты депутатовъ, выбранныхъ изъ среды народа. Отдѣльное министерство, руководимое Пруссією, будетъ исполнительнымъ органомъ собранія для всѣхъ дѣлъ, касающихся общей пользы. Такимъ образомъ оно будетъ представителемъ Германіи при иностранныхъ дворахъ, чрезъ своихъ посланниковъ и министровъ; оно будетъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи устройство, надзоръ и управление союзною армією, дѣла таможенного союза, верховное наблюденіе за нѣмецкими университетами, и, наконецъ, покровительство протестантской церкви.

Немедленно по заключеніи мира,—вторая камера Ганновера представила предложеніе въ этомъ духѣ, которое депутатъ Бенингзгенъ изложилъ съ большой силой. Тотъ же вопросъ и въ то же время былъ поднятъ въ Баварской камерѣ депутатовъ. Наконецъ городъ Эйзенахъ, а за нимъ и много другихъ городовъ, подписали адреса, имѣвшіе цѣлю соединеніе германскаго парламента подъ предсѣдательствомъ Пруссіи. Эти адреса ходятъ теперь по всей Германіи.

Поспѣшимъ прежде всего опровергнуть неосновательныя обвиненія, которыми отсталая партія преслѣдовала такое народное заявленіе. Эта партія умудряется искажать характеръ его; представляетъ его демагогическимъ и поджигательнымъ, идетъ до того, что сравниваетъ его съ 1848 годомъ, и тѣмъ надѣется обезвѣрить его внутри, и въ особенности внѣ Германіи. Въ дѣйствительности же есть сходство этихъ двухъ движеній лишь въ цѣли, стремящейся къ улучшенію федеральной конституціи; теперь, какъ и десять лѣтъ тому назадъ, это есть желаніе народа. Но основы, предлагаемыя теперь, столь же различны отъ тѣхъ, которыя предлагались прежде, какъ различно конституціонное правленіе отъ правленія республиканскаго: между парламентомъ, составленнымъ изъ двухъ камеръ,

и тѣмъ, который заключаетъ въ себѣ только одну, стоить дѣлая пропасть. Нужно ли выводить разницу въ средствахъ? Въ 1848 г. демагогія преобладала въ Германіи посредствомъ революціи, и думала преобразовать ее по своему; нынѣ же смиренные подданные и добрые патріоты выражаютъ законнымъ путемъ адресовъ желаніе улучшения центральной власти, и просятъ его въ духѣ законовъ, которыми управляются. Конституціонная Германія желаетъ имѣть конституціонный союзъ. Чтѣ же можетъ быть болѣе законно и менѣе революціонно?

Но практично ли это движеніе, и эти желанія удобоисполнимы ли? Въ смыслѣ ихъ совершенной законности, нынѣшнія изъявленія не должны, разумѣется само собою, въ случаѣ неуспѣха, нарушать существующій порядокъ; онѣ не могутъ искать помощи въ насильственныхъ средствахъ, употребляемыхъ демагогіей. Народъ не расположенъ уже болѣе отдавать свою судьбу учителямъ отвлеченной и безсильной теоріи, онъ хочетъ опираться на правительство, достаточно сильное и расположенное къ общей пользѣ, способное выбрать между столь многочисленными желаніями то, которое можетъ быть приведено въ исполненіе, и приступить къ дѣлу. Общее мнѣніе признало единогласно такую державою—Пруссію.

Мы видѣли, однако, что послѣднія событія поставили Пруссію въ неправильное положеніе относительно Германіи, чтѣ и мѣшаетъ ей въ настоящую минуту принять на себя починъ въ этомъ вопросѣ. Правда, что нынѣшнія обстоятельства суть чисто временныя, и что, въ послѣдствіи, вся страна, болѣе спокойная, болѣе освѣдомленная, обратится къ Пруссіи, и поставитъ ее во главѣ Германіи, но теперь всякая попытка со стороны прусскаго правительства дѣйствовать въ духѣ адресовъ, непременно упала бы передъ недоброжелательствомъ и раздраженіемъ г осударей второклассныхъ владѣній, и вслѣдствіе проис-

ковъ австрійскихъ на югъ. Народъ въ Ганноверѣ, Гессенскихъ герцогствахъ и нѣкоторыхъ другихъ частяхъ, расположенъ къ Пруссіи, несмотря на свои правительства, но нельзя того же сказать о центрѣ Германіи. вообще, и еще менѣе о южныхъ странахъ. Прусское правительство, кажется, хорошо понимаетъ такое положеніе вещей, и его недавній отвѣтъ на адресъ города Штеттина, подобно отвѣту короля Виктора Еммануила тосканской депутации, можетъ быть переданъ, какъ мнѣ кажется, такимъ образомъ: «Я очень былъ бы радъ, но одинъ ничего не могу сдѣлать». Слишкомъ неограниченные и неосмотрительные партизаны Пруссіи повредили ей почти столько же, сколько и враги ея. Съ давнихъ временъ и неизвѣстно почему, этому государству приписываютъ стремленіе къ завоеваніямъ и насильственному вторженію внутрь самой Германіи. Кто не узнаетъ Австріи по этой нелѣпой и гнусной клеветѣ? Во время войны, неловкіе пруссоманы, соображаясь только съ личными желаніями, утвердили, такъ сказать, еще болѣе эти ложныя мысли въ обществѣ, сочиняя брошюры въ пользу необходимости увеличить Пруссію въ исполненіе требованій стратегіи, для защиты Германіи противъ французскаго нападенія. Они обращали особенное вниманіе на крайнюю недостаточность нынѣшнихъ границъ этой страны, раздѣленной на двѣ части, которыя ни на одной точкѣ не соприкасаются, и въ особенности на ея отдаленность отъ моря со стороны Ольденбурга и Ганновера; они простирали свои виды даже на всю страну по теченію Рейна, слѣдовательно на часть Голландіи. Будущее увеличеніе Ганновера чрезъ соединеніе его съ Брауншвейгскимъ герцогствомъ, ожидаемое наследство, подстрекало также слишкомъ горячее рвеніе этихъ охотниковъ—любостыжателей въ пользу Пруссіи. Всѣ эти мирные побѣдители оказали очень плохую услугу Пруссіи, въ особенностивъ эпоху безразсуднаго стремленія къ Австріи. Слѣдовательно нужно время, чтобы истина вышла на свѣтъ, чтобы страсти успокоились, и чтобы

выгоды страны были лучше оцѣнены и лучше поняты. Теперь еще Пруссія не можетъ подняться на ту высоту, на которую хотѣло бы поставить ее національное желаніе, а между тѣмъ ясно, что одно только это государство въ состояніи дать Германіи единство и правильное управленіе. По той же причинѣ въ настоящее время не можетъ быть произведена перемѣна въ центральной власти, столь коренная, какъ требуютъ адреса.

Друзья Австріи, съ своей стороны, хотѣли бы видѣть эту державу во главѣ Германіи по прежнему. Можно-ли, въ наше время, думать много о подобномъ притязаніи? Министерства Борриса и Бейста, или какое-либо другое изъ второклассныхъ государствъ, способны ли увлечь за собой цѣлую страну, даже съ помощью ультрамонтанской партіи? Какъ бы то ни было, Австрія, кажется, не видитъ тутъ ничего невозможнаго, и мы не полагаемъ ошибиться, думая, что всѣ превосходные проэкты внутренняго улучшенія, которые она развиваетъ передъ Европой, съ Виллафранкскаго мира, имѣютъ цѣлю гораздо менѣе счастье народовъ имперіи, чѣмъ возстановленіе вліянія въ Германіи. Австрія надѣваетъ маску либерализма; она прикидывается, будто идетъ наравнѣ съ вѣкомъ, потому что ее беспокоятъ успѣхи Пруссіи въ Германіи; она какъ будто понимаетъ наконецъ, что, прибѣгая къ притѣснительнымъ мѣрамъ и укрѣпляя *statu quo*, она не удержитъ своей популярности, совершенно случайной, благодаря обстоятельствомъ. Она должна была показывать расположеніе къ цивилизаціи и прогрессу. Я надѣюсь, что мы незамедлительно увидѣть, что эта роль къ ней не пристанетъ, и что не такимъ путемъ она можетъ опередить Пруссію. И дѣйствительно, рѣшится ли она дать національныя конституціи столь многочисленному разноплеменному народу имперіи? Есть ли на то матеріальная возможность? Позволяетъ ли конкордатъ идти путемъ прогресса? Нарушить его, она не захочетъ, а Римскій дворъ не разрѣшаетъ того, что

онъ однажды связалъ. И такъ при существованіи конкордата, мы утверждаемъ, прогрессъ не возможенъ. Недостаточно перемѣнить министра, составить или распустить министерство, чтобъ уничтожить цѣлую зловредную систему, укоренившуюся полувѣковымъ существованіемъ, и вдругъ замѣнить ее либеральными учрежденіями, внушенными духомъ времени. Государственный патентъ 3-го сентября, касающійся учрежденія евангелическихъ вѣроисповѣданій въ Венгріи и въ сосѣднихъ провинціяхъ, подтверждаетъ, кажется, это мнѣніе. И подлинно, какую же независимость даетъ патентъ этимъ вѣроисповѣданіямъ? Предсѣдатель въ ихъ консисторіи принадлежитъ къ ихъ вѣроисповѣданію; они сами имѣютъ наблюденіе надъ своими училищами; сами избираютъ священниковъ; наконецъ, они имѣютъ право пріобрѣтать имущества въ пользу своихъ приходоу. Чтѣ сказало бы католическое духовенство въ какой бы то ни было странѣ, не говорю объ Австріи, гдѣ оно всемогуще,—если бы кто выставялъ ему безпримѣрною милостію позволеніе имѣть епископомъ не протестанта, а католика, предоставленіе этому епископу посвящать католическихъ пасторовъ, и осматривать католическія семинаріи, наконецъ право церквамъ покупать земли? Разумѣется, такія милости не могли бы удовлетворить его. Странно встрѣчаться съ подобными уродствами въ девятнадцатомъ вѣкѣ: онѣ не стоять даже того, чтобъ радоваться ихъ прекращенію. Будетъ ли свободно дѣйствовать въ своей сферѣ протестантская церковь въ Австріи, благодаря этому патенту? Нисколько. Конкордаты сохранены, слѣдовательно — и постановленія касательно смѣшанныхъ браковъ и цензуры книгъ католическимъ духовенствомъ, остаются во всей своей силѣ. Еще болѣе: могущество клерикальной партіи нисколько не потрясено. Всѣ уступки въ пользу другихъ вѣроисповѣданій останутся, слѣдовательно, въ сущности мертвою буквою. Германія не должна быть приведена въ заблужденіе этою личиною честности и либеральности, которую при-

няла на себя Австрія. Ей нечего ждть отъ этой державы, кромѣ новыхъ препятствій при разрѣшеніи національнаго вопроса. Ея эгоизмъ и зависть къ Пруссіи не позволяютъ ожидать отъ нея ничего добраго. Хотя бы императоръ австрійскій перемѣнилъ со дна свое министерство, хотя бы онъ обнародовалъ собраніе новыхъ законовъ, нѣмецкій народъ не станетъ подъ знамя Австріи, чтобъ идти къ единству и устройству страны.

И такъ стремленія къ единству, не находя явной опоры ни въ той, ни въ другой великой Нѣмецкой державѣ, не могутъ получить въ настоящемъ времени полного и цѣльнаго удовлетворенія. Дѣйствительно, представимъ себѣ, что столь вождельный парламентъ собранъ, и посмотримъ, какъ бы онъ сталъ дѣйствовать? Во первыхъ, кому бы принадлежало предсѣдательство? Ни Австрія, ни Пруссія не захотятъ отъ него отказаться—первое важное затрудненіе, которое кажется неразрѣшимымъ. — Далѣе, депутаты правительства, совершенно преданные въ пользу Австріи, будутъ противиться всякому дѣйствію, всякой мѣрѣ подъ печатію единства, ибо это единство, какъ мы уже сказали, не можетъ быть представлено и осуществлено никѣмъ кромѣ Пруссіи—другой камень преткновенія. Наконецъ, палата представителей, сочувствуя Пруссіи, увидитъ себя въ открытой оппозиціи съ первой палатой, оппозиціи, которую будетъ поддерживать и употреблять въ свою пользу Австрія. Чтó можетъ дѣлать среди подобнаго хаоса парламентское министерство? какъ можетъ оно управлять страню или быть ея представителемъ за границею? Не ясно ли, что эта центральная власть сдѣлается для всѣхъ предметомъ смѣха, и окажется еще болѣе безсильною, чѣмъ революціонный парламентъ во Франкфуртѣ, въ 1848 году.

Въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, нѣмецкая нація все болѣе и болѣе осваивалась съ жизнію дѣйствительною; собственными ошибками она должна была убѣдиться, что

побѣды революціи никогда не прочны, что слѣдствіемъ ихъ всегда бываютъ контр-революціи, также какъ и за всякимъ дѣйствіемъ слишкомъ назильственнымъ слѣдуетъ реакція. Надо же надѣяться, что она съумѣетъ различить возможное отъ того, что только желательно, и что она не ввѣритъ своихъ судебъ ни утопистамъ, ни революціонерамъ, которые способны болѣе разрушать, чѣмъ создавать.

По нашему мнѣнію, переустройство Германскаго союза на основаніяхъ, изложенныхъ въ адресахъ, въ настоящее время вещь невозможная. Мы далеки однако отъ того, чтобы видѣть въ этихъ заявленіяхъ ребяческія дѣйствія, не имѣющія ни значенія, ни послѣдствій. Напротивъ, мы полагаемъ, что они ведутъ къ цѣли, но не тѣмъ путемъ, какой, можетъ быть, воображаютъ себѣ ихъ авторы. Человѣчество дѣлаетъ успѣхи не по прямой линіи, оно подвигается зигзагами, или, иначе, не заботясь о математической правильности линіи, которой слѣдуетъ. Стремленіе къ единству, распространяясь болѣе и болѣе, произведетъ наконецъ единство стремленій. Камеры разныхъ государствъ, представляя общественное мнѣніе, будутъ дѣйствовать въ томъ же духѣ, и придутъ законными средствами къ прогрессу благоразумному и къ единству возможному. Эта дѣятельность не будетъ имѣть ничего ни революціоннаго, ни опаснаго, она не будетъ послѣдствіемъ отвлеченныхъ соображеній, и не будетъ опираться на демагогію. Германія есть уже конституціонное государство; она требуетъ только, чтобы это было искренно и положительно. И можетъ ли это быть иначе, если она имѣетъ передъ глазами великую нѣмецкую державу, управляемую на тѣхъ же основаніяхъ, и исполняющую ту же задачу спокойно, терпѣливо и съ достоинствомъ, не причиняя никакихъ потрясеній. Пруссія тутъ, и служить ей примѣромъ, точкой сближенія. Ея конституція необходимо сдѣлается конституціей всей Германіи, и всѣ внутреннія улучшения,

введенныя въ этомъ государствѣ, будутъ приняты со временемъ другими частями союза. Правительства государствъ втораго и третьяго класса должны будутъ въ послѣдствіи покориться системѣ общепринятой, и волею или неволею пойдутъ по стезѣ, которая непременно приведетъ ихъ къ прусской политикѣ, какія бы ни были ихъ частныя сочувствія и личныя выгоды. Управляемые національными министрами, подобными, на примѣръ, нынѣшнимъ въ Пруссіи, эти государства, очевидно, будутъ подавать на сеймѣ голоса въ одномъ смыслѣ при обсужденіи всѣхъ общихъ вопросовъ. Такимъ образомъ Пруссія дойдетъ до того, что приметъ управление дѣлами Германіи помощію одного нравственнаго вліянія, и въ такомъ случаѣ можно будетъ обойтись и безъ видимой представительности внѣшняго единства, которое въ сущности можетъ и не существовать. Вотъ, по нашему мнѣнію, тѣ фазы, черезъ которыя, вѣроятно, должно пройти стремленіе къ единству, волнующее въ настоящую минуту Германію *.

Мы почти такимъ образомъ объясняемъ себѣ отвѣтъ графа Шверина на адресъ города Штетина. Намъ кажется, что, настаивая на необходимости внутренняго развитія государствъ въ сферѣ политической, онъ хотѣлъ сказать то же самое, насколько могло позволить это ему официальное положеніе министра Пруссіи. Само собою разумѣется, что подобное единство, еслибы оно и было достигнуто, не удовлетворитъ идеологовъ. Они понимаютъ его совершенно иначе, и, прибавлю, слишкомъ широко и слишкомъ механически. Они хотѣли бы видѣть свою идею воплощенною, главнымъ образомъ, въ новомъ уставѣ, облеченною тѣми формами, какія они ей предназначили. Но мы противоположнаго мнѣнія. Присоединившись къ политической системѣ Пруссіи, Германія не составитъ еще парламентарной имперіи, у нея не будетъ

* Авторъ предполагалъ путь естественный, національный и постепенный—Графъ Бисмаркъ сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ, и подъ Садовою раскѣлъ удачно гордымъ умамъ, развязывать которые было столь затруднительно! М. П.

еще парламента, — но у нея будетъ единство въ политическихъ видахъ и однообразіе въ военной организаціи, равно какъ и во всѣхъ важнѣйшихъ отрасляхъ администраціи. Австрія, одиноко стоящая въ сеймѣ, не будетъ въ состояніи одна остановить этихъ успѣховъ, и самыя основанія конфедераціи приспособятся къ нуждамъ націи, стремящейся къ единству. Не производя рѣзкой перемѣны, не разрывая связи съ прошедшимъ, Германія достигнетъ, такимъ образомъ, единства, на сколько это ей нужно для ея развитія и безопасности. Притомъ, если это движеніе не выйдетъ изъ предѣловъ законности, и остановится у границъ, сейчасъ обозначенныхъ, то спокойствіе страны будетъ упрочено не менѣе ея цѣлости и единства въ политической системѣ. Мудрыя реформы внутреннія, которыя за тѣмъ послѣдуютъ, предохранятъ Германію отъ переворота, подобнаго перевороту 1848 года, происшедшему по сигналу, данному Франціей. Натянутое положеніе этой послѣдней страны не можетъ успокоить друзей порядка и законности касательно ея будущности, и мы не были бы ни сколько удивлены, съ своей стороны, еслибы увидали въ ней когда-нибудь повтореніе несчастной февральской революціи социалистовъ, еще съ бѣльшимъ ожесточеніемъ умовъ и съ бѣльшимъ насиліемъ. Слѣдовательно, надо желать, чтобы она не переходила границъ Германіи, а это зависитъ вполне отъ благоразумія народа и правительства германскихъ. Останавливать какое бы то ни было развитіе, когда оно сдѣлалось необходимымъ, такъ же опасно, какъ возмущать народъ: это было бы то же самое, что поджигать зданіе съ другаго конца. Вслѣдствіе этого кажется вѣроятнымъ, что второклассныя правительства и малыя государства не позволятъ себѣ увлечься гибельнымъ примѣромъ Ганновера: не будутъ стараться о подавленіи полиціей законныхъ требованій своихъ подданныхъ; и государи ихъ не будутъ произносить рѣчей, подобныхъ сказанной королемъ ганноверскимъ въ отвѣтъ

депутации города Эмдена, Великой національной цѣли можно достигъ только взаимнымъ содѣйствіемъ народовъ и правительствъ.

Что касается до единства Германіи, какъ его понимаютъ авторы адресовъ, то мы думаемъ, что оно возможно развѣ въ отдаленномъ будущемъ, при условіи совершенно особенныхъ обстоятельствъ, которыхъ нельзя совокупить по своей волѣ. Главное условіе подобнаго единства состоитъ въ совершенномъ исключеніи Австріи изъ нѣмецкой конфедераціи. Иначе Германія никогда не будетъ вполнѣ предоставлена самой себѣ. А такъ какъ эта держава не подумаетъ добровольно отступить отъ своей нѣмецкой роли, которая къ ней такъ дурно идетъ, то только война, и при томъ война счастливая для Пруссіи, можетъ принудить ее къ тому. Одна война можетъ уничтожить разрозненность второклассныхъ государствъ, и доставить Германіи то внутреннее единство, о которомъ мечтаетъ столько патриотовъ. Вторженіе Франціи, напримеръ, на которое нельзя смотрѣть какъ на совершенно невозможное въ теченіи времени, сдѣлало бы, можетъ быть, больше добра Германіи, чѣмъ всякія мирныя волненія; но бѣдствій войны никогда желать не должно. Нѣмцы должны быть уже благодарны императору Французовъ за то, что онъ показалъ имъ, самъ того не подозревая, — это правда, — ихъ слабую сторону, и что, освобождая Италію, помогъ имъ, противъ своей воли, возсоздать Германію.

Какъ бы то ни было, всякій другъ человѣчества пожелаетъ, — мы въ томъ увѣрены, — чтобъ Германія, пріютъ науки, законности и прогресса, получила какъ можно скорѣе единство, по крайней мѣрѣ, въ военной организаціи и въ управленіи арміею, что сдѣлало бы ее безопасною на случай вторженія. Германія не нуждается въ такъ называемой *цивилизаци*, которая опирается на штыки, и которая заявила себя въ странѣ, гдѣ впервые появилась,

потоками крови, дюжиной конституцій, составленныхъ и уничтоженныхъ въ теченіи семидесяти лѣтъ, временною формою подъ именемъ имперіи, и политическимъ индиферентизмомъ, который видитъ въ верховной власти только грубую силу, нужную для поддержанія порядка и для защиты собственности. Пожалѣемъ о благородной Франціи, но остережемся ставить Французскій народъ въ примѣръ другимъ народамъ въ политическомъ отношеніи; будемъ надѣяться, что отечество Гёте, Гегелей и Гумбольдтовъ, довольное своею цивилизаціею, оттолкнетъ отъ себя, въ случаѣ нужды, со всею силою негодованія, цивилизацію Зуавовъ и Туркосовъ.

ВЗГЛЯДЪ НА ПРОЗДАНІЕ.*

ДУМА I.

Въ твореніяхъ руку Твоею поучахся.

(Псаломъ 192, с. 5.)

Слишкомъ *два тысячи лѣтъ* тому назадъ, въ Греціи, жилъ человекъ, которому приходила на мысль подобная же Дума, и который также рассказывалъ ее, въ простой разговорѣ, своимъ соотечественникамъ. — То былъ *Эвдоксій*, ученикъ и другъ пифагорейца *Архита* Тарентскаго. Онъ вывезъ изъ Египта, гдѣ былъ введенъ въ тайнства тамошнихъ жрецовъ, первое познаніе о *движеніи планетъ*. Изъ числа многихъ его твореній, до насъ не дошедшихъ, почти чрезъ сто лѣтъ послѣ него (270 л. до Р. Х.), *Аратъ* сикилійскій, по повелѣнію *Антигона*, царя Македоніи, *предложилъ въ стихи книгу Эвдоксія о теченіи тѣлъ небесныхъ*. Стихотвореніе сіе переведено на латинскій языкъ *Цицерономъ, Овидіемъ, Гермапикомъ, Авіаномъ*. Апостолъ *Павелъ* упоминаетъ о греческомъ его подлинникѣ въ проповѣди своей предъ ареопагомъ. Первоначальную книгу Эвдоксія читали въ Аѳинахъ за 369 лѣтъ до Р. Х. То былъ родъ *Уранографіи* (Небоописанія),

* Эти двѣ Думы доставлены мнѣ были изъ Одессы покойнымъ А. С. Стурдюю, за подписью М. М. (Михаилъ Магницкій), въ 1843 году. Первая, напечатанная тогда же въ Москвитиннѣ, помѣщается здѣсь по связи ея со второю, не бывшею еще въ печати.

въ которой, избѣжавъ не только вычисленій, но и астрономической терминологіи, рассказалъ онъ *всю тогдашнюю* Астрономію, такимъ простымъ и легкимъ слогомъ, что не только люди свѣтскіе, но даже и дамы аѳинскія читали ее съ удовольствіемъ. *Эвдоксій* былъ *Фонтенель* тогдашнюю *Парижа* (*Аѳинъ*). Съ тѣхъ поръ, въ теченіи двадцати вѣковъ, естественно все переменялось:—Астрономія уже не та, которую довольно легко было рассказать ученику *Архита*. Она шла исполинскимъ шагомъ. Великій учитель великаго Александра, *Аристотель*, *Эратосвенъ*, *Архимедъ*, *Гиппархъ*, послѣдній астрономъ до *Р. Х.*, *Птолемей*, первый историкъ до-рожденственной Астрономіи, передали ее, со всеми своими усовершенствіями, *Аравитянамъ*.—Герой «Тысячи одной ночи», знаменитый *Гарунъ-аль-Рашидъ*, и сынъ его *Аль-мамонъ*, обогатили Астрономію безчисленными свѣдѣніями, и многими, блистательнѣйшими звѣздамъ, дали названія, отъ коихъ и намъ остались: *Вега*, *Алдебаранъ* и *Антаресъ*.

Послѣ 12-ти вѣковъ мрака и царства Астрологіи, англичанинъ *Голиевудъ*, подъ переводнымъ именемъ *Сакробоско*, (священный лѣсъ), сочинилъ, первый, трактатъ о сферѣ, (въ 1225 году), который въ продолженіи 300 лѣтъ и оставался классическимъ.

Альфонсъ, король кастильскій, нареченный *Мудрымъ*, издалъ *первыя Астрономическія таблицы*, (въ 1252 году). *Реджіо-Монтанъ*, въ 1461 году, въ первый разъ наблюдалъ комету.

Въ 1507 году, явился человекъ, котораго недостовало въ продолженіи 30 вѣковъ.—Ему пришла вдохновенная мысль, что въ дѣлахъ Божіихъ *все просто и не можетъ быть сложности*, и—*Коперникъ* разгадалъ *сущное движеніе земли около ея оси*.—Онъ сдѣлалъ болѣе: *бросилъ сей, повороченный имъ, Земной Шаръ* вокругъ солнца, *наклонилъ эклиптику*, и легко изъяснилъ тѣмъ *неравнотъ*

той и порядокъ время года; пошелъ далѣе: изучилъ движеніе *Венеры, Меркурія, Марса, Юпитера* и даже *Сатурна*. Употребивъ на повѣрку всѣхъ сихъ открытій 23. года, сочинилъ, въ 1530 году, свое огромное твореніе: *О теченіи тѣлъ небесныхъ*, и, прочитывая его нѣсколькимъ друзьямъ, не издавалъ 12 лѣтъ. Будучи уже 70 лѣтъ, дозволилъ онъ ученику и другу своему *Ретику* напечатать сіе твореніе, котораго дожидались почти 37 столѣтій, и, въ самый тотъ день, какъ поднесли ему первый экземпляръ его—Коперникъ умеръ! (въ 1543 году.)

Въ 1618 году, въ глубокую полночь, выбѣгаетъ на улицу челоѣкъ и кричитъ: *нашелъ!*—Это вдохновенный *Кеплеръ!*—Послѣ долговременныхъ трудовъ, вычисленій и повѣрокъ, онъ открылъ, что между величиною планетъ, между *путемъ*, который онѣ обтекаютъ, и временемъ этого ихъ движенія, есть общая всѣмъ имъ и *постоянная соразмѣрность*. И сіе откровеніе, дарованное набожному его генію, основало тѣ *три закона*, кои вписали имя Кеплера въ пламенные строки тверди небесной.

Игра нѣсколькихъ дѣтей стеклами очковъ, на прилавкѣ оптика, открыла другому, *въковому же* генію—*изобрѣтеніе телескопа*, и онъ создалъ челоѣку третій глазъ. Увидѣвъ помощію его на солнцѣ *пятна*, и судя по ихъ перемежающемуся явленію, заключилъ онъ, что сей центръ нашей сферы самъ *обращается около своей оси*—*Галилей* двинулъ солнце! и—въ тотъ самый день, въ который родился *Ньютонъ*—онъ умеръ!

Эта *смына* великихъ геніевъ, имѣющихъ всемірное вліяніе на судьбы челоѣчества, особенно примѣчательна тѣмъ, что они отходятъ какъ бы *тотчасъ*, какъ скоро выполнили *заданный урокъ* земнаго своего назначенія.

Такъ было и съ Коперникомъ и съ Галилеемъ.

Между тѣмъ, по мѣрѣ какъ Астрономія обогащалась безчисленными открытіями, новыми, неслыханными

орудіями, небывалыми дотогѣ геніями, вспомогательными средствами всѣхъ наукъ естественныхъ, словомъ, всѣми способами къ возможному познанію не только видимаго, но и *невидимаго* мірозданія; всѣ свѣдѣнія сіи отчасу болѣе удалялись отъ массы *просвѣщеннаго общества*. Около небольшого круга записныхъ ученыхъ тѣма сгущалась; общество даже и образованное, увидѣвъ, что не можетъ понять въ теперешней астрономіи *всего*, вздумало, что можно не знать въ ней и *ничего*. Такимъ образомъ всѣ сокровища науки, какъ золото скупаго, запрятанное въ сундуки, лежатъ напрасно, и составляя щегольство нѣсколькихъ только лицъ, остаются бесполезными для человѣчества. Отъ чего же это? — Отъ того, что въ прежнія времена астрономы дѣйствительно загораживались своею, часто *нарочно вымышленною*, терминологіей. Въ послѣдствіи же, когда, по необъятному множеству доказанныхъ астрономическихъ истинъ, нужно стало составить такое нарѣчіе, которое бы выражало *однимъ техническимъ словомъ, всемірно принятымъ*, совокупность многихъ истинъ высшей математики, астрономическій языкъ сдѣлался еще недоступнѣе, но уже *не злонамеренно, а по неволѣ*. И важнѣйшая часть сей науки, не всѣмъ, даже и самымъ знаменитымъ астрономамъ, извѣстная: *Философія, Астрономіи*, посему ни мало еще не раскрыта; между тѣмъ какъ она-то, для каждаго мыслящаго христіанина, гораздо важнѣе выкладокъ и наблюдений, и, по свойству всякой истины высшаго разряда, не только проста, но и совершенно доступна каждому, кто, при общихъ понятіяхъ въ математикѣ, подчинить себя нѣсколькимъ разговорамъ съ знающимъ астрономомъ, для систематическаго свода основныхъ началъ Уранографіи, въ современной ея обширности.

Для читателя, которому встрѣтится сія Дума, не нужно и сего труда. Она есть небольшое введеніе къ нѣсколькимъ астрономическимъ любопытностямъ, въ коемъ всѣ вычисленія высшей математики приведены къ одному

всемирному знаменателю. Ему надобно только согласиться, *на то время, какъ онъ ее читаетъ,* на слѣдующія четыре аксіомы, математически доказанныя:

1. Всѣ планеты нашей солнечной системы суть такія небесныя тѣла, коихъ относительная величина, порядокъ теченія и разстояніе отъ земли и отъ солнца *извѣстны.*

2. За послѣднюю границу нашей солнечной системы, т.-е. за Ураномъ, находится необъятное пространство — *до звѣздъ неподвижныхъ.*

3. Звѣзды неподвижныя суть тѣла, *собственнымъ свѣтомъ сіяющія,* т.-е. солнца, несравненно большія нашего.

4. Плеяды суть цѣлыя *системы,* а млечный путь — *океанъ* такихъ солнцевъ.

Все сіе можно видѣть въ самый усиленный телескопъ, и доказано математически

На условіи сихъ четырехъ *вселенскихъ въ ученомъ мірѣ истинъ,* взглянемъ теперь на нашу солнечную систему, обзримъ ее въ нѣкоторомъ порядкѣ, и, прійдя къ послѣднему ея свѣтилу, перешагнемъ чрезъ черту его теченія и пойдемъ далѣе.

Зная, что путь, описываемый *Ураномъ* (отдаленнѣйшею изъ нашихъ планетъ), есть граница области нашего солнца, мы знаемъ, что она заключаетъ *одинъ билліонъ пятьсотъ двѣнадцать милліоновъ почтовыхъ миль,* вдоль и поперегъ, что составляетъ площадь, т.-е. плоское пространство нашего солнечнаго круга, въ *квинтиліонъ 796 квадраціоновъ и 256 триліоновъ квадратныхъ миль!* Страшно подумать, что эта обширность, какъ ни огромна она и здѣсь уже выраженная, еще ничего не значитъ предъ самою дѣйствительностью; ибо та сфера, въ которой вращаются всѣ планеты нашей системы, *не плоская,* а составляетъ какъ бы шаровидную пустоту, въ которой всѣ извѣстные размѣры ея выражаются уже *не квинтиліономъ квадратныхъ, а октиліономъ — миль кубическихъ!!*

Перешагнувъ чрезъ сію основную трудность Уранографіи, мы болѣе ихъ не встрѣтимъ; ибо все прочее, при *математической достоверности*, требуетъ только нѣкотораго вниманія.

Надобно знать, что эта огромная система нашего солнечнаго міра есть самый малый участокъ всего мірозданія, т.-е. небольшое колесо во всемирной машинѣ, которое и само движется *очевидно и неоспоримо*, (сіе доказано самыми вѣрными наблюденіями—помощію звѣздъ неподвижныхъ), какимъ-то невѣдомымъ стремленіемъ и куда-то.

Посему для планетъ, ближайшихъ къ намъ, и само оно должно казаться созвѣздіемъ; а для дальнѣйшихъ только звѣздою, и то 6-й можетъ-быть величины; ибо онѣ, кромѣ нашего солнца, ничего видѣть не могутъ. И эта звѣзда, которая *для насъ* есть нашъ солнечный міръ, *для нихъ* постоянно восходитъ и заходитъ.

За Ураномъ, т.-е., за границею нашего солнечнаго міра, начинается то пространство, котораго не можно уже и выразить никакими доселѣ *известными числами*; а въ немъ пылаютъ, еще видимыя для насъ, *Сириусъ, Вега, Арктуръ*, другія звѣзды *первой величины*, *Регуль, Альдебаранъ*, и тѣ недомыслимыя страшилища народовъ, кои, то въ видѣ головъ съ огненной гривой, то съ безконечно длинными хвостами, то въ образѣ огненныхъ мечей или серповъ, обтекаютъ весь сводъ небесный, въ разныхъ направленіяхъ, неизяснимыми путями, и остаются доселѣ неразгаданными, подъ названіемъ *кометъ*. Но здѣсь, гдѣ самое смѣлое воображеніе тонетъ уже въ необъятной обширности, здѣсь-то и *начинается* гораздо ужаснѣйшая—та, которая вмѣщаетъ всю неизчислимость звѣздъ неподвижныхъ, сихъ недомыслимо огромныхъ солнцевъ, около коихъ, *по новѣйшимъ наблюденіямъ*, вращаются, какъ планеты или спутники, —*солнцы, огромнѣйшія нашего!* Одинъ *Гершель* помощію усиленнаго телескопа

насчиталъ ихъ, въ два часа съ половиною, 50 тысячъ. И кто бы подумалъ, что и тутъ еще не конецъ *видимаю мірозданія!* Далѣ свѣтлѣютъ *плеады*, сіи туманныя, по ихъ чрезмѣрному отъ насъ отдаленію, *блистанія орожныя міровыхъ системъ*,—тамъ *млечный нуть*—океанъ солнцевъ, бездонно глубокой—опоясывающій мірозданіе и разливающійся вокругъ него на два рукава. Заключите же всѣ сіи бездны міровыхъ системъ, на кои мы теперь взглянули, въ одну сферу вмѣщающаго ихъ пространства, и измѣривъ безъимянность этого объема, найдите *зенитъ и надиръ* его!—Разрѣшите: по какимъ законамъ движутся, какимъ огнемъ несгаряемо пылаютъ, откуда заимствуютъ свѣтъ свой, какими жителями населены, на что существуютъ всѣ сіи искровидныя, по ихъ для насъ виду, и необъятныя, по громадѣ своей, планеты, звѣзды, кометы, солнца, міры? Скажите, какъ зовутъ ихъ? Ибо Тотъ, *который одѣтъ свѣтомъ, яко ризою, Тотъ, кто сотворилъ ангелы Свои души и слуги Свои пламень огненный; Тотъ, чья надъ небеси слава; Тотъ, котораю хвалятъ небеси небесъ и вода, яже превыше небесъ* (Псал.), всѣ ихъ счелъ и назвалъ *помыслию!*

Укажите на этихъ, *вселенскихъ часахъ*, для коихъ наша *тысяча лѣтъ есть день вчерашній: который теперь часъ?* Угадайте: скоро ли означится ими и ихъ часъ послѣдній? Ибо все это зримое твореніе имѣетъ срочный вѣкъ, и *звѣзды спадутъ и небо свѣтятся какъ кожа.*

Но какъ въ дѣлахъ Создателя нѣтъ ничего ни лишняго, ни напраснаго; то не даромъ же раскинуты и сіи бездонныя пропасти солнцевъ около нашего шара, не даромъ дозволено намъ вглядѣться въ нѣкоторые законы нашей солнечной системы, не даромъ открыта уму нашему эта звѣздная бездонность, а сердцу это молитвенное призыве для восторженнаго разлета вѣры и любви.

Осмѣлимся же взглянуть на все зримое мірозданіе съ самой высокой обсерваторіи—съ *Головы!*—Дерзнемъ вопросить то *Слово*, которымъ *вся быша и безъ Него ничто*

же бытъ, еше бытъ (Іоан. гл. 1, с. 3.); что говоритъ оно? Оно вѣщаетъ намъ: что *небеса похвадаютъ славу Божию!* что день дни отрыгаетъ глаголь и ночь ночи возвѣщаетъ разумъ, и что это *не рѣчи и не слова*, и голоса ихъ не слышно, а между тѣмъ, во всю землю *увиде шцаніе ихъ*, и въ концы вселенныя *глаголы ихъ*. Какой же это языкъ и не можно ли вслушаться въ него?

Въ свящ. книгахъ Небо названо *Престоломъ Божиимъ*, а земля—*подножіемъ ногъ Его*. Тамъ сказано, что Онъ въ Солнцѣ *положилъ селеніе свое*, т.-е. какъ бы тамъ явилъ видимое свое присутствіе.—Въ какомъ же солнцѣ? Конечно не въ нашемъ, такъ маломъ предъ прочими солнцами.

Іовъ говоритъ (гл. 9, ст. 7.): «скажетъ солнцу—и не взойдетъ; звѣзды же печатаетъ. Онъ говоритъ: творить *Плеады Арктура* и сокровища южная, уразумѣлъ ли ты? *Союзъ Плеядъ* (слѣд. и Іовъ зналъ, что Плеады суть союзъ, соединеніе многихъ свѣтилъ), и огражденіе Оріоново отворилъ ли?» (гл. 38, с. 31). «Гдѣ новорожденный Царь Іудейскій? Мы видѣли *звѣзду Его на Востокъ*, и пришли Ему поклониться, говорили волхвы, прибывшіе въ Іерусалимъ (Мате. гл. 2, с. 2.). И вотъ звѣзда, которую *видѣли они на Востокъ*, шла предъ ними до тѣхъ поръ, какъ остановилась надъ тѣмъ мѣстомъ, *идь былъ Младенецъ*» (тамъ же, с. 9).

Мы видимъ изъ Свящ. писанія и изъ словъ Церкви, что Богъ живетъ во свѣтѣ неприступномъ, который именуется, то свѣтомъ лица Его, то сіяніемъ Его славы, то *Солнцемъ*, въ которомъ основалъ Онъ селеніе свое, средоточіе, такъ сказать, своего проявленія, *видимое присутствіе невидимаго*. Почему же не принять и намъ сего солнца за средоточіе мірозданія?—Почему не думать, что изъ него одинаго, какъ *солнца солнцевъ*, исходитъ тотъ *свѣтъ тихій*, который, въ разнообразныхъ видахъ *невес-*

*щественныхъ силъ, движеть, освѣщаетъ, грѣть и живить все существующее, отъ Серафима до инфузоріи, отъ Урана до пылинки?—Что все мірозданіе, вся эта бездонная синева, которая надъ нами, около насъ и подъ нами искрится мириадами солнцевъ, есть вселенскій храмъ, достойный сего Бога нашего, гдѣ всѣ безчисленныя обители общаго Отца Небеснаго населены существами, безчисленно разнообразными, но разумными и свободными, и что на каждомъ изъ сихъ міровъ святится, *вѣрою, любовью и надеждой*, имя Того, кто, живя въ средоточномъ солнцѣ своей славы, въ семъ святилищѣ вселенскаго своего храма, принесъ себя на жертву, за спасеніе *всего міра*, на землѣ, которая есть алтарь Его, столь же смиренный, какъ и Агнецъ, на немъ закланный?—Въ семъ смыслѣ только удостоимся мы, можетъ быть, вслушаться и въ голосъ той вселенской молитвы, того всемірнаго священнослуженія, кои, безъ рѣчей и словъ, *говорятъ* ежедневно, и каждую ночь безголоснымъ говоромъ раздаются во всѣ концы вселенной. Тогда только удостоимся, хотя въ слабомъ гаданіи, представить себѣ, какъ рождество Спасителя было возвѣщено ангельскимъ пѣніемъ, какъ ясли Вифлеемскія указаны шествіемъ звѣзды восточной, какъ померкли всѣ солнца и потряслись основанія всего міра, когда Творецъ его изрекъ на крестѣ своемъ: *совершишася*, —какъ просіяла земля и возрадовалось все мірозданіе, когда воскресъ изъ гроба *умершій* Богъ его, —какъ торжествовало оно, пѣло и славилло святое Его вознесеніе; тогда только можно понять, какъ *небеса подлинно похваляютъ славу Божию!* Но небошественный апостолъ, восхищенный до *третьяю только неба*, говоритъ, что того, что онъ и тамъ видѣлъ, человѣку невозможно уже выразить.*

Одесса. 1843 года.

ДУМА ВТОРАЯ.

Девятнадцатый вѣкъ, еще до половины своей не достигшій, превзошелъ уже всѣ предшествовавшіе вѣки чудесными происшествіями *въ области наукъ*.—Онъ первый, отбросивъ всю ихъ прежнюю *мечтательность*, устремился къ *вѣдѣніямъ положительнымъ*, къ *опыту*, который внезапно открылъ предъ нимъ *безпредѣльные, невѣдомые дотолъ міры*: отъ *инфузоріи*—до силъ, *движущихъ огромнѣйшія, за-Уранскія солнца*; отъ безднъ земныхъ—до пропастей *западныхъ*!—И, съ тѣхъ поръ, свѣтъ небесный видимо осіялъ *благотворныхъ геніевъ, поставившихъ вѣдѣніе на путь вѣры*.

Великіе испытатели Естества, ступивъ на плечи своихъ предшественниковъ, сдѣлали, между прочимъ, такое открытіе, которое дало развязку всѣмъ *недомыслимымъ, до него, явленіямъ*. — Они познали и очевидными опытами утвердили:

Что электричество, магнетизмъ и гальанизмъ суть одна и та же сила, которая, съ быстротою и мощью молніи, съ притяженіемъ магнита, со всѣми свойствами свѣта солнечнаго, соединяетъ и качество такого *сверхъестественнаго огня*, который мгновенно *растопляетъ платину, какъ воскъ!*

Что сила сія называлась разными именами только по разнообразію свойствъ и явленій ея, доколѣ не были онѣ приведены къ *одному знаменателю*.

Что она, какъ жизнь, какъ душа всей вещественной природы, горитъ въ алмазѣ, цвѣтитъ яхонтъ и изумрудъ, красуется и благоухаетъ въ розѣ, возноситъ до

облакъ вершину кедра, блещетъ въ сѣверномъ сіяніи, рыкаетъ во львѣ пустыни, кипититъ океанъ, давить тигра въ изгибахъ исполинской змѣи, рветъ въ бурѣ, грохочетъ въ пылу молніи, оковываетъ вѣчнымъ льдомъ вершины Альповъ, пылаетъ изъ зѣва горъ огнедышущихъ, и струится какъ эфиръ (*vis vitalis*) въ томъ таинственномъ промежуткѣ, гдѣ брѣнное тѣло человеческое *соприкасается* безсмертному его духу. — Новѣйшее приложеніе *галванизма* къ медицинѣ сіе доказало (*Traité expérimentale par M. Vesquegel. T. I.*)

Ежели дивная сила сія, такъ явно *вездѣ присущая*, и коей нѣкоторые законы и многія явленія во всѣхъ царствахъ природы такъ достовѣрно намъ уже извѣстны, есть подлинно какъ бы *душа жива* нашей планеты; то какъ не спросить: гдѣ же запасъ сей благотворной и вмѣстѣ страшной стихіи? — Средоточіе ея очевидно въ нашемъ солнцѣ; но откуда и оно само ее получаетъ? — Давно говорилъ Кеплеръ *о магнитномъ свойствѣ плъ небесныхъ*. Неужели и это разгадалъ онъ такъ задолго, до опытовъ и открытій новѣйшихъ? — Дѣйствительно: ежели предположить, что всѣ планеты, имѣя свойство магнита, имѣютъ естественно въ исполинскомъ своемъ размѣрѣ и два его полюса, (*положительный и отрицательный*); то почему не думать, что полюсомъ *положительнымъ* влекутся онѣ къ солнцу; а обратясь къ нему, (по склоненію своихъ эклиптикъ), полюсомъ *отрицательнымъ* отъ него отталкиваются? — Предположеніе сіе ничего не измѣняетъ ни въ законахъ движенія тѣлъ небесныхъ, ни въ астрономическихъ вычисленіяхъ, ниже въ наблюденіи извѣстныхъ доселѣ явленій. Ибо здѣсь идетъ рѣчь *объ одной силѣ*, которая ихъ производитъ; а сила сія не иначе принадлежитъ къ области наукъ, какъ въ одномъ *ея отношеніи*, т.-е. въ *явленіяхъ*, кои подвержены *опытамъ* Математики, Физики и Химіи. Все прочее составляетъ *внѣ-физическую область*, *Философію Астрономіи*, въ которую каждый мыслящій человекъ имѣетъ свободный доступъ.

И такъ, пользуясь симъ правомъ, мы сдѣлаемъ себѣ нѣсколько вопросовъ: извѣстно ли *что-нибудь положительное* въ Астрономіи о природѣ солнца? — *Совершенно ничего*; она гадаеть о немъ на-попадъ и разнообразно. Станемъ же и мы гадать, вмѣстѣ съ нею, спросивъ себя, что такое солнце? — Сіе средоточіе нашей сферы не есть ли *фокусъ* той силы, которая всѣ ея планеты *движетъ и живетъ*? — А какъ самая сфера сія есть только *подвижная часть* сферы обширнѣйшей; то и въ сей послѣдней не должно ли быть свое размѣрное ея величинѣ средоточіе, *огромнѣйшій фокусъ* для движенія міровъ огромнѣйшихъ? И сей *фокусъ* не подчиненъ ли, въ свою очередь, еще огромнѣйшему, и такимъ образомъ, безконечно далѣе, во всѣхъ *мириадахъ сферъ*, составляющихъ мірозданіе? — А все сіе свѣторазное, стройное и благолѣпное чиноначаліе міра, коего каждая сфера имѣеть своимъ средоточіемъ, какъ бы сердцемъ, *фокусъ всѣхъ животворныхъ силъ*, не подчинено ли тому всемірному средоточію, тому неистощимому роднику жизненныхъ началъ міра, который именуеть Св. Писаніе *свѣтлоявленіемъ Божиимъ, трисолнечнымъ свѣтомъ лица Его*? — Сей средоточный *океанъ славы, свѣта и жизни* не сообщаетъ ли ихъ ближайшимъ къ нему сферамъ, коихъ *животворныя средоточія* служатъ только проводниками оныхъ для своихъ сферъ?—Свѣтозарная сія стихія всемірной жизни, исходя отъ воли Господа силъ, *духовно вездѣ* присущаго, но *нигдѣ* неосязяемаго, не есть ли видимое проявленіе—отблескъ того солнца солнцевъ, въ которомъ и окрестъ коего живутъ *свѣти вторіи*: Серафимы, Херувимы, Престолы, Господства, Силы, Власти, Начала, Архангелы, и тѣ *тмы темъ тысячъ Ангелъ*, коими видѣлъ *окруженнаго* Господа славы Даніилъ; тѣ, *предстоящіе окрестъ Бога* Архистратиги, кои, по словамъ Церкви, *«присвѣщаются истекающими оттуда зарями, трисвѣтлыми зарями, и богато преукрашаемые Ангелы непостижно «пріемлютъ свѣтлоявленіе Божіе?»*—Но *Тотъ*, кто, по собственному Его слову, раздѣлялъ даже и предѣлы народовъ

земныхъ по числу своихъ Ангелъ, могъ ли оставить всѣ и есчетныя царства, населяющія мириады сферъ Его мірозданія, безъ ихъ призора?

Служебные духи, по самому ихъ именованію, не напрасно существуютъ, и безъ сомнѣнія въ управленіи мірозданіемъ участвуютъ, ибо силы, его оживотворяющія, какъ онѣ ни тонки и стихійны, все еще *вещественны*; а вещь ство, безъ воли имъ правящей, не могло бы дѣйствовать.

Такимъ образомъ, чрезъ вещественный составъ мірозданія, не сквозитъ ли, въ *видимыхъ* явленіяхъ, *міръ невидимый* тѣкъ силъ, той пружины, которая его движетъ и оживляетъ; а чрезъ нее не лучезарно ли открывается, предъ окомъ разума, тотъ міръ духовный, который возводитъ тьмочисленные законы всего созданнаго къ одному ихъ началу—къ *рукъ Вседержителя!*

Какъ магнитное притяженіе cadaго солнца приводитъ въ движеніе міры, сферу его составляющіе, не такъ ли притяженіе милосердія Божественнаго влечетъ всѣ твари, любящія, къ солнцу солнцевъ?—Какъ каждое солнце освѣщаетъ свои планеты, не такъ ли солнце правды озаряетъ всѣ существа разумныя? Какъ каждое солнце животворитъ всѣ различныя царства природы, на планетахъ своей сферы, не такъ ли Свѣте Тихій *солнца солнцевъ*, сообщаетъ жизнь вѣчную тѣмъ несчетнымъ царствамъ міра духовнаго, которыя населяютъ всю бездонность мірозданія, коего изумляющая насъ красота и чудесность есть только видимый отпечатокъ чудесностей и красотъ невидимыхъ и непостижимыхъ.

Въ семъ смыслѣ мудрено ли увѣриться, что *Тотъ*, кто одѣваетъ небо громоносными облаками, наряжаетъ и цвѣтокъ полевой великолѣпнѣе Соломона; что *Тотъ*, который посылалъ кедры Ливанскіе, счель и волосы на головѣ нашей; что *Тотъ*, кто располагаетъ судьбою Серафима, печется и объ участи cadaго обитателя водяной капли.

— Мудрено ли понять, что подлинно небеса повѣдаютъ славу Божию, и повѣсть дивную *разсказываетъ день дни и ночь ночи!*

Но да не содрогнутся умы робкіе отъ малозначительности челоуѣка въ сей безднѣ чудесъ творческихъ: челоуѣкъ, *сей надшій полуангелъ*, великъ еще и въ самомъ земномъ изгнаніи своемъ: ибо изумляющее насъ движеніе свѣтилъ небесныхъ останавливается по его велѣнію (*Исусъ Навинъ*); молитва праведника, затворивъ хляби небесныя, снова ихъ отверзаетъ (*Міил*); море разступается подъ его знаменіемъ креста (*Моисей*); колесница огненная восхищаетъ его съ земли прямо въ царство Божіе (*Міил*); онъ восходитъ на третіе небо (*Св. Павелъ*); — самъ Богъ воплотился въ нѣдрахъ пречистой Дѣвы челоуѣческой, а ангелы его служатъ и серафимы ей поклоняются; самъ Господь явилъ, въ преображеніи своемъ на Фаворѣ, обоженіе естества челоуѣческаго, въ лицѣ Господа Исуса. И такъ, *великъ челоуѣкъ заслугами Богочелоуѣка*. И цѣлое мірозданіе, такъ безпредѣльное въ сравненіи съ челоуѣкомъ *временнымъ*, есть наследственный чертогъ челоуѣка *вѣчнаго!*

Одесса.

М. М.

Любопытно было бы разспросить, быле-ль и сохранялось ли у кого-нибудь въ Одессѣ, напр. въ бумагахъ А. С. Стурдэмъ, продолженіе этихъ думъ Ред.

С Л О В О,

СКАЗАННОЕ

на день торжества освобожденія обители Преподобнаго Сергія
отъ нашествія враговъ,

ТРОИЦКОЙ СЕМИНАРИИ, ГРЕЧЕСКАГО И ЕВРЕЙСКАГО ЯЗЫКОВЪ
УЧИТЕЛЕМЪ, *Василіемъ Дроздовымъ,*

(впоследствии ФИЛАРЕТЪ, МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ),

въ Троицкой Лаврѣ, 1806 года, января 12 дня.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Было время—простите мнѣ, что я отъ свѣтлаго торжества облеченной славою Россіи бросаю взоры на мрачные виды Россіи страждущей: тѣнь возвышаетъ красоту свѣта—было несчастное время, когда отечество наше, терзаемое иноплеменными, преданное недостойными сынами, готовилось испустить послѣднее дыханіе. Часть вѣрныхъ ему и Богу, бѣжавшихъ отъ опустошенныхъ градовъ и селъ, сокрывалась тогда въ сей оградѣ. и враги, которые, казалось, клялись не щадить ничего священнаго, истощили противъ нее всѣ усилія злобы своей.

Ужасное состояніе!— Два ненасытимыя чудовища, война и морь, споря о добычѣ, соглашаются въ лютости, съ которою хотятъ поглотить сію обитель. Смерть за стѣнами, смерть въ стѣнахъ; смерть носится въ воздухѣ, смерть крадется подземными стезями. Убийственныя орудія досягаютъ самаго сего святилища, и святыя Божіи приемяютъ раны въ своихъ изображеніяхъ. Мышцы, способныя обращать мечь, оскудѣвають; едва остается нѣсколько слабыхъ рукъ для воздѣянія къ гнѣвнымъ небесамъ.

Наконецъ, когда сирья чада отечества слезящими глазами увидѣли, koliko суетно спасеніе человѣческое; когда все колебалось, кромѣ упованія на вышнюю помощь; когда почти не было уже другихъ оружій, кромѣ вѣры и молитвы,—Господь силъ вѣнчалъ насъ оружіемъ благоволенія, и отчаяніе, не нашедъ мѣста между памятниками благочестія, устремилось въ полчища злодѣевъ.

Слава вамъ, насадители сего вертограда, возрастившаго лавры и оливы! Слава вамъ, безплотные вожди безоружныхъ воиновъ! преподобніи отцы, Сергіе и Никоне, основатели и покровители сея обители!—Слава тебѣ, беззащитная защита бѣдствующаго царства! Торжествуй нынѣ избавленіе свое, и со всею побѣдоносною отсель Россію, въ подражаніе побѣдоносной церкви, исповѣдай, яко сія есть побѣда, побѣдившая міръ, и миръ намъ приобрѣтшая—вѣра во Всеблагаго и упованіе на Всемогущаго.

Твердость въ вѣрѣ и благочестіи, слушатели, есть и всегда первымъ основаніемъ и единственнымъ залогомъ благоденствія общественнаго.

Полагать началомъ общежитія одну только нужду взаимнаго вспомошествованія, а причиною распространенія его право сильнѣйшаго — есть представлять общество союзомъ кровожаждущихъ тигровъ и жалкихъ агнцевъ.

Сіе есть редъ безбожія, отъемлющаго у Вседержителя великую область безпредѣльнаго владычества его. Думать, что множество разлчныхъ воль само собою соединилось въ одну, что изъ безчисленныхъ частныхъ выгодъ случайно составилась польза общая—значить производить все твореніе изъ нечаяннаго стеченія пылинокъ. Да не прельщаетъ насъ обманчивое сужудіе: Богъ столькожъ есть творецъ собраннаго во единѣ и пріявшаго политическое образованіе, сколько нравственнаго и естественнаго міра.

Отъ одной и той же мудрости, которая вдунула въ перстный истуканъ дыханіе жизни, изходитъ духъ благоустройства одушевить колоссальное тѣло государства. То же могущество, которое водить звѣзды въ кругахъ, имъ предписанныхъ, возводитъ царей на высоту славы и величія. Одинъ промыслъ назираетъ червей, пресмыкающихся во прахѣ, и бдитъ надъ движеніями волнующихся народовъ. Благость, дающая пищу всякой плоти, питаетъ и возвращаетъ ихъ миромъ и тишиною. Вѣсы нелицепріятнаго правосудія, на коихъ опредѣляется истинная цѣна мыслей и дѣяній человѣческихъ, не отягчаются извѣшивать царства и имперіи. Благо добрымъ, зло злымъ. Сей вѣчный законъ неизгладимо написанъ въ книгѣ совѣсти нашей и во внутреннемъ составѣ всѣхъ обществъ. Его вліяніе не менѣе простирается на всѣхъ вообще, какъ и на каждаго въ особенности.

Благоденствіе общества не можетъ существовать безъ строгаго исполненія должностей, возлагаемыхъ имъ на своихъ членовъ, и безъ ревностнаго ихъ содѣйствія благу цѣлаго. Трудности, которыя встрѣчаются при исполненіи сихъ обязанностей,—опасности, которыя бывають иногда съ нимъ сопряжены,—личная польза, которою должно часто жертвовать ему,—все сіе заставляетъ искать сильнѣйшихъ, дѣйствительнѣйшихъ побужденій къ храненію вѣрности. Сіи побужденія находятся только въ добродѣтели, вѣроу въ Бога подкрѣпленной. Честь, предположенная

единственнымъ концемъ услугъ, оказанныхъ обществу, производить подлыхъ самолюбцевъ; награжденія, принятые за основаніе вѣрности, даютъ ему наемниковъ; страхъ дѣлаетъ рабовъ, которые алчутъ собственной выгоды на счетъ общій. Дщерь Вышняго! ты лучшая мать сыновъ, ты мать отцевъ отечества, которые служатъ ему за совѣсть, благотворятъ изъ послушанія къ небесному Отцу, изъ любви ко всѣмъ въ Искупителѣ братьямъ. Съ какою осторожностію владыки, обладаемые благочестіемъ, употребляютъ власть свою, почитая себя токмо первыми рабами предъ лицомъ общаго Владыки! Какъ щадятъ они кровь подданныхъ, коея каждая капля, невинно пролитая, трогаетъ ихъ душу! Съ какимъ тогда благоговѣніемъ правимые усматриваютъ въ своихъ правителяхъ освященный образъ Правителя міровъ! Съ какою неусыпною заботливостію испытуетъ истину судія, увѣренный, что рано или поздно гласъ ея услышится предъ судилищемъ вѣчныхъ правды, и громомъ отдастся въ сердцахъ глухихъ для ней аспидовъ! Какую исполинскую крѣпостію наполняется воинъ, который болѣе помышляетъ о нетлѣнныхъ, нежели о увядающихъ вѣнцахъ, и надѣется подвигомъ въ юдоли смерти восхитить безсмертіе! Съ какою безопасностію каждый въ состояніи своемъ, какъ Израиль во дни Соломона, подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею покоится, когда страхъ Божій, или паче любовь отъ престола до хижины, все покрывая своею кроткою сѣнью, загоняетъ всѣ ужасы преступленій!

Что здѣсь могутъ надменные враги? Они сильны: но чего не одолгутъ имѣющіе Всесильнаго своимъ поборникомъ? Они многочисленны: но чего не сотворитъ въ поруганіе гордыни Тотъ, коего волею и плоды многочаствуетъ, который и бездѣтнаго старца возвращаетъ въ языкъ велиій?

Такъ, Великій Боже! ты речеши на языкъ и царство, да возсозиждеша и насадиши я: и глаголь твой не возвратится къ тебѣ тощъ. Тобою Царіе царствуютъ и силь-

ніи пишутъ правду. Ты изыдеши въ силахъ нашихъ—и падеть отъ страны наша тысяща и тьма, къ намъ же не приблизится. И сіе тогда, когда, яко очи рабъ въ руку господій своихъ, тако очи наши къ Тебѣ Господу Богу нашему. Но когда возмутившіеся языцы разторгають узы повиновенія Тебѣ, и отвергають отъ себя иго Твое; ты пасеши я жезломъ желѣзнымъ, яко сосуды скудельничи сокрушаеши я. Они забываютъ Тебя—и отвращу Тебѣ лице, мнутъся, исчезаютъ, и въ персть свою возвращаются*.

Напрасно говорятъ, что тѣло общества подвержено такому же разрушенію, какъ тѣло животныхъ; что паденіе государствъ есть только слѣдствіе состава ихъ. Можно, безъ дерзновеннаго присвоенія высокаго дара пророчества, сказать съ пророкомъ каждому Іерусалиму, оставшему Бога своего: накажетъ тя отступленіе твое, и злоба твоя обличитъ тя**. Для совершенія сего предсказанія не всегда требуется сверхъестественная месть: стрѣлы нечестія, пущенныя на небо, медленно или скоро собственною тяжестью низвергаются поразить развращенныхъ народовъ. Религія въ обществѣ есть пружина, по ослабленіи коей всѣ дѣйствія махины приходятъ часть отъ часу въ большій беспорядокъ. По низпроверженіи сего оплота, потокъ беззаконія не находитъ никакой преграды, и всюду разноситъ бѣдствія и опустошенія.

Кому не измѣнять измѣнники Божества? Кого послушаютъ не внемлющіе гласу разсудка и природы? Какіхъ казней устрашатся союзники ада? Если благое иго вѣры, успокоивающее совѣсть, облегчающее тягчайшія прискорбія, воображаютъ или несноснымъ, или бесполезнымъ; то какое бремя должности покажется пріятнымъ и священнымъ? Что же тогда будутъ законы? паутина, уловляющая слабыхъ. Что правосудіе? Искусство запутывать

* Іер. 18, 9. Ис. 55, 10. Прит. 8, 16. Ис. 20, 7. Ис. 122. Ис. 42. Ис. 103, 29.

** Іер. 11, 19.

истину и разсѣкать узлы ея золотомъ; клятва?—звукъ, бьющій воздухъ и служащій для успокоенія легкомысленныхъ дѣтей; самая добродѣтель?—прекрасное имя, которое столь часто будетъ переходить изъ устъ въ уста, что никогда не будетъ касаться сердца; мужество?—слѣпое неистовство, кипящее фараоновымъ жаромъ и его угашающее въ пучинѣ отчаянiя. Если среди сего замѣшательства внѣшнiй врагъ пожелаетъ дополнить собою число домашнихъ враговъ несчастнаго общества, и оно не прибѣгнетъ паки къ помощи, низпосылаемой свыше благочестiю: сего довольно для его погибели.

О, да не осуществится вѣчно начертанiе сiе въ тебѣ, любовное отечество! Да царствуетъ въ тебѣ всегда вѣра: сiе едино есть на потребу для продолженiя того благоденствiя, которымъ ты наслаждаешься подъ скипетромъ благочестивѣйшаго Монарха.

Наша польза, слушатели, насъ да научить сохранять вѣру, какъ драгоцѣннѣйшiй залогъ благаго неба; и если прошедшее несчастье есть убѣдительнѣйшiй наставникъ, настоящее торжество, торжество незабвенное, доколѣ не угаснетъ любовь къ отечеству, его произведшая, —при каждомъ возвращенiи своемъ да повторяетъ намъ оный полезный урокъ. Аминь!

МОНАСТЫРЬ ЛИБЕСИ (Libis)

Мѣсто погребенія греческой царицы, русской княжны, Анны
Васильевны.

Одинъ изъ нашихъ паломниковъ-писателей, іеродіаконъ Троицко-Сергіевой лавры, Зосима, описывая цареградскія святыни въ 1420 году, между прочимъ замѣтилъ, что онъ посѣтилъ эти святыни первоначально еще въ то время, «когда пріѣзжалъ со княжною Анною во царство благочестиваго царя Мануила; и въ то же время вѣнча сына своего старшаго Калуяна на царство греческое, со старѣвшуся ему» *. — Вѣроятно это было одновременно со сватьбою, и потому тотъ же Зосима, упоминая о мѣстѣ погребенія этой княжны въ Константинополѣ, справедливо называетъ ее *царицею*. По нашимъ лѣтописямъ, бракосочетаніе великой княжны Анны съ сыномъ греческаго императора Мануила Іоанномъ Палеологомъ, совершилось въ 1414 году, а въ 1417 году «царица Анна» скончалась отъ мороваго повѣтрія. ** По свидѣтельству Византійцевъ, молодая ихъ царица отличалась рѣдкою красотою, умомъ и сердечными качествами, и потому ранняя кончина ея равно была оплакиваема, какъ царскимъ семействомъ, такъ и народомъ. *** Анна была дочерью великаго князя московскаго Василья Дмитріевича, а по матери (Софьѣ Витовтовнѣ) внука великаго князя литовскаго Витовта

* Оказанія Русскаго народа, И. Сахарова, кн. VIII, стр. 62.

** Никон. лѣт. V, 41.

*** Constantiniade, traduite du grec par. M. R. Constantinople, 1846, p. 96. Histoire de Bas-Empire par Lebeau, t. XXI, p. 79, подъ 1417 годомъ.

(Александра), и такимъ образомъ, черезъ этотъ бракъ византійскій дворъ вступилъ тогда въ родственннй союзъ съ обѣими половинами древней Руси: Московскою и Литовскою. Понятно, что ранняя кончина великой княжны и по политическимъ причинамъ должна была сдѣлаться предметомъ всеобщаго сожалѣнн я имперн, * доживавшей послѣднне годы своего нѣкогда славнаго существованн я. — Посѣтивъ вторично Константинополь въ 1420 году, іеродіаконъ Зосима не забылъ посѣтить монастырь, въ которомъ была погребена русская княжна, и описываетъ его такъ: «монастырь женскій есть инъ подалѣе того (Евергетиса), зовомый *Липеси*, ту лежитъ св. Стефанъ и царица Ирина и царица Анна, дочь московскаго великаго князя Василія Дмитріевича, внука великаго князя Александра литовскаго, зовомаго Витовта.» ** Ученый авторъ Константиніады описываетъ этотъ монастырь въ чертахъ сходныхъ съ нашимъ паломникомъ, говоря: «церковь св. Богородицы Либиса находилась близъ церкви св. Апостоловъ (на мѣстѣ послѣдней нынѣ мечеть Махмудіѣ). Эта церковь, построенная патриціемъ Либисомъ при Львѣ Премудромъ, была восстановлена императрицею Феодорою, супругою Михаила Палеолога; здѣсь были погребены: сынъ этой императрицы, Андроникъ старшій, Ирина, жена Андроника младшаго, и Анна, дочь русскаго великаго князя Василія Дмитріевича. Эта княжна, первая супруга императора Іоанна Палеолога II, одаренная рѣдкой красотой и большими способностями, будучи поражена чумою, скончалась въ 1416 (а по нашимъ лѣтописямъ въ 1417 г.), къ великому сожалѣнню всего византійскаго двора. Эта церковь построена съ куполомъ и существуетъ еще близъ мѣста, называемаго нынѣ *Чирчиръ Магалесси* (воробьиный кварталъ)» ***.

* Въ 1398 году В. к. московскій Василій Дмитріевичъ и князь тверской и рязанскій послали императору Мануилу, тѣсннмому отовсюду врагами имперн, значительную денежную помощь въ 200,000 серебр. рублей. (см. Н. Г. Р. Карамзинъ, примѣч. 230 къ V тому).

** См. выше примѣч. 1-е.

*** *Constantiniade*, p. 96.

Слѣдую этому указанію, я, 27 ноября, въ сопровожденіи русскаго художника П. С. Сорокина и одного греческаго инокка, пользуясь превосходнымъ утромъ, какіе только возможны въ это время года на берегахъ Босфора, спустился изъ Перы по недавно проложенному широкому шоссе къ старому мосту, перешелъ по немъ на ту сторону Золотого рога въ Царьградъ, и черезъ ворота Унь-Кану вступилъ въ его древнія стѣны. Отсюда улица, хотя и не совершенно прямая, провела насъ сперва къ мечети, которая своей архитектурой ясно показываетъ, что она передѣлана изъ христіанской церкви, но какой именно, неизвѣстно. Она обнесена вокругъ стѣною. Положась на увѣреніе нашего проводника, мы свободно вошли во дворъ, и не смотря на то, что въ это время на немъ было довольно мусульманскаго люду, никто не показалъ въ отношеніи насъ ничего непріязненнаго. Старый турокъ въ чалмѣ на вопросъ нашъ, какъ называется эта мечеть, отвѣчалъ: «Зейрекъ Джамисси.» Отсюда мы направились къ большой мечети, которая виднѣлась еще съ моста, обращая на себя наше вниманіе своими куполами, изъ которыхъ главный опирался на высокій трибунъ. Мы уже знали, что, по всѣмъ описаніямъ, это бывшая церковь знаменитаго монастыря Пантократора (Вседержителя), и желали осмотрѣть, если будетъ возможно, во всей подробности. Мы сперва обошли ее съ Восточной олтальной стороны, входящей въ глухой переулокъ, и достаточно полюбовались изящными полукружіями трехъ ея олтарей, разительно напоминающими своею формою и уцѣлѣвшими украшеніями вокругъ оконъ, наши московскіе соборы; за тѣмъ обойдя съ сѣверной стороны, гдѣ мечеть ограждена высокой стѣной, пришли къ западной сторонѣ, къ главному входу въ бывший храмъ. Двери, ведущія въ паперть, были отворены, и чалмоносный стражъ мечети мелъ входную площадку, выложенную плитами. Послѣ краткихъ переговоровъ съ нашимъ проводникомъ, онъ

свободно допустить насъ сперва внутрь притвора (паперти.) а потомъ, съ условіемъ снятія обуви, и внутрь самой мечети, и глазамъ нашимъ представился православный трехпрестольный храмъ, раздѣленный на три отдѣленія стѣнами съ арками (пролетами). Главный храмъ освѣщенъ высокимъ фонаремъ съ стройнымъ надъ нимъ куполомъ. Своды опираются на 4-е гранитныя колонны. На западной сторонѣ хоры (гениконъ), входъ на которые съ паперти; полукружіе олтара открыто и занято миграбомъ. Длина отъ входныхъ дверей до восточной стѣны 33, а ширина 23 шага (аршина.)

По выходѣ изъ храма мы остановились предъ большимъ саркофагомъ, стоящимъ противу югозападнаго угла, изъ зеленого съ прочернью мрамора, съ барельефными изображеніями крестовъ на боковыхъ сторонахъ и крышею. Это, очевидно, одинъ изъ царственныхъ гробовъ, служащій нынѣ водоемомъ для мечети. Извѣстно, что въ этомъ храмѣ были погребены—создатель его, императоръ Мануилъ Комненъ, императрица Ирина, мать Мануила Комнена, а равно и первая супруга его. Впослѣдствіи здѣсь же погребли Ирину, супругу Андроника старшаго, Мануила Палеолога и двухъ его сыновей, Θεодосія и Андроника. Стѣны храма нѣкогда были покрыты прекрасною мозаикою, которой теперь не видно и слѣдовъ, кромѣ части пода. Почти противъ входныхъ дверей мечети, находится каменный сводъ, покрывающій большую систерну, къ которой спускаются по ступенямъ; изъ нея-то вода проведена въ упомянутую выше гробницу, служащую водоемомъ для мечети, которую Турки называютъ просто *килисси-джами*, то-есть церковь-мечеть.

Поблагодаривъ услужливаго мусульманина приличнымъ бакшишемъ, мы пошли отыскивать бывшій монастырь *Либеси* (*Libis*): слѣдуя указаніямъ Константиніады и разспросивъ обстоятельно о мѣстѣ, называемомъ «Чирчиръ Магалесси», мы безъ труда нашли въ одной изъ боковыхъ улицъ (не въ дальнемъ разстояніи отъ *Килисси-Джами*-

Нантократора) небольшую и уже ветхую мечеть, обнесенную стѣнами, изъ-за которыхъ виднѣлись лавровыя деревья прилежащаго къ ней кладбища. Въ юго-восточномъ углу продолговатаго четырехугольника, образуемаго оградой, стоитъ древняя мечеть, бывшая церковью женскаго монастыря; она представляетъ видъ двухэтажной башни, верхній этажъ восьмиугольный; четыре боковыхъ грани украшены выпуклыми дугами, среди которыхъ устроены окна, лишенная своихъ прежнихъ скульптурныхъ украшеній; крыша бывшей церкви шатровая черепичная, но извнутри имѣетъ форму куполообразную. За отсутствіемъ сторожа, мы не могли проникнуть внутрь завѣтной ограды древняго святилища, и потому расположившись у противоположащаго водоема, начали срисовывать наружный видъ мечети. Въ короткое время насъ окружила толпа мусульманскихъ ребятишекъ, изъ которыхъ одни возвращались, а другіе отправлялись въ училища (медресси); они съ любопытствомъ заглядывали въ альбомъ художника и съ видимымъ удивленіемъ слѣдили за чародѣйскимъ дѣйствиємъ карандаша, видя, какъ постепенно появлялись на бумагѣ очертанія того зданія, которое было передъ ихъ глазами. Но никакого недружелюбнаго дѣйствія, ни даже взгляда на занятіе наше выказываемо не было; одинъ изъ болѣе взрослыхъ мальчиковъ вѣжливо спросилъ: «скажите пожалуйста, зачѣмъ это вы дѣлаете?» Ему также вѣжливо отвѣчали, что это киисси-ажами (церковь-мечеть), а потому мы и хотимъ имѣть видъ ея. Проходившій мимо софти (ученый) въ зеленой чалмѣ, заглянувъ въ нашъ альбомъ, сказалъ: «да, это вѣдь былъ дѣвичій монастырь». Это замѣчаніе не мало удивило насъ, не тѣмъ, почему софти зналъ, что эта мечеть была некогда христіанскимъ храмомъ, ибо мечети этого разряда отличаются легко и по наружнымъ признакамъ отъ мечетей позднѣйшей мусульманской постройки, а тѣмъ, почему было извѣстно софти, что здѣсь именно былъ женскій

монастырь. Отсюда надобно заключить, что между турецким духовенствомъ письменно или по преданію сохраняются и другія, не лишеныя интереса для христіанскихъ археологовъ, свѣдѣнія о древнѣйшихъ царьградскихъ святыняхъ, обращенныхъ въ разные времена въ мечети. Хотя своеобразная форма мечети указывала на ея прежнее назначеніе, а замѣтка ученаго автора Константиныады всеяла достаточную увѣренность въ томъ, что передъ нами была именно искомая святыня, тѣмъ не менѣе пріятно было слышать изъ устъ турецкаго софти подтвержденіе, устранявшее всякое сомнѣніе въ ошибкѣ. Пока мой спутникъ рисовалъ видъ мечети, я, смотря на этотъ случайю уцѣлѣвшій остатокъ бывшаго монастыря, какъ на надгробный памятникъ 450 лѣтъ назадъ погребенной здѣсь русской княжны, мысленно сравнивалъ грустную долю ея съ судьбой другой почти современной ей, единовѣрной и и родственной княжны греческой Софіи: обѣ онѣ имѣли одинаковое предназначеніе украшать собою престолы двухъ царствъ: Русскаго и Греческаго. Русская княжна Анна, вступивъ въ бракъ съ наследникомъ византійскаго престола и вѣнчавшись въ то же время вмѣстѣ съ супругомъ на царство, блистала молодостію, красотой и способностями и составляла утѣшеніе царственной семьи, гордость супруга и надежду народа, а черезъ три года послѣ своего счастливаго замужества, внезапно сдѣлалась жертвою мороваго повѣтрія! Мѣсто ея погребенія, благодаря сказанію одного изъ спутниковъ ея переѣзда изъ Москвы въ Царьградъ, извѣстно; но самая могила поросла травой забвенія; уже протекло 4-е столѣтія съ того роковаго дня, когда въ той церкви, при которой погребена она, смолкли хвалебные гласы дѣвъ, увѣдѣвшихъ себя небесному жениху-Христу, и мерзость запустѣнія воцарилась на мѣстѣ святѣ, и доселѣ еще длится плѣнь Царьграда и древнихъ святынь его, и кто скажетъ намъ, многія ли изъ нихъ доживутъ до возвращенія къ своему первоначальному назначенію?

Еще лежитъ на небѣ тѣмла,
Еще густа ночная тѣма,
Но живъ Господь! Онъ знаетъ срокъ,
И выйдетъ утро на Востокъ.

Черезъ 55 лѣтъ послѣ кончины русской великой княжны, византийской царицы, Анны, и черезъ 19 послѣ паденія столицы Византийской имперіи, греческая княжна Софія, дочь морейскаго деспота Ѳомы Палеолога (младшаго) изъ 6-ти сыновей императора Мануила, а слѣдовательно по мужу родная племянница нашей княжны Анны), выходитъ за мужъ за московскаго великаго князя Іоанна III Васильевича (также роднаго племянника нашей княжны — сына ея брата Василья Васильевича). Вступивъ въ русское великокняжеское семейство, она счастливо пользуется своимъ вліяніемъ не только на мужа, но и на весь строй тогдашней дворской жизни, имѣетъ утѣшеніе видѣть вѣнчаніе на царство своего первенца-сына и умираетъ, если и не доживя до глубокой старости, то проживъ въ супружествѣ съ властелиномъ Русскаго народа 30 лѣтъ († 7 апрѣля 1503 г.), погребена съ честію въ родовой усыпальницѣ великихъ княгинь московскихъ — московскомъ Вознесенскомъ двѣичьемъ монастырѣ, гдѣ и доселѣ немолчно славословятъ имя Божіе лики дѣвъ, посвятившихъ себя на служеніе единому истинному Богу въ Троицѣ славимому, и гдѣ ежедневно приносится безкровная жертва за упокоеніе душъ царственныхъ покойницъ, а въ установленное время возглашается собственно ей «вѣчная память» служителями той самой церкви, къ которой она принадлежала по рожденію.

Такъ различны доли двухъ почти современныхъ, единовѣрныхъ и родственныхъ княженъ, московской и византийской.

Рисунокъ церкви бывшаго женскаго монастыря *Линеси* былъ снятъ, и мы, понадѣясь на то, что хорошая утренная погода продержится до вечера, отправились далѣе: на пути къ мечети Махмудіѣ мы прошли мимо мечети Эски-Имаретъ-Магалесси — бывшая церковь Пантенопта (Всевидца), построенная въ XI вѣкѣ Анною, матерью императора Алексія Комнена. Эта мечеть стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, неподалеку отъ городской стѣны. Мы желали заглянуть внутрь ея, но не нашли сторожа, а потому отправились далѣе по направленію къ мечети Махмудіѣ. Пройдя сквозь ея обширный дворъ, и осмотрѣвъ стоящую на Атъ-Базарѣ видимо древнюю христіанскую церковь съ высокимъ куполомъ, поросшимъ мохомъ и травой, пошли далѣе черезъ городъ, направляясь къ

Псоматъ, желая въ этотъ разъ осмотрѣть еще одну изъ древнихъ царьградскихъ святынь, а именно монастырь Богородицы *Переллента*, или, по переводу нашихъ паломниковъ, «монастырь прекрасной Богородицы», нынѣ армянскій монастырь *Сулу*. Перевалившись черезъ хребетъ и спустившись къ морю, мы довольно долго шли вдоль нижней улицы, и наконецъ пришли къ греческой церкви св. Георгія (древнѣйшей изъ оставленныхъ завоевателями христіанамъ церкви въ Царьградѣ), а отсюда повернувъ на право—въ гору, увидѣли Сулу монастырь, расположенный на первомъ уступѣ береговаго возвышенія. Онъ обнесень высокою стѣною; дворъ вымощень каменными плитами, подъ дворомъ находится огромный водоемъ, отъ чего монастырь этотъ, отданный Турками Армянамъ въ 1643 году (до того времени принадлежалъ Грекамъ), и получилъ свое нынѣшнее названіе «Сулу-монастырь», т.-е. монастырь воды. Этотъ монастырь двукратно пострадалъ отъ пожаровъ: въ 1782 и въ 1865 годахъ. Нынѣ на обширномъ его дворѣ стоятъ обгорѣвшія стѣны двухъ большихъ каменныхъ древнихъ церквей. Съ монастырской террасы, огражденной со стороны моря (южной) желѣзной рѣшеткою, открывается прекрасный видъ на Пропонтиду (Мраморное море). Этотъ монастырь основанъ въ честь Божіей Матери въ 1031 году императоромъ Романомъ Аргиромъ, который здѣсь и погребенъ. Едва мы успѣли срисовать здѣсь алтарную часть древней соборной церкви, какъ пошелъ проливной дождь, и мы жестоко были наказаны за излишнюю довѣрчивость къ постоянству ноябрьской погоды, тѣмъ, что на возвратномъ пути домой (въ Перу) насъ всю дорогу преслѣдовалъ дождь, до самаго выхода изъ стѣнъ древняго Царьграда на мостъ. Черезъ ворота Унь-Капу, когда мы подошли къ нимъ, несся во всю ширину ихъ потокъ грязной воды, и мы, не рѣшаясь переправляться черезъ него по примѣру туземцевъ, повернули въ сторону, и пройдя нѣсколько вдоль городской стѣны, по счастью нашли себѣ болѣе сухой выходъ изъ-за нея, черезъ одну кузницу, устроенную въ самой стѣнѣ, и воротились домой хотя усталые и промокшие, но довольные тѣмъ, что цѣль прогулки была вполне достигнута.

Архимандритъ Леонидъ.

РЕЙНСКІЙ ВОПРОСЪ

и

ГРАНИЦЫ ФРАНЦИИ.

(за основаніи новыхъ французскихъ сочиненій по сему предмету).

Европейская журналистика извела немало чернилъ по поводу увольненія бывшаго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, г. Друёна де Люи, и циркуляра его временнаго преемника, маркиза Лавалетта. Въмѣстѣ взятая, она рѣшила, что если бы еще дозволены были недоумѣнія послѣ перваго дѣйствія, все долженъ разъяснить циркуляръ, иначе сказать, что Друенъ де Люи принесенъ въ жертву спокойствію Европы, и императоръ Французовъ до времени отложилъ попеченіе объ увеличеніи Франціи, или исправленіи ея границъ, замыселъ, который, казалось, грозилъ явиться дополненіемъ всего совершеннаго Пруссіей.

Не стоитъ распространяться о причинахъ, заставившихъ Людовика Наполеона такъ скоро противорѣчить себѣ и обѣщаніямъ, выраженнымъ въ извѣстномъ письмѣ къ бывшему министру, съ новенькимъ словечкомъ—*neutralité attentive*. Неожиданные успѣхи Пруссіи и ея военная организація, болѣзнь императора, близость всемирной вы-

ставки въ Парижѣ, отчасти невѣроятіе надежныхъ союзовъ: вотъ что, очевидно, вынудило двигателя европейской политики понизить тонъ, и, только что сказавши «да» сегодня, завтра говорить «нѣтъ», что съ его стороны, впрочемъ, менѣе странно, нежели съ чьей-либо.

Но нельзя не согласиться, что мнѣніе, котораго жертвою сдѣлался Друенъ де Люи, ни сколько не противорѣчило ни личному взгляду императора, ни мнѣнію всей Франціи. И не припадокъ миролюбія вдругъ измѣнилъ планъ перваго и сочувствіе къ этому плану второй, а съ одной стороны необходимость, съ другой же надежда избрать болѣе удобную пору для войны. На большее или меньшее время усыпленъ вопросъ о французской границѣ; это будетъ зависѣть отъ скорого или медленнаго разрѣшенія другихъ европейскихъ вопросовъ, и болѣе всего отъ образа дѣйствій Пруссіи и отъ направленія, по которому пойдутъ дѣла въ Германіи. Но рано или поздно вопросъ поднимется: онъ не умеръ, онъ близокъ къ сердцу Франціи, ибо коренится и въ ея исторіи, и въ условіяхъ того, что до сихъ поръ называется въ старой Европѣ прочною оградой отъ другихъ странъ.

Искать въ Наполеоновскихъ идеяхъ относительно внѣшней политики что-либо новое — довольно наивно. Быть можетъ, въ нихъ только и есть новаго, что постоянное напряженіе связать преданія старой монархіи съ началами революціи, что, покуда, и составляетъ ихъ силу. Это особенно ясно выступаетъ въ вопросѣ естественныхъ границъ. Если бы вторая имперія когда-либо могла забыть, что въ числѣ обязанностей, завѣщанныхъ ей первою, есть и возвращеніе Франціи по крайней мѣрѣ границъ 1792-го и 1814-го годовъ, то народъ безпрестанно бы напоминалъ ей вѣковыя стремленія, управлявшія оружіемъ и дѣйствіями его государей и знаменитѣйшихъ министровъ.

Вопросъ французской границы, или, какъ говорится, обыкновенно, рейнскій вопросъ, можно сказать, возникъ съ французской монархіей или съ мыслию о французскомъ единствѣ. Правда, въ исторіи онъ является ясно лишь съ Бурбонами. Однако, уже Карлъ VII, едва спасшись отъ когтей Англии, обращалъ жадный взоръ къ Рейну; Людовикъ XI всю свою жизнь и всѣ свои силы посвятилъ увеличенію Франціи, особенно къ востоку; Генрихъ II собирався податься до Рейна, «чтобы воротить старинное наслѣдіе французскихъ королей, царство Австразіи.»

Но триста лѣтъ внутреннихъ волненій и бѣдствій, и войны—англійская, бургундская, италіанскія, и, наконецъ, религіозныя, помѣшали династіи Валуа достигнуть цѣли, коренившейся въ воспоминаніяхъ о Людовикѣ и карловингской имперіи. Когда же Бурбоны принялись за дѣло съ твердою рѣшимостію, то они должны были убѣдиться, что условія его измѣнились сильно и противъ нихъ. Обитателей лѣваго берега Рейна отнынѣ раздѣляли различія языка, обычаевъ, интересовъ, почему французское королевство, не смотря на искусство и твердость его политиковъ и военачальниковъ, могло быть увеличено въ эту сторону лишь клочекъ за клочкомъ, при величайшихъ усиліяхъ, упорнѣйшей борьбѣ, и постоянномъ сопротивленіи по крайней мѣрѣ половины Европы.

Генрихъ IV, замышляя пріобрѣтеніе Савои, выражался, что кто только говоритъ по французски, всѣ должны быть подвластны королямъ Франціи. Сюлли дополнялъ, что единственное средство возратить Франціи ея старинный блескъ и поставить ее во главу христіанскаго міра, есть присоединеніе къ ней навсегда Нидерландовъ. Взгляды Беарнца и его министра составляли болѣе двухъ столѣтій существенную часть всей французской политики. Начиная съ Ришелье и Мазарини до людей Конвента, всякое средство считалось ею хорошимъ и закон-

нымъ, лишь бы Франція увеличивалась по направленію къ ея естественнымъ границамъ. Король, называвшій себя христіаниномъ по преимуществу, и его министры, кардиналы священной римской церкви, не стѣснялись въ заключеніи союза съ протестантами для пріобрѣтенія епископствъ Мецскаго, Тулскаго и Вердѣнскаго вмѣстѣ съ Эльзасомъ, и безъ зазрѣнія совѣсти нападали на католическую Испанію и ослабляли ее, чтобы, занятіемъ Русильяона и Конфлана распространить Францію на югъ до Пиренеевъ, а на сѣверѣ обезпечить Пикардію и Шампанью пріобрѣтеніемъ Артуа, и того пояса городовъ и укрѣпленій, который отъ приморскаго Гравлина тянется до Марвилла въ Луксембургѣ. Миры Вестфальскій и Пиренейскій суть самые важные трактаты территоріальной исторіи Франціи. Они-то, допустивъ ее распространиться далѣе предѣловъ, указанныхъ языкомъ, нѣкоторымъ образомъ освящали начала естественныхъ границъ. До какой же степени, съ какою ясностію и опредѣленностію издавна во Франціи былъ поставленъ вопросъ о ея границахъ и о ея увеличеніи, видно изъ наставленія Мазарини въ 1646 г. Французскимъ уполномоченнымъ, бывшимъ въ Мюнстерѣ для переговоровъ о мирѣ. «Пріобрѣтеніе Нидерландовъ, писалъ Мазарини, даетъ городу Парижу неодолимую защиту: тогда его можно будетъ дѣйствительно назвать сердцемъ Франціи, и онъ будетъ занимать самое безопасное положеніе въ королевствѣ. Границу слѣдуетъ протянуть до Голландіи, а со стороны Германіи, гдѣ также должно имѣть большія опасенія, до Рейна, удержаніемъ Лотарингіи и Эльзаса, и пріобрѣтеніемъ Луксембурга и графства Бургундскаго.»

Людовикъ XIV, какъ извѣстно, продолжалъ дѣло Ришелье и Мазарини. Но къ чему перечислять многія войны, которыя велъ онъ для пріобрѣтенія Рейна, ослабленія Австрійской династіи и замѣненія ея первенства первенствомъ своего дома? Что Рейнъ отъ Базеля до моря долженъ

быть сѣверовосточною границею Франціи, въ то время считалось аксіомою. Только опытъ и необходимость могли привести къ желаніямъ и планамъ болѣе умѣреннымъ. Такъ Тюреннъ сколько считалъ нужнымъ приобрѣтеніе Австрійскихъ Нидерландовъ, столько находилъ несвоевременнымъ въ Германіи тянуться до самаго Рейна. Здѣсь, по его мнѣнію, было достаточно слѣдовать примѣру Мазарини: не обижать, но держать въ нѣкоторой военной зависимости духовныхъ курфирстовъ и прочи хъ пограничныхъ князьковъ. Нейтралитетъ Швейцаріи и приобрѣтеніе кое-какого укрѣпленія или стратегической позиціи въ Піемонтѣ обезпечивали остальную часть восточной границы Франціи.

Образъ мыслей Тюренна, къ которому маршала привело долгое изученіе людей и дѣлъ его времени, принялъ и Людовикъ XIV, хотя болѣе вслѣдствіе силы обстоятельствъ, нежели изъ уваженія къ проницательности славнаго военачальника. Не то, чтобы король отказался отъ новыхъ завоеваній на востокѣ, но его первою и постоянною мечтою было присоединеніе Нидерландовъ, и для этого онъ пускалъ въ ходъ все: дипломатію и оружіе, хитрость и насиліе. Успѣхъ, конечно, былъ не соразмѣренъ ни его страннымъ усиліямъ, ни искусству его министровъ и генераловъ, ни жертвамъ, на которыя Франція была осуждена сорокъ лѣтъ. Во второй половинѣ царствованія была потеряна не малая часть завоеваннаго: рисвикскій миръ отнималъ у Франціи нѣкоторыя изъ крѣпостей, признанныхъ за ней нимвегскимъ, между прочимъ Луксембургъ, одинъ изъ мастерскихъ сооружений Вобана, трактаты утрехтскій и раштадтскій ухудшали дѣло рисвикскаго. Такъ или иначе, Людовикъ XIV увеличилъ Францію почти до границъ 1792 и 1814 годовъ: часть Фландріи и Эно, Франшь-Конте, Дюнкирхень, Страсбургъ, Саррлуи были приобрѣтены Франціею; наконецъ, онъ оставлялъ ей могущественнѣйшую оборону въ безсмертныхъ работахъ Вобана и по-

знаніяхъ Шанле, которые, для обезпеченія ея сѣверо-восточной границы, расположили тройную цѣпь укрѣпленій (въ 1705 г. ихъ было, большихъ и малыхъ, 297), названную желѣзною стѣною.

Опыты царствованія Людовика XIV убѣдили его преемниковъ менѣе заботиться о новыхъ завоеваніяхъ, нежели о сохраненіи прежнихъ. Съ другой стороны такая система была въ духѣ вѣтренаго Людовика XV и слабого Людовика XVI. Однако, въ силу благоприятныхъ обстоятельствъ, при первомъ были присоединены къ Франціи Лотарингія и Корсика. Что касается до Нидерландовъ, гдѣ былъ побѣдителемъ, во время ахенскаго мира, Людовикъ XV выказалъ относительно ихъ слабость, равнозначащую поражению. Но, заботясь объ увеличеніи своихъ владѣній на сѣверѣ, этотъ государь тревожился возстановленіемъ французскаго вліянія въ Италіи, столько потерявшаго при его предшественникѣ; это было, можно сказать, его единственною политическою мечтою. Людовику XV первому принадлежитъ мысль, вмѣстѣ съ приведеніемъ въ исполненіе, старой объ изгнаніи изъ Италіи австрійцевъ, дать ей твердое федеративное учрежденіе, мысль, столь рѣзко напоминающую трактаты вилла-франкскій и цюрихскій, что за французскими дипломатами, участвовавшими въ сихъ послѣднихъ, никакъ нельзя оставить въ этомъ отношеніи славу Колумбовъ. Но идея эта не была осуществлена, также какъ и другой планъ фамилнаго договора, имѣвшаго связать государей Бурбонскаго дома противъ Австріи, которая, съ быстрымъ усиленіемъ Пруссіи послѣ женитьбы Людовика XIV, не перестала быть предметомъ старинной ревности и вѣковыхъ озлобленій. Людовикъ XVI до того простеръ благодушіе и любовь къ спокойствію, что отказался отъ австрійскихъ Нидерландовъ, которые Іосифъ II предлагалъ ему съ тѣмъ, чтобы король помогъ Императору въ раздробленіи Турціи, — отказъ, впрочемъ, основанный и на совѣтѣ Верженна, видѣвшаго въ провинціяхъ, принадлежавшихъ Австріи, не опасность, а залогъ противъ со-

перницы. Такая робкая политика была оскорбленіемъ всѣхъ преданій Франціи, и, статья можетъ, послужила однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ орудій врагамъ монархіи.

Чѣмъ меньше заботы о естественныхъ границахъ Франціи обнаруживали послѣдніе короли, тѣмъ съ большею настойчивостію положила завоевать ихъ революція. Идея естественныхъ границъ заняла всѣхъ и слилась во едино съ независимостію и спокойствіемъ страны. «Быть готовымъ на оборону тамъ, гдѣ границы Франціи указаны природою, принимать наступательное положеніе, гдѣ она ихъ еще не достигла»: такова сущность всѣхъ инструкцій генераламъ Республики. И, какъ извѣстно, приказаніе исполнялось не рѣдко болѣе нежели точно, жестоко. Энергія республиканскихъ дружинъ и энтузіазмъ свободы въ нѣсколько мѣсяцевъ произвели то, что тщетно пытались осуществить два царствованія. Итальянскою компаніею, Наполеонъ обезпечилъ завоеванія на Рейнѣ. Въ Кампо-форміо императоръ призналъ границами Франціи декретированныя законами республики.

Толчекъ былъ данъ, и отнынѣ никто не смѣлъ остановить его. Честолюбіе, отвага, величіе Бонапарте суть не иное что, какъ самое искреннее и самое блистательное выраженіе духа Франціи въ эту эпоху. Слишкомъ тѣсны становятся предѣлы, о которыхъ мечталъ Людовикъ XIV: надо возсоздать имперію Карла Великаго. И французскія арміи одерживаютъ побѣду за побѣдою, разрушаютъ царства и имперіи, создаютъ новыя, до той поры, когда Европа, ошеломленная и плѣненная этою роскошью удачъ, наконецъ приходитъ въ себя, и начинаетъ сопротивляться. * Призываются къ оружію народы на полмилліона штыковъ двигается противъ Франціи, истощенной и ослабленной. И все таки робко подходятъ иностранные государи къ плохо защищенной границѣ, и какиѣ

* Европа ли? Неужели не должно упомянуть здѣсь о Россіи, которая тогда вѣрнѣе, а въ пользу совершила: *Прим. изд.*

не даютъ они доказательствъ умѣренности, если ею дозволено назвать осторожность страха! Даже послѣ Лейпцига, уже подъ самымъ Франкфуртомъ, они предлагаютъ побѣжденному границею Рейнъ. Но честолюбіе и озлобленіе не допускаютъ Наполеона принять въ расчетъ благо Франціи и измѣрить открытую передъ нимъ пропасть. Три мѣсяца спустя, за Франціею не остается ни вершка изъ завоеваній, стоившихъ ей двадцать лѣтъ гигантской борьбы и потоковъ крови, и Парижъ въ рукахъ тѣхъ, которые колебались перейти Рейнъ. Съ Бурбонами Франціи возвращаются границы 1792 года.

Новыя потери и болѣе чувствительныя оскорбленія готовило Ватерло. Вступивъ въ Парижъ, Александръ I, въ октябрѣ 1815 г., показывалъ герцогу Ришелье, французскому министру иностранныхъ дѣлъ, карту, сдѣланную прусскимъ генеральнымъ штабомъ: «Вотъ, говорилъ онъ, Франція, какую хотятъ мои союзники. Недостааетъ одной моей подписи, но ея-то и не будетъ никогда, даю вамъ слово.» На этой картѣ были отняты у Франціи не только Лотарингія и Эльзась, но и вся желѣзная стѣна отъ Гравлина до Дюнкирхена и Меца, отъ Унинга до впаденія Гіеры въ Рону. Если бы не авторитетъ русскаго Императора, Францію бы значительно обнажили и оставили съ разныхъ сторонъ открытою внѣшнимъ нападеніямъ. * Умѣренность и проницательность Александра I спасли Францію отъ такого несчастія, а Европу отъ безконечныхъ войнъ. Однако, не хотѣли оставить неприкосновенною границу 1814 года. Пруссія, Австрія и особенно Швейцарія настояли на отдѣленіи отъ Франціи нѣкоторыхъ территорій, столько же незначительныхъ по величинѣ, сколько важныхъ стратегически, именно кантоновъ и крѣпости Мариенбурга и Филиппвилля, а со стороны Германіи нѣсколькихъ квадратныхъ миль въ долини Сарры и вдоль Квейра, съ крѣпостями Сарлуи и Ландау.

* Это все было несомнѣно. Извольте надѣяться на благодарность въ подлгахъ.

Но несравненно важнѣе была территоріальная метаморфоза, происходившая вокругъ Франціи. До 1792 г. она имѣла на востокѣ лишь сосѣдей слабыхъ. Самая Бельгія была менѣе опасна, принадлежа отдаленной Австріи. Договоры 1815 г. пристраивали къ Франціи почти непрерывную цѣпь государствъ значительныхъ и соперниковъ. Австрійскіе Нидерланды, присоединенные къ Голландіи, должны были на сѣверѣ служить аванпостомъ коалиціи. Таже роль опредѣлилась на альпійской границѣ савойской монархіи, увеличенной чувствительно. Австрія, хозяйка въ Ломбардо-Венеціи, получила прежній авторитетъ надъ меньшими италянскими государствами. Наконецъ, лѣвый нѣмецкій берегъ Рейна, раздѣленный было между князьками, дружными съ Франціей, или отъ нея зависѣвшими, былъ почти весь отданъ Пруссіи, которой прежде тутъ принадлежало одно крошечное герцогство Клевское. Тридцать лѣтъ до этого Верженнъ могъ говорить, что прусскій король естественный союзникъ Франціи, и что его государство оплотъ противъ австрійскаго честолюбія, хотя, конечно, подъ условіемъ, чтобы онъ не распространилъ его на лѣвомъ берегу Рейна, за чѣмъ Франція должна наблюдать постоянно. Теперь отношенія двухъ государствъ подвергались коренному измѣненію, и опасенія Верженна черезъ чуръ оправдывались. Пруссія стала не обороною, а угрозою для Франціи, по отношенію къ коей имѣла общіе интересы съ Австріей. Для большаго стѣсненія силы расширенія Франціи былъ учрежденъ Германскій союзъ, организмъ слабый и безсвязный съ дня рожденія, однако менѣе хилый, нежели старая имперія. Если бы союзъ только и сдѣлалъ, что воздвигъ или усилилъ пять союзныхъ крѣпостей, Ульмъ, Раштадтъ, Ландау, Майнцъ и Луксембургъ, и того уже было достаточно противъ французскихъ плановъ относительно Рейна. Но онъ сдѣлалъ и больше. Быть можетъ и не хотя, онъ содѣйствовалъ утверженію идеи нѣмецкаго единства и солидарности нѣмецкой націи. Это свидѣтельствуетъ и настоящее положеніе Германіи.

Какъ горько показалось французамъ новое положеніе, говорить нечего. Суровѣйшіе консерваторы, вѣрнѣйшіе слуги старой династіи, какъ Шатобрианъ и Бональдъ, называли его договоромъ позорнѣйшимъ, и между тѣмъ какъ иностранные штыки гостили во Франціи, они громко провозглашали, что Франція безъ Рейна не кончена, и прочно существовать не будетъ. Герцогъ Ришелье подписалъ роковой трактатъ ни живъ, ни мертвъ. Людовикъ XVIII согласился лишь послѣ долгаго сопротивленія, и со слезами. А народъ дѣлалъ Бурбоновъ отвѣтчиками за униженіе и потери, и событія 1830 г. были не столько борьбой за конституціонныя вольности, сколько возстаніе французскаго самолюбія противъ мнимыхъ союзниковъ иноземца. Трудна была задача, выпадавшая іюльской династіи. Слѣдовало, съ одной стороны, удовлетворить національныя требованія, а съ другой не поссориться съ союзными державами, спеціально съ Англіей. На первыхъ порахъ судьба пришла на помощь колеблющейся политикѣ Людовика-Филиппа: возмущеніе Бельгіи доставило ему случай разорвать одну изъ постыднѣйшихъ для себя страницъ трактатовъ 1815 года, ослабивъ любимѣйшее созданіе вѣнскаго конгресса, королевство Нидерланды. Отъ Дюнкирхена до Меца Франція пріобрѣтала передъ собою территорію нейтральную, и въ извѣстной мѣрѣ могла обольщаться, что болѣе нежели на пятьдесятъ лѣтъ отдалила на сѣверъ свою стратегическую границу. Должно ли было правительство Людовика-Филиппа тогда показать болѣе смѣлости, теперь сказать трудно. Безъ сомнѣнія, оно ошиблось, если разсчитывало на благодарность новаго государства и думало, что нація зачтетъ ему затрудненіе и ненависть, противъ которыхъ пришлось бороться ему. Народъ удовлетворяется только успѣхами полными и бросающимися въ глаза; причины, вынуждающія уступчивость и воздержность, почти всегда ускользаютъ отъ его сознанія. Такъ внѣшняя политика Іюльскаго правительства была по несчастію оцѣнена съ крайнею строгостію. И, однако, люди того времени

дѣйствовали всегда дорожа честію Франціи; почему, прежде нежели осуждать ихъ, слѣдовало бы вспомнить, до чего Франція была ободиночена, и какъ прочно было согласіе между ея врагами. Если тогда государство не получило территоріальнаго превращенія, то по крайней мѣрѣ усилена внутренняя оборона. Поддержка и увеличеніе нѣкоторыхъ крѣпостей на сѣверовосточной границѣ, новыя крѣпости Суассонъ и Лангръ, фортификаціонныя сооруженія вокругъ Ліона, были протестомъ и щитомъ противъ трактатовъ 1815 г., между тѣмъ какъ укрѣпленіе Парижа мѣрою самую дѣйствительною и торжественною противъ возобновленія тогдашнихъ эпизодовъ, довершеніемъ долго отложеннымъ грандіознаго плана Вобана.

Что же сдѣлали для славы и пользы Франціи люди второй республики, которымъ революція всей Европы открывала столько случаевъ отместки? Безспорно, болѣе ея сдѣлала для величія Франціи вторая имперія. Внимательно пользуясь разногласіями между старинными врагами, подготавливая случаи и ловя ихъ поспѣшно, соединяя съ благоразуміемъ смѣлость, сія послѣдняя стала ослаблять и разрывать узы старой коалиціи, и, разрушивъ священный союзъ, Франція постепенно приобрѣтала опять огромный авторитетъ. Крымская война доставила ей случай нанести чувствительный ударъ внѣшнему значенію Россіи, и въ тоже время унижить Англію. Война 1859 г. въ Италіи дала ей возможность осуществить часть ея старинной политической программы: увеличиться до Альпъ и значительно ослабить вліяніе Австріи въ Италіи. Этихъ громадныхъ удовлетвореній себѣ она достигла въ пять лѣтъ времени. За 1812 годъ, за двуличность Австріи, за ненависть Англіи, было отомщено. За тѣмъ—трактатъ 2 марта 1860 г. уничтожалъ и для Франціи ненавистный договоръ 1815 г., и присоединеніе къ ней Савои и Ниццы воскрешало тѣмъ же ударомъ рейнскій вопросъ. *

* Такъ назалось *Прил. изд.*

Какъ сказано выше, рейнскій вопросъ родился съ французской монархіей: онъ почти современенъ самой Франціи. Пластическая конформація страны, не положивъ къ сѣверо-востоку преграды большимъ эмиграціямъ, оставила между Шельдой и Рейномъ пространное поле для столкновеній и споровъ между племенами разнаго происхожденія и обычая, сначала Кельтовъ и Германновъ, потомъ романскихъ Галловъ, Франковъ и Бургундцевъ, наконецъ Французовъ, Нѣмцевъ и Фламандцевъ, народовъ, произшедшихъ отъ долговременной помѣси и многочисленныхъ сочетаній первичныхъ элементовъ.

Если бы древняя Галлія и новая Франція находилась въ географическихъ условіяхъ Италіи, или Испаніи, вопросъ не представился бы никогда, или теперь былъ бы рѣшенъ давно. Въ самомъ дѣлѣ, отъ Бидассоа до Вара и отъ Вара до истоковъ Дубса, гдѣ Пиренеи, море, Альпы и Юра не допустили непрерывныхъ и большихъ кровосмѣшеній, и въ извѣстной степени опредѣлили различіе между Галлами, Иберійцами и Италійцами, французскій элементъ умѣлъ легко поглотить и растопить въ себѣ всѣ остальные, и тутъ достигъ подобающей границы. Но отъ Юры до Нѣмецкаго моря гдѣ найти естественную границу? Дѣйствительныя естественныя границы — однѣ большія цѣпи горъ, или моря, или пустыни. Малыя воды не раздѣляютъ, а соединяютъ народы. Рѣка можетъ иногда быть почитаема естественною границею, коль скоро дикимъ племенамъ, населяющимъ ея берегъ, она служитъ препятствіемъ, или уздою. Такъ Рейнъ, подобно Дунаю, могъ, въ первыя времена римскаго завоеванія, считаться хорошею границею, пока густые лѣса и обширныя болота, покрывавшія его берегъ, едва ли не сплошь, рождали къ сообщенію между племенами тѣже препятствія, какъ нынѣ непроницаемыя лѣса и злокачественныя тундры Мараньйона и Ореенокко движенію европейскихъ поселенцевъ. Чуть же гражданственность твердою ногою становится на берегу

рѣки, рѣка скоро перестаетъ быть границею. Статься можетъ, она еще доставитъ грань политическую или стратегическую, но естественная преграда будетъ побѣждена. Въмѣсто того, чтобы быть предѣломъ совмѣстничества и честолюбія враждующихъ племенъ, рѣка становится вѣчнымъ предметомъ ихъ алчности и предлогомъ нескончаемаго раздора.

И такъ, географически, хотѣтъ сдѣлать изъ Рейна естественную границу Франціи есть парадоксъ, но не менѣе парадоксъ провозглашать его рѣкою безусловно нѣмецкою. Рейнъ, собственно говоря, не есть ни нѣмецкій, ни французскій.

Рѣка есть самое сокращенное, самое живое выраженіе геологическаго цѣлаго, результатъ двухъ факторовъ, которые суть склепы долины или бассейна. Кто же возьметъ рѣшать, долженъ ли бассейнъ Рейна быть отнесенъ къ нѣмецкой полосѣ, или къ французской?

Теченіе водъ, впадающихъ въ Рейнъ съ лѣвой стороны, и рѣкъ собственно французскихъ, означено линіею возвышеній столь незначительною и прерванною, что область первыхъ легко смѣшати съ областію вторыхъ. Иль посредствомъ канала соединена съ Дубсомъ, Мозель и Моза съ Маркой, Моза съ Эной (Aisne) и Уазой. Кромѣ того возвышенность, съ которой идутъ эти притоки Рейна, есть продолженіе столько же южной всей французской—Севеннъ и Котдоръ, сколько восточной, нѣмецкой, которая отъ Шварцвальда тянется до Тюрингскаго лѣса и до Винтерберга. Въ самомъ дѣлѣ, можно сказать, что Рейнъ отъ Майнца до Кельна, не нашелъ себѣ готоваго, пути, и долженъ былъ открывать его самъ. Если бы кто хотѣлъ на географическомъ основаніи протянуть нѣмецкую область до Туля, Вердена, Литтиха и Буа-ле-Дюка, точно также можно бы было протянуть французскую до Эльвангена, Нюренберга, Марбурга и Падерборна.

По всему этому, не возможно найти на сѣверо-востокъ естественную границу Франціи. Но это самое, бывъ для нея предметомъ вѣчной опасности, послужило мотивомъ ея энергіи и славы. Францію привыкли укорять въ необузданномъ честолюбіи и чрезмѣрной воинственности. Но, исторически говоря, всегда на готовѣ держать оружіе вынуждала ее топографія, и, болѣе нежели алчность, необходимость безопасности одушевляла ея стремленіе къ увеличенію ея территоріи.

Триста крѣпостей Вобана не были пустою похвальбою но силою; не имѣя естественной границы къ Голландіи и Германіи, она должна была создать искусственную. Нѣтъ ни чего невѣрнѣе и оспоримѣе такъ называемыхъ политическихъ и стратегическихъ границъ, также какъ и всякой вещи, которая основана не на естественныхъ законахъ, или дѣлахъ, а на уговорахъ, и есть насильный плодъ соглашеній и уступокъ: Три столѣтія длится между Франціей и Германіей споръ о границѣ, но развѣ та или другая пришла къ болѣе неизбѣжному положенію, или умѣла ясно опредѣлить свои притязанія?

Скажутъ, пожалуй, что, по невозможности географическаго рѣшенія вопроса, политическую границу слѣдуетъ опредѣлить гранью языковъ. Но легко ли отрѣзать область каждаго нарѣчія, послѣ столькихъ смѣшеній племенъ, превратностей судебъ и переходовъ изъ подъ одного господства подъ другое? Кромѣ того принципъ этнографическій, теоретически кажущійся столь непреложнымъ, на практикѣ не можетъ быть примѣненъ, закрывши глаза и безъ исключеній, или споеобенъ повести къ новымъ затрудненіямъ и новымъ неудобствамъ. Справедливость требуетъ, чтобы ни какой народъ не насилывалъ другаго, но для народа, учрежденнаго въ государствѣ, первая обязанность есть обезпеченіе собственной безопасности. Можетъ ли онъ, изъ лингвистическихъ уваженій, пренебречь огражденіемъ себя извнѣ; можетъ ли удов-

летвориться границами слабыми, или открытыми, покуда стоятъ на ногахъ текущiе взгляды на международныя отношенiя? Вотъ въ чемъ узелъ вопроса. Нѣмцы, великiе филологи, но столько же алчныя и упрямые, постоянно ссылаются на языкъ для опредѣленiя того, докуда должна тянуться нѣмецкая земля, изъ которой, утверждаютъ они, не хотятъ уступить и вершокъ. Французы, напротивъ, требуя продолженiя Францiи къ Рейну, свидѣтельствуютъ, что имѣютъ въ виду лишь свою безопасность. Но и это не резонъ. Если допустить, что географiя страны есть основанiе и первый критериумъ всей его военной географiи; достаточно сказаннаго въ доказательство, что Францiя отъ природы открыта для того, кому принадлежитъ лѣвый берегъ Рейна. Вогезы, Гардъ, Аргонна, Арденна, которые, если видѣть на обыкновенной картѣ, казалось, должны бы противопоставить значительныя препятствiя нашествiямъ, суть въ дѣйствительности линiи стратегическiя, или посредственныя, или настоящiя. Самыя Вогезы не возможно отстаивать долго, потому что ихъ ущелья почти всѣ доступны. Передъ армiей, которая пройдетъ между Вогезами и Мозелемъ и переправится черезъ Мозу, открывается долина Марны, ведущая прямо въ Парижъ. Потомъ, между Вогезами и Юрами открытъ проходъ, *la fatale trouée de Bèfort*, гдѣ только искусство и мужество могутъ удержать неприятеля двинуться до сердца Францiи, въ долину Сены. И эти топографическiя условiя восточнаго фаза (переда) въ еще болѣе опасномъ видѣ повторяются на сѣверѣ, къ Белгiи. Возвышенности, идущiя между Шельдою, Соммою, Лисою (*Lys*), Уазою, Санброю, до того незначительны, что ихъ нельзя и считать дѣйствiями этихъ бассейновъ, которые всѣ соединены каналами. Это самая слабая часть французской границы и наименѣе безопасная отъ нападений. Изъ долины Санбры въ долину Уазы переходъ самый легкiй, а путь долиною Уазы есть самая короткая дорога къ Парижу.

И такъ три концентрическіе пути открыты тому, кто бы хотѣлъ проникнуть въ сердце Франціи, и этими тремя путями въ 1814 г. союзники шли на Парижъ: богемская армія съ Шварценбергомъ долиною Сены, силезская, съ Блюхеромъ долиною Марны, русская долиною Уазы. Конечно, едва ли надъ Франціею повторятся несчастныя обстоятельства того времени, и несомнѣнно, что будь въ 1814 году лучше вооружены и защищены укрѣпленія, прикрывающія верхнія части этихъ долинъ, медленнѣе и еще нерѣшительнѣе было бы наступленіе союзниковъ. Но, такъ или иначе, сторона Франціи, глядящая на Рейнъ, представляетъ мѣста опасныя и слабыя, и именно совершенное знакомство съ ними, и мысль извлечь изъ нихъ еще пользу, заставили прусскій генеральный штабъ требовать въ 1815 г. нѣкоторыхъ измѣненій границы, опредѣленной въ 1814-мъ. Правда, у Франціи отнималось всего нѣсколько квадратныхъ миль и девять или десять укрѣпленій, изъ коихъ инныя и не заслуживали названія крѣпостей. Но эти клочки земли и эти форпосты давали неприятелю ключъ ко входу во Францію. При потерѣ Филиппвилля и Мариенбурга оставалась открытою верхняя долина Уазы. Имѣя Саррлуи, Пруссія изолировала Мецъ и Страсбургъ, и приобрѣтала ключъ къ долинѣ Марны. По разрушеніи Улинга и съ Ландау въ рукахъ Баваріи, становился открытъ обходъ французской границы со стороны Рейна, тамъ черезъ Вогезы, здѣсь черезъ Бефортскій дефилей (тѣсницу). Не даромъ французы 1815 г. жаловались на потерю этихъ важнѣйшихъ пунктовъ, и не менѣе правы были Французы 1866 г., обращавшіе къ нимъ свои взгляды и желавшіе возвращенія Франціи, по крайней мѣрѣ, границы, созданной Вобаномъ въ то время, какъ на ихъ слабомъ флангѣ, происходила значительнѣйшая территориальная метаморфоза. Какимъ образомъ могла бы Франція смотрѣть безъ подозрѣнія на новый порядокъ вещей, зрѣющій въ Германіи? Какъ ей остаться равнодушною къ учрежденію новаго политическаго цѣлаго, котораго нервъ

и душа есть сосѣдняя Пруссія, страна значительная по развитію умственному и экономическому, отнынѣ имѣющая 30 мил. жителей, и которая, быть можетъ, въ скоромъ времени будетъ считать ихъ 40.—страна, тѣмъ болѣе опасная, что, въ случаѣ войны, она имѣла бы на своихъ крайнихъ флангахъ, если не союзницами, по крайней мѣрѣ, благопріятельницами Швейцарію и Голландію, а въ тылу согласныхъ, когда не болѣе, Нѣмцевъ Австріи? Можно ли назвать честолюбіемъ, или алчностью, мѣры самаго элементарнаго благоразумія? И развѣ международная политика до сихъ поръ не основывается на взаимныхъ уступкахъ и обоюдныхъ гарантіяхъ?

Если бы все это прочли Нѣмцы, извѣстно, что бы они отвѣтили. Они бы отвѣтили, что отнынѣ между Франціей и Германіей не можетъ быть рѣчи объ уступкахъ, ни о приобрѣтеніяхъ, что Франція и безъ того злоупотребила добродушіемъ и разъединеніемъ Нѣмцевъ, что присоединенія, совершенныя ею со временъ Ришелье по направленію къ Рейну, были не иное что, какъ рядъ насилій и несправедливостей, что Германіи бы слѣдовало требовать возвращенія ей всѣхъ этихъ областей, по крайней мѣрѣ, Эльзаса, и что если она это не дѣлаетъ, тѣмъ менѣе можетъ уступать и полоску земли, гдѣ говорятъ по Нѣмецки. Но столь твердая въ требованіяхъ относительно языка, такова ли Германія по отношенію къ Славянамъ, Италіянцамъ, Датчанамъ? Этнографически ревнивая къ западу, одинаково ли воспріимчива она на Вислѣ, на Адигѣ, въ Шлезвигѣ? И кто изъ двухъ правъ? Германія ли, которая оплакиваетъ офранцуженіе Бургундіи, Лотарингіи и Эльзаса, или Франція, которая отстаиваетъ свое старинное воздыханіе на лѣвомъ берегу Рейна? Вопросъ пустой: не вездѣ прилагаются права давности. Но онъ показываетъ, если не другое, такъ то, что здѣсь нечего вести рѣчи о насиліяхъ и похищеніяхъ, и что политика по неволѣ обязана имѣть въ виду практическую необходимость и интересы настоящаго болѣе, нежели абсолютныя идеи и права воображаемыя.

Или, быть можетъ, Нѣмцы вздумаютъ утверждать, что имъ невозможно согласиться на желаніе Франціи, не подвергая опасности Германію? У Нѣмцевъ случаются оригинальныя стратегическія аксіомы. Они поучали, что Рейнъ обороняется на По, и что, для обезпеченія лѣваго фланга и тыла Ульма, необходимо владѣть Адиджемъ и Вероною. Въ настоящемъ дѣлѣ они говорятъ, что для обороны средняго Рейна отъ Гермерсгейма до Кобленца необходимо владѣть позиціями по дугѣ между Луксембургомъ и Лаутербургомъ, и что крѣпости Луксембургъ, Саррлуи и Ландау нужны для прикрытія наступательнаго стратегическаго движенія и тѣхъ наступательныхъ дѣйствій, которыхъ основаніемъ былъ бы Гермерсгеймъ. Въ семъ послѣднемъ утвержденіи, сказать правду, нѣтъ и тѣни парадокса; напротивъ, въ немъ весь свѣтъ искренности. Оно есть простодушное признаніе, что Нѣмцамъ дороги три названныя крѣпости, потому что, въ случаѣ войны, онѣ были бы сильнымъ пособіемъ при нападеніи на Францію. Стало быть, принадлежа Германіи, онѣ суть не тѣ оборонительныя орудія, какими были бы въ рукахъ Франціи, которой служили бы обороною путей, ведущихъ вверхъ по Мозелю, Альзеттѣ, Саррѣ, къ возвышенности между Аргонной и Гардомъ, откуда легко выйти какъ въ долину Марны, такъ и въ долину Уазы. Но, уступивъ этѣ крѣпости, Германія еще не будетъ имѣть основанія считать себя открытою. Ландау она все таки можетъ противопоставить Гермерсгеймъ и Филиппсбургъ, Саррлуи, и Луксембургу—Майнцъ и Кобленцъ. Значительная часть возвышенности, именно между Монъ-Тонерръ и Арденнами, осталась бы нѣмецкою, что, въ соединеніи съ названными крѣпостями, дало бы ей хорошія передовыя позиціи, и болѣе нежели достаточныя стратегическія пункты для сохраненія за среднимъ Рейномъ всего значенія большаго операціоннаго базиса и сильнѣйшей оборонительной линіи.

Такимъ образомъ, Рейнъ не пересталъ бы быть политическою рѣкою и почти сполна нѣмецкою. Ибо, сколь ни

справедливо, чтобы Франція гарантировала себя противъ неожиданнаго и чрезвычайнаго роста Германской державы, столько же неблагоприятно и противно всякому праву было бы доказывать необходимость буквального осуществленія идеи рейнской границы. Палатинатъ, три церковныя курфиршества и Вестфалія не должны быть отдѣлены отъ Германіи. Еще Тюреннъ говорилъ, что эти области такъ отдѣлились отъ Франціи, и стали ей до того чужды, что вновь присоединеніе ихъ къ ней принесло бы сомнительное приращеніе силы, за то могли бы сдѣлаться сущимъ поводомъ ея ослабленія. Карно предпочиталъ желѣзную границу Вобана рейнской, и слишкомъ отдаленной отъ Парижа, какъ выражался онъ. Кромѣ того, самому простому здравому смыслу не противно ли было бы превращеніе въ города и департаменты французскіе городовъ и областей Шпейера, Майнца, Трира, Кельна? Въ этихъ не многихъ именахъ слишкомъ много блистательныхъ страницъ германскихъ, исторіи и цивилизаціи. Допустимъ, что не слѣдъ преувеличивать уваженіе къ принципу національности до того, чтобы оставлять въ рукахъ сосѣда ключи къ своему государству, но безчеловѣчно и ни на что не похоже было бы хотѣть жертвовать преданіями, обычаями и священнѣйшими правами почти 2 мил. душъ географической формулѣ, которую не признаетъ, первая, сама географія.

Въ интересѣ самой Франціи, на сколько зависитъ отъ нея, озаботиться о неприкосновенности принципа національности, который доставляетъ ей первое и самое законное право на приобрѣтеніе области, особенно близкой ея сердцу, именно пограничной части Франціи. Нѣтъ рѣчи о томъ, чтобы эта аннексія была легка, или близка: подозрѣнія Англіи (кто, впрочемъ, скажетъ, на сколько опасныя?) не усыплены; съ другой стороны и Нѣмцы не перенесутъ равнодушно переходъ въ сильныя руки области, которая, въ ея настоящемъ положеніи, можетъ слу-

жить отличнымъ базисомъ и для нападенія на Францію и для обороны отъ ея нападенія. Да и для самихъ Бельгийцевъ (для Валлонцевъ, не менѣе для Фламандцевъ) ни чего бы теперь не могло быть непріятнѣе присоединенія къ Франціи, которое повело бы и къ сокращенію ихъ политической свободы и къ экономическимъ невыгодамъ. Не смотря на родство племенное, единство вѣроисповѣданія и заслуги Франціи, по отношенію къ Бельгіи, послѣдняя нынѣ такъ мало сочувствуетъ первой, что все болѣе и болѣе склоняется къ германскому элементу, въ немъ ища опоры.

Сооруженіе рентраншированнаго антверпенскаго лагеря было не иное что, какъ оскорбленіе и вызовъ націи-освободительницѣ и добровольная услуга Священному Союзу. Этотъ лагерь, какъ открыто объявилъ съ бельгійской трибуны генераль Ренаръ, опредѣленъ служить опорой какъ Англій, такъ и Германіи для воспрепятствованія непріятелю сдѣлать надежный операціонный базисъ изъ линіи Мозы. Еще доказательство, если оно только нужно, что государства руководятся не столько спекулятивными идеями и моральными побужденіями, сколько уваженіями удобства и непосредственнаго интереса. И все таки когда нибудь эти самыя уваженія (если не приключатся другія необходимости и неотразимыя событія), возвратятъ Французскую Бельгію въ нѣдра ея семьи. Если нельзя сказать положительно, что проходить пора малыхъ государствъ вообще, то мудрено и въ частности вѣрить въ прочность существованія тѣхъ, которыя основаны на воображаемыхъ антагонизмахъ и условіяхъ химерическихъ, подобныхъ нейтральности, которую никто не думаетъ соблюдать, развѣ когда больше дѣлать нечего. Какъ Пруссія, по отношенію къ малымъ нѣмецкимъ государствамъ, такъ Франція, по отношенію къ Бельгіи, не преминетъ, наконецъ, заявить свою притягательную силу. Съ территорією, заключающеюся между Лисою и Мозою (которой бы можно

было опредѣлить этнографическою границею линію, проведенную отъ Менена до Тонгра, нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствующую стратегической границѣ, образуемой Лисою и Шельдою къ западу, а къ сѣверу Рюппелью и Демеромъ), Франція бы усилилась приблизительно на 400 миль и слишкомъ два милліона душъ, изъ коихъ 1,900,000 говорятъ на французскомъ языкѣ: приращеніе, болѣе законное и выгодное для нея, нежели пріобрѣтеніе лѣваго берега Рейна отъ Майнца и Трира до Кельна и до Клевъ. Та территорія есть въ военномъ смыслѣ для Франціи то же, что для Италіи область между По и Адиджемъ: замкнутый лагерь, самою природою какъ бы отведенный для рѣшенія великихъ состязаній. Тутъ нѣтъ уголка, который не былъ бы политъ французскою кровью; на каждомъ шагѣ натыкаешься на имена, напоминающія блестящія торжества, или великія превратности Франціи: Нервиндель, Мальплакѣ, Дененъ, Уднарль, Куртнѣ, Жеммапъ, Флёрюсъ, Ватерло.

Подобнымъ путемъ вопросъ о французской границѣ былъ бы возвращенъ приблизительно къ положенію, въ которомъ былъ оставленъ при Людовикѣ XIV. Кажется, въ такомъ видѣ оно было бы и наиболѣе вѣрно и наиболѣе справедливо. Слѣдуетъ гарантировать Францію отъ Германіи хорошими военными позиціями, и присоединить къ ней ту часть Бельгіи, въ которой господствуетъ французскій элементъ, и которая есть натуральный гласисъ Франціи къ сѣверу.

Такое увеличеніе Франціи, конечно, удовлетворило не всѣхъ Французовъ. Есть изъ нихъ многіе, которые хотѣли бы, не болѣе, не менѣе, протянуть Францію отъ морскихъ Альпъ до Готарда и отъ истоковъ Рейна до его устьевъ. Одинъ изъ самыхъ горячихъ поборниковъ этого мнѣнія—Лаваллѣ, авторъ *Физической и военной географіи* и недавно вышедшей книги *Границы Франціи*, увѣнчанной институтомъ. Въ обоихъ сочиненіяхъ авторъ защищаетъ

права Франціи и необходимость для нея завоевать границы, которыя имѣла она въ эпохи Кельтскую и Римскую, и приобрѣла вновь послѣ 1789 г., т. е., территорию, заключающую поле толбiакской битвы и могилу Карломана. Лавалле тридцать четыре года занимает кaeдру географіи и статистики въ первой французской военной школѣ, Сень-Сирѣ. * И этого было бы достаточно для заключенія о томъ, какіе взгляды должны распространяться во французской арміи; даже, если бы народныя преданія не подкрѣпили мнѣніе, которому въ разрѣзъ становится пропаганда крайнихъ Нѣмцевъ, во имя Священной Римской имперіи, требующихъ первенства надъ новою Европою, отъ Средиземнаго моря до Балтійскаго и отъ царства Арльскаго до Скандинавіи. Впрочемъ Лавалле, горячій радикаль въ теоріи, передъ практическими приложеніями спокойнѣе и сдержаннѣе. *A chaque jour suffit sa peine*, говоритъ онъ, объяснивъ приобрѣтеніе Франціею Савои. Что еще недостаетъ Франціи, того можно достигнуть съ помощью времени, терпѣнія, уступокъ и соглашеній. Но дѣйствительно ли эти слова выражаютъ убѣжденія, или желанія? Считаетъ ли Лавалле Европу столь податливою, столь расположенною внять совѣтамъ справедливости? Думаетъ ли онъ, что Франція, не прибѣгая къ оружію, получить лишь ту границу, на которую имѣетъ право претендовать во имя своей безопасности и принципа національнаго?

Туманъ, вставшій было между Парижемъ и Берлиномъ, разсѣялся. Черезъ посредство Ла-валетта Людовикъ Наполеонъ объявилъ, что покуда вопросъ о французской границѣ отложенъ. Много разъ говорено, что между императоромъ и графомъ Бисмаркомъ были рѣчи о вознагражденіи Франціи, въ случаѣ увеличенія Пруссіи, но былъ ли какой положительный договоръ, и въ чемъ именно

* Вотъ какіе учителя въ высшихъ специальныхъ заведеніяхъ во Франціи.

полагалось мздовоздаяніе никто до сихъ поръ не знаетъ. Конечно, должно предполагать, что, принимая, по отношенію къ Австріи, положеніе вызывающее, Пруссія дѣлала это съ согласія Франціи. И, кажется, несомнѣнно, что сія послѣдняя, по заключеніи никольсбургскихъ прелиминаріевъ, требовала отъ берлинскаго кабинета нѣкоторыхъ гарантій, которыя, на сколько дозволено заключить изъ неопредѣленныхъ намековъ оффиціальныхъ журналовъ, вѣроятно, состояли въ возвращеніи территорій и крѣпостей вдоль Сарры и Квейхи, отнятой у границы Франціи Людовика XIV трактатами 1815 года. Рѣшительный отказъ Пруссіи заставляетъ догадываться, что съ ея стороны не было никогда формальныхъ обѣщаній. Но, вѣдь, можно бы было спросить: достигла ли послѣднею войною Пруссія цѣли, которую себя предположила? Не помѣшала ли ей Франція осуществить ея планы? Наконецъ, не понудили ли благо-разуміе и оглядка на будущее Пруссію отказать Франціи въ ея требованіи, а Францію отказать отъ него? .

Далеко еще время, когда дозволено будетъ открыть и судить всѣ тайны европейской политики за текущее полугодіе; покуда, можно дѣлать на ея счетъ однѣ предположенія. Какъ, на примѣръ, знать утвердительно поводы уступки Венеціанской области въ томъ видѣ, какъ произошла она? Быть можетъ, Людовику Наполеону по необходимости пришлось вмѣшаться въ дѣло двухъ войнъ Австріи изъ опасенія, чтобы, принявъ слишкомъ большіе размѣры въ Германіи, война не втянула въ свою орбиту и Францію. Давно ли въ баварскихъ камерахъ слышались самыя рѣзкія выраженія противъ честолюбія Пруссіи, и въ то же время увѣренія быть за одно съ Пруссіей, чуть одинъ французскій солдатъ переступить нѣмецкую границу? Баварскіе ораторы выражали мнѣніе всей Германіи. Принятіемъ же участія въ войнѣ Франція принесла бы мало пользы Австріи, а себя ущербъ. Ненависть къ наполеонизму превратила бы южныхъ Нѣмцевъ изъ про-

тивниковъ въ друзей Пруссіи; внутри Австріи пришлось бы еще круче прежняго, и борьба съ Пруссіей сдѣлала бы для нея необходимостію и продолженіе войны съ Италією. Отъ такой войны можно было ожидать навѣрное только двухъ вещей: ускоренія объединенія Германіи и измѣненія естественныхъ союзовъ Франціи. Все остальное было гадательно. Посредничество Людовика Наполеона могло доставить Франціи желаемое приращеніе: результатъ войны, всегда невѣрный, становился очень сомнительнѣе передъ неожиданными свидѣтельствами отличнаго состоянія Прусской арміи.

Съ другой стороны, если Франціи и не удавалось увеличиться территоріально, она, по крайней мѣрѣ, имѣла возможность приобрѣсти въ Австріи державу въ 35 миль, которую отнынѣ ни что не отдѣляло отъ нея; напротивъ, оставивъ Италію, Австрія имѣла немало общихъ интересовъ съ Францією. Пусть говорятъ сколько угодно, что Австрія теперь должна смотрѣть на востокъ и на востокѣ сосредоточивать ея силы; императоръ Французовъ лучше всѣхъ знаетъ, что Австрія ни за какія блага не откажется отъ роли нѣмецкой державы. Австрія чувствуетъ, что гражданскій вѣсъ надъ южными Славянами даетъ ей именно ея характеръ нѣмецкой державы; она видитъ, что господствовать надъ нижнимъ Дунаемъ она можетъ подъ условіемъ вліянія на верхнемъ. Кромѣ того ея преданія и политика, чисто династическія и военныя, существенно нѣмецкія. Горькая необходимость могла вынудить ея согласіе на исключеніе ея изъ германскаго Союза, но никто не повѣритъ, чтобы она отказалась отъ правъ, которыя доставила ей Имперія, а позднѣе Союзъ, и отъ упражненія ея дипломатіи преимущественно на нѣмецкой почвѣ. О результатахъ ея будущихъ дѣйствій на этомъ дѣлѣ дозволены самыя противоположныя предположенія, и настоящее состояніе Австріи, конечно, не благо-

пріятствуетъ ей группировать вокругъ нея меньшія государства и возвратитъ себѣ по Майну прежнее значеніе, но что она будетъ хлопотать объ этомъ, несомнѣнно, а для Франціи особенно важно замедлить германское объединеніе и выиграть время. Ла-валеттъ говоритъ въ своемъ циркулярѣ, что въ новомъ распредѣленіи Европейскихъ силъ нѣтъ ни чего опаснаго для Франціи, и приводитъ въ доказательство цифру жителей Франціи, по которой она остается все таки самымъ значительнымъ государствомъ западной Европы. Но эта цифра не есть еще ни единственная, ни главное условіе силы. Съ другой стороны, нынѣ превышая числомъ жителей Пруссію, какую сдѣлалъ сію послѣднюю пражскій трактатъ, Франція можетъ быть принужденною уступить ей въ этомъ, когда Нѣмцамъ австрійскимъ, какъ и было бы справедливо, удастся присоединиться къ общей семьѣ. Развѣ это не вѣроподобно? А коль скоро Германія достигнетъ своего полного единства, вѣроятнo ли, что она легче допуститъ увеличеніе Франціи? Любезнѣ ли сдѣлается берлинскій кабинетъ съ парижскимъ? Послѣднія дѣйствія прусскаго правительства плохой задатокъ въ этомъ отношеніи, хотя отказу его удовлетворить требованіе Франціи и можно найти инныя причины, нежели упрямство, именно необходимость отвести обвиненія въ политикѣ чисто династической и не показать себя съ невыгодной стороны передъ народомъ въ то время, какъ ему по неволѣ пришлось отложить довершеніе своего обширнаго плана. Но занятіе Майнца и притязанія на Луксембургъ съ другой стороны не указываютъ ли, что Пруссія, вмѣсто того, чтобы когда либо согласиться на уступку территорій и нѣмецкихъ крѣпостей, льститъ себя надеждой быть военной наслѣдницей въ Божѣ почившаго Союза?

Есть скорѣе другое явленіе, менѣ замѣченное, однако довольно важное, которое идетъ къ дѣлу, — именно не-

давнее угрожающее обращеніе прусскаго официальнаго органа къ бельгійской печати. Думало ли, вѣдливо, берлинское правительство, что нападки бельгійской журналистики могутъ создать затрудненія для него, или хотѣло оно дать почувствовать Бельгіи, чтобы она не слишкомъ рассчитывала на покровительство Пруссіи? Хотѣло ли оно, наконецъ, дать понять Германіи и Европѣ, какое вознагражденіе было бы оно расположено предоставить Франціи по подчиненіи Пруссіею всѣхъ нѣмецкихъ областей? Во всякомъ случаѣ замѣчательно совпаденіе этого Прусскаго предупрежденія съ доктриною Лавалетта объ аннексіяхъ, ихъ абсолютной необходимости, присоединяющихъ къ отечеству населенія, родственныя по обычаямъ и одинаковаго національнаго духа.

Ни отъ кого не скрыто, что надъ Европою виситъ не одинъ нерѣшенный международный вопросъ, и, слѣдовательно, не одинъ поводъ къ войнѣ: между Пруссіей и Австріей въ сущности, вѣдь, только перемиріе; вторая жаждетъ отмстить, первая спитъ и видитъ осуществить свою программу; Италія ждетъ случая добиться своихъ естественныхъ границъ и доказать, наконецъ, что она то же военная держава; Франція занимается дѣятельно усовершенствованіемъ своего военнаго учрежденія, чтобы «обезпечить отъ всякаго оскорбленія ея рангъ и вліяніе въ свѣтѣ». Зрѣтъ вопросъ восточный, и, среди всего этого, сама Россія, кажется, не совсѣмъ сложила руки со стороны военныхъ приготовленій. Куда ни оглянись, всѣ кабинеты точатъ медъ, и всѣ официальные органы проповѣдуютъ миръ, но великія правительства гораздо менѣе заняты врачеваніемъ старыхъ, или новыхъ, войною причиненныхъ, ранъ, нежели заказами ружей и переформированіемъ армій. Гдѣ и когда именно опять на несчастномъ европейскомъ материкѣ раздастся первый боевой выстрѣлъ, сказать не возможно. Но легко, безъ

лишней смѣлости, предположить, что 1867 годъ пройдетъ безъ войны, о чемъ специально и изо всѣхъ силъ озаботится императоръ Французовъ, для благополучнаго окончанія выставки и выигранія, между тѣмъ, времени на приготовленіе, и что рейнскій вопросъ и границы Франціи, явятся на очереди изъ первыхъ, будетъ ли живъ императоръ, что не очень вѣроятно, или нѣтъ, лишь бы въ послѣднемъ случаѣ Франція не была ввергнута въ слишкомъ сложныя внутреннія потрясенія. Подобные вопросы не погрѣбаются, или нужно, чтобы нація забывала всѣ свои преданія измѣнила свою натуру, нравы, обычаи, вовсе поглощенная болѣе мощнымъ побѣдителемъ. Чтобы вопросъ границъ Франціи могъ быть рѣшенъ безъ войны, не похоже на дѣло: это было бы слишкомъ необыкновенно и слишкомъ умно. Какихъ же комбинацій или союзовъ можно ожидать въ случаѣ его возникновенія по этому поводу? И это въ точности не предскажешь. Но только то вѣроятно, что ежели прежде Австрія, тѣмъ или другимъ путемъ, не удовлетворитъ вполне Италію, Италія будетъ активно съ Франціей, чтобы выручить Италианскій Тироль, Триестъ и Истрію. Дальнѣйшія сочетанія покуда не видны.

Россіи въ этомъ вопросѣ дѣлать нечего. Разумному ли увеличенію Франціи, объединенію ли Германіи, ей противиться не зачѣмъ; это было бы и преступно, и, что гораздо важнѣе въ политикѣ, вредно для нея: препятствія историческимъ тяготѣніямъ, задерживая разумное движеніе государственныхъ тѣлъ и народовъ по пути, указываемому имъ логикою Исторіи, готовятъ только осложненія, которые нынѣ отдаются по всему европейскому материку. И что можетъ быть для Россіи страшнаго и въ Германскомъ единствѣ, и въ довершеніи Франціи ея политической конформации? Не слабостію другихъ надо стараться быть сильнымъ, а собственною силою. Чѣмъ за-

ниматься тѣмъ, будутъ ли, или не будутъ всѣ Нѣмцы Германіи зависѣть отъ одного Берлина, или отъ одной Вѣны, и прирѣжется ли къ Франціи нѣсколько десятковъ, или нѣсколько сотъ квадратныхъ верстъ, не въ примѣръ настоятельно нѣе остерегаться отъ моральныхъ обаяній въ родѣ тѣхъ, подъ вліяніемъ какого находятся теперь многіе, относительно Имперіи 2 декабря, отъ духа политическихъ учрежденій наполеонизма втораго изданія. Это приготовило бы Россіи много разочарованій, потомучто этотъ нехорошій духъ не имѣетъ ничего общаго съ русскимъ, да и ни съ чѣмъ, и вся Европа борется противъ него, и, конечно, выкуритъ его, какъ начало разлагающее, а не созидающее. Вотъ по чему необходимо Россіи вооружиться противъ Франціи со стороны обаянія наполеонизмомъ, а не по отношенію къ рейнскому вопросу и ея увеличенію.

— о л —

ПОЪЗДКА ВО ВНУТРЕННЮЮ ЧЕХІЮ ВЕСНОЮ 1860 ГОДА.

Позднее, въ нынѣшнемъ году, наступленіе весны въ Чехіи долго задерживало меня въ Прагѣ; мнѣ давно уже хотѣлось вырваться изъ нея и подышать, хотя нѣсколько дней, чистымъ провинціальнымъ воздухомъ, послѣ четырехъ-мѣсячной несносной, сырой и грязной зимы пражской, и успокоить нѣсколько душу, если только возможно такое успокоеніе въ предѣлахъ австрійской имперіи, — отъ тѣхъ раздраженій и волненій, какимъ суждено было ей подвергаться ежедневно въ столицѣ Чехіи. Въ Прагу, какъ въ средоточіе управленія мнимымъ королевствомъ чешскимъ, оставшимся, кажется, единственно для пополненія императорскаго - апостольскаго титула, стекаются всѣ тѣ знаменитыя распоряженія по цѣлой странѣ Чешской, отъ которыхъ пробѣгаетъ морозъ по кожѣ, а иногда становятся и волосы дыбомъ и у привыкшихъ уже къ подобнымъ явленіямъ Чеховъ. Не обращать вниманія на эти распоряженія, не слѣдить за ихъ обнародованіемъ, нѣтъ возможности и постороннему человѣку въ Прагѣ, коль скоро прибылъ онъ сюда не съ цѣлю сидѣть только въ четырехъ стѣнахъ своей квартиры, или осматривать городъ и прелестныя его окрестности, безъ желанія при томъ узнать важное ихъ историческое значеніе: по тому что, въ послѣднемъ случаѣ, ему неизбѣжно придется столкнуться съ какимъ нибудь чехомъ, а этого уже довольно, чтобы быть посвящену и въ современное состояніе вообще народовъ австрійскихъ и въ частности

народа чешскаго подъ *отеческимъ* австрійскимъ правленіемъ. Прага, будучи центромъ администраціи въ Чехіи, въ то же время составляетъ центръ и образованности чешской, а вмѣстѣ и того родолюбія чешскаго, которое ставитъ главною своею цѣлю благо народа своего и пріисканіе законныхъ средствъ, если не къ уничтоженію, то, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію правительственныхъ распоряженій, направленныхъ непосредственно на угнетеніе народное. Естественно, послѣ этого, что каждое постановленіе, узаконеніе и какое бы ни было частное распоряженіе, становится въ Прагѣ предметомъ толковъ, всестороннихъ обсужденій, диспутовъ и заключеній, за которыми слѣдуетъ, какъ противоядіе, предложеніе и разнообразныхъ новыхъ мѣръ на пользу народную. Довольно продолжительное пребываніе мое въ Прагѣ слишкомъ широко распространило кругъ знакомства моего, на столько сблизило меня съ вожатаями и руководителями умственнаго и нравственнаго развитія Чеховъ, чтобы быть ежедневнымъ не только свидѣтелемъ, но не рѣдко и соучастникомъ въ ихъ политическо-народныхъ совѣщаніяхъ. Какъ ни тяжелы оставались впечатлѣнія послѣ каждаго изъ нихъ, какъ ни болѣзненно часто раздражали душу онѣ, но, скажу откровенно, я никогда не искалъ средствъ уклоняться отъ нихъ. Для меня, жителя отдаленнаго востока, здѣшнее положеніе представлялось до того новымъ, невиданнымъ и неслышаннымъ, отрицательность всякаго человѣческаго управленія такъ выказывалась нагло и рѣзко, что я невольно вдавался болѣе и болѣе въ наблюдательность, старался глубже и глубже проникнуть въ эту дивную администрацію, въ увѣренности, что скоро наступитъ время, когда должна исчезнуть съ лица земли и она, и когда, такимъ образомъ, прекратится возможность наблюденія надъ нею въ самой жизни; этихъ скрипучихъ отъ ржавчины, раздирающихъ уши поворотовъ колесъ ея не схватить уже наблюдатель такъ ясно, когда распадется машина; да едва ли

удастся ему потомъ отыскать и всѣ ея винты, чудовищной отдѣлки, уже теперъ перетрескавшіеся и переломанные, и съ каждою весною угрожаемые окончательнымъ обращеніемъ въ порошокъ.

Но непостоянна природа человѣка: однообразіе утомляетъ его даже и тогда, когда оно наполнено однимъ свѣтлымъ; тѣмъ скорѣе, конечно, способно утомить однообразіе, составленное изъ однихъ черныхъ цвѣтовъ, и какъ ни велико было и есть во мнѣ желаніе слѣдить за дѣйствіями шатающагося оригинальнаго правительства, тѣмъ не менѣе утомленіе оказалось слишкомъ чувствительнымъ, и я, въ послѣдніе дни, съ нетерпѣніемъ уже ожидалъ удрученія погоды, чтобы освѣжить мысли поѣздкою во внутрь страны, рассчитывая, что тамъ не буду уже слышать многого изъ того, чѣмъ по необходимости угощаешься въ Прагѣ. Въ началѣ второй половины марта прошла Волтава, окрещенная нѣмцами въ Молдаву; съ этимъ вмѣстѣ устранились и препятствія отъ разлитія многихъ рѣкъ и рѣчекъ, впадающихъ въ Волтаву на всемъ ея протяженіи, въ южной и западной Чехіи, куда прежде всего я и намѣренъ былъ направить путь свой; наконецъ, и солнце стало свѣтить чаще и грѣть теплѣе, и мнѣ не за чѣмъ было болѣе медлить: 22 марта я выѣхалъ изъ Праги, и возвратился въ нее черезъ 12 дней, какъ разъ къ своему празднику Пасхи.

Какъ ни кратко былъ срокъ перваго моего путешествія во внутрь Чехіи, какъ ни мало осмотрѣно мною и мѣстъ чешскихъ, тѣмъ не менѣе наблюденій скопилось достаточно, чтобы не считать бесполезнымъ подѣлиться ими съ другими, особенно, если принять въ соображеніе, что внутренняя Чехія остается для насъ совершенно неизвѣстною. Большинство, ежели не вся масса, русскихъ путешественниковъ ограничивается обыкновенно Прагою, да сѣверными купальнями, въ Теплицѣ или Мариенбаденѣ; другихъ мѣстъ касаются лишь на столько, на сколько касается ихъ проходящая отъ Праги желѣзная дорога на

Дрезденъ и Вѣну. Между тѣмъ судить о Чехахъ по Прагѣ, какъ это не рѣдко дѣлается, представлять положительныя заключенія о характерѣ и силѣ національности чешской по нѣкоторымъ отдѣльнымъ личностямъ, съ которыми сведеть судьба въ Прагѣ, и несправедливо и опасно. Несправедливо по тому, что большая часть пражскихъ патриотовъ люди увлекающіеся: я не ставлю ни мало имъ этого въ вину, потомучто, при настоящемъ положеніи Чехіи, человѣку, проникнутому сознательно и глубоко любовью и уваженіемъ къ угрожаемой своей народности, надобно имѣть слишкомъ необыкновенную твердость воли и безстрастіе мысли, чтобы выдержать холодное, отвлеченное сужденіе. Отъ того-то, съ весьма рѣдкими исключеніями, и приходится слышать въ Прагѣ или неограниченное самовосхваленіе, готовность отраженія всѣхъ неблагопріятныхъ доводовъ съ противной стороны и полную увѣренность въ превосходствѣ себя надъ окружающимъ міромъ и несомнѣнную надежду на скорую перемену къ лучшему, или, въ свою очередь, мрачное сомнѣніе, доходящее иногда до упорнаго отрицанія всякой возможности улучшенія, какая-то почти отчаянная увѣренность въ невозвратной гибели всего. Принимать на вѣру увѣжденія той или другой стороны опасно, особенно въ политическомъ отношеніи, потомучто мы можемъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, привести всякаго, интересующагося ходомъ дѣлъ славянскихъ, во благо, или во вредъ имъ, въ полное заблужденіе.

По этому-то, думается мнѣ, не лишнее обнародованіе впечатлѣній человѣка посторонняго, смотрящаго одиноко на жизнь народную, внѣ той сферы, которая по неволѣ способна установить *извѣстную* точку зрѣнія. Я буду держаться въ своемъ изложеніи наблюденій порядка самой поѣздки, пользуясь тѣми подробными замѣтками, какія дѣлались на самомъ пути.

И такъ, 22 марта, въ 5 часовъ вечера, выѣхалъ я изъ Праги, прежде всего на Таборъ. Желѣзная дорога еще

не коснулась ни южной, ни западной Чехии, не взирая на тѣ страшные налоги, со всевозможными дополненіями и названіями, какія обременяють несчастныхъ подданныхъ австрійскихъ. Бѣхоть надобно было въ одномъ изъ частныхъ дилижансовъ, которыхъ множество разѣзжаетъ по Чехии. Благодаря вниманію знакомыхъ, я успѣлъ захватить мѣсто въ дилижансѣ, или, какъ называютъ его Чехи, въ *доставникъ*, считающемся самымъ лучшимъ. Къ сожалѣнію, подобная рекомендація, на пространствѣ первой же мили, развила во мнѣ самое невыгодное понятіе объ удобствахъ ѣзды въ Чехии. Ежели это лучший доставникъ, думалъ я, то какой же долженъ быть худшій? И можетъ ли быть онъ? Внѣшнее устройство доставника, въ общемъ видѣ, подобно тѣмъ дилижансамъ, какіе хаживали въ былое время между Петербургомъ и Москвою, быть можетъ, ходятъ еще и теперь кое-гдѣ; различіе, кажется, состоитъ только въ яркой желтой правительственной краскѣ, которая такъ неотвязно суется въ Австріи на каждомъ шагу, не взирая на далеко непріятное дѣйствіе ея на глазъ человѣческой. Что же касается до внутренняго устройства и удобствъ, то сравнивать доставникъ съ нашими дилижансами нѣтъ ровно никакой возможности. Мѣста узкія, подушки жесткія, твердыя, и, вмѣстѣ съ стѣнами, истертыя до нельзя и загрязненыя; къ этому слѣдуетъ еще присоединить страшную тѣсноту, потому что на шестерыхъ опредѣляется столько мѣста, сколько у насъ обыкновенно занимають четверо. Непрѣятность и неудобства помѣщенія становятся еще чувствительнѣе отъ истинно мучительной ѣзды, и отъ произвольнаго распоряженія окнами отдѣльныхъ лицъ, безъ вниманія на расположеніе и волю остальныхъ пассажировъ. Это обстоятельство тѣмъ невыносимѣе, что всѣ три внутреннія отдѣленія кареты соединены между собою окнами, завѣшенными только кожанною подушкою, которая мало того что не плотно закрываетъ отверстіе, но и легко поднимается при малѣйшемъ вѣтрѣ, и, такимъ образомъ, вамъ

приходится сидѣть подѣ сильнѣйшимъ сквознымъ вѣтромъ. Медлительность же ѣзды до того убійственна, что, не смотря на невыгоды для моего скуднаго кармана, я изъ Табора же взялъ мѣсто въ почтовой каретѣ для дальнѣйшаго переѣзда. Надобно быть или глубочайшимъ философомъ, который въ своемъ міросозерцаніи не замѣчаетъ ни времени, ни пространства, или самымъ отъявленнымъ празднолюбомъ, для котораго нѣтъ выше наслажденія, какъ предаваться мечтательной полудремотѣ, чтобы быть равнодушнымъ къ подобной медлительности, при тѣсотѣ, духотѣ или сквозномъ вѣтрѣ. Можно бы еще вознаградить въ обиліи утекающее время отъ медлительной ѣзды чтеніемъ, но неровности дороги, и отъ того тряска экипажа, не позволяютъ безъ очевиднаго вреда глазамъ посвятить себя и ему. Для чужестранца, въ первый разъ вступающаго во внутренность страны, остается еще средство не безъ пользы прожить длинные часы короткихъ по пространству переѣздовъ, именно, наблюдать за странюю, за окрестностями, изучать, хотя мелькомъ, растительность, живописность видовъ, которыми такъ богата Чехія, и т. п.; но неумолимое распоряженіе пускать доставники только въ ночь уничтожаетъ и это остающееся средство. Такимъ то образомъ, приходится сидѣть безъ дѣла, съ половины пути, и безъ мысли, прогоняемой усталостію, на жесткой подушкѣ, и тянуться въ полномъ смыслѣ слова тараканьимъ шагомъ. Большею частію кони идутъ шагомъ, маленькой рысцей развѣ подѣ конецъ горки. Мудрено ли послѣ этого, что разстояніе отъ Праги до Табора, въ 12—13 миль, проѣхалъ я ровно 15 часовъ. Прибылъ въ Таборъ только къ 8-ми часамъ утра слѣдующаго дня.

Читатель можетъ замѣтить, что я упустилъ изъ виду еще одно средство, быть можетъ, самое выгоднѣйшее для полезнаго и пріятнаго препровожденія времени въ дорогѣ, именно бесѣду съ спутниками. Вполнѣ согласенъ съ читателемъ, что спутникъ, особенно туземецъ,

можетъ много передать свѣдѣній о странѣ, о народѣ, о его жизни и т. д., и тѣмъ вѣрнѣе и отчетливѣе будутъ эти свѣдѣнія, чѣмъ болѣе предлагается возможности исправить ихъ отзывами остальныхъ пассажировъ. Но, думаю, читатель согласится и со мною, что тамъ, гдѣ на каждомъ шагу попадаетъ шпионъ, гдѣ въ каждомъ незнакомомъ человѣкѣ, по привычкѣ, видишь или положительнаго комисара, или готоваго при всякомъ удобномъ случаѣ занять его мѣсто, тамъ, конечно, не разговоришься тотчасъ же съ встрѣчнымъ незнакомцемъ: по крайней мѣрѣ, я вовсе не охотникъ бесѣдовать съ людьми, которые способны ловить каждый звукъ, толковать его по своему, и представлять заключенія свои начальству полицейскому. Тѣмъ неохотнѣе рѣшился бы я прерывать молчаніе, погрузившее однихъ въ дремоту, а другихъ въ сонъ. За ужиномъ, къ которому должны были пріѣхать мы въ 10 часовъ вечера, я рассчитывалъ ближе поприглядѣться къ сосѣдямъ, и такъ какъ не будутъ же они непременно хранить молчаніе и тутъ, то вслушаться въ ихъ разговоръ и подмѣтить, ежели удастся, характеръ ихъ.

Какъ неприятна ѣзда въ доставникахъ чешскихъ, — говорю вообще, потому что, въ теченіи 12 дней, мнѣ пришлось перепробовать ихъ много, и одинъ хуже другаго, — такъ отрадно и успокоительно дѣйствуетъ гостинница чешская, все равно — городская, или деревенская. Чистота въ комнатахъ поддерживается до той степени, что глазъ не встрѣтитъ ничего неприятнаго, тѣмъ менѣе отвратительнаго; кушанье изготавляется опрятно, вкусно и изъ свѣжаго матеріала; сорвать съ проѣзжающаго лишній крейцеръ не приходится, кажется, и въ голову хозяину, или прислугѣ, при всей поразительной съ перваго раза дешевизнѣ. Я съ удовольствіемъ подкрѣплялъ себя отъ утомленія въ доставникѣ простымъ деревенскимъ ужиномъ, и, по примѣру остальныхъ, запивалъ вкуснымъ пивомъ изъ чистой, богемскаго, или, какъ называютъ на святой Руси, бемскаго стекла кружки.

Между тѣмъ не отклонялъ глазъ и особенно ушей своихъ отъ наблюденія за собесѣдниками - спутниками. Уже съ первыхъ звуковъ, произнесенныхъ ими, я поблагодарилъ себя за молчаливость въ дорогѣ: разговоръ начался прямо по Нѣмецки, и при томъ съ тѣми отгѣнками, которые обнаруживаютъ Еврейское происхожденіе. Они заставили даже прислугу перемѣнить Чешскую рѣчь, которою привѣтствовала она насъ при входѣ въ гостинницу, и въ которую облекла первые вопросы свои къ намъ о томъ, чего желаемъ мы. Поучительно, разумѣется, и похвально видѣть распространеніе языкознанія и въ простомъ классѣ; но оно отвратительно дѣйствуетъ на умъ, когда человѣкъ сообразить, что такое распространеніе обязано, во первыхъ, насильственнымъ мѣрамъ, во вторыхъ, что вы подмѣчаете его въ странѣ, имѣющей свой прекрасный, богатый и образованный языкъ, и вызваннымъ людьми, проживающими цѣлый свой вѣкъ въ этой странѣ, и обогащающимися на счетъ кровавыхъ трудовъ ея обитателей. Содержаніе разговора моихъ собесѣдниковъ обращено было на такіе предметы, и выражалось въ такихъ словахъ и звукахъ, что я легко могъ заключить о значительномъ количествѣ стакановъ выпитаго ими вина, вѣроятно, по случаю удачныхъ торговыхъ сдѣлокъ, о чемъ также проскользали изъ тяжело открывавшихся устъ ихъ намеки. Одинъ только человѣкъ, кромѣ меня, не принималъ никакого участія въ разговорѣ, не совсѣмъ - то привѣтливо носматривалъ на разговаривавшихъ, и спрашивалъ прислугу по Чешски. Онъ сидѣлъ въ другомъ отдѣленіи доставника, имѣвшемъ только два мѣста, а по тому и естественно, что я, предугадывая въ немъ настоящаго Чеха, сталъ немедленно же придумывать средства, какъ бы перебраться къ нему. Оказалось, что предложеніемъ своимъ бывшему его сосѣду, примкнувшему за ужиномъ къ кружку Еврейскому, пересѣсть на мое мѣсто, а мнѣ уступить свое, я сдѣлалъ ему еще одолженіе: онъ объ томъ же хотѣлъ просить меня, да только *совестился обезпокоить*.

своею просьбою; я вполне радовался, что природа надѣлила меня большею смѣлостью.

Знакомство началось обычными распросами: кто онъ, откуда и куда ѣдетъ. Это былъ студентъ Пражскаго Университета, филологическаго факультета, ѣхавшій на предстоящіе святки на родину, въ Генриховъ Градецъ, городъ, лежащій на юго-востокъ отъ Табора. Достаточно было не многихъ словъ, чтобы подмѣтить въ немъ и прилежаніе, и знаніе, и ту любовь непритворно благоразумную къ своимъ родинѣ и народу, какая все явственнѣе и глубже развивается между Чехами въ младшемъ поколѣніи. Я съ большимъ удовольствіемъ слушалъ его основательныя, безъ увлеченія сознательныя, сужденія о настоящемъ тяжеломъ положеніи страны и о средствахъ самыхъ естественныхъ къ его измѣненію. «Многіе изъ насъ Чеховъ, даже умныхъ и прочно образованныхъ, думаютъ, что мы уже вполне готовы къ самостоятельной, своей, народной жизни; что давившая насъ слишкомъ 200 лѣтъ всевозможными неопозволительными, часто безчеловѣчными, способами Нѣмецина уже потряслась въ самомъ основаніи, что даже масса народа сознала ея губительное вліяніе, и рѣшительно стала стряхивать наложенную ею толстую скорлупу, обнажая болѣе и болѣе ядро народное. Между тѣмъ, мнѣ знакома довольно хорошо масса народная, по крайней мѣрѣ, въ томъ окружіи, гдѣ я проживаю, и могу сказать утвердительно, что она далеко еще не проникнута такимъ отраднымъ сознаніемъ. Нѣтъ спора, что недовольство правительствомъ сильное и всеобщее, и, думается, повсюдное; но напрасно считать это недовольство за свидѣтельство негодованія народа на обезнародывающій принципъ правительства нашего. Не менѣе недовольства видимъ мы и у Нѣмцевъ чешскихъ, а причина его заключается въ увеличивающихся съ каждымъ годомъ налогахъ, дошедшихъ до невыносимо огромной величины. Матеріализмъ въ жизни нашей слишкомъ широко охватилъ насъ, чтобы простолудну,

въ преслѣдованіи имъ этого матеріализма, пришелъ въ голову отвлеченный принципъ народности, и чтобы онъ въ немъ могъ выразумѣть главное и надежнѣйшее средство поправленія и матеріальнаго его быта. Если бы правительство въ состояніи было сегодня же снять хотя половину налоговъ съ народа, то вы увидѣли бы разомъ такое въ немъ довольство, что онъ не обратилъ бы, можетъ быть, вниманія и на то, если бы ему положительно запретили говорить по Чешски и между собою. Въ этомъ отношеніи, къ счастью, правительство Австрійское не способно сдѣлать подобнаго опыта. Нѣтъ, народъ нашъ далеко еще не просвѣтленъ съ этой стороны, и лучшимъ тому доказательствомъ служить наше Чешское войско, выходящее изъ среды народа, и составляющее, даже и по сіе время, самую вѣрную Австрійскую армію. Ни Мадьяръ, ни Хорватъ, ни Сербъ, тѣмъ болѣе Итальянецъ, не пойдутъ такъ охотно, по слову враждебной народности власти, противъ своего народа: да не захочетъ правительство и дать имъ такое назначеніе; развѣ разсортируетъ ихъ между собою чужеземцами, подъ надзоромъ послѣднихъ, и съ наказомъ, у насъ не необыкновеннымъ, бить своего товарища, коль скоро не будетъ онъ дѣйствовать согласно съ приказаніями нѣмецкаго начальства. А Чехи не разъ уже кровавымъ способомъ *усмиряли* своихъ *мирныхъ* и тихихъ братьевъ. Это-то и доставляетъ силу правительству, и оно самими же Чехами умѣло давить Чеховъ. Вотъ почему и главная задача наша должна состоять прежде всего въ развитіи сознанія народнаго, въ обсужденіи его, что мы сами даемъ средства власти мучить и терзать насъ. И, благодаря Бога, задача эта понята многими изъ людей образованныхъ, и слѣды выполненія ея, хотя еще и въ началѣ, обнаруживаться уже начали. Духъ войска и тутъ служить наилучшимъ барометромъ: въ Италіи, въ числѣ перебѣжчиковъ, не мало было и Чеховъ, а громкое негодованіе на начальство и правительство вообще возвратившихся изъ похода

на родину солдатовъ Чешскихъ, всенародно высказывавшееся убѣжденіе нѣкоторыми, *что стыдъ и срамъ принадлежатъ къ Австрійской арміи*, могутъ давать крѣпкое ручательство, что недалеко время, когда и Чешское войско станетъ въ уровень съ Мадьярскимъ, Хорватскимъ и т. д., лишь бы не угасала ревность нашихъ образованныхъ патриотовъ, умѣющихъ проводить въ народъ сознание самыми законными, краткими, болѣе научно-нравственными мѣрами.» Съ такимъ направлениемъ, съ болѣе или менѣе продолжительными промежутками, шелъ разговоръ нашъ во всю ночь до самаго Табора. Я былъ вполне доволенъ нашей уединенностью, не сдавливавшей языка моего соеда; къ тому же, изъ знакомства съ нимъ я ожидалъ извлечь и болѣе существенную выгоду. Въ Таборѣ студентъ имѣлъ знакомыхъ молодыхъ людей, которымъ могъ отрекомендовать меня, а они, вѣроятно, не откажутся показать мнѣ достопримѣчательности города. Это для меня тѣмъ было необходимѣе, что на Таборъ дали мнѣ изъ Праги только одно рекомендательное письмо, оказавшееся недѣйствительнымъ, потому что лицо, на которое было оно адресовано, не оказалось дома. Безъ рекомендаціи же Русскому человѣку тяжело сойтись съ туземцемъ: онъ постоянно будетъ опасаться какого-либо обмана и думать, что подъ видомъ Русскаго человѣка скрывается какой нибудь шпионъ, желающій вызнать образъ мыслей народа. Онъ не только упорно станетъ держать языкъ за зубами, но постарается отдѣлаться и отъ общества съ вами.

Въ самомъ дѣлѣ, опасеніе отъ шпионства до такой степени развито здѣсь, что не рѣдко и коротко знакомые люди, глазъ на глазъ, остерегаются высказывать свои мысли. Такую черезъ чуръ уже излишнюю, хотя и легко объяснимую дѣйствіями правительства, боязливость Чеховъ пришлось мнѣ замѣтить и въ троихъ молодыхъ людяхъ, отрекомендованныхъ мнѣ въ Таборѣ моимъ спутникомъ, тотчасъ же отправившимся далѣе, и взявшихъ

быть мнѣ руководителями при осмотрѣ города. Тягостно, скажу болѣе, стѣснительно было для меня наблюдать за отношеніями ко мнѣ и къ встрѣчнымъ чиновникамъ, и статскимъ и военнымъ, троихъ моихъ чичероне, молодыхъ и здоровыхъ Чеховъ, во все время совокупнаго съ ними осмотра города. Они то и дѣло кланялись проходившему начальству разныхъ сортовъ, съ особенною покорностію, даже съ видимымъ подобострастіемъ, не забывая однако же, по удаленіи, запустить на счетъ каждаго лица не одно крѣпкое словцо, разумѣется, такъ тихо и съ озираніями, что слова эти скорѣе можно было понять по жестахъ и выраженію лица, чѣмъ по отдѣльнымъ звукамъ. Я не могъ даже не замѣтить и явной ихъ боязни ходить со мною, когда пришлось коснуться центра города: мнѣ думается, что они бы скоро ускользнули отъ меня, если бы въ состояніи были передать другъ другу свои соображенія; но постоянное мое присутствіе отнимало у нихъ такую возможность сообщенія, и они продолжали бродить со мною, не понимая хорошо другъ друга и не желая отстать одинъ отъ другаго. Сдержанно и разсѣянно отвѣчали они на мои пытливые вопросы и старались отклонить меня отъ намѣренія посѣтить ту или иную улицу, взглянуть еще на какое-либо старое зданіе; за то охотно выражали готовность пробраться за городъ, вдаль отъ постороннихъ глазъ, и не безъ удовольствія, наперерывъ, сообщали извѣстныя имъ историческія подробности объ отдаленныхъ и близкихъ окрестностяхъ Тabora. Мнѣ казалось неловкимъ сдавливать долѣе чувства моихъ вожатаевъ, и хотя было еще рано обѣдать, тѣмъ не менѣе, подъ предлогомъ усталости, а вмѣстѣ и родившагося аппетита, я поблагодарилъ ихъ отъ души за сопутствіе, и пошелъ въ свою гостинницу, въ надеждѣ послѣ обѣда обойти еще разъ городъ во всѣхъ направленіяхъ, и пользоваться указаніями и опредѣленіями неизвѣстныхъ мнѣ предметовъ первыми попавшимся на глаза встрѣчными горожанами. При прощаньи, Чехи попросили

у меня что нибудь на память; я вынулъ имъ визитныя карточки съ Русскимъ письмомъ: оказалось, что трое читали довольно свободно Кирилловскія наши буквы, и легко ознакомились съ моимъ именемъ и фамиліей. Когда же я, въ свою очередь, высказалъ имъ подобную просьбу, то они разомъ отвѣчали, что у нихъ нѣтъ при себѣ картъ; одинъ было вынулъ записную книжку, развернулъ уже ее, и хотѣлъ оторвать листокъ, чтобы записать на немъ имена, но вдругъ, какъ бы спохватившись чего-то, закрылъ ее и снова положилъ въ карманъ. Ясно, что онъ боялся обнаружить имена. Грустное впечатлѣніе произвели на меня эти молодые люди; мнѣ слишкомъ рѣзко представилась ихъ забитость, доходящая до самоуниженія, ихъ осторожность и боязнь, преслѣдующія ихъ даже и тамъ, гдѣ бы могло не быть имъ вовсе мѣста, гдѣ такъ строго могли опредѣлить они свое назначеніе указать только достопримѣчательности города, не вдаваясь ни въ какія политическія сужденія, на которыя я, съ своей стороны, не намѣренъ былъ и вызывать въ первые въ жизни встрѣтившихся людей. Впечатлѣніе это тѣмъ дѣйствовало на меня сильнѣе, что двое изъ чичероне вышли недавно изъ Праги, и принадлежали къ числу студентовъ. Какъ ни старался я объяснить также настроеніе ихъ систематизаціею правительства, считающаго врагомъ себѣ чуть ли не всякаго, кто напишетъ пустую хотя брошюру чисто по Чешски, но не могъ никакъ поколебать въ себѣ убѣжденія, что подобная робость, боязнь прикоснуться къ новому человѣку, такое отсутствіе самостоятельности сужденія, столь безсознательное примѣненіе общаго полицейскаго взгляда ко всякому частному случаю, даже и къ такому, въ которомъ ни одинъ Австрійскій комиссаръ не въ состояніи открыть тѣни виновности, что подобное направленіе приноситъ только вредъ самимъ Чехамъ, предоставляя полную свободу и увеличивая смѣлость въ распоряженіяхъ власти, столь непріязненной интересамъ народа.

Но что сказать о самомъ городѣ и о его жителяхъ? Какое впечатлѣніе произвели они на меня?

Городъ Таборъ, составляющій въ настоящее время центральное мѣсто для Таборскаго окружія, лежитъ на юго-востокъ отъ Праги, на правой сторонѣ рѣчки Лужницы, впадающей въ Волтаву. Образовался онъ въ 1421 году, изъ военнаго Гуситскаго стана—Табора, въ эпоху начальныхъ дѣйствій знаменитаго представителя Чешской національности, Яна Жижки, избравшаго Гуситство орудіемъ противъ господства иноземнаго. Таборъ былъ главнымъ средоточіемъ его славныхъ военныхъ дѣйствій, и потому естественно, что я желалъ подробнѣе обозрѣть городъ, въ которомъ наибольшая часть и теперешнихъ построекъ ведетъ еще свое начало отъ временъ его образованія. Мѣстность Табора великолѣпная; виды съ него на окрестность представляютъ тѣ восхитительныя картины, какія способно произвести пространство, усыянное высокими холмами и горами, перерѣзанными долинами и равнинами, и наполненное тѣмъ множествомъ разбросанныхъ, чистыхъ, на прекрасныхъ мѣстахъ выстроенныхъ деревень и деревенокъ, которыми такъ богата земля Чешская. Зелень почти еще не начиналась, деревья остались еще обнаженными, но я могъ легко вообразить себѣ прелесть картины въ полномъ разгарѣ весны и во время лѣта, когда и теперь, при всей бѣдности еще природы, съ трудомъ отрывалъ я отъ обзора мѣстности глазъ, съ нѣкоторыхъ пунктовъ города легко обнимавшій разстояніе въ четыре, пять и даже болѣе миль.

Городъ самъ стоитъ на значительномъ возвышеніи, и, по обычаю старо-Славянскому, такъ успѣшно примѣнявшемуся къ дѣлу и вождемъ Гуситовъ, въ 15 столѣтіи, упирается въ стрѣлку, образуемую Лужницей и впадающимъ въ нее потокомъ. Окруженъ онъ былъ двойными каменными стѣнами съ башнями, защищаясь съ третьей стороны частію круто-гористымъ положеніемъ, частію прудомъ, довольно длиннымъ, а еще болѣе рвомъ,

и глубокимъ и широкимъ, сколько можно судить по уцѣлѣвшимъ отъ него остаткамъ. Имя Жижки слишкомъ извѣстно Чехамъ; не смотря на Католицизмъ, память о немъ въ Чехіи всеобщая, и едвали не въ наибольшей части жителей соединена съ самою горячею признательностію и гордостію; значеніе его въ жизни народной, быть можетъ, ярко выражается и въ непритворномъ желаніи многихъ Чеховъ имѣть теперь подобнаго же Жижку, съ увѣренностію, что онъ могъ бы повернуть судьбу народа. По этому понятно, что правительство, подобно тому, какъ въ 17 столѣтіи іезуиты, для искорененія изъ памяти народно-Чешской Яна Гуса, придумали на подставу избрѣтеннаго ими Яна Непомука, дѣятельно слѣдить за подрывомъ и уничтоженіемъ всѣхъ мѣстъ, ознаменованныхъ подвигами Жижки, и съ которыми неразрывно сквано воспоминаніе о немъ. Понятно, что на Таборъ обращено всегда было особенное вниманіе, чи мудрено ли, что многое въ немъ, истребленіе чего не стоило особенныхъ издержекъ и усилій, давно уже разрушено. Въ мое пребываніе продолжали ломать часть внѣшней стѣны, остающейся теперь только въ отрывкахъ; рвы засыпаются болѣе и болѣе, хотя не предвидится никакой къ тому надобности: развѣ не думаетъ ли Правительство, что эти рвы могутъ, подъ часъ, пригодиться и настоящимъ потомкамъ Таборитовъ? Но вѣдь и самыя главныя Жижкинскія укрѣпленія строились не для настоящихъ осадныхъ орудій. Засыпанъ ровъ и съ той стороны города, гдѣ находился подъемный мостъ, слѣды котораго на землѣ и въ нижнихъ частяхъ воротъ уже не существуютъ. Но видно не досмотрѣли распорядители уничтоженія, или, быть можетъ, затруднились въ ту пору подыматься высоко, а вверху воротъ, по обѣимъ ихъ сторонамъ въ продольныхъ углубленіяхъ находятся еще деревянныя брусья съ блоками, остающіяся до времени свидѣтелями моста подъемнаго, по которому не разъ приходилось выходить Жижкѣ съ своими сподвижниками на грозныя пораженія чужеземныхъ гонителей народности Чешской.

Изъ зданій городскихъ особенное вниманіе заслуживаетъ готическій деканскій храмъ, принадлежавшій нѣкогда Августинцамъ и отличающійся высокою своею башнею; столь же старое зданіе для ратуши или *радницы*, подобно всѣмъ остальнымъ Чешскимъ радницамъ, существующимъ и въ другихъ городахъ, украшенной высокою башнею съ часами; наконецъ, домъ частный, стоящій вблизи деканской церкви, выстроенный во времена Жижки и имѣющій на стѣнѣ, съ лѣвой стороны, высѣченную изъ того же камня, изъ какого и вся стѣна, замѣчательную голову въ Турецкой фескѣ и съ густыми щетинистыми усами. Преданіе говоритъ, что голова эта высѣчена въ одно время съ постройкой дома; но ни преданіе, ни наблюденіе почтеннаго чешскаго писателя Эрбена, знакомаго прекрасно съ жизнью народною, не даютъ ни какого отвѣта на любопытный вопросъ, кого бы могла обозначить съ подобными атрибутами голова, въ Таборѣ, въ 15 столѣтіи. Вячеславъ Ганка думаетъ, что это Кудельникъ, другъ Жижки, постоянный его сподвижникъ, на глазахъ котораго и скончался Жижка. Что касается до храма и радницы, то старина ихъ ограничивается лишь внѣшнимъ видомъ, внутри все недавнее, новое. Особенно странно поразило меня чудовищно-огромные двуглавые орлы, съ только что подновленною черною краскою, съ широко распущенными крыльями, на обѣихъ, правой и лѣвой стѣнахъ, за скамьями, поставленными между алтаремъ и тѣмъ пространствомъ, гдѣ обыкновенно помѣщаются въ два ряда скамьи для посѣтителей. Мнѣ тѣмъ непонятнѣе показалось мѣсто для крѣпко прибитыхъ орловъ, что сидящіе на первыхъ, прилежащихъ къ нимъ, скамейкахъ не только должны закрывать своими спинами нижнюю ихъ половину, но и сильно тереть ихъ. Встрѣтивши въ первый разъ такое зрѣлище, я не могъ удержаться отъ вопроса, съ какою цѣлю прибиты здѣсь орлы, и въ отвѣтъ отъ спутниковъ своихъ услышалъ сначала: *не знаемъ*, а потомъ: *строятно, для украшенія*. Не видя

туть ровно никакого украшенія, а скорѣе безобразную неумѣстность, и не слыша отъ туземцевъ удовлетворительнаго и толковаго объясненія, я позволилъ себѣ самъ сдѣлать заключеніе, что начальство и въ церквахъ внесло орловъ императорскихъ для вящаго напомниманія христіанамъ Таборитскимъ о паденіи двухвостаго льва Чешскаго, котораго упорно и блистательно защищали Табориты, подъ предводительствомъ Жижки.

Во время перваго обхода города намъ чаще всего попадались солдаты да чиновники, военные и статскіе; само собою понятно, что неразлучно съ ними, и языкъ слышался постоянно Нѣмецкій. Гражданъ, мѣщанъ почти не было видно. Правда, количество жителей не велико, всего съ небольшимъ пять тысячъ, но и весь городъ слишкомъ малъ, чтобы не разсѣяться проходящимъ въ пространствахъ, и не скрыться отъ глазъ наблюдателя. Такую тихость, приближающуюся къ мертвенности, я опредѣлялъ сначала раннимъ дообѣденнымъ временемъ и домашними занятіями; но не многимъ болѣе движенія и жизни встрѣтилъ и послѣ обѣда и вечеромъ. Дѣйствительно, пробѣгая улицы и переулки города вовторой и третій разъ, я кое-гдѣ подмѣчалъ жителей, ходившихъ какъ-то грустно, понуря голову, какъ будто боясь глядѣть прямо и вверхъ, чтобы не видѣть дѣйствительности въ своей родинѣ, столь несогласной ни съ исторіею ея, ни съ преданіями, которыя живо передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ рассказывалъ мнѣ студентъ, ѣхавшій вмѣстѣ въ доставникѣ. Подъ вечеръ, при закатѣ солнца, стало выходить нѣсколько больше людей изъ безжизненныхъ домовъ; но они не гуляли въ городѣ, по которому шуркали бѣлые мундиры и рогатыя форменныя фуражки чиновниковъ: видно картины приглядѣлись имъ, а, можетъ быть, и съ перваго раза они не интересовались ими. Соединяясь въ пары, или сходясь по трое, они спѣшили вонъ изъ городскихъ улицъ, или размѣщались на длинныхъ скамьяхъ, поставленныхъ на отвѣсномъ берегу Лужницы, откуда

виднѣлась съ правой стороны часть Жижковой стѣны, не много подалеже за нею твердыя каменныя ворота, съ остатками подъемнаго моста, вправо же, пониже, превосходно расположенное кладбище, принявшее въ себя не одного и изъ сподвижниковъ Жижки; слѣва и противъ лица обширныя черно-сѣрыя поля, только что вспаханныя, засѣянные и забороненныя, съ перемежающимися на нихъ холмами и горами. Тутъ сѣдѣли они, и смотрѣли больше вдаль, чѣмъ разговаривали между собою. Нѣсколько разъ прошелъ мимо нихъ, желая вслушаться въ свойство звуковъ: правда, полуубитый видъ сидѣвшихъ, мѣсто, ими выбранное, довольно убѣдительно свидѣтельствовали, что это не члены нагло-гордой націи, считающей себя господствующею въ Австріи; что они тѣмъ менѣе могутъ подходить и къ той народности, которая во многихъ странахъ Имперіи, кажется, успѣла пересилить и первую, и, благодаря правительственнымъ распоряженіямъ съ новаго года, начала грязно-надменно предъявлять свои права на полное хозяйство въ Чехіи, очевидно, что сидѣвшіе были Чехи. Но мнѣ хотѣлось опредѣлить степень выдержанности у нихъ своей народности, которая всюду, тѣмъ болѣе подъ чужеземнымъ владычествомъ, выталкивающимъ всѣми средствами туземный не Нѣмецкій языкъ изъ своихъ областей, нагляднѣе выражается въ степени употребленія родной рѣчи. Въ изрѣдка схватываемыхъ мною тихихъ звукахъ, въ самомъ дѣлѣ, было много Чешскихъ, но къ сожалѣнію, не могу сказать, чтобы мало было и Нѣмецкихъ. Едва ли несправедливо заключить, что тотъ и другой элементы высказывались одинаково; сначала пришла мнѣ въ голову такая догадка, что не потому ли введена была Нѣметчина, что меня приняли за какого-либо чиновника, а слѣдовательно всего ближе за Нѣмца, или за Чеха, предавшагося *мышленію Австрійскому*; но отъ нѣкоторыхъ группъ я совершенно былъ скрытъ, и, однако же, изъ нихъ долетали также звуки Нѣмецкіе. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ другимъ, еще разительнѣйшимъ, съ исключительною

Нѣмецкиною огромной массы, объдавшей со мною въ гостинницѣ, дали мнѣ право предполагать, что усилія Правительства не остались вполнѣ тщетными сдѣлать изъ Жижковой резиденціи городъ Австрійскій, изъ враждебныхъ Германизму Таборитовъ, если не полунѣмцевъ, то, по крайнѣ мѣрѣ, получеховъ, выбить изъ нихъ спасительный духъ Гуситства и всецѣло подорвать ту энергію, какою славились ихъ предки, и какая одна способна привести народъ къ желаемой перемѣнѣ. Вскорѣ я узналъ, что предположеніе мое не ошибочно, что и сами Чехи подобнымъ же образомъ думаютъ о Таборѣ, и что въ немъ дѣйствительно не осталось слѣдовъ Гуситскаго ученія, хотя въ другихъ городахъ Гуситизмъ и подъ личиною оффиціального Католичества весьма не рѣдокъ.

Да, Нѣмецкина въ языкѣ, а съ нею и видимая безхарактерность въ натурѣ жителей, пустили глубокіе корни въ Таборѣ. Въ гостинницѣ вся прислуга, какъ ни много ея, заговариваетъ съ прибывшимъ не иначе, какъ по Нѣмецки, переходитъ она на Чештину развѣ тогда, когда вы на нѣсколько ея Нѣмецкихъ вопросовъ отвѣтите по Чешски. Ваше желаніе, впрочемъ, держаться строго языка страны, забывается скоро, и черезъ часъ тотъ же человѣкъ, кто раго вы побудили оставить Нѣмецкій языкъ въ разговорѣ съ вами, обращается снова къ нему при послѣдующихъ требованіяхъ вашихъ. Ясно, что такихъ случаевъ встрѣчается прислугѣ не много, она не привыкла къ нимъ и держится обычнаго, господствующаго языка. Даже между собою говорятъ служащіе по Чешски въ тихомолку, при встрѣчахъ въ корридорѣ, или на дворѣ; въ присутствіи же посѣтителей, въ комнатахъ, находятъ удобнѣйшимъ обращаться въ Нѣмцевъ.

На слѣдующее утро я долженъ былъ выѣхать съ почтою на Будѣвицы (Будвейсъ), въ 5 часовъ, какъ значилось на выданномъ мнѣ билетѣ. Но видно и здѣсь пишется одно, а дѣлается другое. Когда явился я за четверть часа до опредѣленнаго къ отъѣзду срока въ контору почтъ,

то мнѣ очень спокойно объявилъ писарь, разумѣется, уже по Нѣмецки, какъ и слѣдовало чиновнику Австрійскому: напрасно изволили побезпокоиться вставать такъ рано; почта придетъ не раньше 7 часовъ, а весьма можетъ быть, что еще и того позже.» Да за чѣмъ же на билетѣ-то значится *пять*? — возразилъ я ему. «Да это такъ постановлено; но въ пять часовъ никогда не отправляется.» Увѣрившись совершенно, что раньше семи часовъ ужь ни въ какомъ случаѣ отѣхать я не могу, и имѣя, такимъ образомъ, въ распоряженіи еще слишкомъ два часа, я рѣшился опять сходить въ храмъ *Клокотовскій*, лежащій на западной сторонѣ города, на разстояніи получаса ходьбы отъ него. Дорога, ведущая къ церкви Клокотовской, состоитъ изъ спуска съ горы Таборской и довольно крутаго подъема на гору, гдѣ расположена церковь съ прилежащими къ ней двумя зданіями, занимаемыми служителями церкви и приходскою школою. Внизу между горами протекаетъ тотъ потокъ, который впаденіемъ своимъ, саженьяхъ во ста отъ мостика, въ Лужницу образуетъ стрѣлку, составившую мѣстность Табора. Вторая половина дороги называется путемъ Иисуса Христа, потому что на всемъ ея протяженіи разставлены каменные кресты съ изображеніемъ мученій Спасителя. Около нѣкоторыхъ изъ крестовъ стояли на колѣняхъ сельскія женщины, изрѣдка и мужчины, и молились, произнося молитвы по Чешски. Это былъ Великій четвергъ, и слѣдовательно, время праздника пути Спасителя. Любовь къ изображеніямъ Святыхъ простерта здѣсь до того, что даже на простыхъ камняхъ, лежащихъ по сторонамъ дороги, особенно на оторванныхъ глыбахъ скалъ у потока, все постоянно встрѣчается нарисованными, довольно, впрочемъ, грубо, лики Божіей Матери и Спасителя. Когда поднялся я на гору, солнце начало уже всходить, и видъ на крутую гору, покрытую лѣсомъ *Пытовкою*, на противоположной сторонѣ — близкой Лужницы, былъ великолѣпенъ. Подъ этимъ лѣсомъ находится и желѣзный источникъ съ купальнями. Отсюда же,

на югъ отъ города, видна деревня *Горы*, гдѣ добывается серебро; за нею, немного далѣе, на берегу той же *Лужницы*, *Старый Таборъ*, новое поселеніе на мѣстѣ бывшаго *Сезимовато устья*, разрушеннаго и истребленнаго, въ 1420 году, Гуситами; *Хотовины*, деревня не вдалькѣ отъ Пражской дороги, съ замкомъ старымъ на возвышеніи, съ паркомъ и красивою церковью. Полюбовавшись съ полчаса на эти картины, я отправился назадъ: заходить въ церковь Клокотовскую мнѣ не было надобности, потому что наканунѣ осмотрѣлъ ее достаточно, и не нашелъ ничего замѣчательнаго, кромѣ толщины пастора, до того огромнаго объема, при всей видимой его нестарости, что, во время служенія, онъ съ большимъ трудомъ могъ поворачиваться.

По возвращеніи моемъ къ почтовой конторѣ не прошло и десяти минутъ, какъ подъѣхала къ ней уже почта. Отдача и приѣмъ вещей продолжались не долго, и въ половинѣ восьмага мы выѣхали изъ Табора.

Въ сосѣдствѣ со мною оказалась пожилая дѣвица, ѣхавшая изъ Моравіи на свою родину, въ Будѣвицы. По происхожденію она Чешка, и такъ плохо говорила чешски, что даже совѣстилась меня, чловѣка чужаго, въ которомъ также могла подмѣтить, что Чешскій языкъ ему не родной. Я не могъ и не смѣлъ обвинить ее, видя въ ней все таки желаніе продолжать разговоръ по-чешски, и, выслушавъ подробную исторію воспитанія ея, равно и всѣхъ остальныхъ дѣвицъ въ Будѣвицахъ. Можно ли научиться Чешскому языку тамъ, гдѣ съ самаго дѣтства слышишь вокругъ исключительно почти Нѣмецкій, гдѣ въ школахъ и пансіонахъ положительно даже запрещается говорить иначе, какъ по-нѣмецки. Теперь, особенно съ 48-го года, обстоятельства значительно перемѣнились: родной языкъ мало по малу получаетъ большій просторъ; стали учиться ему и тѣ, кто даже забылъ, что онъ принадлежитъ не Нѣмцамъ. Я слышалъ уже много объ отрядной перемѣнѣ декорации въ Будѣвицахъ, лѣтъ 15—20

сему назадъ входившихъ въ составъ городовъ, на которыхъ успокоивалось уже обезнародывающее правительство, считая дѣло онѣмеченія ихъ поконченнымъ. Это возрожденіе, или, правильнѣе, перерожденіе города служило для меня одною изъ побудительныхъ причинъ посѣтить его и собственными глазами и ушами увѣриться въ радостной истинѣ.

Дорога отъ Табора до Будѣйовицъ восхитительная, что касается до мѣстоположенія окрестностей: это обширная возвышенная равнина, приподнятая нѣсколько въ различныхъ концахъ, такъ что наклонности чрезвычайно постепенны и кое-гдѣ едва замѣтны. За то, подѣзжая къ Будѣйовицамъ, вы поражаетесь высотой и разнообразіемъ горъ, виднѣющихся и не вдалькѣ за городомъ и на отдаленномъ горизонтѣ: такъ и видно, какъ на югѣ отрѣзываютъ онѣ Чехію отъ сосѣдней Австріи.

Тутъ-то, на этомъ пути, полюбовался я и на обработку полей трудолюбивыхъ и образованно-хозяйственныхъ Чеховъ. Какая чистота, какая заботливость! Поселяне пахали землю, нѣкоторые уже боронили; но попадались и сѣяшіе. Плугъ на колесахъ, везомый парюю волонъ, или коней, идетъ какъ бы самъ собою: не видно усилія ни со стороны челоуѣка, ни со стороны животнаго. О боронѣбѣ нечего и говорить. Большая часть сѣявшихъ состояла изъ женщинъ: въ этомъ, кажется, особенность, сравнительно съ нашимъ бытомъ. Достаточно мелькомъ взглянуть на землю, чтобы быть убѣждену въ превосходномъ ея плодородіи: она рыхла, пропитана навозомъ и разсыпается въ мелкіе куски подъ плугомъ. Въ первый разъ въ жизни удалось мнѣ встрѣтить такую аккуратность въ проведеніи грядокъ: вся полоса выдается выпукло, какъ будто отдѣлена она отъ остальной земли. При такомъ только способѣ и свойствахъ обработки полей смотришь съ наслажденіемъ и благодарностію на землю, какъ на истинную питательницу. Удрученіе скота, недовольство и какая-то насильственность крестьянина, въ другихъ мѣстахъ, много отнимаетъ преле-

сти и чувства. Здѣсь, напротивъ, невольно видишь, какъ наслаждается и самъ трудящійся, и съ какою непритворною и утѣшительною заботливостію смотритъ онъ на свое занятіе.

Конечно, мѣстность и спеціальныя условія много помогаютъ землѣ. Обиліе рѣчекъ, извивающихся и орошающихъ во время весеннихъ разливовъ почву, протекающіе ручейки и также выходящіе изъ своихъ береговъ весной *рыбники* (пруды), которыхъ такое множество въ Чехіи, при естественной наклонности полей къ этимъ водовмѣстилищамъ, удивительно увлажняютъ землю къ той порѣ, когда влага ей всего нужнѣе. Множество лѣсовъ, по дорогѣ отъ Табора къ Будѣйовицамъ, содѣйствуя также поддержанію влажности на поляхъ, разбросанныхъ между ними, указываетъ собою ясно на громадность ихъ въ старое время, о чемъ такъ положительно свидѣтельствуетъ и древнѣйшій, XII вѣка, чешскій лѣтописецъ. Съ давнихъ поръ и до настоящихъ дней Чехи этихъ мѣстъ сплавливаютъ лѣса по Лужницѣ, Сазивѣ и Волтавѣ, — не мало попадалось плотовъ и мнѣ на пути, — и все-таки лѣсовъ больше, чѣмъ сколько требуется для Чехіи. Не мудрено, что лѣсъ отправляется посредствомъ Волтавы по Эльбѣ и въ чужіе края, составляя значительный доходъ Чехіи. Къ сожалѣнію и къ несчастію, народное умѣнье пользоваться *постоянно* природнымъ богатствомъ перестало служить руководителемъ для онѣмеченнаго, промотавшагося или проматывающагося чешскаго дворянства, владѣющаго значительными пространствами въ землѣ вѣрныхъ народу своихъ предковъ. По мѣрѣ увеличенія долговъ, дворяне безъ разбора истребляютъ на продажу лѣсъ, и многія мѣста обнажены уже совершенно.

На срединѣ дороги, между Таборомъ и Будѣйовицами, лежитъ Собеславъ, небольшой городокъ, кривыми своими улицами доказывающій наглядно на старину своего рожденія. На площади, передъ старинно-готическою церковью, предстала нашимъ глазамъ значительная масса солдатъ,
8*

на походномъ положеніи. Они уже были на готовѣ идти, и дѣйствительно минутъ черезъ пять послѣ нашего приѣзда пошли по направленію къ Прагѣ. Изъ разспросовъ я узналъ только одно, что солдаты эти стояли мѣсяцевъ пять въ Будѣйовицахъ, и теперь потребованы въ Прагу; о причинѣ такого требованія не выражалъ никто и догадокъ. Выпивши кофе, который спросилъ, и за который расплатился по нѣмецки на томъ основаніи, что вокругъ меня раздавался только одинъ языкъ нѣмецкій, я остановился у окна, противъ входа въ церковь, и, пользуясь остающимися свободными минутами, наблюдалъ за проходившими въ нее. Большая часть послѣднихъ состояла изъ поселянокъ, которыя своимъ костюмомъ, особенно формою повязки головы платкомъ, удивительно какъ напомнили мнѣ Россію: платки были у всѣхъ бѣлые, длинные, вышитые по краямъ прорѣзью. Особенность, кажется, заключалась въ однихъ красныхъ, чисто народной принадлежности, чулкахъ, обнаженныхъ больше чѣмъ на половину короткою юбкою. Чулки эти были у однихъ всецѣло красные, у другихъ съ тѣми синими и точно такими же стрѣлками, какія въ обыкновеніи и на Руси на бѣлыхъ чулкахъ. Но вотъ появились и чиновники. Они шли въ мундирахъ, при саблѣ, съ треугольными шляпами на головахъ; на нѣкоторыхъ надѣты были бѣлые брюки съ золотыми лампасами, столь извѣстные и въ нашемъ отечествѣ. Почему чиновничество облеклось въ мундирную форму, не могу сказать, — потому ли, что это былъ великій четвертокъ, или, быть можетъ, оно въ этотъ день приобщалось. Нельзя было не замѣтить, съ какою гордостію, неприступною важностію, выступали чиновники среди поселянъ и поселянокъ; съ какою заносчивою самонительностію поднимали они палецъ къ шляпѣ, въ отвѣтъ на покорные поклоны послѣднихъ. Да, далеко не у насъ однихъ привѣщенная шпага къ форменному статскому полукафтану и треугольная шляпа придають особую осанку носящимъ ихъ людямъ. Здѣсь, конечно, было страннѣе смот-

рѣтъ на подобное явленіе, потому что, съ одной стороны, чувствуешь, что ты довольно уже далеко углубился на западъ, съ другой, — что эти люди чужіе землѣ и обитающему на ней народу, выпущенные на нее подобно волкамъ въ мирное стадо овецъ. Въ часъ по полудни, 2 марта (ст. ст.), прибылъ я въ Будѣйовицы.

Городъ расположенъ при впаденіи рѣчки Мальши въ Волтаву, здѣсь еще весьма узкую и не глубокую. Равнина, на которой находится городъ, считается одною изъ немногихъ самыхъ красивѣйшихъ равнинъ въ Чехіи. И дѣйствительно, достаточно бѣлаго взгляда на окрестности города и на виднѣющуюся даль по всѣмъ направленіямъ, чтобы не считать увлеченіемъ восторга Чеховъ. Тутъ встрѣтите вы, особенно съ западной стороны, высокіе берега зеленой Шумавы, отдѣляющей Чехію отъ Баваріи; многія вершины Шумавскаго лѣса покрыты еще снѣгомъ, который, при свѣтѣ солнца, переливающимся своимъ блескомъ, образуетъ по истинѣ восхитительную картину; тутъ увидите вы, въ различныхъ направленіяхъ, и не одинъ старій замокъ, то полуразрушенный и покинутый, то еще твердый, обитаемый, быть можетъ, еще ожидающій часу, когда снова въ состояніи будетъ принести пользу бѣдному народу; не разъ блеснетъ передъ вашими глазами, и вдали и вблизи, и въ большомъ и въ маломъ объемѣ, прудъ, справедливо называемый Чехами у себя рыбникомъ, но обилію рыбы во всѣхъ почти прудахъ чешскихъ. Въ очаровательномъ мѣстѣ лежитъ и имѣніе князя Шварценберга, называемое по чешски *Глубокá* (Hluboká), а по нѣмецки *Frauenberg*: имѣніе это посѣтилъ во время Вѣнскаго конгресса Александръ Благословенный, и теперь еще, въ его память, находится тамъ гостинница, подъ именемъ Императоръ Александръ Первый. Въ недавнее время, выстроены здѣсь новый великолѣпный дворецъ, со всевозможно-роскошною обстановкою, вогнавшею владѣтеля въ долги, не приносящую ему никакой пользы, имъ почти непосѣ-

щаемою, и заставившею обратиться къ безрасчетной порубкѣ и продажѣ лѣсовъ.

Пріѣхавши въ городъ, я при самомъ выходѣ изъ почтовой кареты, встрѣченъ былъ нѣмецкимъ языкомъ, приѣтствовавшимъ меня на какомъ-то едва едва понятномъ для меня нарѣчїи, и предлагавшимъ услуги снести мой дорожный мѣшокъ, куда укажу я. Отвѣтъ мой, а за тѣмъ и необходимые вопросы, предложенные по чешски, не обратили вовсе вниманія услужливаго челоуѣка, и онъ продолжалъ удовлетворять пытливость мою по прежнему своимъ нѣмецкимъ діалектомъ. Такъ какъ слова его были прямымъ отвѣтомъ на мои вопросы, то я заключилъ, что чешскую рѣчь онъ понимаетъ, но, или не можетъ, или не хочетъ отвѣчать ею. Во время пути къ гостинницѣ, мимо рынка, я точно также долженъ былъ слушать отъ проходившихъ и стоявшихъ людей *только* нѣмецкую рѣчь. Само собою понятно, что въ гостинницѣ, отъ прислуги нечего было и ожидать чешчины. Уложивъ свои вещи въ указанной мнѣ комнатѣ, и чувствуя порядкомъ голодь, я немедленно же спустился внизъ, въ столовую. Здѣсь обѣдъ шелъ въ полномъ разгарѣ; посѣтителей было множество; значительнѣйшую часть ихъ составляли бѣломундирные защитники срединнаго государства, занимавшіе собою средній столъ. Чиновники статскіе и вообще люди цивильные сидѣли за меньшими столиками около стѣнъ. Всѣ они, вмѣстѣ съ шмыгающими грязными мальчишками, разносившими безпрестанно кружки пива, и съ толстымъ хозяиномъ, приторно-ласково улыбавшимся, говорили по нѣмецки: чешскаго звука не удалось мнѣ услышать ни одного.

Понятно, что первое впечатлѣніе отъ Будѣйовицъ было далеко не въ ихъ пользу, и я невольно уже началъ сомнѣваться въ правдивости словъ, слышанныхъ мною и въ Прагѣ и на пути, будто чешчина такъ уже укрѣпилась въ Будѣйовицахъ, что ихъ и узнать нельзя, сравнительно съ прежнимъ временемъ. Впрочемъ, подобное впечатлѣніе можно было переносить гораздо равнодушнѣе и спокойнѣе;

это не Таборъ, лежащій чуть не въ центрѣ страны, вблизи золотой Праги и славный блистательными, чисто народными воспоминаніями: Будѣйовицы углубились слишкомъ далеко на югъ, размѣстились почти на самой границѣ съ Австріей, и съ давнихъ поръ подчинились преобладанію нѣмецкаго элемента, — а вязкая живучесть этого элемента извѣстна повсюду. Мнѣ только неприятно было быть оболыщену Чехами, а также грустно было подмѣтить въ нихъ и тутъ увлеченіе. Но, къ счастію, ни я не оказался оболыщеннымъ, ни Чехи, въ этомъ случаѣ, увлекающимися.

Окончивъ на-скоро свой обѣдъ, и дорожа временемъ, я тотчасъ направилъ путь къ одному изъ тѣхъ Чеховъ, на котораго имѣлъ письмо. Уже при распросахъ дорогою о мѣстѣ жительства искомага лица, могъ я достаточно убѣдиться, что нѣмецкая говорливость горожанъ вовсе не должна свидѣтельствовать о незнаніи ими чешскаго языка или о неохотѣ говорить на немъ. Отъ гостинницы пройти надобно было довольно большое разстояніе, и я нарочно-едвали не на каждомъ десяткѣ шаговъ, спрашивалъ проходившихъ о томъ, какъ должно мнѣ идти. Отвѣты на чешскіе мои вопросы были также чешскіе, чисто и правильно произносимые; хотя, въ то же время, нельзя было не замѣтить, что нѣкоторые изъ отвѣтившихъ мнѣ по чешски обращались немедленно къ нѣмецкой рѣчи, какъ скоро попадался имъ знакомый. Какъ ни значительно этотъ опытъ ослабилъ во мнѣ первое впечатлѣніе, тѣмъ не менѣе, явившись къ откомендованному мнѣ изъ Праги Чеху, я не замедлилъ высказать ему свое первое мнѣніе довольно рѣзко, что Будѣйовицы чисто городъ нѣмецкій. Новый мой знакомый видимо былъ изумленъ; ему какъ будто подобное извѣстіе было не только новымъ, но и невозможнымъ. Подумавъ нѣсколько, онъ началъ: «вы, безъ сомнѣнія, составили такое понятіе о нашихъ Будѣйовицахъ по нѣмецкому говору, который пришлось вамъ слышать на улицахъ и въ гостинницѣ; но не забудьте, что у насъ очень много природныхъ Нѣмцевъ, и что прави-

тельство нѣмецкое, поэтому нисколько не удивительно, что и языкъ нѣмецкій распространенъ такъ широко, и на мѣстахъ особенно общественныхъ, закрываетъ собою чешскій: присоедините къ этому и обиліе офицеровъ, почти исключительно изъ Нѣмцевъ. И все таки Будѣйовицы теперь больше чешскій городъ, чѣмъ нѣмецкій. Я не говорю уже о Чехахъ, которые всѣ говорятъ по чешски въ настоящее время, тогда какъ лѣтъ за 15—20 это было рѣдкостью и между ними; едвали и не каждый Нѣмецъ, обитающій въ Будѣйовицахъ, умѣетъ по чешски. Правда, въ устахъ старыхъ Нѣмцевъ чешскій языкъ уродуется сильно, за то молодое поколѣніе, ихъ дѣти говорятъ уже чище, а многіе и совершенно чисто. Тогда какъ между Чехами становится не необыкновеннымъ найти челоуѣка, и не первой молодости, не знающаго по нѣмецки. Вотъ какой прогрессъ совершился у насъ, въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ, и въ этомъ смыслѣ мы можемъ положительно сказать, что Будѣйовицы узнать нельзя; также мы можемъ смѣло надѣяться, что при такомъ же ходѣ вещей и въ будущемъ, черезъ другія 20 лѣтъ, не будетъ слышно нѣмечины и въ общественныхъ мѣстахъ.» Какъ бы нарочно въ доказательство словъ новаго знакомаго, пришелъ къ нему молодой Будѣйовицкій мѣщанинъ, Чехъ рослый и красивый мужчина, съ просьбою, чтобы онъ потрудился перевести выданную имъ ему бумагу по нѣмецки на чешскій языкъ, потому что то лице, къ которому относилась эта бумага, не понимаетъ понѣмецки. Просьба эта была выполнена немедленно же, съ видимымъ удовольствіемъ, и съ законнымъ засвидѣтельствованіемъ новой бумаги. Къ сожалѣнію, я не могъ долго оставаться у этого умнаго и разсудительнаго челоуѣка. Съ одной стороны, съ каждымъ пятью минутами къ нему приходили все новыя лица, по разнымъ дѣламъ, съ другой, — и мнѣ слѣдовало еще посѣтить троихъ Будѣйовичанъ, да не упустить времени и для осмотра городскихъ достопримѣчательностей.

Изъ троихъ, кого мнѣ хотѣлось видѣть, я засталъ только

одного: двое выѣхали за нѣсколько дней до моего прїѣзда изъ города, и намѣревались возвратиться не ранѣе, какъ еще дня черезъ три или четыре; жалко было мнѣ особенно не застать Бендля, профессора будѣйовицкой духовной семинаріи, предпринявшаго уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ переводъ на чешскій произведеній нашего Пушкина, — напечатавшаго нѣсколько изъ него переводовъ, въ двухъ предшествующихъ годахъ, въ Журналъ чешскаго музея, и въ самомъ концѣ прошлаго года, издавшаго отдѣльно въ Писку первый томъ переводовъ, подъ заглавіемъ: *Alexandra Puškina Básně Rozpravné, z ruského přeložil V. Bendl. V Pisku 1859. Svázek 1.* Сюда вошли: 1) предисловіе, состоящее изъ краткаго обзора жизни поэта и характеристики его поэтической дѣятельности; 2) переводъ Братьевъ разбойниковъ; 3) Цыганъ; 4) Кавказскаго плѣнника; 5) Графа Нулина; 6) Полтавы; 7) Бориса Годунова. Сильная привязанность переводчика къ Пушкину, его глубокое къ нему уваженіе, и какое-то благоговѣніе, высказались ясно въ эпиграфъ, заимствованномъ изъ сочиненія талантливаго писателя чешскаго, Коубка. Я приведу этотъ эпиграфъ, въ увѣренности, что каждому русскому читателю не трудно будетъ понять его въ самомъ оригиналѣ.

Čtĕte věstce. Bohem nadĕného; ¹
 Oni' ne ménĕ v říši ² duchů platí, ³
 Nežli mudřec, jenž se myslí tratí.
 V hloubi oceánu hvĕzdnatého.
 Jeho svobodný zrak ⁴ tamo pne se,
 Kam ⁵ se nikdy filosofů hledy
 Smĕle neodváží na zvĕdy, ⁶
 Ani šměly tubus ⁷ pedonese.

Я сравнивалъ переводъ Бендля съ оригиналомъ, и не могъ не восхищаться точною и полною передачею мысли нашего поэта, при строгой выдержанности, правильности

1 Вдохновеннаго. 2 Царство, области. 3 Стоитъ, цѣнится. 4 Взглядъ. 5 Куда. 6. Исслѣдованія. 7. Телескопъ.

чешскаго языка, ровности и гладкости стиха, едва и кое-гдѣ дающаго читателю замѣтить, что онъ имѣетъ подъ рукою не оригинальное произведеніе. Крайне будетъ жалко, ежели такъ отчетливо изучившій русскій языкъ, такъ вѣрно понявшій переводимаго автора, Бендль не будетъ въ состояніи довести до конца своего перевода, столь завлекшаго его, какъ слышалъ я отъ его друзей, и которому предался онъ такъ сердечно. А между тѣмъ, кажется, невольное его настоящее положеніе способно возбудить сомнѣніе. Бендль человѣкъ бѣдный и, замѣтивъ невозможность поддерживать свое существованіе въ Чехіи литературой, нашелся вынужденнымъ поступить въ духовное званіе. Въ іюнѣ или іюль мѣсяцѣ текущаго года назначено уже посвященіе его въ священники *; ему придется плохо, если судьба будетъ держать его въ вѣдѣніи епископа, подобнаго настоящему будѣйовицкому.

Высшее духовенство чешское, говоря вообще, почти постоянно бываетъ одинаковаго воззрѣнія съ чиновничествомъ, и также упорно поддерживаетъ принципы *австрійскаго* правительства. А ужъ конечно, съ этими принципами не согласуется обработка чешскаго языка, когда и свѣтскій человѣкъ, правильно пишущій по чешски, становится въ глазахъ полиціи въ рядъ людей подозрительныхъ.

Но ежели я могъ скорбѣть о потерянной возможности познакомиться лично съ Бендлемъ, за то долженъ радоваться и благодарить судьбу за сближеніе меня съ другимъ человѣкомъ, также духовнымъ лицомъ, воспоминаніе о которомъ едва-ли изгладится когда-нибудь изъ моей памяти. Онъ оставался одинъ, къ кому имѣлъ я письма изъ Праги, и не найти его было бы для меня тѣмъ большимъ горемъ, что городъ мною вовсе еще не былъ осмотрѣнъ, а отрывать отъ должныхъ занятій перваго моего знакомаго казалось мнѣ и неприличнымъ и просто невозмож-

* Вотъ прекрасный случай содѣйствовать Славяно-Русскому дѣлу; дайте средства даровитому переводчику продолжать свой трудъ. Мы обращаемся къ нашимъ читателямъ. *Пр. изд.*

нымъ, хотя онъ и выражалъ готовность сопутствовать мнѣ, если я не найду никого изъ другихъ. Я встрѣтилъ священника уже въ воротахъ его дома, шедшимъ въ церковь, гдѣ пришлось бы остаться ему часовъ до 7 вечера. Едва только узналъ онъ, что передъ нимъ стоитъ Русскій, какъ тотчасъ-же схватилъ меня подъ руку, повернулъ назадъ, и послалъ дать знать въ церковь, что быть въ ней онъ не можетъ. Мы помѣстились въ простой, но чистой и опрятно убранной комнатѣ, занятой по срединѣ письменнымъ столомъ, на которомъ лежала тетрадь еще съ невысохшими чернилами, — ясный знакъ, что только что оставила ее писавшая рука; около стѣнъ стояли небольшие шкапики, наполненные книгами.

Небольшой человекъ, лѣтъ 33, съ большими карими глазами, на которыхъ замѣтны были какія-то темноватая, въ первый разъ мною видѣнные, пятна, съ пріятнымъ и кроткимъ, такъ и вызывающимъ привязанность и дружбу къ нему выраженіемъ лица, оказался достойнѣйшимъ Славяниномъ, справедливѣйшимъ Чехомъ и трудолюбиво дѣйствующимъ въ литературѣ, хотя, согласно съ его цѣлю быть понятнымъ Нѣмцамъ въ опроверженіи возводимыхъ ими небылицъ, обнаруживающихъ зачастую крайнее невѣжество въ жизни и наукѣ славянской, и на нѣмецкомъ языкѣ. Онъ довольно болѣзненный человекъ, не въ состояніи предаваться усиленнымъ занятіямъ, какъ бы хотѣлось ему: тѣмъ не менѣе, нельзя не замѣтить въ немъ той серьезности и во взглядѣ, и въ способѣ занятій, какая придаетъ ему значеніе истиннаго ученаго, и какая съ такимъ вредомъ, быть можетъ, далеко не въ одной литературѣ и наукѣ, отсутствуетъ въ современной учено-литературной молодежи. Я съ перваго взгляда полюбилъ этого человека, съ первыхъ мыслей его почувствовалъ къ нему глубокое уваженіе и, признаюсь, съ грустію долженъ былъ отказаться провести съ нимъ болѣе девяти или десяти часовъ.

Возрѣніе моего новаго собесѣдника на настоящую дѣ-

ательность учено-литературную молодого поколѣнія чешскаго, поразило меня тѣмъ рѣзче, чѣмъ не согласнѣ оно было съ предлагавшимися мнѣніями молодыхъ пражскихъ quasi ученыхъ и литераторовъ, и чѣмъ ближе сходило съ моими личными наблюденіями, вѣрность которыхъ я опасался еще считать несомнѣнною. «Наше молодое поколѣніе, говорилъ мой пріятель, способно каждаго мыслящаго челоуѣка привести къ сомнѣнію, грусти и даже къ опасенію за успѣхъ въ будущемъ; даже болѣе, при обсужденіи его, приходишь къ мысли, что можетъ погибнуть и то, что съ такими усиліями совершенно нашими исполнителями: Добровскимъ, Юнгманномъ, Шафарикомъ, Палацкимъ, Ганкой, Челяковскимъ и др. Получивши самое поверхностное образованіе, оно, молодое наше поколѣніе, входитъ въ свѣтъ съ мыслью, что все уже знаетъ, разомъ думаетъ стать само авторитетомъ, не признаетъ ничего, что сдѣлано другими, и, не учась само, требуетъ себѣ вниманія, уваженія и вѣры. Откуда-то та бѣдность, безцвѣтность, мелочность господствуетъ въ позднѣйшей чешской литературѣ. Если же выдается въ ней, хотя изрѣдка, что-либо дѣльное, то непременно увидишь виновникомъ тому одного изъ прежнихъ дѣятелей, или первыхъ ихъ послѣдователей и учениковъ. Молодежь, не зная, большею частью, языка, не думаетъ учиться ему ни по образцамъ, представленнымъ Палацкимъ, Шафарикомъ, Эрбенемъ, Коубкомъ и нѣкоторыми другими, ни по образцамъ старой, золотого вѣка литературы. Оттого-то чуть ли не каждую фразу, и въ прозѣ и въ стихахъ, вы въ состояніи дословно переложить на нѣмецкій языкъ, и по нѣмецки выйдетъ совершенно чисто, тогда какъ на чешскомъ невыносимо для Чеха, понимающаго свойства роднаго языка.» * О пробивающейся все замѣтнѣе и замѣтнѣе чештинѣ въ Будѣйовицахъ слышалъ я и отъ него тѣже мысли, какія слышалъ отъ перваго моего знакомаго,

* Видно, все это, какъ у насъ. *Пр. изд.*

именно, что она дѣйствительно съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе охватываетъ и Нѣмцевъ, и что теперь едва-ли слѣдуетъ бояться и за этотъ край, такъ глубоко было пораженный нѣмецкиной, что сомнѣвался и самый увлекающійся Чехъ въ возможности приобрѣсти его снова для Чехіи и Славянства. Пріятель мой жаловался только, что, по распоряженію начальства, преподаваніе въ школахъ и гимназіи совершается по нѣмецки, не смотря на то, что количество дѣтей чисто чешскихъ относится, въ настоящую пору, къ нѣмецкимъ, какъ 8 къ 1. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1860 году весною, на 80 мальчиковъ чешскихъ, въ главной школѣ, приходится только 10 нѣмецкихъ, изъ которыхъ при томъ четверо скорѣе должны быть отнесены къ Чехамъ, къ несчастію только онѣмеченнымъ.

Среди разговоровъ, я коснулся и причины движенія войска изъ Будѣйовицъ на Прагу. Она оказалась вполнѣ обычною перемѣною стоянокъ войска, по прошествіи полу-года. Я зналъ уже давно объ этомъ обычаѣ, равно и о предусмотрительныхъ цѣляхъ, какія его установили въ Австрійской имперіи. Мнѣ оставалось лишь неизвѣстнымъ, сколько времени жили въ Будѣйовицахъ встрѣченные мною солдаты въ Собѣславѣ. Причина кратковременности стоянокъ ихъ на одномъ и томъ же мѣстѣ состоитъ исключительно въ предупрежденіи какого-либо сближенія ихъ съ народомъ, возможнаго при продолжительнѣйшемъ срокѣ и опаснаго на смерть правительству. Облегченія для жителей быть никакого не можетъ, потому что прежде, чѣмъ успѣетъ вытти полкъ, мѣсто его занимаетъ уже другой, новый. Трудно рѣшить, для какихъ болѣе непріятелей служить въ Австріи войско австрійскому правительству, для внѣшнихъ, или внутреннихъ; мнѣ думается, что каждый здравомыслящій человекъ, при малѣйшемъ вниманіи къ составу государства и къ механизму его управленія, не запнется съ перваго же раза отвѣчать въ пользу послѣднихъ. Какъ бы то ни было, но то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что правительство австрійское

дѣлаетъ изъ своего войска стѣну между своими принципами и законными домогательствами естественнаго права со стороны народовъ. И дѣйствительно, значительная *еще и досель* часть войскъ, тѣмъ болѣе, ужъ, конечно, всѣ начальствующіе въ немъ, и старшіе и младшіе, — являются въ Австріи съ характеромъ непріятельскимъ, враждебнымъ къ народамъ въ государствѣ. Они совершенно окованы именемъ Цезаря, и имѣютъ въ виду только его, получая его именемъ жалованье, и не зная, по умысленной отрѣзанности отъ народа, что послѣднее вытягивается изъ кровавыхъ трудовъ этихъ народовъ, оставляя за собою цѣлыя полосы нищихъ. Особенно офицеры, послѣ неудачъ итальянскихъ, стараются выместить свой гнѣвъ и показать свою храбрость надъ обезоруженными жителями тѣхъ мѣстъ, куда забросило ихъ прихотливо-расчетливое распоряженіе начальства. Не думаютъ-ли они подобною побѣдою вознаградить свои недавнія пораженія? По крайней мѣрѣ, ни я, ни остальные Пражане не могли придумать другой цѣли и въ желаніи высокаго военнаго начальства города Праги открыть въ немъ какой-нибудь намекъ на что-то хотя похожее на возмущеніе, чтобы имѣть возможность одержать при содѣйствіи огромнаго войска, наполняющаго пражскія казармы, и достаточнаго количества тяжелыхъ орудій, разставленныхъ на высотахъ пражскихъ, укрѣпленныхъ нарочно противъ города, одержать побѣду надъ жителями, у которыхъ не отобраны только еще столовые ножи. Мудрено-ли, что и нѣмецкіе офицеры въ Будѣйовицахъ, слѣдуя тѣмъ-же гуманымъ побужденіямъ, намѣренно старались раздражить всевозможными грубыми выходками своихъ хозяевъ — горожанъ, надѣясь произвести между ними волненіе, и потомъ, подъ предлогомъ возмущенія, усмирить ихъ оружіемъ. Въ теченіи пятимѣсячнаго пребыванія, они заслужили такую ненависть и такое къ себѣ презрѣніе въ жителяхъ, что въ послѣднее время никто не хотѣлъ съ ними разговаривать, какъ никто ихъ не принималъ и въ домъ къ себѣ. Особенно

рѣзкій фарсъ выкинутъ былъ офицерами, незадолго до моего пріѣзда, въ театрѣ: дѣло объ этомъ пошло въ пражское намѣстничество, и, кажется, до сихъ поръ еще не окончено. Именно, во время какого-то представленія, офицеры, собравшіеся въ большую толпу въ партерѣ, съ крайнимъ неуваженіемъ къ публикѣ, подняли такой шумный между собою разговоръ, что не было возможности что нибудь слышать со сцены. Одинъ старшаго класса ученикъ гимназіи вѣжливо и спокойно обратился къ близъ сидѣвшему офицеру, и попросилъ его дать возможность публикѣ слушать представленіе. Офицеръ, въ порывѣ оскорбленнаго своего величія, схватилъ ученика, слишкомъ двадцатилѣтняго юношу, за воротъ, и хотѣлъ вытолкнуть въ дверь. Но тутъ примѣшались другіе ученики гимназіи, а также и нѣкоторые изъ гражданъ, и офицеръ долженъ былъ возвратиться на свое мѣсто. Тѣмъ не менѣе, на другой день подана была военными чинами жалоба намѣстничеству, въ которой выражено было оскорбленіе будто-бы со стороны всѣхъ гимназистовъ военному сословію, и брошена тѣнь на гражданъ, будто бы готовыхъ принять участіе въ гимназистахъ. Намѣстничество потребовало отвѣта отъ директора гимназіи, послѣдній отправилъ его немедленно въ томъ смыслѣ, какой только и могъ быть, хотя бы и при слабѣйшемъ чувствѣ справедливости. Любопытно знать, что изъ этого выйдетъ.

Но пора сказать нѣсколько словъ и о самомъ городѣ.

Будѣйовицы заложены были, по преданію, Будѣйвоємъ, изъ рода Розенберговъ, на томъ мѣстѣ, которое и теперь еще зовется старымъ городомъ, или пражскимъ предмѣстьемъ, на сѣверной сторонѣ Будѣйовиць. Нынѣшній городъ основанъ чешскимъ королемъ, Премысломъ Оттокаремъ II, во второй половинѣ 13-го столѣтія. Послѣ Праги считаются Будѣйовицы однимъ изъ наибольшихъ городовъ чешскихъ и составляютъ центръ окружнаго, будѣйовицкаго, управленія. Здѣсь же находится и резиденція епископская, богословская семинарія, высшая

гимназія, нисшая реальная школа, главная школа и торговая школа. Жителей до тринадцати тысячъ. Подобно всѣмъ старымъ городамъ чешскимъ, и Будѣйовицы окружены стѣнами, съ толстыми и твердыми воротами. Время, кажется, нисколько не подѣйствовало еще разрушительно на эти старыя укрѣпленія; за то человѣческая рука, изъ видовъ распространенія, или улучшенія города, а, можетъ статья, и изъ особенныхъ видовъ правительственныхъ, во многихъ уже мѣстахъ уничтожила стѣны, какъ это мы видѣли и въ Таборѣ. Внутри города особенно привлекаетъ вниманіе наблюдателя сначала бывшій доминиканскій, а теперь піаристскій монастырь, заключающій въ себѣ гимназію, подъ надзоромъ піаритовъ, и примыкающій къ огромному готическому храму. Оба зданія, и монастырь, и принадлежащій ему храмъ, соединены прочными и изящно обработанными, въ готическомъ вкусѣ, корридорами. Между корридорами и домомъ монастыря находится небольшой садикъ, успокоивающій мрачное впечатлѣніе отъ темныхъ стѣнъ съ небольшими отверстіями, тускло пропускающими свѣтъ. Въ самомъ монастырскомъ зданіи, внутри его, нельзя не подмѣтить заботливость католическихъ монаховъ объ удобствахъ и пріятностяхъ своей жизни. Кельи ихъ обведены широкимъ, свѣтлымъ корридоромъ, хотя и съ узкими готическими окнами, но не отнимающими ни мало видовъ не только на превосходныя окрестности города, а и на ближайшую городскую жизнь. Кельи также отличаются и обширностью и свѣтомъ. При спускѣ въ нижній корридоръ, ведущій съ обѣихъ сторонъ около сада въ церковь, устроена весьма пріятная площадка, выдающаяся въ садикъ, съ небольшими бассейнами воды. Въ старое время, монастырь занималъ гораздо бѣльшее пространство, и, сколько я могъ замѣтить, монахамъ очень не нравится посягательство на ихъ владѣнія. Быть можетъ, подобныя посягательства заставляютъ и ихъ сжиматься, прятаться и скрывать отъ взоровъ посягателей то, что имѣется цѣннѣйшаго въ ихъ владѣніи. По крайней мѣрѣ,

обнаженность и непонятная въ столь старинномъ монастырѣ бѣдность храма напомнила мнѣ одно весьма любопытное открытіе въ одной изъ провинціальныхъ австрійскихъ церквей. Осматривая церковь, я замѣтилъ на верху голой бѣлой стѣны что-то выпуклое, темное, на половину всажненное въ стѣну. Само собою понятно, что я не прошелъ этой замѣтки безъ вопроса, и въ отвѣтъ услышалъ, что это, болѣе чѣмъ въ полъ-аршина длиною, литое изъ чистаго золота изображеніе святаго; но оно намѣренно остается въ такомъ невзрачномъ видѣ, чтобы скрыть драгоценность, содержащую въ себѣ такъ много *золота*, отъ глазъ правительства, которое, ища повсюду золота, конечно, не задумалось-бы воспользоваться такимъ огромнымъ его кускомъ.

На четырех-угольной, въ центрѣ города, площади стоитъ и трехбашенная радница или магистратъ, съ часами на средней башнѣ—также построенная при возникновеніи Будѣйовиць. Вообще, середина города сохраняетъ еще всецѣло старинный, средневѣковой свой видъ. Новыхъ тутъ домовъ почти нѣтъ, все еще продолжаютъ жить въ старыхъ, крѣпости которыхъ, вѣроятно, хватить еще на столько же времени. Постройки новыя замѣтны лишь по окраинамъ города, да за аллею, обходящую его вокругъ, и составляющую мѣсто прогулокъ горожанъ. Не разъ вечеромъ прошелся и я по этой аллеѣ, и, къ удовольствію своему, чаще слышалъ уже изъ устъ гулявшихъ чешскій языкъ, чѣмъ нѣмецкій. Съ одной стороны, аллея эта упирается въ Волтаву, на которой приготовлено было множество плотовъ, для гонки на Эльбу, и черезъ нее въ нижнюю Германію; тутъ же, на берегу Волтавы, лежали еще цѣлыя груды лѣса, приготовленнаго для слѣдующей сплавки; съ другой стороны, примыкаетъ она къ желѣзнодорожѣ, идущей отъ Будѣйовиць на Прагу и Линцы. Я не безъ удивленія видѣлъ, какъ одна пара коней везла свободно три огромныхъ вагона, нагруженныхъ дровами.

Но вечеръ сталъ уже переходить въ ночь; я чувствовалъ на столько необходимость отдохновенія, чтобы имѣть возможность встать въ два часа и высидѣть девятичасовую тяжелую ѣзду въ доставникѣ до Писка. Надобно было проститься съ моими новыми добрыми знакомыми, и, накануне великой пятницы, мы простились другъ съ другомъ за скромнымъ постнымъ монашескимъ ужиномъ.

Нѣтъ надобности повторять всѣхъ неудобствъ, неприятностей, просто мученій, какія повторились опять въ доставникѣ, во время переѣзда до Писка. Мнѣ жалко было платить двойныя деньги на почту; думалъ, что девять часовъ смогу свободно выдержать и въ доставникѣ, и на половинѣ дороги ужъ раскаявался въ своей, хотя и вполнѣ понятной и законной, скупости. Передъ отъѣздомъ еще, даже передъ занятіемъ мѣстъ меня взволновала уже страшная неисправность и положительное самоуправство. Какъ новичекъ, вставши рано и явившись въ контору четвертью часа раньше означеннаго срока, я спросилъ у сторожа, какой доставникъ идетъ на Писекъ, и, желая захватить мѣсто въ переднемъ отдѣленіи, гдѣ сидятъ только двое, при его же содѣйствіи, положилъ свой мѣшокъ на одно изъ мѣстъ. Будучи увѣренъ сторожемъ, что мѣста моего теперь никто занять не посмѣетъ, и услышавъ, что раньше трехъ часовъ мы не выѣдемъ, я счелъ за полезнѣйшее прогуляться и заправить свои члены впередъ на тяжелое сидѣнье. Далеко отъ экипажа отходить я боялся, а потому не только могъ слышать, но, при довольно свѣтлой ночи, и видѣть, кто изъ будущихъ пассажировъ подходилъ къ Писецкому доставнику. Когда собралось ихъ уже человекъ пять, я изъ предосторожности, помня живо происшествіе на савскомъ пароходѣ, переданное мною въ другомъ мѣстѣ, приблизился также къ экипажу, и сталъ невдалекѣ отъ того отдѣленія, гдѣ намѣренъ былъ просидѣть всю дорогу. И вотъ является весьма плотный мужчина съ полною рѣшительностію подниматься въ это отдѣленіе; такъ какъ въ немъ сидѣла

уже одна пожилая женщина, а другое мѣсто берегъ я для себя, то нисколько не удивительно, что я вздумалъ было остановить его замѣчаніемъ, что оставшееся второе мѣсто въ этомъ отдѣленіи занято мною, и что тамъ лежатъ уже мои вещи. Но плотный мужчина и не думалъ обращать вниманія на мои слова; онъ преспокойно вошелъ въ экипажъ, снялъ съ подушки мой мѣшокъ и зонтикъ, положилъ ихъ подъ ноги и усѣлся. Я снова повторилъ ему мои резоны съ предложеніемъ пересѣсть въ слѣдующее среднее, или въ третье—заднее отдѣленіе; въ отвѣтъ услышалъ, что онъ нашелъ мѣсто не занятымъ, и знать больше ничего не хочетъ; на замѣчаніе же мое, что я останавливалъ его, когда только намѣревался онъ подниматься, онъ не отвѣчалъ ничего. Между тѣмъ явился кондукторъ, которому сторожъ сообщилъ, какъ было дѣло, и тоже сталъ требовать отъ толстаго человѣка возвратитъ мнѣ мѣсто. Успѣхъ былъ тотъ же, не взирая на всевозможныя угрозы и рѣзкія *сакраменты* начальника экипажа. Мнѣ оставалось, конечно, одно,—взять свои вещи, и занять мѣсто въ серединѣ экипажа, потому что въ задѣ уже сидѣло законное число пассажировъ. Не прошло и четверти часа, передъ самымъ уже отъѣздомъ, какъ кондукторъ отмстилъ будѣйовицкому толстому Нѣмцу за его самоуправство, и главное, думается мнѣ, за непослушаніе, оказанное его особѣ. Количество пассажировъ вышло двоими больше, чѣмъ сколько опредѣлено на доставникъ, вмѣсто двѣнадцати явилось четырнадцать. Куда дѣтъ мальчика, лѣтъ одиннадцати, и юношу, лѣтъ двадцати. Въ среднемъ отдѣленіи было уже своихъ шесть, въ заднемъ четыре, и кондукторъ, не раздумывая долго, попросилъ новоприбывшихъ идти въ переднее отдѣленіе. Нѣмецъ громко протестовалъ, но, не смотря на вопль, впрочемъ, основательные и законные его доводы, что имъ и двоимъ тѣсно, и что впереди всего только два мѣста, кондукторъ рѣшительно объявилъ, что ему некуда посадить больше, и они *должны* сидѣть въ-четверомъ.

Это мнѣ привело на память довольно характеристическій анекдотъ, бывшій между Нѣмцемъ и Русскимъ. Нѣмецъ хотѣлъ увѣрить послѣдняго, что пчелы нѣмецкія несравненно крупнѣе русскихъ, и, желая разомъ убѣдить сомнѣвавшася Русса, замѣтилъ, что величина нѣмецкихъ пчелъ равняется иногда большому пальцу на рукѣ рослаго и здороваго человѣка; но землякъ нашъ ни мало не смутился такимъ сравненіемъ и совершенно спокойно возвелъ русскую пчелу до объема ягненка. Глубокомысленный тевтонъ былъ пораженъ такою величиною; онъ сомнѣвался въ ея дѣйствительности, и, думая поддѣть своего противника, возразилъ: какъ же можетъ подобная пчела пролѣзть въ небольшую щель улья! Ну, какъ, отвѣчалъ Русскій, очень просто: у насъ *должна* лѣзть и пролѣзетъ. Различіе съ писецкимъ приключеніемъ состояло въ томъ, что дѣло шло не о пчелахъ, а о пассажирахъ, и вмѣсто Русса былъ Чехъ: но видно славянская натура не подавлена всецѣло и въ Чехіи, сколь ни продолжительны и ни усилены были заботы о томъ и іезуитовъ и правительства. И дѣйствительно, какъ ни усиливался Нѣмецъ доказывать невозможность помѣститься четверымъ, а въ результатѣ все-таки вышло, что въ первомъ отдѣленіи усѣлось четверо. Какъ они ухитрились, право не знаю. Но видно, что было имъ очень жутко, сколько можно судить по пыхтѣнью и кряканью, доходившимъ черезъ тонкую стѣнку и черезъ неплотно притворявшуюся подушку въ окнѣ и до нашего слуха. Должно быть, несчастному Нѣмцу приходилось тяжелѣе всѣхъ: по крайней мѣрѣ, онъ первый рѣшился заявить невозможность оставаться въ такомъ положеніи и покорно попросилъ кондуктора дозволить ему лучше сѣсть на крышѣ экипажа, на сундукахъ и чемоданахъ, гдѣ дѣйствительно и просидѣлъ цѣлую половину дороги, до того пункта, съ котораго часть пассажировъ, въ другомъ доставникѣ, отправилась по другому направленію. — Ко всѣмъ прежнимъ неудобствамъ и непріятностямъ ѣзды въ доставникѣ, испытаннымъ

мною между Прагой и Таборомъ, тутъ присоединился еще тотъ оригинальный, самобытный запахъ грязнаго жидовства, который въ состояніи равнодушно переносить человѣкъ, или, по несчастію, крайне притупившій свое обоняніе, или слишкомъ уже пріучившій его къ такому запаху долговременною практикою. Но обоняніе мое на столько не было притуплено, — не помнится, когда бы я и упражнялъ его подобнымъ сосѣдствомъ, какимъ судьба надѣлила меня теперь, — а потому естественно, что и этотъ тонко-сильный запахъ я отношу къ числу неудобствъ, и при томъ, скажу откровенно, самыхъ непріятнѣйшихъ. Сваливавшаяся безпрестанно изъ-подъ насъ подушка, которую надобно было черезъ каждыя пять минутъ поправлять, а для этого вставать, и разгонять хотя нѣсколько приводящую въ забвеніе дремоту, было для меня ничтожнѣйшимъ неудобствомъ, въ сравненіи съ особенностями запаха отъ сосѣдей, котораго не задушалъ и дымъ отъ моей сигары, противъ котораго даже оказывался не дѣйствительнымъ и табакъ австрійскій, какъ ни противно рѣзокъ его дымъ, особенно, когда поджигается онъ въ пятый и шестой разъ въ вѣчно торчащей въ зубахъ австрійца трубочкѣ.

Въ городокъ *Водняны*, лежащій почти на половинѣ пути между Будѣйовицами и Пискомъ, прибыли мы часовъ въ 7 утра. Къ сожалѣнію, кратковременность остановки, а еще болѣе сильный дождь препятствовали мнѣ хотя бѣгло осмотрѣть его, и перекинуться нѣсколькими мыслями съ горожанами, принадлежащими къ окружію, едва-ли не менѣе всѣхъ остальныхъ подвергшемуся вліянію чужеземщины и болѣе другихъ сохранившему чистоту въ своей народности. Я только изъ окна гостинницы, а потомъ и доставника, могъ любоваться на рослыхъ и здоровыхъ Чеховъ, на полныхъ и круглолицыхъ красавицъ Чешскихъ, спѣшившихъ изъ окрестныхъ селеній подъ зонтиками въ храмъ.

Вторая половина дороги къ Писку была гораздо спокойнѣе, потому что цѣлая половина путешественниковъ направилась изъ Воднянъ прямо на Страконицы и Клятовы; за то неприятно дѣйствовала туманная погода, отнимавшая возможность наблюдать за мѣстоположеніемъ страны. Доставникъ и тутъ остался вѣренъ себѣ, хотя и вовсе невольно: этотъ путь одинъ изъ самыхъ немногихъ, который пробѣгаетъ онъ уже поздно утромъ, но судьба и тутъ помогла ему, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ, держать глаза пассажировъ обращенными только на его стѣны. Въ Писекъ пріѣхалъ часовъ въ 11 утра.

Первымъ дѣломъ было, какъ и слѣдуетъ, ознакомиться какъ съ тѣми лицами, на которыхъ имѣлъ я рекомендательныя письма, такъ и съ тѣми, на которыхъ укажутъ первыя. Здѣсь только поймешь, какъ полезно являться съ рекомендаціями отъ людей, пользующихся авторитетомъ, не учености или важнаго положенія въ мірѣ правительственномъ, — послѣднее скорѣе бы повредило, — а авторитетомъ чистоты и благородства чувства, сердца, души, мысли. Достаточно двухъ-трехъ строкъ, еще болѣе, достаточно одной визитной карты съ собственноручною подписью такого авторитета, чтобы васъ, совершенно незнакомаго человѣка, въ краю, объѣянномъ всякаго сорта шпіонами, а, если угодно, и шпіонами, содержимыми на жалованьѣ, приняли тотчасъ въ свой тѣсный кружокъ, чтобы съ первыхъ же словъ открыли вамъ всю душу, безъ малѣйшаго даже намека на осторожность, какъ будто вы давнымъ давно *свой*, передъ которымъ нѣтъ въ политикѣ народной мысли ничего завѣтнаго. Кругъ моего знакомства распространился очень быстро и неожиданно широко, благодаря особенно одному изъ пражскихъ студентовъ, знакомому мнѣ еще въ Прагѣ, прекрасно говорящему по русски, прибывшему на праздники домой, въ Писекъ, и встрѣтившему меня при самомъ пріѣздѣ: онъ уже ожидалъ меня, потому что маршрутъ мой былъ ему сообщенъ еще въ Прагѣ. По мѣрѣ пріобрѣтенія новаго зна-

комства, увеличивался и кружокъ, сопровождавшій меня по городу въ слѣдующій домъ, гдѣ также надобно было составить новое знакомство.

Первые часы въ Пискѣ посвящены были мною осмотру тѣхъ замѣчательностей по археологiи и исторiи, какія находились въ домашнихъ собранiяхъ новыхъ моихъ знакомыхъ. Между такими собранiями, безспорно, первое мѣсто занимаетъ собранiе г. Мильтнера, окружнаго начальника, Чеха родомъ, и всѣми, кажется, своимъ способностями, равно и денежными средствами, преданнаго чешской археологiи и старинной чешской исторiи. И должно сказать правду, едва ли какой другой частный человекъ въ Чехiи можетъ похвастать столь огромнымъ въ этомъ отношенiи богатствомъ, какъ едва-ли не цѣлой четверти изъ его собранiя не окажется и въ общественныхъ древлехранилищахъ; а относительно нѣкоторыхъ изъ принадлежащихъ г. Мильтнеру археологическихъ находокъ и рѣдкостныхъ старо-чешскихъ книгъ и рукописей уступить ему и самый чешскiй музей, какъ безотносительно ни громадны и ни драгоценны сокровища послѣдняго. Главный специализмъ и сильнѣйшая любовь хозяина, кажется, сосредоточены болѣе всего на археологическихъ предметахъ, выкопанныхъ изъ земли; по крайней мѣрѣ, при обзорѣ этого отдѣленiя его собранiя, почти 80-лѣтнiй старикъ, съ немногими остатками сѣдыхъ волосъ, преобразился совершенно въ юношу: съ какимъ жаромъ, съ какою страстью и отчетливою подробностiю знанiя передавалъ онъ мнѣ свѣдѣнiя о томъ, гдѣ какая вещь выкопана, при какихъ обстоятельствахъ, какое имѣетъ она значенiе, какова должна быть ея древность, къ какимъ заключенiямъ необходимо ведетъ она и т. д., и т. д. Кажется, не произведено ни одной еще раскопки, — какъ ни много сдѣлано въ послѣднiя двадцать или двадцать пять лѣтъ въ Чехiи, — которая бы не была ему знакома въ подробностяхъ, о мѣстности которой не могъ бы составить онъ достаточно точнаго описанiя, а часто не предложить

и какого-либо изъ ней экземпляра въ своемъ собраніи. Тутъ увидите вы и множество пепельницъ, то цѣльныхъ, то уже надбитыхъ или оставшихся въ частяхъ, то съ фигурками или руническими надписями, то совершенно голыхъ; увидите и множество, въ цѣлости или въ остаткахъ, различныхъ кошій, ножей и т. п., полюбуетесь и на изящно отдѣланные каменные молоты и топоры, обыкновенно относимые къ эпохѣ кельтской, хотя вѣрнѣе всего, что ихъ имѣютъ въ виду и нѣкоторыя, языческаго содержанія, чешскія пѣсни, сохранившіяся въ Краледворской рукописи. Меня особенно остановили двѣ позднѣйшія находки, выкопанныя не вдалекѣ отъ Писка, и, кажется самому нынѣшнему хозяину ихъ, единственныя. Одна изъ нихъ составляетъ древнюю діадему, снятую съ головы скелета женскаго пола: это два бронзовыхъ толстыхъ дутыхъ круга, изъ которыхъ верхній значительно меньшій нижняго; другая, выкопанная на мѣстѣ, носящемъ на себѣ всѣ признаки древне-языческаго требища, какъ-то обгорѣлыя кости и каменья, есть четырехножникъ, безъ всякаго сомнѣнія, употреблявшійся при жертвахъ сожженія. Онъ состоитъ изъ двухъ, на крестъ положенныхъ, желѣзныхъ въ аршинъ съ четвертью длиною полосъ, изъ которыхъ одна сохранилась въ цѣлости, а другая, отъ ржавчины, переломилась на самой срединѣ. Четыре конца этого жаровника загнуты внизъ такъ, что они образуютъ ровныя ножки, оканчивающіяся одинаковымъ изображеніемъ головы какой-то птицы. Не мало увидѣлъ я здѣсь и ожерелій, заушныхъ колець и серегъ. Многія изъ послѣднихъ чисто золотыя и съ такою тонкою, иногда изящною отдѣлкою, что не задумаешься признать и въ ту отдаленную эпоху уже значительную степень народнаго развитія.

Напрасно стали бы думать, что подобныя собранія составляютъ предметъ любопытства для хозяина, или, пожалуй, предметъ той страсти, въ силу которой иногда челоуѣкъ скупаетъ книги, украшаетъ ихъ изящными пере-

плетами, и бережно разставляет по полкамъ дорогихъ шкаповъ, не только никогда не читая самъ, но, изъ какой-то ревностной боязни, отказывая и другимъ въ пользованіи собранною библіотекою. У г. Мильтнера все это лежитъ про сто, безъ затѣй, до нѣкоторой степени даже въ безпорядкѣ; но каждую вещь онъ изучилъ; она для него представляетъ такой же историческій матеріалъ и источникъ, какъ для другаго лѣтопись или грамота; пользуясь имъ, онъ воспроизводитъ многія стороны жизни стародавней, опущенныя письменными памятниками, и зная превосходно исторію своего отечества по послѣднимъ, съ рѣдкимъ умѣньемъ, сопровождаемымъ самою строгою осторожностію, восполняетъ ее этимъ темнымъ, часто проѣденнымъ ржавчиною, иногда грубымъ и грязнымъ и всегда безмолвнымъ матеріаломъ. Но чтобы ближе познакомиться съ г. Мильтнеромъ, составляющимъ такое громкое исключеніе въ составѣ австрійскаго чиновничества, чтобы положительнѣе убѣдиться, что для него важна не сама по себѣ вещь или книга, а важно то, что содержитъ она, къ какимъ свѣденіямъ можетъ привести ея изученіе, подойдите къ двумъ большимъ шкапамъ, занимающимъ цѣлую половину просторнаго кабинета. Не воображайте только, чтобы шкапы эти были сдѣланы изъ краснаго, чернаго или орѣховаго дерева, вылакированные и украшенные какою-нибудь замысловатою рѣзбою, съ шелковыми зелеными или голубыми занавѣсками на стеклянныхъ дверцахъ, — это ни болѣе, ни менѣе, какъ изъ простаго дерева полки, прикрѣпленныя къ двумъ продольнымъ стѣнамъ комнаты, посреди которыхъ стоитъ скромный, но обширный рабочій столъ хозяина. На трехъ нижнихъ полкахъ вы увидите картины съ оригинальными, или съ переписанными всѣхъ сортовъ актами, относящимися къ исторіи нѣкоторыхъ городовъ и селеній чешскихъ; нѣсколько картоновъ отдѣлено на собраніе гербовъ дворянства и городовъ, а также на оттиски чешскихъ монетъ и медалей. На шести или семи верхнихъ полкахъ раз-

ставлены первопечатныя, старопечатныя и старыя, 17—18 столѣтій, книги чешскія. Старикъ знаетъ мѣсто каждой книжки, каждой брошюрки такъ, что стѣитъ вамъ упомянуть лишь имя автора или краткое заглавіе, и книжка уже въ его рукахъ. Онъ опредѣлитъ вамъ со всею полнотою ея историческое значеніе, филологическое или литературное; укажетъ на годы и мѣста послѣдующихъ изданій, хотя бы число ихъ восходило до десятка; объяснитъ отличія каждаго изданія, и покойно гоставитъ на прежнее мѣсто, чтобы угостить посѣтителя новою какою-либо книжною рѣдкостью, и повторитъ подобный же процессъ ея всесторонней рекомендаціи. Сколько встрѣтилъ я тутъ замѣчательнаго, невиданнаго доселѣ мною нигдѣ, да многого, чего не надѣюся и когда-нибудь еще увидѣть. Съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ я первое изданіе знаменитаго сочиненія о *pronastedovaní vĕry krestanské*, съ собственноручною подписью автора, безсмертнаго Амоса Каменскаго. Къ книжкѣ присоединены еще всѣ сполна и тѣ славныя пѣсни, значительная часть которыя хъ, вмѣстѣ со многими мыслями самаго разсужденія, выброшена уже во всѣхъ слѣдующихъ изданіяхъ, безъ исключенія запрещенныхъ по сіе время въ австрійской державѣ, хотя книга и писана въ началѣ 17 вѣка: такъ значитъ твердо держится и современное правительство тѣхъ началъ, которыми руководствовался іезуитскій пріятель Фердинандъ второй, какъ будто поставившій цѣлью своей жизни, послѣ битвы бѣлогорской, выгубить все поколѣніе чешское. Но не угодно-ли вамъ коснуться картоновъ, чтобы полюбопытствовать, какъ обходится хозяинъ съ этою частью своего собранія. Я, покрайней мѣрѣ, былъ поставленъ въ рѣшительное изумленіе, даже какой-то неопредѣленный тупикъ, когда г. Мильтнеръ сталъ перебирать такъ называемыя *листны*, или жалованныя грамоты и другіе документы, восходящіе иногда до 13-го столѣтія. Мнѣ трудно было представить себѣ, какъ почти восьмидесятилѣтній старецъ въ состояніи былъ пробрать

цѣлую исторію какого-нибудь небольшого городка, твердо помня не только годъ, а иногда и мѣсяць того или иного событія, обозначеннаго въ его богатой сокровищницѣ листинъ. Но онъ не ограничится одними ими, онъ перейдетъ въ своей археологѣ, къ живописи церковной, къ надгробнымъ памятникамъ, возстановитъ передъ вами, по документамъ, по голымъ названіямъ, старое положеніе мѣста, направленіе улицъ въ немъ, количество приблизительно домовъ, а посредствомъ него и количество обитателей городскихъ. Но не переходите въ настоящую эпоху, не стѣсняйте почтеннаго старца вопросами о позднѣйшемъ положеніи страны и народа, словомъ, не касайтесь политики. Онъ не обратитъ вниманія на ваши вопросы, представится не слышавшимъ ихъ и поскорѣе постарается броситься подальше встарь, и ею занять не ловко, хотя, быть можетъ, и кстати устремившагося въ современность посѣтителя. Помните, что г. Мильтнеръ имперскій чиновникъ, окружный начальникъ, и его глазъ не долженъ видѣть ничего въ современности официальной, кромѣ номеровъ поступающихъ и выходящихъ бумагъ, да тѣхъ извѣстій, какими наполняются эти бумаги; его ухо не должно слышать ничего отъ живыхъ людей, кромѣ форменныхъ донесеній, да отвѣтовъ на предлагаемые вопросы по тому или другому казенно-правительственному дѣлу; умъ его обязанъ быть скованнымъ: въ предметахъ административныхъ параграфами и статьями законовъ, въ сношеніяхъ житейскихъ—конфиденціальными наказами и предложеніями. Свободою мысли осталась у него только въ трудахъ по сѣдой старинѣ,—и онъ ухватился за эту свободу и предался всецѣло трудамъ историко-археологическимъ. Но если въ занятіяхъ кабинетныхъ не отняты средства располагать свободно, за то въ распоряженіи результатами богатыхъ и разностороннихъ изслѣдованій таже самая запертость, заключенность, безвыходность: на сцену выступаетъ опять званіе чиновника, и при томъ высшаго въ округѣ, и разомъ разобьетъ всякую попытку

подѣлится гласно добытыми съ такимъ умомъ и трудомъ результатами. Грустно такое положеніе, безотраднo оно, и, пожалуй, легко можетъ привести читателя къ заключенію, отрицающему положительное значеніе ученаго Мильтнера. Какъ?—скажетъ онъ, наука приведена тутъ къ чистому абстракту, оторвана цѣликомъ отъ жизни, не приносить никакого освѣженія современности; подобный ученый есть мертвый членъ, конечно, прибавить онъ, отрѣзавшійся отъ общества; не зачѣмъ упоминать и намъ о немъ; оставимъ его въ его пыли, въ забвеніи, точно также, какъ онъ самъ забылъ о жизни и обществѣ. Такъ можетъ подумать и сказать читатель. Безспорно, что наука безъ жизни, запертая въ келью, перестала быть мыслима; нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что она въ духовной жизни человѣчества должна имѣть то же значеніе, какъ въ матеріальной пища, вода, и съ этой стороны наука Мильтнера, дѣйствительно, похожа на узника, замкнутаго въ средневѣковыхъ, безъоконныхъ темницахъ. Но развѣ могло быть иначе? Развѣ не желѣзная судьба воспользовалась необходимостію этого человѣка искать себѣ существованіе въ гражданской службѣ въ то еще время, когда въ Чехіи не было ни литературы, ни даже науки; развѣ не эта необходимость бросила его въ тотъ мрачный канцелярско-австрійскій подвалъ, въ которомъ воздухъ, изсушая тѣло, сушитъ и самый духъ, такъ часто доводя его до полного сумасшествія? Уже и въ томъ громаднoсть заслуги Мильтнера, что, вращаясь нѣсколько десятковъ лѣтъ въ подобномъ удушливомъ воздухѣ, онъ не подчинился совершенно перемѣнамъ внѣшней атмосферы, ухватился хотя за одинъ клочекъ ея, къ которому допустили цѣпи австрійскаго чиновничества, сохранилъ отъ гибели много умственнаго богатства, и, отдыхая на немъ самъ, приготовилъ не мало и будущему поколѣнію, которое не замедлитъ извлечь изъ этого богатства и соки, непосредственно *жизненные*. Впрочемъ, мы погрѣшимъ, ежели безусловно будемъ отвергать значеніе учености Мильт-

нера и въ теперешней текущей жизни. Старая исторія Чехіи имѣеть громадную и всестороннюю важность для настоящаго поколѣнія Чеховъ; она одна въ состояніи быть двигательною, и самую могучею, политическаго преобразованія народа Чешскаго: правительство давно поняло это, и не даромъ подавило занятіе исторіею Чехіи во всѣхъ учебныхъ ея заведеніяхъ. Пусть же молодые любители исторической науки своего отечества не забываютъ навѣщать старца, и пользоваться его свѣденіями, которыми, думается мнѣ, не въ силахъ онъ скупиться. Нѣкоторыя указанія на пособія со стороны Мильтнера въ печатныхъ сочиненіяхъ служатъ свидѣтельствомъ, что онъ не заперъ своихъ сокровищъ отъ постороннихъ. Вотъ источникъ и пользы житейской теперь же, хотя и посредственный. Какъ бы, впрочемъ, ни смотрѣлъ читатель на указанную мною личность, но я разстался съ г. Мильтнеромъ съ полною къ нему любовью, уваженіемъ, даже съ чѣмъ-то бѣльшимъ.

Въ бесѣдѣ съ г. Мильтнеромъ и въ осмотрѣ драгоценныхъ его собраній времени прошло довольно много, хотя и незамѣтно. По выходѣ отъ него, оказалось четыре часа за полдень, а потому не мудрено, что, привыкши въ Сербіи и въ Австріи обѣдать въ 12 часовъ, я почувствовалъ уже значительный голодъ. На выраженную мною необходимость зайти въ одну изъ гостинницъ, чтобы утолить его, вызвались сопровождать меня и туда нѣкоторые изъ новыхъ знакомыхъ, и, не смотря на то, что уже обѣдали, для компаніи, какъ говоритъ русскій чело-вѣкъ, устроили общій столъ. Онъ заинтересовалъ меня тѣмъ болѣе разнообразіемъ и вкусомъ, что въ Австріи и самое кушанье въ постные дни, особенно такіе, какъ Великая пятница, не обходится безъ посторонняго надзора и наказа: я окончилъ обѣдъ съ увѣренностію, что имъ распорядились намѣренно и предварительно.

Послѣ обѣда представился мнѣ случай разсмотрѣть еще нѣсколько бумажныхъ, книжныхъ и другихъ рѣдкостныхъ

вещей; спѣшить пересмотромъ ихъ я не видѣлъ надобности, потому что для города оставалось еще у меня слѣдующее утро, которое намѣренъ былъ провести я также въ Пискѣ.

Въ числѣ многихъ важныхъ, и для политики и для исторіи, данныхъ, нашелъ я здѣсь и не неинтересное извѣстіе о пребываніи въ прошломъ столѣтіи, вблизи Писка, части русскаго войска, состоящаго изъ казаковъ и улановъ. Свѣденіе это представилось мнѣ особенно любопытнымъ по рѣзкому различію во взглядѣ на Русскихъ современныхъ Чеховъ съ тѣмъ, какой замѣченъ въ упомянутомъ извѣстіи, составленномъ слишкомъ за сто лѣтъ сему назадъ. Такъ какъ оно уже напечатано, то я и могу указать читателю на Русскій Архивъ, 1866, вып. 8—9.

Здѣсь же, въ Пискѣ, увидѣлъ я впервые и списалъ карту, представляющую казнь 27 Чеховъ въ 1621 году, 11 Юня. Карта эта въ огромный листъ; на лѣвой ея сторонѣ сверху находится ксилографное изображеніе самого процесса казни. Тутъ изображена площадь между Тенскимъ храмомъ и магистратомъ; возвышается одна изъ стѣнъ передовой башни послѣдняго, около которой построено возвышеніе. Въ концѣ этого возвышенія сидятъ шестеро судей; на полу его стоитъ на колѣняхъ, на кускѣ чернаго сукна, передъ крестомъ съ распятіемъ, предназначенный къ казни; сзади его палачъ съ поднятымъ мечемъ, готовый уже снять съ него голову,—не вдалекѣ священникъ, приведшій на мѣсто казни *виновнаго*. На перекладинѣ, воткнутой въ одно изъ оконъ той же башни, виситъ уже одинъ несчастный; внѣ возвышенія построена особенная виселица, замѣщенная также однимъ изъ осужденныхъ. Кругомъ, по всей площади, разставлено войско, и конница и пѣхота, съ ружьямъ, направленными на мѣсто казни. На правой сторонѣ, а съ половины листа на всемъ его пространствѣ, находится печатное описаніе: заключенія обвиненныхъ, съ поименованіемъ каждаго лица отдѣльно, его достоинства и званія. суда надъ ними, не-

удачнаго прихода къ нимъ иезуитовъ для обращенія протестантовъ, которыхъ было большинство, наконецъ, порядка казни. Коротко объяснено и впечатлѣнїе, произведенное этимъ событіемъ на жителей. Карта эта, говорятъ, была составлена по приказанію правительства, и раздавалась жителямъ вскорѣ послѣ произведенной казни; но, спустя нѣкоторое время, началось требованіе назадъ и истребленіе. Какъ тщательно разыскивалась карта, можно судить изъ того, что сами специалисты-историки пражскіе далеко не всѣ знали о ея существованіи: въ столь ограниченномъ количествѣ сохранилась она.

Но перейдемъ къ самому городу.

Писекъ расположенъ на возвышенномъ мѣстѣ, на лѣвомъ берегу Отавы или Вотавы, впадающей въ Волтаву. Подобно остальнымъ старымъ, средневѣковымъ городамъ, и онъ окруженъ стѣною, въ послѣдніе вѣки также болѣе и болѣе уничтожаемою, согласно съ видами правительства; изъ старинныхъ воротъ городскихъ уцѣлѣли по сіе время только ворота Будѣйовицкія, стоящія по дорогѣ на Будѣйовицы. Название свое получилъ Писекъ, безъ сомнѣнїя, еще въ доисторическую пору, отъ золотого песку, приносимаго съ горъ Отавою, и добывавшагося въ старину въ обилии не только жителями Писка, но и вообще бережными населенцами Отавы. Недаромъ и въ древнѣйшемъ памятникѣ славянской письменности, знаменитомъ Судѣ Любушиномъ, слыветъ Отава подъ именемъ *златоносной*. Золотой песокъ находился въ достаточномъ количествѣ и въ другихъ мѣстахъ Чехіи, въ иныхъ ея рѣкахъ; но уже старые писатели отмѣтили Отаву, какъ богатѣйшую въ этомъ отношеніи. Положительныя свидѣтельства о добываніи изъ нея золота идутъ съ XI вѣка, проходятъ черезъ XII, XIII, XIV, въ XV, во время гусситскихъ войнъ, въ которыхъ Писекъ принималъ столь живое участіе, какъ городъ чистый, безъ примѣси иноземной, работа пріостановилась; въ слѣдующемъ столѣтїи возобновилась опять и съ такимъ успѣхомъ, что императоръ Фердинандъ

первый возвратилъ Писку всё прежнія отнятыя было права; послѣднія указанія на добываніе золота относятся къ первымъ годамъ XVII вѣка. Съ подавленіемъ Чехіи послѣ битвы бѣлогорской изсякло и золото. Какъ сильна была и успѣшна дѣятельность Писечанъ въ старину, видно изъ того, что Чешскій король, Вячеславъ второй, въ XIII столѣтіи, дозволилъ имъ имѣть свой монетный дворъ и бить собственную монету. Остатки прежнихъ работъ по добыванію золота не исчезли совсѣмъ и по настоящее время; и теперь любопытный можетъ еще видѣть берега Отавы усѣянными, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, небольшими ямами, различныхъ формъ, гдѣ сваливался рѣчной песокъ, промывался и сушился. Я прошелъ значительное пространство вдоль берега Отавы, чтобы взглянуть въ запущенныя, часто заросшія травой мѣста, на которыхъ кипѣла нѣкогда самая дѣятельная жизнь; съ тѣмъ вмѣстѣ, я не могъ не восхищаться и мѣстностію рѣки, такъ давно уже внесшей свое имя на страницы славянской исторіи. Берега ея, то круто поднимаются надъ окружающею поверхностію, образуя собою нерѣдко весьма высокія горы, то опускаются до того, что при слабомъ умноженіи воды она выходитъ уже изъ береговъ и потопаютъ прилегающія луга; нагорныя мѣста покрыты большою частію лѣсомъ, мѣста низменныя или обращены въ поля, или составляютъ богатые покосы. Среди такихъ-то береговъ извиается Отава, подобно длинному лентообразному флагу, во время порывистаго вѣтра. Едвали найдется гдѣ-нибудь по ея теченію пятьдесятъ сажень, чтобы не измѣняла она своего теченія крутыми поворотами. При взглядѣ на нее съ высокаго мѣста, невольно назовешь Отаву *кривою*, какъ названа она въ Судѣ Любушиномъ.

Въ числѣ старинныхъ зданій, находящихся въ городѣ, останавливають вниманіе чужестранца прежде всего довольно высокій деканскій храмъ, за тѣмъ красивая *радница* или ратуша, по обычаю съ башнями и часами, посреди города, на площади; на берегу Отавы остатки

града или замка, построеннаго Карломъ четвертымъ: съ противоположной стороны онъ уже перестроенъ, и нѣтъ никакихъ признаковъ старины XIV вѣка. Не подалеку отъ града стоитъ и мостъ черезъ Отаву, основанный также во времена Карла. Архитектура его и вся внѣшняя обстановка ни въ чемъ, въ сущности, не отличается отъ знаменитаго Карлова моста въ Прагѣ. Отличіе состоитъ только въ объемѣ, который въ Пискѣ, естественно, гораздо меньше. Тотъ-же самый камень, та же самая форма, и также обставленъ съ обѣихъ сторонъ изваяніями святыхъ. Подобно пражскому мосту, и тутъ видное мѣсто занимаетъ уже позднѣе помѣщенная фигура Яна Непомуцкаго. Говорятъ, что мостъ въ Пискѣ построенъ былъ прежде пражскаго и служилъ какъ-бы пробой для послѣдняго. Писекъ принадлежитъ къ числу небольшихъ городовъ чешскихъ: въ немъ всего считается жителей не болѣе шести тысячъ. За то едва-ли можетъ какой-либо другой городъ сравниться съ Пискомъ твердою выдержанностію народности, чистотою чехизма и готовностію отстаивать себя противъ неумолкаемыхъ попытокъ ввести и въ него тотъ дуализмъ, за которымъ часто слѣдуетъ преобладаніе чуждаго и враждебнаго элемента. Писекъ всегда, во всѣ моменты исторіи Чешской, ознаменованный выдвигеніемъ началъ народныхъ, занималъ почетное мѣсто, и оставался непоколебимымъ въ своихъ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ. Въ немъ не было и столь рѣзкихъ отдѣльныхъ исключеній, какими полна исторія другихъ городовъ чешскихъ. Въ знаменательнѣйшія эпохи Гусса и Таборитовъ, Писекъ былъ центромъ и опорой народныхъ вожатаевъ. А какъ мыслили и дѣйствовали Писечане въ началѣ 17 вѣка, можно судить по приказу Фердинанда II, данному послѣ битвы на Бѣлой горѣ и взятія Праги, истреблять жителей Писка безъ различія пола и возраста: и дѣйствительно, почти все народонаселеніе, не включая и грудныхъ дѣтей, было выгублено. И теперь, какъ ни подавленъ народъ, какъ ни тонки и ни насиль-

ственны ухищренія власти къ подавленію народности славянской, Писекъ всецѣло проникнутъ чештиной: въ ней видить онъ свою славу, гордость, и готовъ гласно, во всеуслышаніе, передъ самымъ правительствомъ доказывать свою народную чистоту, чуждую той примѣси, какую такъ заботливо усиливается придать послѣднее. Не прошло еще и года послѣ той тихой, скрытой отъ ушей и глазъ постороннихъ исторіи, въ которой такъ рѣшительно и прямо выступили Писечане противъ попытки начальства затащить и Писекъ въ кругъ городовъ на столько съ достаточнымъ количествомъ нѣмецкаго населенія, чтобы и въ низшихъ школахъ прекратить языкъ чешскій и ввести нѣмецкій. Попытка началась переводомъ въ Писекъ учителя, не знавшаго по чешски. «*Posel z Prahy*», издаваемый Чехомъ Вилимкомъ, напечаталъ корреспонденцію изъ Писка, протестующую противъ такого поступка, и доказывающую полное господство чешскаго элемента въ Пискѣ, съ отсутствіемъ нѣмецкаго. Начальство, само собою, почло долгомъ вступиться. Въ писецкій судъ отправлено предписание изслѣдовать дѣло: нѣмецкій или чешскій городъ Писекъ? Какаго направленія держался судъ, намъ неизвѣстно; мы знаемъ только, что допрашиваемыя въ судѣ лица, разныхъ званій и сословіи, нанесли въ него историческихъ, и статистическихъ, и взятыхъ изъ быта обыденнаго, житейскаго, кучу доказательствъ, свидѣтельствъ и увѣреній, что Писекъ, во все время своего существованія, былъ свободенъ отъ нѣмецкой колонизаціи, что все народонаселеніе его чистое, идущее прямо отъ старыхъ Писечанъ—Чеховъ, и, за исключеніемъ лишь части чиновничества, единственно господствующій у горожанъ языкъ есть чешскій. Одинъ изъ допрашиваемыхъ выразилъ даже непониманіе вопроса, такъ поразило его извѣстіе, что есть люди, думающіе о возможности быть Писку нѣмецкимъ городомъ; въ отвѣтъ указалъ онъ на проживающаго въ одномъ съ нимъ домѣ отставнаго майора, истаго Нѣмца, дѣти котораго говорятъ только по чешски, и съ трудомъ

могутъ произнести пять словъ нѣмецкихъ. А ужъ, конечно, Нѣмецъ, еслибы была какая-нибудь возможность, не позволилъ-бы будущему своему поколѣнiю превратиться въ Чеховъ. Дѣло на этомъ и остановилось. Пражское высшее начальство должно было прочесть донесенiе изъ Писка, за подписью декана и судьи, что въ городѣ, кромѣ майора, оказалось еще два Нѣмца, одинъ, занимавшiйся чищеньемъ сапоговъ по домамъ, а другой — чищеньемъ улицъ; изъ нихъ первый дѣйствительно отозвался Нѣмцемъ, а другой объявилъ, что онъ былъ тоже когда-то Нѣмцемъ, но теперь сталъ уже Чехомъ. На подобныхъ представителяхъ нѣмецкой народности нашло неприличнымъ опереться даже и австрiйское начальство. Только редакторъ Писла изъ Праги попалъ подъ судъ за напечатанiе корреспонденцiи, которую принялъ онъ на свою отвѣтственность. Но и Писекъ имѣетъ горе, избавиться отъ котораго, и при всей силѣ чешскаго своего самосознанiя, не въ силахъ, потому что горе это исходитъ отъ общаго узаконенiя. И въ Пискѣ преподаванiе въ высшихъ, начиная съ четвертаго, классахъ гимназiи совершается по нѣмецки, и надобно смотрѣть зорко и энергически за тѣмъ, чтобы молодое поколѣнiе, еще не твердое, шаткое, охваченное разомъ нѣметчиной, не потопило въ ней своего роднаго языка. Подобное явленiе тѣмъ возможно, что и подборъ большинства учителей выходитъ всегда согласный съ домогательствами начальства, а школьный *рада* или директоръ обыкновенно бываетъ или чистый Нѣмецъ, или чешскiй ренегатъ, что не уменьшаетъ зла. Благороднаго и справедливаго, истинно умнаго и образованнаго Нѣмца — директора, Австрiя имѣетъ, кажется, только одного: но и на Старомѣстскаго директора въ Прагѣ, Венцига, по мѣрѣ расширенiя къ нему не въ одномъ чешскомъ народѣ глубокаго уваженiя, и по мѣрѣ блистательныхъ улучшенiй подъ его влиянiемъ въ гимназiи и школахъ, правительство все болѣе и болѣе начинаетъ смотрѣть косо, а со времени послѣднихъ его статей, напечатанныхъ и

по-чешски и по-нѣмецки: о школахъ австрійскихъ съ точки зрѣнія основной мысли воспитанія въ духъ народномъ, уже начали ходить громкіе слухи не только о замѣщеніи его другимъ, но и о судѣ надъ нимъ. Строгіе запросы изъ Вѣны дѣйствительно уже были. Съ этимъ вмѣстѣ, и въ преподаваніи устранено все, что бы могло напоминать о родинѣ молодымъ слушателямъ; а для точнѣйшаго выполнения такого человѣколюбиваго распоряженія приказано наставникамъ неуклонно держаться руководствъ, апробованныхъ въ горнилѣ вѣнской кузницы, кующей на всю имперію австрійско-нѣмецкія цѣпи. Взгляните на важнѣйшія, со стороны развитія и образованія, учебникъ по исторіи, чтобы составить понятіе о тѣхъ тенденціяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ думаетъ образовывать своихъ разноплеменныхъ подданныхъ Австрія. Вся учебная книга, какъ скоро переходите вы изъ распавшейся римской имперіи въ средніе вѣки, представляетъ вамъ только подвиги германскаго, или, точнѣе сказать, нѣмецкаго племени; прочитавши ее, вы невольно скажете, что Европа до сихъ поръ жила только Нѣмцами: они были единственными двигателями европейской жизни, во всѣхъ ея проявленіяхъ; даже Французы и Англичане виднѣются лишь вдали, и дѣйствуютъ только подъ наитіемъ, подъ толчкомъ нѣметчины. А Чехія, которая, на самомъ дѣлѣ, давала иногда тонъ и Европѣ, которая, въ свои важнѣйшія эпохи, являлась средоточіемъ, куда стекались интересы не только сосѣднихъ, но и отдаленныхъ европейскихъ государствъ, которая поистинѣ поглощала собою всю политику самой нѣметчины, въ теченіе болѣе, чѣмъ трехъ вѣковъ, была не рѣдко ея грозой, а иногда защитницею отъ самовластныхъ притязаній и свѣтской и духовной власти? Гдѣжь эта Чехія, образованнѣйшая и богатѣйшая земля въ Австрійской имперіи? Читатель учебника не увидитъ ея; онъ только встрѣтитъ въ двухъ, трехъ мѣстахъ какой-то обрывочный намекъ на то, что былъ когда-то народъ Чеховъ, безумный и преступный король которыхъ, Оттокаръ

второй, вздумалъ было противиться нѣмецкому императору, и справедливо строго наказанъ имъ; да появились среди тѣхъ же невѣдомыхъ Чеховъ фанатическіе, подобные дикимъ людямъ, изуверы, назвавшіеся Гусситами, и задумали было въ своей землѣ искать хозяйства, въ ущербъ великой націи нѣмецкой, призванной самимъ Провидѣніемъ къ господству надъ другими народами. Представить, наконецъ, учебникъ въ видѣ мятежа подданныхъ и законное требованіе свободныхъ Чеховъ въ 1618 — 19 годахъ, и бросить потомъ опять ихъ, послѣ битвы Бѣлогореской, какъ грозно, хотя и по заслугамъ, наказанныхъ, замѣтивши при томъ, что съ той поры Чехи уже совершенно переродились въ Нѣмцевъ, такъ что несправедливо и отдѣлять ихъ отъ послѣднихъ. Мудрено-ли послѣ этого, что ученикъ, изучая подобный учебникъ, сопутствуемый къ тому наставленіями въ томъ же духѣ *по-австрійски* мыслящаго учителя, не только не будетъ знать своей земли и своего народа, но готовъ будетъ и отказаться отъ нихъ, еслибы и пришелъ ему въ голову случайно вопросъ: да и не принадлежитъ-ли дѣйствительно и теперь еще онъ къ составу Чеховъ.

Вотъ какое горе бременить и Писечанъ; вотъ противъ чего должны, со всѣмъ напряженіемъ, дѣйтсвовать и они. И надобно отдать полную имъ справедливость. Ученики писецкой гимназіи, переходя въ пражскій университетъ, или оставаясь на родинѣ, всюду остаются Чехами, вѣрными своей народности, горячими ея защитниками, а при случаѣ и пропагандистами ея въ кружкахъ шаткихъ, примкнувшихъ уже къ той средѣ, которая приняла зародышъ перерожденія. Средства, парализующія вліяніе школы, въ Пискѣ довольно разнообразны и такъ законны и прочны, что противъ нихъ являются безсильными и всестороннія ухищренія свѣще. Кромѣ дома родительскаго, пріучающаго горячо любить свое родное съ первыхъ лѣтъ развившагося сознанія въ молодомъ его членѣ, кромѣ, не многихъ, правда, учителей, съ достоинствомъ, а часто и съ

пожертваніями отвергающихъ всякую мысль о ренегатствѣ и умѣющихъ дѣйствовать, при всѣхъ препятствіяхъ и интригахъ со стороны своихъ товарищей, удачно на молодые умы, согласно съ своими воззрѣніями и убѣжденіями, есть и средства литературныя въ Писекѣ, успѣшно восполняющія школьные недостатки народнаго образованія, и исправляющія тотъ ложный взглядъ на родину и на народъ, въ какомъ усиливается воспитать школа. Въ числѣ такихъ литературныхъ средствъ первое, разумѣется, мѣсто занимаетъ изданіе журнала, подъ заглавіемъ: *Poutník od Otavy*, т. е. Путникъ съ Отавы, журналъ для горожанъ и поселянъ. Каждую недѣлю выходила половина печатнаго, въ большую осьмушку, листа, что составляло въ годъ 27 печатныхъ листовъ, и стоило одинъ гульденъ и 44 крейцера, или около 85 к. с. Съ 1860 годомъ, по случаю какихъ-то особенныхъ, частныхъ недоразумѣній и несогласій, изданіе прекратилось. Но ко времени прибытія моего въ Писекъ дѣло о продолженіи изданія было уже рѣшено. Съ Іюля мѣсяца текущаго года Путникъ пойдетъ снова, хотя и подъ другою редакцію; за то прежній редакторъ, умный и благородный Властимиль Янота, обнародовалъ уже программу новаго изданія, въ видѣ альманаха, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Zabavnik učitelsky na rok 1861 г.* Изданіе это предпринято на издержки нѣсколькихъ любителей школъ въ пользу вдовъ и сиротъ учительскихъ будѣйовицкой епархіи. Забавникъ будетъ состоять изъ четырехъ частей: *календарной*, съ краткими жизнеописаніями святыхъ, *забавной* (беллетристической), изъ повѣстей, пѣсней, сказокъ, деклямованокъ и т. п., *ученой*, изъ статей по наукамъ естественнымъ, географіи и исторіи, наконецъ, *педагогической*, куда войдутъ статьи о воспитаніи, о методахъ, и другіе предметы, относящіеся къ преподаванію. Что касается до Путника, то характеръ его останется прежній, т. е. ознакомленіе Писечанъ со всѣмъ, что дѣлается въ землѣ Чешской, и что по преимуществу относится къ ихъ

мѣстности; вмѣстѣ съ тѣмъ, Путникъ считаетъ одною изъ главныхъ своихъ задачъ обследованіе Писецкаго края во всѣхъ отношеніяхъ, со стороны народныхъ вѣрованій, обычаевъ, преданій, со стороны древностей въ землѣ и на землѣ, со стороны географіи и исторіи, и т. д. На выраженное мною удивленіе, какъ можетъ въ такомъ небольшомъ городкѣ держаться столь прочно изданіе, еще болѣе, расширяться на два, Писечане отвѣчали, что «можно бы издавать и три журнала, еслибы только не было препятствія со стороны типографіи, которая у насъ въ ограниченномъ объемѣ и съ недостаточнымъ количествомъ работающихъ. Число подписчиковъ увеличивается съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе; значительная часть ихъ изъ простыхъ поселянъ, а горячее участіе чешскихъ литераторовъ, присылающихъ въ даръ статьи свои изъ Праги и изъ другихъ городовъ, даетъ полную возможность держаться твердо нашимъ изданіямъ.» Мнѣ тѣмъ болѣе казалось это удивительнымъ, что количество періодическихъ изданій въ Чехіи, считающей до четырехъ милліоновъ жителей, восходитъ въ одной Прагѣ до двадцати; къ нимъ надобно присоединить еще до пяти изданій въ провинціальныхъ городахъ, кромѣ Писка, — и всѣ онѣ идутъ успѣшно, не прерываются; если же какое-либо изданіе, по причинамъ чисто полицейскаго вмѣшательства, и прекратится, то не проходитъ и мѣсяца, какъ на его мѣсто вступаетъ новое. Такъ развита потребность въ чтеніи между Чехами, такъ понимается ими и необходимость образованія. Сколько встрѣтите вы въ Чехіи поселянъ, выписывающихъ по два, даже по три періодическихъ изданія! Правда, распространенію газетъ и журналовъ содѣйствуетъ удивительно низкая цѣна, сравнительно съ другими землями, но надобно принять въ соображеніе общую массу народа, которая такъ ограничена, а также обратить вниманіе и на состояніе, обложенное непомерно высокими налогами.

Вмѣстѣ съ развитіемъ умственнымъ, поддерживаемымъ и вызываемымъ литературою, Писечане не отстаютъ отъ золотой своей Праги и въ развитіи художественномъ, хотя, конечно, и тутъ кругъ дѣятелей обусловливается провинціальною и малонаселенностію города. Что въ Прагѣ дѣлается сотнями, то здѣсь сосредоточивается въ единицахъ. Музыкальность, столь распространенная въ Чехіи, столь извѣстная въ Европѣ, давшая даже поводъ на западѣ принимать имя Чеховъ за синонимъ съ музыкантами, имѣетъ и въ Пискѣ своихъ представителей, извѣстныхъ своими композиціями, разыгрываемыми и восхищающими слушателей далеко не въ одной землѣ Чешской. Мнѣ пришлось наслаждаться писецкою музыкою въ церкви, вечеромъ Великой пятницы, когда явилось на хоры человекъ до пятидесяти, со всевозможными инструментами. Я стоялъ среди нихъ, и не могъ достаточно удивиться знанію, изяществу и свободѣ выполненія самыхъ трудныхъ мѣстъ Моцарта: а большинство играющихъ принадлежало къ сословію простыхъ гражданъ. Тутъ же происходило и пѣніе такъ называемыхъ *семи словъ Божіихъ*. Въ Пискѣ нашлись и свои пѣвицы, изъ дѣвицъ и дамъ, не уступавшія обработанностію голоса и строгимъ исполненіемъ своимъ музыкантамъ. Такъ выдержался, развился и укрѣпился Писекъ, не взирая на рѣзню фердинандовскую, на ядра и бомбы, и доселѣ торчащія въ стѣнахъ многихъ зданій, Фридриха II, и на гнетъ современнаго правительства, враждебнаго всему, что носить на себѣ отпечатокъ иной, не нѣмецкой, народности.

Въ девять часовъ утра, въ Великую субботу, выѣхалъ я изъ Писка на Страконицы, простившись съ новыми моими знакомыми и друзьями, провожавшими меня на полчаса отъ города. Разстояніе слишкомъ не велико между Пискомъ и Страконицами, городкомъ Писецкаго окружія, чтобы снова раздражаться доставникомъ, — всего три часа, — ктому же и доставникъ ходитъ тутъ другаго сорта, въ видѣ маленькой кареты, въ два отдѣленія, въ каждомъ по

два сѣдока. Правда, одна лошадь не разбѣжится и по гладкой и ровной дорогѣ; но теплая и ясная погода, очаровательность мѣстоположенія, при маломъ пространствѣ, не давали мнѣ времени обращать вниманіе на медленность ѣзды.

Въ половинѣ перваго я былъ въ Страконицахъ. Не прошло и получаса, какъ сюда же прибылъ, по условію, заключенному еще въ Прагѣ, мой знакомый и пріятель, докторъ Лямбль, съ двоими русскими медиками. Съ ними заговорилъ въ Страконицахъ и нашъ родной русскій языкъ, едва ли не въ первый разъ со времени основанія одного изъ древнѣйшихъ чешскихъ городовъ. Проживающій здѣсь братъ доктора Л., почтенный и образованный человекъ, уже ожидалъ насъ, и мы, не теряя времени, успѣвши только уничтожить заранѣе заказанный для насъ обѣдъ, отправились осматривать достопримѣчательности стариннаго города. Такъ какъ близкое и родное общество, въ которомъ пришлось теперь мнѣ находиться, не могло не оразнообразить моихъ цѣлей, правильнѣе, не могло не ослабить моихъ специальностей, придавши моему пребыванію здѣсь характеръ пріятнаго развлечения, съ какимъ явились остальные его члены изъ Праги, то и понятно, что наблюдательность моя ограничилась осмотромъ только того, что не лишено было интереса и для послѣднихъ: мнѣ тяжело было, при кратковременности срока совокупной поѣздки, отрываться въ другую сферу, да при томъ въ оной сферѣ, судя по увѣреніямъ туземца, я бы ничего не могъ и извлечь особенно важнаго и достойнаго преимущественнаго вниманія. Вотъ почему и очеркъ полутора сутокъ, проведенныхъ въ Страконицахъ, долженъ ограничиться исключительно описаніемъ мѣстности и тѣхъ древностей, какія удалось намъ видѣть и осмотрѣть.

Городокъ Страконицы расположенъ при устьѣ рѣчки Волынки, впадающей въ Волтаву; онъ заключаетъ въ себѣ не болѣе трехъ тысячъ жителей, и тѣмъ не менѣе пред-

ставяетъ жизни больше, чѣмъ Писекъ; причиною того частые торги, особенно конями, на которые собираются въ большомъ числѣ обыватели не только окрестныхъ селеній, но и близъ лежащихъ городовъ. Во время подобныхъ торговъ, кажется, одинаково слышится и Нѣмецкій и Чешскій языкъ; но сами Страконичане отличаются очевиднымъ преобладаніемъ чехизма, сколько можно судить по говору на улицахъ, въ гостинницѣ и по непониманію нѣметчины многими изъ жителей, встрѣчавшихся во время нашихъ экскурсій по ближайшимъ окрестностямъ города. Самое замѣчательное и важное мѣсто въ Страконицахъ есть, безъ сомнѣнія, *градъ*, или старый замокъ, лежащій на стрѣлкѣ, образуемой Волынкою и Волтавою. Замокъ этотъ со всѣми принадлежащими къ нему постройками, составляетъ донинѣ принадлежность ордена Мальтійскаго или Іоаннитовъ, до настоящихъ дней сохраняющаго свое вассальство, и имѣющаго особеннаго своего посланника при дворѣ вѣнскомъ. Обозрѣвая такую старину, какъ *градъ* страконицкій, невольно коснешься и его исторіи. Древнѣйшая часть замка относится къ началу XIII вѣка, и, такимъ образомъ, должна быть отнесена къ древнѣйшимъ укрѣпленіямъ въ землѣ Чешской. Въ то время Страконицы принадлежали панскому роду, Баварамъ, родоначальникъ которыхъ, Баваръ первый, является впервые подписаннымъ на подлинной грамотѣ 1235 года, хранящейся теперь въ Прагѣ (Erben, Regesta, стр. 410—411). Въ 1243 году онъ построилъ въ городѣ, при церкви св. Прокопа, монастырь для рыцарей Іоаннитскаго ордена; имъ же и его женою, Добиславою, подарены были монастырю и нѣкоторыя имѣнія, подтвержденные особою грамотою короля Премысла Оттокара, въ 1251 году. Сынъ перваго Бавара, также Баваръ, былъ уже генералъ-пріоромъ ордена Іоаннитовъ, а второй сынъ его и наследникъ, Вильгельмъ ze Strakonik (von Strakonitz), духовнымъ завѣщаніемъ 1336 года, отказалъ и владѣніе цѣлыми Страконицами великому пріорату Іоаннитовъ. Съ той-то поры

великій пріоръ Іоаннитскаго или Мальтійскаго ордена и управляетъ владѣніемъ страконицкимъ. Здѣсь находится у него и полное устройство хозяйственное, съ своими чиновниками, канцеляріей и конторой: все это донинѣ помещается въ старомъ замкѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что замокъ уже существовалъ къ тому времени, когда Баваръ первый основалъ для Іоаннитовъ монастырь при церкви св. Прокопа: по крайней мѣрѣ, по сохранившимся остаткамъ стѣнъ, почтенный знатокъ археологіи Воцель относитъ основаніе ихъ, если не къ концу XII, то непременно къ самому началу XIII столѣтія. Нынѣшнее пространное зданіе замка составляетъ уже совокупность многихъ построекъ, представленныхъ въ разные времена къ основному первобытному зданію, такъ что форму первоначальнаго положенія можно опредѣлить лишь отчасти и весьма неточно. Самые характеристическіе остатки первоначальной постройки сохранились на южной и западной сторонахъ. Особенно замѣчательнъ флигель первой стороны, обращенной въ садъ, отъ котораго отдѣляется широкимъ рвомъ, наполненнымъ водою. На этомъ флигелѣ отпечатлѣвается ярко тотъ характеръ постройки, который указываетъ еще на господство романской архитектуры. Балконныя окна, подъ крышами, покоящіеся на дугообразныхъ сводахъ, простою, даже грубоватою своею формою рѣзко отличаются отъ сосѣднихъ, уже позднѣйшихъ готическихъ пристроекъ. Внутренняя часть этого флигеля почти всюду перестроена и обращена въ канцелярію и квартиры чиновниковъ. Западная сторона замка стоитъ въ развалинахъ, отъ которыхъ полу-избавилась высокая башня, да соединенная съ нею капитальная стѣна, къ которой примыкаютъ новѣйшія постройки. Крѣпкая, изъ толстыхъ плитъ выложенная башня приковываетъ преимущественное вниманіе. Сторона ея, обращенная къ двору замка, образуетъ сегментъ круга, тогда какъ сторона, направленная къ саду, составляетъ двѣ плоскости, сходящіяся въ острый уголъ. На срединѣ

башни, въ круглой ея сторонѣ, продѣлано довольно длинное отверстіе, составляющее единственный входъ въ башню. Онъ идетъ отъ капитальной стѣны южной части замка такимъ образомъ: сначала лѣстницею, выбитою въ толщинѣ этой стѣны, къ двери, выводящей къ узкому терасообразному выступу также старой стѣны, прилегающей къ башнѣ, отверстіе которой еще донинѣ соединено деревянною лѣстницею съ выступомъ сосѣдней стѣны. Такое положеніе уже само собою даетъ поясненіе способа, какимъ утверждался въ средневѣковыхъ замкахъ доступъ къ башнямъ, гдѣ дверное отверстіе было устроено высоко на верху. Верхнюю часть башни окружила проходная галлерей, отъ которой уцѣлѣла едва-ли и четвертая доля; за то уцѣлѣли еще почти всѣ дугообразныя, поддерживавшіе галлерей, своды, окружающіе верхнюю часть башни наподобіе вѣнца. Верхушка башни отъ дождей и снѣговъ защищена деревянною покрывшею. Къ восточной сторонѣ замка прилегаетъ старая церковь св. Прокопа, нынѣшняя деканская; внутри ея произведены такія измѣненія и поновленія, что трудно и отличить древность; до нѣкоторой степени свидѣтельствуютъ о ней надгробныя плиты, вдѣланныя въ полъ, генераль-пріоровъ, да алтарные рисунки чешскаго живописца Скреды. Осталась нетронутою превосходная галлерей, украшенная множествомъ колоннъ, между внѣшнею стѣною со стороны главнаго входа и внутренностію церкви. Кромѣ замка, обращаетъ вниманіе посѣтителя своею древностію и стоящая не подалеку церковь св. Маргариты, готической архитектуры, съ полнымъ сохраненіемъ старины во внѣшнемъ видѣ и съ высокою, выложенною изъ плитъ, башнею. За то внутри и здѣсь все ново; только въ передней части храма, вблизи входа, вложена въ стѣну каменная плита, на которой въ рельефѣ представлена Матерь Божія съ младенцемъ Іисусомъ: одежда фигуръ, техника скульптуры и общее выраженіе, по мнѣнію Воцеля, ука-

зываютъ на глубокую древность этого образа, а романскія колонны и своды, на немъ сохранившіеся, возводятъ его ко времени не позднѣе начала XIII столѣтія.

Въ этомъ-то замкѣ сосредоточивалось одно изъ главныхъ управленій ордена Іоаннитскаго: значеніе какъ ордена, такъ и замка, въ старину, конечно, было гораздо важнѣе, чѣмъ теперь. Здѣсь помѣщались магистры этого рыцарскаго ордена, заправлявшіе отсюда своими подданными не только въ Чехіи, но и на Моравѣ, Крайнѣ и Каринтіи. Во время войнъ гусситскихъ, замокъ страколицкій составлялъ одну изъ твердѣйшихъ опоръ католицизма, особенно испытывали неоднократно его силу и мочь Писечане, то воюя противъ 'него, то заключая съ нимъ миръ.

Къ числу достопримѣчательностей Страколицъ должно отнести и домъ, въ которомъ проживалъ въ XVI столѣтіи знаменитый чешскій меценатъ, Янъ Годѣйовскій съ Годѣйова. Онъ уже едва обитаемъ, обветшалъ и сгорбился, но гербъ прежняго владѣтеля служитъ еще понынѣ воспоминаніемъ о немъ для жителей Страколицъ. Не вдали отъ Страколицъ, въ селеніи Рѣпицѣ, виднѣются и развалины нѣкогда славнаго замка Годѣйовскаго. Поэты XVI вѣка воспѣвали не разъ этотъ замокъ, во всѣхъ его подробностяхъ, на обычномъ ихъ латинскомъ языкѣ. Латинская поэзія прекратилась, исчезъ и замокъ, но память о знаменитомъ меценатѣ чешскомъ хранится твердо въ обывателяхъ селенія Рѣпицы. Да, богата чешская земля остатками, приводящими на память нѣкогда цвѣтущую славу народа; куда ни ступить нога, вездѣ встрѣтитъ она такіе остатки, и неужели эта слава изгнана навсегда, неужли нѣтъ надежды на ея возвращеніе? Едва-ли можно допустить подобную мысль, едва-ли будетъ и гуманно допустить ее, при видѣ усилій народа подняться изъ той пропасти, въ которую ввергла его злая судьба и мстительная ненависть враждебнаго народа, при взглядѣ на его образованіе, охватившее всѣ сословія, и на разгарающуюся

все сильнѣе и сильнѣе любовь къ своей исторіи, проникшую уже и въ самые нисшіе слои. И думается, что эта слава давно-бы возвратилась, еслибы побольше было Годѣйовскихъ, еслибы его нынѣшніе преемники по званію, слывущіе аристократами, не претворились въ вырождковъ австрійско-нѣмецкихъ, еслибы приблизились къ доброму и трудолюбивому своему народу, съ такими тяжкими трудами доставляющему имъ средства мотать состояніе и добывать на гнилой почвѣ тѣ почести и то значеніе, которыя въ состояніи только отравить душу обязательствомъ давить своихъ кормителей. Неужели никогда не проникнетъ къ нимъ память о ихъ предкахъ, стоявшихъ среди своего народа, составлявшихъ съ ними одну семью; неужели постоянно будутъ они равнодушны къ своимъ прадѣдамъ и прапрадѣдамъ, такъ позорно казненнымъ вѣроломною рукою австрійскою, 11 Юня 1621 гола, за самыя святыя чувства, за любовь къ своей отчизнѣ и къ своему народу, за естественныя усилія устранить тотъ ядъ, который такъ любили и любятъ пропускать Нѣмцы въ кровь славянскую? Сомнѣваюсь. По крайней мѣрѣ, сохраненіе однимъ изъ нынѣшнихъ графовъ черепа казеннаго его предка можетъ служить до нѣкоторой степени порукою, что, рано или поздно, пробудится истинное сознаніе и въ аристократическихъ ренегатахъ.

Въ подучасѣ ходьбы на востокъ отъ Стракониць, по теченію Волтавы, находится очаровательное по красотѣ мѣсто, слывущее подъ именемъ *podskali*. На протяженіи ста или полтораста сажень, по обѣимъ сторонамъ упомянутой рѣки, возвышаются высоко скалы, изъ которыхъ одна, на противоположномъ берегу городского замка, покрыта лѣсомъ, спускающимся отвѣсно внизъ до самой воды; и по эту сторону, подъ скалою, около воды поросъ также кустарникъ. Съ вершины скалы довольно широкая рѣчка представляется въ видѣ самаго узенькаго ручейка, сжатого съ обѣихъ сторонъ. Обиліе воды, поддерживаемой стоящеювнизу мельницею, даетъ полную возможность поль-

зоваться этою мѣстностію для лѣтнихъ прогулокъ на лодкѣ, и находить тутъ, вмѣстѣ съ поэтическимъ положеніемъ, и пріятную прохладу отъ сильныхъ жаровъ. Здѣсь-то имѣлъ обыкновеніе проводить почти все лѣто славный чешскій поэтъ Челяковскій, такъ неподражаемо-удачно воспроизводившій своими поэтическими твореніями народную славянскую поэзію. Бѣдный поэтъ и ученый, всю жизнь свою терпѣвшій недостатки, умершій чуть не въ нищенствѣ, онъ, какъ бы въ укоръ современной отступнической чешской аристократіи, явился на свѣтъ въ томъ мѣстѣ, откуда изливалъ свое покровительство и поддержки наукѣ и литературѣ чешскій аристократъ XVI вѣка, мекенать Годѣйовскій.—Со скалы, на нѣскольکو пятковъ верстѣ, во всѣхъ направленіяхъ, виднѣются окрестности Стракониць. На нихъ прежде всего бросается въ глаза множество разсѣянныхъ, не въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи, чистенькихъ деревенекъ, стоящихъ болышею частію при подошвѣ горъ и рѣдко поднимающихся къ вершинѣ. Нѣкоторыя изъ названій этихъ деревенекъ невольно остановятъ вниманіе и историка и археолога славянскаго. Такъ, на три четверти часа ходьбы отъ города, на сѣверо-восточной его сторонѣ, лежитъ *Србско*, такъ ясно напоминающее собою народъ Сербовъ; въ этомъ селеніи находится и древнѣйшая церковь св. Вячеслава, въ которой совершается служба только въ праздники этого святаго; не много далѣе отъ Србска, по тому-же направленію отъ города, поднимается по горѣ деревня *Птаково*. Нѣскольکو лѣтъ тому назадъ и здѣсь рылся въ землѣ извѣстный знатокъ чешской подземельной, если можно такъ выразиться, археологіи, г. Крольмусъ, едва-ли не обогнавшій знаніемъ своей страны и инстинктомъ, въ слѣдствіе долговременной практики, необходимости археологическихъ находокъ на извѣстномъ мѣстѣ, и нашего Ходаковского. И подъ Птаковымъ нашелъ Крольмусъ нѣскольکو языческо-славянскихъ древностей, хотя мы и не рѣшимся, вмѣстѣ съ нимъ, отъ имени селенія и отъ нео-

предѣленныхъ раскопокъ, дѣлать заключеніе объ общемъ обожаніи Славянами всѣхъ птицъ, и о поставленіи этой деревни какъ бы въ посвященіе такому божеству. На противоположной сторонѣ рѣки, на самой вершинѣ высокой горы, виднѣется въ значительной части сохранившійся еще средневѣковой замокъ *Стрѣла*, съ которымъ связано не мало историческихъ воспоминаній у Чеховъ; на сѣверо-востокъ отъ города, на возвышенной плоскости выступаетъ и храмъ св. Анны, построенный въ 17 вѣкѣ, съ весьма древнимъ вырѣзаннымъ изображеніемъ святой, которое, по преданію, принадлежало еще св. Воитѣху, епископу чешскому, X столѣтія. Мы всѣмъ обществомъ посѣтили этотъ замѣчательный по своей миниатюрности и по какой-то прихотливой архитектурѣ храмъ, и любовались съ его крыши на окрестные виды, горизонтъ которыхъ расширяется отсюда едва-ли не вдвое дальше, сравнительно со скалою. Отсюда, какъ на ладонѣ, видны и пограничныя съ Баваріей горы Шумавскія, не только на вершинахъ, а и на срединѣ, покрытыя еще снѣгами. Съ увеличеніемъ горизонта растетъ и количество деревень. Разбросанность послѣднихъ, часто въ полуверстѣ одна отъ другой, заставила меня искать объясненія; мнѣ съ перваго раза казалось естественнѣйшимъ соединеніе нѣсколькихъ мелкихъ деревенокъ въ одну большую. И между тѣмъ причина такой разбросанности вышла, по объясненію знатоковъ чешско-народной жизни, вполне согласно съ древнимъ характеромъ земледѣльческаго славянства. Чехи по сіе время стараются сидѣтья вблизи своихъ полей, среди ихъ, чтобы поле всегда было у нихъ передъ глазами, чего не возможно достигнуть при обиліи деревни, при двойномъ или тройномъ количествѣ ея обитателей.

Въ Страконицахъ встрѣтили мы и западную пасху, разговѣвшись, послѣ вечерней въ субботу процессіи, знаменующей воскресеніе Спасителя, въ гостепріимномъ и умномъ семействѣ брата доктора Л.... Само собою по-

нятно, что мы не упустили случая полюбоваться на процессію. Началась она въ семь часовъ вечера, и отъ деканскаго храма, изъ стараго замка, прошла по всей главной улицѣ. Народъ участвовалъ почти весь. Подобно православнымъ, и здѣсь имѣлъ онъ въ рукахъ зажженныя восковыя свѣчи. Каждый цехъ шелъ отдѣльно съ собственнымъ своимъ знаменемъ; въ первомъ ряду цеха находился запѣвало, съ книжкою въ рукахъ, громко произносившій два—три начальныхъ слова стиха, которыя пѣлъ весь цехъ. За цехами слѣдовало чиновничество, потомъ духовенство, а, наконецъ, подъ балдахиномъ, несомымъ четырьмя человекѣми, шелъ и деканъ, державшій обѣими руками поднятую демонстрацію, въ видѣ нашего св. ковчега, въ которомъ хранятся дары. Пѣніе сопровождалось тремя хорами музыки, разыгрывавшими веселыя марши, а вдали, изъ-за города, раздавались частые пушечные выстрѣлы.

Наканунъ отъѣзда изъ Стракониць посѣтили мы и фабрику фескъ, находящуюся въ самомъ городѣ, и снабжающую не только Турцію, Болгарію, Боснію, Герцоговину и Албанію, а и княжество Сербію извѣстными красными, съ синими шелковыми кистями, фесками. Нѣсколько лѣтъ сему назадъ, Французы сдѣлали было большой подрывъ Страконицамъ, начавши продавать также въ Турціи фески съ болѣе яркою и прочною краскою; не смотря на сравнительную дороговизну, покупатели стали мало по малу отставать отъ страконицкаго фабриканта, и обращались болѣе и болѣе уже къ Французамъ. Потери страконицкой фабрикаціи сдѣлались слишкомъ чувствительны и начали угрожать полнымъ упадкомъ фабрикъ, но соперничество помогло: и Страконичане нашли средство улучшить свою краску, придать ей ту же прочность и яркость, а сравнительная дешевизна не замедлила снова приманить къ себѣ отставшихъ было покупателей, и фески страконицкія опять получили всеобщее господство между Турками и турецкими Славянами. Въ настоящее время фабрика на-

ходится уже въ цвѣтущемъ состояніи. Къ сожалѣнію, по случаю наступившаго праздника и разошедшагося народа и управителей съ фабрики, мы могли видѣть только одну основную машину, приводящую въ дѣйствіе всѣ остальные. Не помогъ намъ и бургомистръ, высшій въ Страконицахъ чиновникъ австрійскій, явившійся, Богъ вѣсть откуда и за чѣмъ, въ нашъ кругъ безъ всякаго съ нашей стороны желанія имѣть его около себя. Правда, онъ съ торжественностію убѣждалъ насъ, также безъ всякаго отъ насъ вызова, что онъ не Нѣмецъ, и происходитъ отъ чисто-французско-славянской крови, перечислялъ дѣдушекъ и дядюшекъ Французовъ, бабушекъ и тетюшекъ Славянокъ, и съ настойчивостію увѣрялъ, что не только еще онъ, но и сынъ его сохранили чисто французскій типъ на своихъ лицахъ, при чемъ особенно указывалъ онъ на загнутую оконечность своего носа, но, привыкши въ Австріи къ подозрительности, я все-таки смотрѣлъ на него издали, и держалъ языкъ за зубами, почти во все время его присутствія; мнѣ сдавалось, что, какого-бы онъ ни былъ происхожденія, а мыслить *очень по-австрійски*; недаромъ же и простые Чехи, на мой вопросъ о бургомистрѣ, отвѣчали согласно, что онъ *совсѣмъ* Ракушанинъ; да, конечно, и явился онъ по одной причинѣ—понаблести за Русскими, которыхъ занесло такъ глубоко во внутренность страны, на соблазнъ сознавшаго славянство народа Чешскаго, да еще въ числѣ трехъ человекъ. Были голоса въ пользу и того, будто обязанность такого наблюденія возложена на него особымъ порученіемъ изъ Праги. Какъ-бы то ни было, но я уже для Австріи старій воробей, примелькавшійся къ подобнымъ личностямъ, и чтобы не тратить даромъ времени, прервалъ свое молчаніе вопросами о *страконицкихъ дудахъ*. Тутъ не много натѣшить уши и французско-славянскій бургомистръ Австріи, да и для меня свѣдѣнія не будутъ безъ интереса. Съ названіемъ Страконицъ въ народѣ Чешскомъ не разлученъ и атрибутъ ихъ—страконицкія дуды. Напрасно стали бы думать

вы, что эти дуды что-либо вещественное, что Страконичане отличаются игрою на дудахъ или приготовленіемъ какихъ-либо особыхъ дудъ. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ народная характеристика города, конечно, получившая свое начало отъ опредѣленнаго случая, но теперь сдѣлавшаяся простымъ терминомъ безъ всякаго видимаго въ настоящее время къ тому повода. Въ народѣ кружатся и различныя новости о чудесномъ дѣйствіи дудъ страконицкихъ. Такъ, между прочимъ, рассказываютъ, какимъ образомъ одинъ отецъ семейства, въ годину голода, не находя болѣе средствъ поддерживать семью, выбившись изъ силъ, отправился въ свѣтъ искать счастья; вошелъ онъ въ лѣсъ, не подалеку отъ Страконицъ, и, разумѣется, не безъ содѣйствія нечистой силы, заблудился въ немъ, блудилъ до изнеможенія, кружась все на одномъ мѣстѣ. Когда же совсѣмъ истощился, и думалъ уже броситься на землю, увидѣлъ вдали огонекъ, и, собравши послѣднія силы, направилъ къ нему путь свой. Очутился передъ избушкой, изъ которой, на его стукъ, отозвалась старая старуха. Она впустила его, сжалившись надъ его усталостію; онъ попросилъ чего-нибудь поѣсть. Старуха замѣтила ему, что она сама едва пропитывается тѣмъ, что можетъ собрать въ лѣсу, и едва-ли будетъ онъ доволенъ ея пищею. Но когда увидѣла, что ея гость съ совершеннымъ довольствомъ съѣлъ поданную ею пищу, сдѣлалась къ нему внимательнѣе, и приготовила изъ сѣна постель. На другое утро бѣдный поселанинъ горячо поблагодарилъ старуху, и не забывъ въ дорогу попросить у нея совѣта, передавъ ей все бѣдственное свое состояніе. Старая хозяйка сжалилась надъ нимъ, и вынесла ему дуды, замѣтивши, что онѣ будутъ вѣчно служить ему въ пользу, если только онъ умно станетъ пользоваться ими. Поселанинъ поблагодарилъ и вышелъ. Но не прошелъ и ста шаговъ, какъ захотѣлъ испытать дѣйствительность словъ старухи: онъ вынулъ дуды и сталъ въ нихъ дуть; дунулъ разъ—и явился калачъ, за тѣмъ другой и т. д. Послѣ

сытнаго завтрака, пробудилась въ немъ и жажда; онъ дунулъ еще, и передъ нимъ явился жбанъ пива. Домой прибылъ онъ съ веселымъ лицомъ. Жена и дѣти, истощенныя голодомъ, не видя ни откуда надежды, не могли надивиться такой перемѣнѣ хозяина. Но вотъ онъ разсказалъ обо всемъ подробно, и въ доказательство справедливости словъ своихъ насыпалъ передъ ними на столъ множество калачей и другихъ яствъ, а потомъ вызвалъ изъ дудъ нѣсколько и жбановъ пива. Вѣсть объ этомъ распространилась быстро до школы, гдѣ учились дѣти бывшаго бѣдняка, изъ школы прошла по всей деревнѣ, захвативши и окрестныя селенія. Всѣ бросили работы, дѣти перестали ходить въ школу, и церковь опустѣла; за то у счастливаго владѣтеля дудъ постоянно собирались сотни гостей, проводившихъ время въ полномъ довольствѣ. Умные люди испугались грозящаго несчастія, поля не были обработаны, и надобно было опять ожидать неминуемаго голода; священникъ и учитель также стали роптать на бездѣятельное и грѣшное провозженіе времени, повергшее народъ въ рублище, а дома совершенно обнажившее отъ крышъ. По ихъ убѣжденію, мало по малу начали отставать отъ владѣтеля чародѣйныхъ дудъ и жители; вмѣстѣ съ тѣмъ стало расти на него и неудовольствіе, превратившееся, наконецъ, въ преслѣдованіе, такъ что бѣдному крестьянину снова пришлось разстаться съ своимъ селомъ и семьей. Онъ еще разъ обратился къ старухѣ, передалъ ей все случившееся, и, вмѣстѣ съ выговорами отъ нея, получилъ другія дуды. Свойство послѣднихъ оказалось уже совершенно другое. Едва началъ дуть въ нихъ крестьянинъ, поставленный на столъ школьниками, думавшими, что новыя дуды будутъ сыпать имъ прямо червонцы, какъ выскочилъ изъ нихъ карликъ съ дубиной, съ дьявольской усмѣшкой, и сталъ безъ разбора колотить всѣхъ своимъ оружіемъ: усмирить его могли только звономъ церковнымъ. Много есть и другихъ сказокъ о дудахъ страконицкихъ, но мнѣ желательно было

дознаться историческаго основанія приданному эпитету Страконицамъ. По свидѣтельству одного образованнаго и ученаго Страконичина, страконицкія дуды произошли отъ того, что въ отдаленной старинѣ, около церкви св. Прокопія стояла корчма, въ которой, по русской пословицѣ: *кто празднику радъ, тотъ до сѣту пльнъ*, открывалось веселье и музыка прежде, чѣмъ священникъ оканчивалъ обѣдню.

Въ понедѣльникъ на святой недѣлѣ западниковъ, часовъ въ 7 утра, оставили мы Страконицы съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ Прагу черезъ Непомукъ и славную Зеленую гору.

III.

Дорога отъ Страконицъ черезъ Непомукъ до Пильзена, на протяженіи 11—12 миль, лишена была всѣхъ тѣхъ неудобствъ и неудовольствій, какими такъ щедро угощаетъ путешественника чешскій доставникъ. Кромѣ спокойствія и простора въ помѣщеніи, мы свободно могли располагать и остановками для осмотра тѣхъ мѣстностей, мимо которыхъ проѣзжали и которыя казались намъ заслуживающими особенное вниманіе. Достигнуть подобной независимости и самораспоряженія въ пути было намъ не трудно: насъ было четверо, и мы безпрепятственно, думается, и безъ увеличенія платы, сравнительно съ доставникомъ, могли нанять особый вполне удовлетворительный экипажъ, съ тройкою лошадей, и съ условіемъ останавливаться тамъ, гдѣ найдемъ для себя необходимымъ.

Братъ доктора Л...., такъ радушно и заботливо угощавшій насъ въ Страконицахъ, отыскалъ какое-то дѣло, чтобы имѣть возможность проводить насъ мили на три, до селенія *Воселице*, лежащаго на половинѣ пути между Страконицами и городкомъ Непомукомъ. Оба брата сѣли вмѣстѣ, въ особомъ экипажѣ, а праздное мѣсто у насъ занялъ страконицкій нашъ знакомый, такъ много оказавшій

намъ услугъ во время нашихъ экскурсій по окрестностямъ Стракониць и доставлявшій истинное удовольствіе оригинальными своими разказами изъ многоопытной и подвижной своей жизни. Личность эта на столько замѣчательна сама по себѣ, и на столько видное заняла мѣсто въ непродолжительномъ нашемъ путешествіи, что передавая впечатлѣнія о послѣднемъ, было-бы непростительно не остановиться ближе и на ней.

Господинъ К. принадлежитъ, по устройству нравственной природы, къ разряду тѣхъ людей, у которыхъ нѣтъ никогда задней мысли, у которыхъ каждое коснувшееся ихъ чувство, каждая зародившаяся въ головѣ мысль немедленно же облекаются въ слово, и передаются первому встрѣчному знакомому, даже и незнакомому, если только послѣдній не отвергаетъ добродушной готовности познакомиться съ нимъ. Во внѣшнихъ движеніяхъ онъ обнаруживаетъ сочетаніе чего-то жидовскаго съ улично-итальянскимъ: также изгибается и подергивается, также, во время разговора, дѣлаетъ рѣзкіе жесты всѣми своими членами, также въ одинъ и тотъ же моментъ способенъ принимать участіе на двухъ и даже трехъ сосѣднихъ сторонахъ, также поминутно вскакиваетъ и садится, взглянетъ въ одно окно мелькомъ и бросится къ другому. Сообразно съ этимъ, и рѣчь его, при неопредѣленности предмета разговора, перебѣгаетъ съ удивительною непослѣдовательною быстротою отъ одного предмета на другой. Чистота его мысли и непорочность чувства, при такой эластической внѣшности, приковывающей невольно къ себѣ вниманіе, тѣмъ сильнѣе поражаетъ путешественника, чѣмъ глубже созналъ онъ и крѣпче убѣдился, что именно такая-то чистота и непорочность и составляетъ въ предѣлахъ Австріи главнѣйшее преступленіе, что оба эти свойства являются здѣсь необходимо протестами, самыми сильными и рѣшительными, противъ грязи и тьмы, набрасываемыхъ и на обыденную жизнь австрійскою администраціею. Не мудрено, что съ

перваго раза незнакомецъ готовъ будетъ принять рѣзкость и прямоту выраженій за поводъ къ подозрительности; пожалуй, иной, примѣтавшійся къ повсюдной наблюдательности полиціи, признаетъ его и за какого-либо шпіона, — но напрасно сталъ-бы онъ обижать неподкупную искренность подозрѣніями; пусть лучше разузнаетъ онъ жизнь, положеніе и всѣ обстоятельства, среди которыхъ вращается эта личность, и мы увѣрены, что не безъ удовольствія придетъ онъ къ заключенію, что какъ ни поразительны подобныя явленія въ Австріи, но, значить, не совѣмъ еще убита возможность ихъ, лишь-бы человѣкъ одаренъ былъ тою твердостью характера, тѣмъ сильнымъ сознаниемъ своей свободы, какія съ легкостію подмѣчаются въ К. Не мѣсто, конечно, здѣсь распространяться подробно о біографіи человѣка, вращающагося въ столь маленькомъ частномъ кружкѣ; мы упомянемъ только объ одномъ, что онъ изъ мѣщанскаго сословія, получилъ довольно порядочное образованіе въ семинаріи, которая и до сихъ поръ такъ сильно отражается у него въ латинскихъ фразахъ и словахъ, подъ часъ далеко не правильныхъ. Цѣлью семинарскаго образованія было поступленіе въ духовное званіе, но К. казалось оно не согласнымъ съ его подвижною и любящею полную независимость натурою: онъ остался свѣтскимъ человѣкомъ. Крайне ограниченное, однакожъ, состояніе требовало отъ него труда и дѣятельности. Куда обратиться? Въ чиновники, естественно, онъ не могъ, потому что австрійскій чиновникъ есть по преимуществу рабская, безжизненная машина; броситься въ торговлю или промышленность, — не хватило состоянія, да при томъ и тутъ пришлось бы не разъ сдавить свою волю и дѣйствовать не по своему собственному усмотрѣнію. По этому онъ остался самъ собою, въ полномъ смыслѣ слова, пріобрѣтая не большія средства перепискою бумагъ въ аптекахъ, въ частныхъ конторахъ, да получая безъ всякаго, впрочемъ, искательства, иногда награжденія за разнообразныя услуги, къ которымъ онъ

всегда готовъ съ безпримѣрною охотою. Будучи, такимъ образомъ, вольною птицей, проникнутый насквозь любовію къ своему народу, онъ превратился въ истаго демократа, но спокойнаго и благороднаго. Одежду носить постоянно одинаковую, простую, сѣраго цвѣта, безпрерывно вращается въ простомъ народѣ, передаетъ ему всѣ новости политическія и перемѣны или измѣненія во внутренней правительственной администраціи; сообщаетъ всякое открытіе или нововведеніе въ земледѣліи, въ быту домашнемъ; съ своей стороны, и народъ не опускаетъ случая, при малѣйшемъ недоразумѣніи, обратиться къ своему другу, выслушиваетъ его совѣты и исполняетъ ихъ, Такимъ отношеніемъ къ народу онъ пріобрѣлъ всеобщую любовь въ немъ и уваженіе, и, въ извѣстныхъ случаяхъ, при огненности своего характера, прямотѣ и чистотѣ убѣжденій, наконецъ, при свойственной ему говорливости и знаніи всѣхъ мелочныхъ фактовъ, могъ-бы имѣть на него громадное вліяніе. Само собою разумѣется, что этимъ вліяніемъ можетъ пользоваться лишь тотъ, кто имѣетъ въ виду интересы народа, его благосостояніе, а не подавленіе и бѣдствіе его.

Съ такимъ-то человѣкомъ пришлось намъ ѣхать около двухъ съ половиною часовъ, въ одномъ экипажѣ. Но мы и не замѣтили, какъ протекло это время. Оригинальный нашъ спутникъ не останавливалъ своего языка ни на одну минуту, перемѣшивая безпрестанно выраженія чешскія съ нѣмецкими, желая быть понятнымъ и тѣмъ, кто не вполне понималъ по чешски. Главнымъ предметомъ его разговора было путешествіе въ Россію и пребываніе въ Одессѣ, а также странствіе, по долговому иску въ пользу какой-то пожилой дамы, въ Баварію. Въ первомъ случаѣ, онъ очертилъ свой взглядъ на Россію, вообще очень лестный и крайне занимательный по сопоставленію его со взглядомъ на жизнь своего отечества: однимъ только былъ онъ недоволенъ, что строгость съ паспортами препятствовала ему ближе взглядѣться въ жизнь простаго

народа, особенно подъ Москвою: простой народъ составляетъ главную цѣль его наблюдательности, и хотя бѣгло видѣлъ онъ простой народъ нашъ, но отзывался объ немъ съ видимымъ и горячимъ сочувствіемъ. Онъ не только не прочь снова возвратиться въ Россію, а сердечно желаетъ того, только подъ условіемъ той же строгой опредѣленности своихъ обязанностей, личной свободы и независимости, какими вполне пользовался онъ въ первое свое у насъ пребываніе. Вообще, въ отзывахъ о нашемъ отечествѣ замѣтна была какая-то мягкость, нѣжность, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ справедливѣе было-бы обойтись безъ той и другой, пожалуй, слѣдовало бы замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь противоположнымъ. Но такъ сильно, съ одной стороны, пробуждено въ этомъ челоуѣкѣ чувство всеславянскаго родства, съ другой—такъ глубоко проникнуть онъ сознаніемъ неестественности, безпримѣрной тягостности положенія своего народа, что болѣе-менѣе и яркія уклоненія отъ благосостоянія народнаго на Руси казались ему если не ничтожными, по крайней мѣрѣ случайными, скоро-преходящими, при цѣльности народа, при отсутствіи чужеземной господствующей колонизаціи, подобно клинью раздвояющей его родину, и при собственномъ своемъ правительствѣ, не имѣющемъ ни нужды, ни выгоды преслѣдовать постороннія цѣли, враждебныя своимъ подданнымъ. На возраженія своихъ собесѣдниковъ, К. обыкновенно отвѣчалъ: «вы мало знакомы съ жизнію другихъ народовъ, особенно славянскихъ; слишкомъ исключительно смотрите на черное своего отечества, а потому часто и видите потерянность и неисправимость тамъ, гдѣ то или иное явленіе есть лишь переходная ступенька, всегда неизбѣжная въ жизни народа; забываете, при томъ, живучесть и рѣдкую способность Славянскаго племени къ выдержанности всевозможныхъ невзгодъ, къ переваренію самой грубой пищи. Мы Чехи испытали не то; жизнь наша держалась на волоскѣ, да и тотъ былъ уже надорванъ, — а между тѣмъ народъ, враги котораго,

губившіе и тѣло и душу его, думали уже вычеркнуть его изъ числа Славянъ, вдругъ возсталъ съ новою силою, выросъ изъ сотенъ тысячъ, остававшихся по выгубленіи и изгнаніи Чеховъ послѣ битвы Бѣлогорской, въ миліоны, и извлекъ благодѣтельный урокъ изъ бѣдственнаго времени: Чехія стала одною изъ образованнѣйшихъ странъ Европы, и не въ объемѣ отдѣльной касты, сословія, а цѣлой массы. Самосознаніе, любовь къ родинѣ, необходимость единства—въ политическомъ отношеніи, важность умственного и нравственнаго развитія—во внутренней жизни всасываются у насъ теперь молодымъ поколѣніемъ вмѣстѣ съ молокомъ матернимъ, и, конечно, при такомъ состояніи всякую опасность потери народности должны считать миновавшею и самые злѣйшіе враги ея, какъ ни неприятно сознаться имъ въ этомъ, точно также должны признать они не надежду только, а неизбѣжность скорого наступленія и политическаго благоденствія Чешскаго народа. Пусть только глубже проникаетъ образованность и у васъ, пусть станетъ она законнымъ достояніемъ массы, и вы увидите, какъ спокойно, быстро, само собою отлетитъ все грязное, нечистое, наносное; вы именно тѣмъ и счастливы, что прямыхъ враговъ народнаго развитія у васъ нѣтъ, а послѣднія распоряженія показали слишкомъ ясно свѣту, что друзей его много и сверху и снизу. Я, какъ демократъ, могу замѣтить только одно: напрасно такъ настоятельно и упорно образованное сословіе ваше рѣшается быть представителемъ желаній и нуждъ цѣлаго народа. Оно слишкомъ еще высоко стоитъ надъ послѣднимъ, слишкомъ рѣзко отдѣлено отъ него, сомнительно, знакомо-ли во всей точности съ его нравомъ, характеромъ и условіями жизни, а потому, думается мнѣ, гораздо было бы прочнѣе и благодѣтельнѣе прежде возвысить народъ и сблизить съ собою, и тогда уже, согласно съ волею самаго народа, стать его представителемъ.»

Этотъ болѣе-менѣе серьезный разговоръ смѣнялся анекдотическими разказами о походахъ безъ паспорта

въ Баварію, комическими сопоставленіями своихъ, австрійскихъ, чиновниковъ съ баварскими, при чемъ послѣдніе, сравнительно съ первыми, выставялись какими-то свѣтлыми духами; коснулся не разъ К. и сравненія судопроизводства въ сосѣднихъ государствахъ, въ которомъ, при описаніи порядковъ австрійскихъ, не скупился на выставленіе такихъ подробностей, отъ какихъ пришелъ бы въ изумленіе и тотъ, кто не безъ основанія привыкъ считать судопроизводство своей родины всецѣло уклонившимся отъ идей правды и справедливости.

На половинѣ пути между Страконицами и селеніемъ Воселице, съ возвышенной поверхности, открывается лѣво видъ на градъ или замокъ *Роби*, одинъ изъ знаменитѣйшихъ въ землѣ и въ исторіи чешской, называемый нерѣдко писателями *чешскимъ метономъ*. Построенъ онъ на утесистой скалѣ въ округѣ Писецкомъ; по дорогѣ между Гораждѣвицами и Сушицею, въ предгоріи Шумавскомъ, въ 14-ти миляхъ къ юго-западу отъ Праги, на возвышающемся лѣвомъ берегу Отавы. До 1420 года замокъ Роби считался неприступнымъ, пока знаменитому предводителю Таборитовъ, Яну Жижкѣ, не удалось овладѣть имъ, при чемъ за стѣнами замка были сожжены не только монахи и священники, но и все, что было найдено цѣннаго. Еще болѣе извѣстности въ памяти Чеховъ приобрѣлъ Роби вторымъ взятіемъ, тѣмъ же Жижкою, ровно черезъ годъ послѣ перваго. При этомъ-то случаѣ герой гусситскій лишился и послѣдняго своего глаза, будучи раненъ стрѣлою. Обстоятельство это спасло замокъ и засѣвшихъ въ немъ отъ прежней жестокости войска таборитскаго. Жижка, какъ истинный рыцарь, не хотѣлъ мстить за собственную рану, и строго запретилъ своимъ воинамъ какія-бы то ни было безчинства. Какъ много важности придавали владѣтели замка ранѣ Жижки, видно изъ сдѣланнаго на однихъ изъ его воротъ изображенія, описаннаго Бальбиномъ. На лѣвой сторонѣ, въ полномъ вооруженіи, въ панцырѣ и на конѣ, представленъ

Жижка; за нимъ слѣдуютъ пѣшіе воины. Съ башни увидѣлъ Жижку рыцарь Прибикъ Коцовскій и пустилъ въ него стрѣлу; послѣдняя влетѣла въ отворенную прилбицу и завязла въ глазу. Внизу надпись чешская: Tyli jsi bratrě Zizka?—Ja jsem!—Krejz holeho; подѣ нею слѣдующіе латинскіе стихи, характеризующіе взглядъ на Жижку его противниковъ:

Zisska sub hac turri jaculo percussus oculum,
 Qui tantum unus erat, perdidit atque operam.
 Caecus ut oppressit patriamque fidemque,
 Daemone (sic meritus) caeca barathra petit. *

Около 250 лѣтъ, градъ Раби принадлежалъ роду Швиговскихъ z Rizenberka. Въ 1708 году, рыцарь Янъ Вильгельмъ Хановскій z Dlouhé vsi продалъ Раби графу Яну Филиппу z Lamberka, который тотчасъ же перевезъ архивъ въ Жиховцы. Съ той поры замокъ опустѣлъ совершенно и подвергся немилосердному вандализму: челоѣчская рука истребила въ немъ и на немъ все, что только могла истребить. Съ 1834 года судьба Раби измѣнилась: вступившій въ это время во владѣніе замкомъ графъ Густавъ z Lamberka opravilъ его на сколько возможно, устроилъ на верхнюю часть лѣстницу и поставилъ для надзора челоѣка, который служитъ вмѣстѣ проводникомъ для посѣтителей.

Около 10 часовъ утра прибыли мы въ селеніе *Воселице* гдѣ должны были уже разстаться съ своими добрыми провожатыми. Впрочемъ разстались мы съ ними не прежде, какъ обозрѣвши вмѣстѣ одну изъ замѣчательныхъ по красотѣ мѣстоположенія мѣстностей чешскихъ, слывущую подѣ именемъ Швейцаріи, и лежащую вблизи упомянутого селенія. Какъ ни сѣра и сыра была погода, какъ ни ранне еще время и для первой весенней зелени, тѣмъ не

* Острая стрѣла подѣ сею башнею отняла у Жижки глазъ, который одинъ только у него и оставался; отняла и его надежду. Отечество и вѣру губилъ онъ слѣпецъ, дока въ отмщеніе не перевезъ его до слѣпой пропасти ада самъ чертъ.

менѣе довольство наше отъ часовой прогулки по Швейцаріи было полное, и едва-ли не согласятся со мною мои земляки—спутники, если я скажу вообще, что оно на долго останется въ нашей памяти. Не велико пространство значительныхъ возвышеній, покрытыхъ лѣсомъ, на возвышенной поверхности края, называемое Швейцаріей; но оно такъ разнообразно, видъ съ него на отдаленныя окрестности такъ ясенъ и обширенъ, самыя окрестности такъ привлекательны и прелестны, такъ много притомъ пробуждаютъ самыхъ живыхъ историческихъ воспоминаній, что ни мало не удивительно наше довольство и наслажденіе, какъ ни неудобно было время, и какъ ни мало благопріятствовала погода. Быть можетъ, много содѣйствовалъ пріятности настроенія нашего духа, какъ не мало увеличилъ и интересъ самой мѣстности, замѣчательный романъ, если угодно *правоучительный*, совершившійся въ чешской Швейцаріи лѣтъ 10 сему назадъ, послѣдствія котораго, въ полномъ блескѣ, находились передъ нашими глазами.

Земля подъ Швейцаріей, равно и ближайшая къ ней окрестность, составляютъ собственность двоихъ братьевъ, графовъ Б., переселившихся въ Австрію изъ Пруссіи. Лѣтъ 15 назадъ, подъ горою Швейцаріи стоялъ лишь одинъ небольшой домикъ, крытый соломой, почти подобный малороссійской хатѣ; тутъ жилъ, съ своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ жены и дочери, лѣсничій, оберегавшій лѣсъ Б. Красавица дочь плѣнила красотой и природнымъ умомъ младшаго Б., и онъ, не взирая на разницу въ происхожденіи, образованіи и положеніи въ свѣтѣ, не взирая на совѣты, убѣжденія, недовольство и укоры своихъ родныхъ и знакомыхъ, женился на дѣвушкѣ, еще менѣе чѣмъ деревенской. Такое нарушеніе аристократической заповѣди, далеко еще и въ нашъ образованный вѣкъ не утратившей старинной своей силы—держать чувство человѣка въ извѣстныхъ, тѣсно опредѣленныхъ рамкахъ, хотя въ составленіи ихъ воля совре-

меннаго человѣка и не принимала ни малѣйшаго участія, — не могло обойтись безъ рѣзкой перемѣны въ отношеніяхъ между молодымъ супругомъ и аристократіею, считавшею справедливымъ признавать подобный бракъ за самую оскорбительную и личную свою обиду. Надобно, впрочемъ, отдать честь графу: онъ не только не домогался поддержки знакомства съ прежними своими собратьями *по роду*, но самъ рѣшительно уклонился отъ него, устроивъ въ своей Швейцаріи ту уединенно-тихую жизнь, для которой, если ужъ надобно какъ-нибудь назвать ее опредѣлительно, я не могу въ настоящую минуту придумать иного, болѣе соответствующаго названія, какъ *разумно-идиллическая*. Подъ горою, вблизи хижины своего тестя, выстроилъ Б. довольно просторный домъ, въ швейцарскомъ вкусѣ, гдѣ и пребываетъ постоянно, выѣзжая только къ своему брату, живущему не въ дальнемъ разстояніи, въ замкѣ. Не споримъ, что на взглядъ большинства *подобныхъ* Б. *по богатству и происхожденію*, такое самоуединеніе можетъ показаться страннымъ до нелѣпости; нѣкоторыя, привыкши безъ труда доставшіяся средства, и безъ собственной воли и самостоятельности приобретенное значеніе въ свѣтѣ, обращать на матеріальное услажденіе исключительно своей жизни, быть можетъ и не повѣрятъ рассказываемому событію, а если и повѣрятъ, то не найдутъ другаго отвѣта, кромѣ проническаго изумленія. Но мы замѣтимъ при этомъ, что Б. *истинно и разносторонне образованный человѣкъ*, а при такомъ условіи трудно допустить, чтобы онъ не сумѣлъ придать своей жизни разумнѣйшее и несравненно болѣе человѣческое направленіе и значеніе, чѣмъ какимъ могутъ похвалиться многіе изъ осуждающихъ его и изумляющихся ему. По крайней мѣрѣ, каждый изъ насъ, выслушавши подробно свѣдѣнія о жизни графа отъ знакомаго К., не безъ уваженія смотрѣлъ съ вершины горы на красивый домъ, по галлерей котораго бѣгало двое дѣтей, съ книж-

ками въ рукахъ; третій ребенокъ былъ на рукахъ няньки, наблюдавшей за первыми.

Графъ всецѣло предался домашней и хозяйственной жизни, успѣлъ въ непродолжительное время воспитать любимую свою жену до той степени, на которой она вполне могла сдѣлаться подругою своего мужа. Скукъ нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ умственно-литературныя занятія, поддерживаемыя богатою библіотекою, множествомъ журналовъ и газетъ, смѣняются артистическими достоинствами графа, превосходнаго живописца и знатока музыки: живопись и музыка стали достояніемъ и молодой графини, которая и въ занятяхъ этими предметами не отлучается отъ своего мужа. Присоедините къ этому самоличное наблюденіе за хозяйствомъ, не то мелочное, которое не рѣдко сторожитъ колось и бросаетъ на вѣтеръ цѣлый посѣвъ, а наблюденіе знатока, умѣющаго удачно примѣнять всѣ открытія и усовершенствованія въ земледѣльческомъ хозяйствѣ къ извѣстной ему въ точности своей почвѣ, и извлекающаго черезъ то изъ нея всѣ богатства, какія только можно извлечь при современномъ развитіи науки сельскаго хозяйства,—присоедините это условіе къ умственно-художественной жизни оригинальной четы графской, и вы, вѣроятно, не осудите меня за то, что я назвалъ такую жизнь разумно-идиллической. Мудреноли послѣ этого, что столь правильно и разумно устроенная жизнь не только не ослабляетъ взаимной любви между супругами, чего и безъ лихорадочной надежды ожидали многіе, а, напротивъ, укрѣпляется и растетъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе. Не разъ оборачивались мы въ ту сторону, гдѣ стоялъ домъ, вмѣщавшій въ себя особъ, такъ сильно возбудившихъ наше сочувствіе и любопытство, когда спускались мы съ горы и проходили по направлению къ дорогѣ, на которой ожидалъ насъ экипажъ; и какъ нарочно, глазамъ нашимъ постоянно представлялась, вмѣстѣ съ графскимъ домомъ, и простенькая, старенькая хижина лѣсничаго, отца молодой и счастливой

графини, его дочери. Наконецъ, ступившійся лѣсъ скрылъ отъ нашего вида разомъ оба зданія; мы скоро добрались до нашей коляски, не останавливаясь долго у попавшейся часовеньки, *клоновки*, при колдцѣ, украшенной высохшими, естественными и искусственными, цвѣтами; простились съ провожавшими насъ братомъ доктора, съ его женою и знакомцемъ К., и поѣхали по направленію къ Непомуку.

Не успѣли проѣхать мы и четверти часа, какъ во всей цѣлоети открылась передъ нами конусообразная *Зеленая гора*, у подошвы которой расположенъ Непомукъ. Уже и прежде, какъ съ городкомъ, такъ и съ горою, соединяемо было такъ много чисто народныхъ, восходящихъ къ первой порѣ христіанства въ Чехіи, преданій, что занимающемуся славянствомъ и путешествующему по землѣ Чешской непростительно было бы не заглянуть и въ этотъ уголокъ Чехіи. Теперь же, съ весны 1859 года, *Зеленая гора* получила новый интересъ: въ тамошнемъ замкѣ сохранился неизвѣстное число лѣтъ и открытъ, въ 1816 году, знаменитый памятникъ, важный по древности языка и исторіи для цѣлаго славянства, славный *Судъ Любушинъ*, съ 1859 года не рѣдко именуемый въ литературѣ чешской *памятникомъ Зеленогорскимъ*. Кто знакомъ подробно съ судьбою этого памятника, со дня его открытія до послѣднихъ дней, кто знаетъ загадочность его присылки въ Прагу, возбужденныя тотчасъ-же сомнѣнія на счетъ его подлинности, возникшіе за симъ споры въ литературѣ, окончившіеся мѣсяца за два назадъ чуть не уголовнымъ судомъ, тотъ пойметъ любопытство при видѣ *Зеленой горы*, и нетерпѣніе поскорѣе взойти на нее и рассмотреть то мѣсто, гдѣ найденъ древнѣйшій по сіе время остатокъ письменности славянской. И, дѣйствительно, во все остальное время поѣздки, не смотря на частые и крутые повороты дороги, я не спускалъ съ нея глазъ, признавая въ тоже время полную справедливость эпитета, какой придалъ этой горѣ народъ Чешскій. Будучи со всѣхъ сто-

ронъ покрыта хвойнымъ лѣсомъ, она, въ самомъ дѣлѣ, рѣзко выдѣлялась своимъ *зеленымъ* цвѣтомъ отъ всѣхъ окружающихъ предметовъ. Я принужденъ былъ отвернуть отъ нея глаза уже въ то время, когда экинажъ остановился при одной изъ гостинницъ городка Непомука.

Непомукъ, лежащій надъ потокомъ Каковомъ, съ 1600 жителей, самъ по себѣ представляетъ слишкомъ мало замѣчательнаго: онъ не отличается ни обширностью, ни богатствомъ построекъ, и скорѣе похожъ на большую чешскую деревню. Но въ немъ находится церковь, любопытная какъ по своей старинѣ, такъ не менѣе по странной переменчивости судьбы, подѣ вліяніемъ своекорыстныхъ и непристойныхъ видовъ іезуитовъ 17-го столѣтія. Церковь св. Іакова, упоминаемая въ закладныхъ книгахъ, какъ церковь приходская, уже подѣ 1384-мъ, годомъ, основана, по мнѣнію профессора пражскаго, Вощеля, опирающагося на очевидныхъ слѣдахъ романской архитектуры, въ XII или въ началѣ XIII столѣтія. Въ 17 вѣкѣ явилась потребность у іезуитовъ ввести въ кругъ католическихъ святыхъ новаго святаго, съ именемъ Яна, чтобы тѣмъ быстрѣе и успѣшнѣе подавить въ народѣ Чешскомъ память объ Янѣ Гуссѣ, признававшемся *святымъ мученикомъ* у Чеховъ даже и католиковъ, еще во второй половинѣ XVI столѣтія, что можно видѣть по католическимъ святцамъ того времени, въ которыхъ такъ ярко обозначается подѣ 6 іюля *память св. мученика Іоанна Гусса*. Выборъ іезуитовъ палъ на Яна Непомука. Подобная личность, дѣйствительно, существовала въ Чехіи въ XIV — XV столѣтіяхъ, но относительно святости ея точно также нѣтъ ни малѣйшихъ свѣдѣній, какъ положительно извѣстно, что подставленные и канонизованные мощи не имѣютъ никакой связи съ дѣйствительною личностью Яна Непомуцкаго. Какъ-бы то ни было, но потомство можетъ только съ изумленіемъ поражаться ловкостью іезуитовъ, съ какою сѣумѣли они вдавить свое твореніе едва ли не на первое мѣсто между всѣми святыми въ мірѣ като-

лично-славянскомъ. Они успѣли распространить славу небывалой святости *своего святаго* далеко за предѣлами и міра Славянскаго, даже за предѣлами Европы: путешествовавшимъ въ Америкѣ, среди поселеній католическихъ, конечно, не разъ приходилось встрѣчать изображенія Яна Непомуцкаго, съ Спасителемъ на рукахъ и съ огромнымъ металлическимъ вѣнцомъ на головѣ. А кто проѣзжалъ хотя бѣгло Чехію или Моравію, тотъ имѣетъ уже понятіе о громадномъ множествѣ подобныхъ изображеній и по дорогамъ, и по полямъ, и въ городахъ, на различныхъ мѣстахъ, и въ деревняхъ, при вѣздѣ въ нихъ и выѣздѣ изъ нихъ.

Но Янъ Непомуцкій родился въ Непомукѣ, и, конечно, прежде всего слѣдовало почтить мѣсто его рожденія. Выстроены, въ 1738 году, новый храмъ во имя новаго святаго и немедленно-же возведенъ въ деканатъ; старая церковь св. Іакова предоставлена была полному запустѣнію, пока, въ 1786 году, граждане не воспользовались ею для складки и храненія зерноваго хлѣба. Въ такомъ состояніи оставалась она до послѣднихъ лѣтъ, когда, въ силу распущеннаго преданія, что св. Янъ Непомуцкій былъ, въ 1330 году, крещенъ въ старой церкви, не спохватились исправить, и реставрировать ее, и приспособить, такимъ образомъ, снова къ отправленію въ ней богослуженія. Къ сожалѣнію, реставрація испортила старину. Въ церкви св. Іакова помѣщались и гробницы графовъ Штернберговъ, владѣвшихъ нѣкогда Зеленою горою, съ которою связанъ былъ и городъ Непомукъ. Въ настоящее время надгробные камни находятся въ стѣнѣ храма.

Не встрѣчая больше ничего, особенно заслуживающаго вниманія въ самомъ городѣ, мы спѣшили какъ можно скорѣе обратиться къ главной цѣли своего заѣзда въ Непомукъ—на *Зеленую гору*. Она круто поднималась надъ городомъ, возвышаясь на 1821 футъ надъ поверхностью моря. Какъ съ самою горою, такъ и съ прилежащими къ ней мѣстностями, соединено много преданій, доселѣ живо

хранящихся въ туземцахъ и относящихся по своему содержанию къ первымъ временамъ христіанства въ Чехіи. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этихъ преданіяхъ является св. Войтѣхъ, первый чешскій епископъ, жившій въ концѣ десятаго вѣка. Въ силу одного изъ такихъ преданій, и самое прозваніе *Зеленой* горы обязано чудотворному дѣйствию послѣдняго. Именно, видя безуспѣшность ревностныхъ своихъ усилій къ искорененію остатковъ язычества между Чехами, св. епископъ рѣшился покинуть свое званіе и Прагу, и удалился въ Римъ. Просьбы единоземцевъ, съ обѣщаніемъ исправленія и жизни чисто христіанской, побудили его снова возвратиться въ родную землю и занять прежнее мѣсто. Возвращаясь изъ Рима, какъ говоритъ преданіе, святой остановился для отдохновенія на горѣ у Непомука. Въ то время была въ Чехіи необыкновенная засуха, угрожавшая цѣлому народу страшнымъ голодомъ. Народъ признавалъ ее наказаніемъ Божиимъ за дурное обращеніе съ своимъ епископомъ и, собравшись къ нему на гору, умолялъ о скорѣйшемъ прощеніи за прежніе его грѣхи и о возвращеніи въ Прагу. Войтѣхъ, примѣчая искреннее раскаяніе, простилъ народъ и благословилъ его своею мощною рукою, — и вотъ, въ одно мгновеніе зазеленѣла изсушенная солнцемъ гора и съ тѣхъ поръ остается всегда зеленою.

Другое преданіе относится къ возвышенію не подалеку отъ Зеленой горы, именуемому *Штедрымъ* потому, какъ увѣряетъ народъ, что здѣсь иногда въ обилии росло золото наподобіе колоса. На этомъ мѣстѣ также останавливался св. Войтѣхъ и тутъ вмѣсто постели служилъ ему ровный камень, на которомъ оттиснулось цѣлое его тѣло. Этотъ камень вложенъ въ стѣну, у пола, на правой сторонѣ алтаря, въ построенномъ въ послѣдствіи здѣсь храмѣ во имя святаго Войтѣха.

Вблизи храма находится ключъ, обильный водою и въ самое сухое время. Къ этому ключу отнесено и третье преданіе о томъ же святомъ. Образовался ключъ этотъ,

по преданію, отъ того, что въ этомъ мѣстѣ врылась въ землю стрѣла, пущенная св. Войтѣхомъ въ оленя. Вода колодца, по вѣрованію народному, оказываетъ особенно цѣлительное свойство противъ лихорадки и больныхъ глазъ. Однажды случилось, что какой-то злой челоувѣкъ вознамѣрился выбрать деньги, опущенныя вѣрующими въ колодець, но когда онъ напился послѣ воды, то губы его раздулись до неимовѣрной величины, и уже никогда не опали.

Выслушавшая и собирая всѣ эти преданія изъ устъ провозжавшаго насъ поселянина, мы спѣшили скорѣе подняться на верхъ горы, обѣщавшій съ себя прекрасный видъ на прилежащія мѣстности, и заключавшей въ стоящемъ на немъ замкѣ тотъ подвалъ, въ которомъ за сорокъ три года сему назадъ такъ странно найденъ древнѣйшій славянскій памятникъ. Надобно замѣтить, что любопытство осмотрѣть эту мѣстность далеко не принадлежало исключительно мнѣ: едва ли многимъ слабѣе раздѣлялось оно и остальными спутниками. Одинъ изъ нихъ, какъ чешскій патріотъ, хотя ex professo и медикъ, но основательно знакомый съ развитіемъ не только древней своей, а и другихъ славянскихъ народовъ, литературы, естественно, не могъ не интересоваться такъ еще недавно и съ такимъ шумомъ открытымъ пріютомъ суда Любушина; любопытство двоихъ моихъ соотечественниковъ было возбуждено еще въ Воселицахъ, гдѣ я, пользуясь досугомъ, по случаю отдыха лошадей, прочиталъ имъ въ подлинникъ цѣлый памятникъ, съ необходимыми поясненіями выраженій, представлявшихъ нѣкоторыя затрудненія для не филологовъ, и съ посильными указаніями значенія памятника въ археологическомъ, юридическомъ и филологическомъ отношеніяхъ. вмѣстѣ съ симъ, въ краткихъ словахъ, сообщилъ и обнародованную уже исторію открытія Суда Любуши, равно заведенный и оконченный такъ постыдно со стороны правительства судебный процессъ о подлогѣ рукописи краледворской, при чемъ, въ одинаковой степени, задѣта была дѣйствительность и па-

мятника зеленогорскаго или Суда Любуши. Въ передачѣ исторіи открытія нельзя было не коснуться и тѣхъ лицъ, живущихъ по сіе время на Зеленой горѣ или въ Непомукѣ, которыя или видѣли памятникъ своими глазами немедленно по его находкѣ, и, такимъ образомъ, служили очевидными свидѣтелями несомнѣннаго его существованія до 1817 года и до присылки въ Прагу, или были хранителями, по особымъ обстоятельствамъ молчаливыми, первыхъ и непосредственныхъ свѣдѣній о всѣхъ подробностяхъ открытія. Видѣть эти лица и услышать изъ ихъ устъ подтвержденіе за годъ назадъ напечатанныхъ подробностей увеличивало еще болѣе интересъ къ Зеленой горѣ.

Остановившись около новыхъ построекъ на срединѣ горы лишь на столько, чтобы спросить позволеніе у директора замка осмотрѣть послѣдній, мы, черезъ три четверти часа, достигли и вершины. Деревья покрывали и ее, какъ цѣлую гору, и только посреди прорублена площадь для замка и церкви при замкѣ. Величина замка огромна; но напрасно сталь-бы глазъ, привыкшій въ Чехіи къ средневѣковымъ, почернѣвшимъ, сохранившимся частію въ цѣлости, еще чаще въ однихъ развалинахъ, замкамъ, отыскивать тутъ слѣды какой-либо древности. Зданіе трехъ-этажное совершенно новой постройки, и ничѣмъ не отличается отъ другихъ богатыхъ современныхъ зданій въ городахъ. Но видимая новостъ снаружи не можетъ обмануть и самаго неопытнаго наблюдателя въ глубокой старинѣ стѣнъ и устройства нѣкоторыхъ еще комнатъ въ передовой части замка. Видно, что владѣтель позднѣйшій думалъ только обновить и расширить зданіе, не нарушая древней его основы. По лѣвую сторону замка простирается обширный англійскій садъ, устроенный уже въ новое время. Мы начали осмотръ съ верхняго этажа, съ давно приготовленныхъ для жилья, со всѣми удобствами, какія часто требуетъ аристократическая прихоть, и однакоже, съ давно вовсе необитаемыхъ покоевъ владѣтелей.

Видь сверху, дѣйствительно, былъ восхитителенъ, какъ по красотѣ и разнообразію цѣлой окрестности зеленогорской, такъ и по величинѣ горизонта. Не взирая на довольно неясный воздухъ, мы безъ труда могли отличать мѣстности, деревни и возвышенія съ замками, отстояція на три, четыре, и даже на пять миль. При чистотѣ воздуха, какъ увѣряли насъ туземцы, видимое пространство увеличивается еще милями двумя. Глядя на убранство комнатъ, на богатство библіотеки, на полную приспособленность къ тихой и самой полезной жизни, принимая въ соображеніе и чисто эстетическія наслажденія отъ цѣлой окружающей природы, обыкновенный смертный, думаю, не аристократъ, едва-ли безъ особаго размышленія пойметъ заброшенность такого мѣста со стороны владѣтелей, промѣну его на какой-либо сжатый со всѣхъ сторонъ домъ въ суетливой и шумной столицѣ Австріи. А нынѣшній владѣтель Зеленой горы и замка, князь Викентій Ауэршпергъ, дѣйствительно, рѣдко заглядываетъ и на короткое время въ прелестное свое имѣніе. Да не чаще заглядывалъ и прежній хозяинъ, князь Францъ Коллоредо Мансфельдъ, умершій въ 1852 году, и владѣвшій Зеленою горою съ 1822 года, со смерти своего отца, графа Иеронима Коллоредо, прославленнаго, какъ побѣдителя Французовъ, памятникомъ на полѣ Кульмскомъ. Понятно, что размышленіе обыкновеннаго смертнаго приведетъ къ заключенію, что долгъ слѣжбы государственной, обязанность дѣйствительными трудами приносить пользу тому народу, кровавымъ потомъ, не рѣдкими бѣдствіями и постоянными лишеніями котораго приобрѣтено это богатое и счастливое имѣніе, должны стоять неизмѣримо выше личнаго самодовольства владѣтеля, тишины, спокойствія и пріятности жизни, даже и той частной пользы, какую бы онъ могъ доставить ближайшей своей мѣстности. Такъ было подумали сначала и мы, будучи уже готовы вознести до небесъ самоотверженіе *австрійскаго* служаки, но тутъ же

запало въ голову и сомнѣніе, такъ рѣшительно остановившее нашъ хвалебный приговоръ: вѣдь этотъ служака чешскій аристократъ, или выходецъ нѣмецкій, для того и сосавшій кровь попавшагося ему *подъ руку* народа Чешскаго, чтобы стереть его съ лица земли или забить въ немъ всякую тѣнь сознанія человѣческаго права, чтобы тѣмъ спокойнѣе господствовать надъ нимъ, какъ надъ безсловеснымъ животнымъ, или, что не лучше, нѣмецкій выродокъ изъ крови славянской, для того и ищущій вліянія въ Вѣнѣ, чтобы задавить всякій намекъ на дорогую народу народность, и тѣмъ, подобно каждому ренегату, облегчить паденіемъ другихъ сознаніе собственнаго преступленія. И показалось намъ, что лучше, еслибы и хозяинъ зеленогорскаго замка жилъ въ своемъ владѣніи: пусть даже и не приносилъ бы онъ частной пользы для ближайшей мѣстности, ужъ достаточно было бы и того, что не было бы отъ него вреда, какъ и отъ всѣхъ другихъ аристократовъ чешскихъ, если бы они покинули правительственныя должности и перенеслись въ свои имѣнія. Быть можетъ, кому-нибудь и удалось бы личнымъ своимъ надзоромъ за хозяйствомъ поубавить хотя немногимъ громадность на нѣкоторыхъ изъ нихъ долговъ.

Отношеніе чешскихъ владѣтелей замка къ народности чешской довольно ярко отражается и въ составѣ обильной и богатой, по внутреннему достоинству книгъ, библіотеки, на которой, въ необитаемыхъ покояхъ, естественно, долѣе всего должно было остановиться наше вниманіе. Въ библіотекѣ встрѣтите вы и лучшія произведенія новой литературы нѣмецкой, и сочиненія по части исторіи, географіи, математики, естественныхъ наукъ и хозяйства не только изъ 18-го, но не рѣдко и изъ 17-го столѣтія; не мало представится вамъ экземпляровъ и на французскомъ, и на англійскомъ, даже на итальянскомъ языкахъ, — но тщетно стали бы вы искать на корешкахъ книгъ имени какого-либо чешскаго автора, хотя бы нисавшаго

и по-нѣмецки: а можно было бы безъ труда насчитать не мало и такихъ сочиненій, и они безъ натяжки заняли бы почетное мѣсто среди массивныхъ произведеній ученыхъ Германцевъ. Еще бесплоднѣе будутъ ваши поиски открыть какое-либо чешское изданіе съ чешскимъ заглавіемъ, не смотря на то, что не одинъ десятокъ ихъ украшаетъ библіотеки въ чисто нѣмецкихъ земляхъ. Постороннему человѣку, конечно, не можетъ не показаться страннымъ подобный составъ библіотеки въ землѣ Чешской, у владѣтеля чешскимъ имѣніемъ, и у претендующаго при этомъ на представительство народа Чешскаго; но знакомство съ современными свойствами аристократіи чешской сдѣлаетъ вполнѣ понятною эту странность: трудно, да едва-ли и возможно ожидать вниманія къ литературѣ чешской, какъ бы ни была она богата, отъ людей, которые давно уже съ самонаслажденіемъ высчитываютъ годы, когда долженъ исчезнуть языкъ чешскій, и каждый разъ съ ужасомъ встрѣчаютъ новые проблески отвердѣвающей его жизни, находя въ томъ очевидныя свидѣтельства ошибочности своихъ дорогихъ расчетовъ. Но напрасно самонаслажденіе, напрасенъ и ужасъ: чешскій языкъ уже лѣтъ двадцать сему назадъ выросъ изъ того состоянія, при которомъ была еще, хотя и тоже для скептиковъ, возможность сомнѣваться въ его долговѣчности; аристократы могли бы убѣдиться въ этомъ легко, ежели бы хоть разъ, хоть съ единственною цѣлю реконструкціи живучести чешскаго языка, поближе взяли они на тотъ народъ, именемъ котораго такъ непрестительно злоупотребляютъ они въ вѣнской администраціи. Въ глазахъ просвѣщеннаго человѣка, знающаго даже и не изъ личныхъ наблюденій Чешскій народъ, такіе расчеты являются подобными же развалинами когда-то грозно-деспотической и опасной германизации, какія представлялись намъ, въ слѣдъ за обзоромъ библіотеки, изъ оконъ той стороны дома, которая обращена къ саду.

Развалины эти принадлежатъ существовавшему нѣкогда

при подошвѣ горы, въ полу-часѣ отъ Непомука, монастырю цистерціанскому. Изъ большой части этихъ развалинъ выстроена теперъ деревня, въ 56 домовъ, носящая донынѣ названіе кляштеръ (монастырь), и остатки готическихъ воротъ, ведшихъ прежде въ монастырь, служатъ въ настоящее время входомъ въ деревню. Положительныхъ извѣстій объ основаніи обширнаго цистерціанскаго монастыря съ церковью, владѣвшаго цѣлою Зеленою горою, нѣтъ; только по нѣкоторымъ догадкамъ относятъ его къ 1153 году, ко времени княженія Владислава II, что подтверждаютъ и камни, указывая собою явственно на древнюю готическую скульптуру. Разрушеніе монастыря и церкви послѣдовало отъ Жижки, въ 1420 году.

Наконецъ, спустились мы и въ самый нижній этажъ, такъ сильно интересовавшей меня, и раздѣленный небольшимъ корридоромъ на двѣ половины. Въ одной — въ настоящее время почти совершенно пустой, помѣщались прежде разныя хозяйственныя принадлежности, обыкновенно сберегаемыя при домахъ въ подобныхъ же подвалахъ, склепахъ, какимъ представляется и теперъ еще нижній этажъ замка. Половина эта состоитъ изъ двухъ комнатъ, идущихъ одна за другою; первая комната совершенно темная, пропускающая въ себя свѣтъ только черезъ двери въ упомянутый корридоръ и черезъ двери въ сосѣднюю комнату, освѣщенную двумя или тремя окнами, немного возвышающимися надъ землею. По словамъ директора замка, г. Лодля, въ этой свѣтлой комнатѣ находился господскій архивъ, перемѣщенный въ позднѣйшее время въ новую пристройку у подошвы горы. Въ комнатѣ темной, какъ утверждалъ тотъ же директоръ, на ряду съ солью, веревками, цѣпями, даже дегтемъ, лежало много старыхъ бумагъ, отписанныхъ въ число ненадобныхъ и валявшихся на полу и полкахъ. Здѣсь-то, какъ доказано въ послѣдніе годы, открыта и рукопись «Суда Любуши». Но тщетно сталъ бы глазъ отыскивать теперъ въ этой комнатѣ чего-либо такого, что могло-бы подтверждать

возможность присутствія тутъ нѣкогда старинныхъ рукописей: все прибрано, вычищено, и глазъ видитъ лишь голыя стѣны. По другую сторону корридора, въ самомъ его заднемъ концѣ, находится небольшая дверь, ведущая въ какое-то четырехъ-угольное темное помѣщеніе, соединенное проломомъ въ каменной стѣнѣ съ внутреннею частью башни, поднимающейся къ самому верху дома и также лишенной свѣта. Въ этой то ужасной башнѣ, сырой и мрачной, сорокъ лѣтъ, какъ говорятъ, сохранился на цѣпи, въ XVI столѣтіи, одинъ изъ графовъ Штернберговъ, посаженный за бѣшеное сумасшествіе своимъ семействомъ. Слѣдующія за симъ комнаты заняты въ настоящее время канцелярією. Два раза возвращался я въ старинный склепъ, и всякій разъ съ пытливостію озиралъ всѣ углы его, стараясь дойти хотя до догадки, гдѣ бы всего естественнѣе слѣдовало лежать столь долгое время въ неизвѣстности знаменитому и знаменательному, по своей судьбѣ, памятнику древнѣйше-чешскому. Тутъ-же позаботился я подробно разспросить, прибывшаго съ предупредительною услужливостію, г. Лидля, о личности и жизни г. Коваря, нашедшаго рукопись, равно и о всемъ томъ, что было извѣстно ему о первомъ времени находки. Собранныя отъ него свѣдѣнія вполне подтверждали то, что успѣлъ уже прочитать я въ изслѣдованіи профессора Томка объ открытіи «Суда Любушина».

Такъ какъ предметъ этотъ почти совершенно неизвѣстенъ въ нашей литературѣ, — въ полнотѣ могли ознакомиться съ нимъ лишь тѣ немногіе изъ Русскихъ людей, кто имѣлъ возможность и случай прочесть о немъ данныя въ книгахъ чешскихъ, вообще такъ скудно распространенныхъ въ нашемъ отечествѣ, и такъ мало, не смотря на всю современную важность ихъ, интересующихъ публику нашу, — и какъ, въ свою очередь, памятникъ «Суда Любушина» давно уже приобрѣлъ громкую извѣстность и занялъ въ изслѣдованіяхъ о старинѣ славянской и въ частности русской, по всей справедливости, слѣдующее

ему значеніе, то, полагаю, не будетъ лишнимъ и даже бесполезнымъ остановиться съ нѣкоторою подробностью на окончательномъ, недавно состоявшемся рѣшеніи о дѣйствительной его подлинности; тѣмъ болѣе такая остановка нужна для насъ, чѣмъ менѣе приучены мы давать самостоятельно оцѣнку по внутреннимъ основаніямъ, и чѣмъ болѣе привыкли въ подобной оцѣнкѣ руководиться внѣшними, случайными обстоятельствами или проповѣдуемыми *чужими* мнѣніями, и при томъ зачастую съ такой стороны, которая наименѣе, въ подобныхъ предметахъ, обладаетъ средствами, необходимыми для должной оцѣнки. Странность же открытія Суда Любушина, какаютто непостижимая на первый взглядъ загадочность появленія его въ свѣтъ, не одинъ разъ, конечно, наводили на сомнѣніе въ дѣйствительности и тѣхъ, кто въ самомъ памятникѣ, при всѣхъ филологическихъ и археологическихъ поискахъ, не видѣлъ ничего противнаго дѣйствительности: боязнь быть обманутымъ закрадывалась въ душу иногда и первокласныхъ специалистовъ, задерживая положительный тонъ въ ихъ отзывѣхъ, или, еще болѣе, заставляя обходить спорный вопросъ глухимъ молчаніемъ. Въ разсказѣ о посѣщеніи Зеленой горы всего, думается, естественнѣе коснуться этого предмета: большая часть данныхъ о немъ провѣрена была личными разспросами тутъ у людей, или хорошо еще помнившихъ и знавшихъ главныя личности, связанныя съ открытіемъ Суда Любушина, или принимавшихъ самоличное участіе, хотя въ числѣ такихъ въ настоящее время, и можетъ быть поименованъ только одинъ.

IV.

Въ 1818 году, 15 апрѣля, отъ имени верховнаго правителя королевствомъ Чешскимъ, графа Франца Коловрата, появилось воззваніе къ отечественнымъ любителямъ науки, увѣдомлявшее объ учрежденіи чешскаго музея, и приглашавшее къ присылкѣ всего, что относится къ чешской

литературѣ, древностямъ, исторіи, естествовѣдѣнію и т. п. Полные воодушевленія отъ благотѣльнаго учрежденія, патріоты чешскіе не скупились на подарки, одинъ за другимъ пересылая все, что казалось имъ замѣчательнымъ. Въ числѣ посылокъ, адресованныхъ на имя самого графа Коловрата, въ ноябрѣ мѣсяцѣ тогоже года, былъ вынутъ въ одномъ изъ почтовыхъ пражскихъ ящиковъ и пакетъ, содержавшій въ себѣ отрывокъ о Судѣ Любушиномъ. При этомъ вложена была и записка приславшаго, на нѣмецкомъ языкѣ, слѣдующаго свойства: «Ваше сіятельство! приложенные четыре пергаментныхъ листка лежали въ пыли, быть можетъ, цѣлыя столѣтія, въ домашнемъ нашемъ архивѣ. Но какъ возвышенныя мысли моего господина (воплощеннаго нѣмецкаго Мишеля, der ein eingelleister deutscher Michel ist), по отношенію къ народному музею, мнѣ извѣстны, потому что онъ охотнѣе позволилъ-бы ихъ сжечь или сгноить, чѣмъ подарить этому учрежденію; то мнѣ и пришло въ голову отправить упомянутые листки Вашему сіятельству безыменно: въ противномъ случаѣ, обозначеніемъ своего имени *я подвергаюсь опасности потерять свою службу*, и прошу хранить ихъ въ народномъ музеѣ, какъ присланные отъ неизвѣстнаго истиннаго патріота. Содержанія ихъ я не знаю, хотя не щадилъ ни времени, ни труда добратся до него, и весьма любопытенъ знать. Я надѣюсь, что чешскому профессору, или одному изъ чешскихъ ученыхъ не будетъ такъ трудно открыть его. Жалко, что черный цвѣтъ (чернилъ), послѣ того, какъ я стеръ пыль влажною губкою, превратился въ зеленый».

«Писано карандашемъ, чтобы не была узнана моя рука.»

Полученные четыре листка, съ такою странною припискою, прежде всего попались въ руки Пухмайера, тогдашняго филолога чешскаго, и вмѣстѣ составителя одной изъ наилучшихъ, по тому времени, грамматикъ русскихъ. Пухмайеръ, какъ видно, и не думалъ подозрѣвать рукопись въ подлогъ: или онъ не обратилъ никакого вниманія на записку, или патріотизмъ его доходилъ до слиш-

комъ сильнаго увлеченія, только онъ съ перваго раза сталъ смотрѣть на Судъ Любушинъ, какъ на памятникъ дѣйствительно древнѣйшій, и, не взирая на значительныя ошибки, ярко обнаружившія недостаточность филологическихъ свѣдѣній его въ старомъ языкѣ чешскомъ, на ошибки и въ раздѣленіи словъ, и въ чтеніи ихъ, и въ объясненіи, положительно высказалъ мысли свои о важномъ значеніи присланнаго отрывка. Но въ это время былъ еще живъ, и въ полномъ цвѣтѣ своего ученаго вліянія, авторитетъ славянской филологіи, аббатъ Добровскій. Онъ еще на возвратномъ пути своего путешествія въ Прагу услышалъ объ открытіи, и тутъ же считалъ необходимымъ удержать порывъ восторга своимъ подозрѣніемъ. Къ самому концу 1818 года Добровскій могъ уже прочитать въ Прагѣ списанный для него памятникъ, взглянуть на fac-simile и оцѣнить толкованія Пухмайера. Результатомъ всего этого было полное отверженіе дѣйствительности отрывка: патріархъ славянской филологіи не только призналъ его за подлогъ, но не усомнился указать и на два лица, которыя, по его убѣжденію, составили такой подлогъ. То были Юнгманъ и Ганка. Выпущенная, быть можетъ, и поспѣшно, безъ отчетливаго обслѣдованія, мысль такъ крѣпко засѣла въ головѣ Добровскаго, что каждая попытка предложить новыя доказательства противнаго ей или сомнѣнія на счетъ ея непогрѣшительности, вызывали лишь раздражительность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и все болѣе и болѣе упорную положительность отрицательнаго заключенія. Добровскій принималъ дажева личное оскорбленіе изданіе памятника, еще болѣе переводъ на нѣмецкій языкъ, представленный профессоромъ чешскаго языка, Свободою, и заставившій поэтическими красотоми оригинала обратить на памятникъ вниманіе ученыхъ Нѣмцевъ. Съ одной стороны желаніе патріотовъ чешскихъ устранить поводъ къ раздражительности ветерана-слависта, перешедшую, подъ конецъ его жизни, въ болѣзнь, съ другой, быть можетъ, опасеніе вступить въ борьбу

съ прославленнымъ авторитетомъ, дали полный вѣсъ мнѣнію Добровскаго: рукопись Суда Любушина признана въ музеѣ поддѣльною, и оставлена въ немъ на храненіе, вмѣстѣ съ припискою приславшаго ее, единственно какъ *curiositat.*

Со смертію Добровскаго, 1829 года, началась новая эпоха для драгоцѣннаго отрывка. Въ томъ же году, въ новомъ изданіи Краледворской рукописи, В. В. Ганка нашелъ полезнымъ присоединить и «Судъ Любушинъ», съ превосходнымъ переводомъ нѣмецкимъ Свободы. Вслѣдъ за появленіемъ новаго изданія появился и отзывъ о за-подозрѣнной рукописи со стороны Палацкаго. Въ отзывѣ этомъ ясно высказалось противорѣчіе Добровскому. Такимъ образомъ, толчекъ къ новому обследованію былъ данъ, что и имѣлось въ виду издателемъ. Не замедлилъ выступить и новый противникъ, тѣмъ болѣе опасный для молодыхъ ученыхъ патріотовъ чешскихъ, что съ авторитетомъ славянской учености своей соединялъ онъ и ту остроумную, подъ часъ, ядовитую рѣзкость языка въ полемикѣ, какая очень часто, не рѣдко и безъ согласія съ дѣйствительною истиною, заставляетъ отдавать себѣ предпочтеніе въ публикѣ. То былъ бібліотекаръ вѣнской публичной бібліотеки, Копитаръ, весьма скоро нашедшій горячаго послѣдователя въ словакѣ Палковичѣ. Между тѣмъ славистика въ Чехіи шла своимъ чередомъ впередъ, количество старыхъ чешскихъ памятниковъ, съ каждымъ годомъ, открывалось болѣе и болѣе, а съ этимъ неразлучно, мало-по-малу, сами собою, уничтожились и тѣ археологическо - филологическія основанія подложности Суда Любушина, какія выставлялись его противниками. Къ 1840 году созрѣли уже и такіе спеціалисты между Чехами, которые могли смѣло, съ полнымъ вооруженіемъ, стать въ рядъ защитниковъ памятника противъ рѣзкихъ, и, большею частью, бездоказательныхъ нападеній со стороны авторитетовъ Добровскаго и Копитара. Шафарикъ и Палацкій, подвергши всестороннему обследованію Судъ

Любушинъ, напечатали положительные результаты въ пользу его подлинности, вмѣстѣ съ текстомъ, въ изданіи своемъ «Древнѣйшихъ памятниковъ чешскаго языка». Здѣсь разсмотрѣна рукопись и со стороны палеографической—характеръ письма, свойство чернилъ и пергамена, и со стороны филологической—языкъ въ лексическомъ составѣ и въ его формахъ, этимологическихъ и синтаксическихъ, и со стороны археологической—древнѣйшій бытъ славянскихъ народовъ и въ частности Чеховъ, при чемъ, въ подтвержденіе даннымъ памятника, приведены свидѣтельства изъ несомнѣнныхъ матеріаловъ историческихъ, не забыта была учеными изслѣдователями и издателями и сторона поэтическая, такъ искусно сопоставленная съ выразительностью и изобразительностью вообще поэзіи народнославянской. Не оставили они безъ рѣшительнаго опроверженія и всѣхъ доводовъ, какіе выставлялись противниками дѣйствительности обследованной такъ блистательно рукописи. Выходъ этого изданія корифеевъ современной славистики перевернулъ разомъ мнѣніе о заповѣдномъ памятникѣ: огромное большинство признавшихъ его дѣйствительность увеличивалось съ каждымъ годомъ, и Судъ Любушинъ занялъ мѣсто въ наукѣ о славянствѣ, какъ одинъ изъ рѣдчайшихъ по древности и драгоценнѣйшихъ по содержанию своему источниковъ для исторіи, права, языка и поэзіи отдаленной эпохи жизни славянской. Его стали изучать въ гимназіяхъ и университетахъ, на него не останавливались дѣлать и ученые ссылки въ самыхъ строгихъ и глубокихъ изслѣдованіяхъ. Общая вѣра, соединенная у многихъ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ, казалось, уже не въ состряпаніи болѣе никогда пошатнуться, еще менѣе подорваться. Выступить противъ такъ высоко оцѣненного и поставленнаго памятника стало означать тоже, что вступить въ прямую борьбу со всѣмъ спеціально-ученымъ и образованнымъ славянствомъ. И чѣмъ болѣе протекало времени, чѣмъ прочнѣе съ нимъ укоренялось мнѣніе, тѣмъ менѣе можно было

ожидать такой борьбы, и все-таки борьба наступила, и вышла съ такой стороны, откуда всего меньше слѣдовало бы ожидать ее, и приняла такое направленіе, при какомъ положительная наука должна была стать поодаль.

Высокое поэтическое достоинство древнихъ чешскихъ памятниковъ, и во главѣ ихъ Суда Любушина и рукописи Краледворской, давно уже кололо глаза поборникамъ нѣмецкаго пропагандизма между Славянами и въ частности между Чехами. Ихъ постояннымъ и усиленнымъ доказательствамъ исконной грубости, невѣжества и варварства Славянъ, невозможности у послѣднихъ самобытнаго развитія безъ всесторонняго вліянія цивилизаціи *высшей расы* нѣмецкой, что неизмѣнно выставлялось и выставляется Нѣмцами, при каждой попыткѣ народовъ Славянскихъ стряхнуть случайно наложенное и единицами поддерживаемое чуждое иго, слишкомъ рѣзко и убѣдительно противорѣчили упомянутые памятники, обнаруживающіе и способности въ Чехахъ къ независимому и высокому развитію и плоды этого развитія въ такую пору, изъ которой и сами Нѣмцы не въ силахъ похвалиться чѣмъ либо подобнымъ. Колочестъ подобной спицы особенно сильно чувствовалась и чувствуется двигателями и приверженцами исхудавшей австрійской политики, всегда энергически, постоянно насильственно и коварно стремившейся сдavitъ народность славянскую на счетъ непризнаннаго и безроднаго своего германизма. И чѣмъ подробнѣе изслѣдовались эти памятники, чѣмъ обильнѣе и богаче извлекались изъ нихъ свидѣтельства о старобитной народной образованности Чеховъ, тѣмъ, конечно, ненавистнѣе становились они въ глазахъ чиновниковъ обезнародывающей власти, и тѣмъ напряженнѣе дѣлалось ихъ домогательство ухватиться за что-нибудь для подорванія столь важныхъ свидѣтельствъ, ослабляющихъ вымышленныя ими основы нелѣпой теоріи господства разлагающагося трупа надъ живымъ и свѣжимъ тѣломъ.

Въ послѣдніе годы, когда австрійскіе Славяне особенно прониклись самосознаніемъ и самоуваженіемъ, основанными на разностороннемъ изученіи своей старины, на точномъ опредѣленіи всѣхъ благъ отъ самобытнаго развитія, и всѣхъ невыгодъ и бѣдствій отъ вліянія началъ чужеродныхъ, настала существенная потребность для вожакаевъ политики австрійской возстать противъ такого настроенія, столь опаснаго для частыхъ швовъ фиктивной *германской* имперіи, и во что бы то ни стало доказывать, (если ужъ нельзя доказать, что подобное настроеніе не имѣеть ровно никакихъ основаній), что въ основу его положены свидѣтельства лишь выдуманная въ позднѣйшую пору непризнательными врагами благодѣтельнаго германизма, что на самомъ дѣлѣ *человѣческая* жизнь у западныхъ Славянъ началась только подъ всеспасительнымъ господствомъ нѣмецкой народности. Отыскать орудіе для рѣшительнаго нападенія на обслѣдованную древнюю жизнь Славянъ, особенно Чеховъ, издавна, и по преданіямъ историческимъ и по современному развитію, стоящихъ костью въ горлѣ Австріи, не трудно тамъ, гдѣ подкупъ и всякое беззаконіе сдѣлались единственными средствами проводить *централизаціонныя* соображенія. Избавленному, по милости всемилостивѣйшихъ манифестовъ, отъ неминуемой висѣлицы Кугу тѣмъ легче предстояло выполнить намѣренія и предназначенія *высшихъ*, что, какъ редакторъ продажной газеты пражской, «Тагесботъ», онъ и прежде имѣлъ уже случаи испытывать ихъ милости. Не трудно было открыть и лазейку для нападенія, и при томъ самага дѣйствительнаго, потому что относилась она къ самымъ древнимъ и наилучшимъ произведеніямъ чешской литературы, по преимуществу составляющихъ гордость народа Чешскаго: совершенная случайность находки В. В. Ганкою Краледворской рукописи и таинственность, какъ уже мы знаемъ, присылки Суда Любушскаго не только давали поводъ къ возбужденію сомнѣній, но для малосвѣдущаго афериста, не справляющагося

съ учеными доказательствами, служили правомъ и для прямого уличенія въ подлогъ. И вотъ, въ октябрѣ 1858 года, появились въ Тагесботѣ безъимянные статьи, направленные прямо противъ древнѣйшихъ памятниковъ литературы чешской и выставяющія Ганку виновникомъ подлога. Намъ нѣтъ здѣсь надобности разсматривать судебный процессъ, возникшій въ Прагѣ, по поводу жалобы Ганки за оскорбленіе его личности, тѣмъ болѣе, что, хотя и коротко, способъ веденія процесса и его заключеніе могли быть извѣстны русскимъ читателямъ по періодическимъ нашимъ изданіямъ. Мы остановимся на ближайшемъ для насъ предметѣ, какимъ образомъ обстоятельство это послужило толчкомъ къ раскрытію мѣста и времени находки Суда Любушина, а также и для опредѣленія лица нашедшаго, равно и уясненія причины таинственной имъ присылки памятника въ Прагу. Быстрое, при сочувственной дѣятельности литераторовъ чешскихъ, рѣшеніе вопросовъ этихъ само собою послужило и блистательнымъ свидѣтельствомъ жи Куга, какъ, въ свою очередь, не менѣе блистательно отстранило всякое подозрѣніе со стороны Ганки въ подлогъ. Кромѣ внутренней важности, рѣшеніе это крайне любопытно и по тѣмъ темнымъ и чисто случайнымъ путямъ, которые привели къ разъясненію частнаго событія, совершившагося ровно за сорокъ лѣтъ, въ одномъ изъ мелкихъ уголковъ Чехіи, съ очевиднымъ при томъ намѣреніемъ главнѣйшаго виновника этого событія прикрыть всѣ его концы.

Само собою понятно, что Чехи вовсе не думали смотрѣть на зачавшійся процессъ, какъ на дѣло личное между Ганкою и Кугомъ: они видѣли ясно въ обвиненіи своего ветерана нападеніе на цѣлую свою народность, усиліе столкнуть и унизить все, чѣмъ справедливо гордились и гордятся они, а потому ни мало не удивительно, если въ присканіи свидѣтельствъ въ оправданіе Ганки принимали участіе всѣ, кто только чувствовалъ въ себѣ возможность и способность къ тому. И дѣйствительно,

вслѣдъ за напечатаніемъ статей въ Тагесботъ, Ганка получилъ отъ одного изъ чешскихъ археологовъ, глубокаго уже старика, священника Крольмуса, слѣдующую записку: «вспомните, что о Судѣ Любушиномъ говорилъ покойный Горчичка вамъ и многократно мнѣ, начиная съ 1848 года и до самой своей смерти, что именно зеленогорскій казначей *N. N.*... Такъ объяснитесь и сошлитесь на покойнаго Горчичку, даже и на меня и на многихъ другихъ, присутствовавшихъ при разсказахъ Горчички, и этимъ заткните имъ»... и т. д. Но В. В. Ганка слишкомъ опытенъ и остороженъ, чтобы дать неприятелю средство дѣйствовать противъ себя его же оружіемъ: а конечно, Кугъ не упустилъ бы случая ухватиться за то, что обвиненный имъ въ подлогъ хотеть быть самъ свидѣтелемъ въ своемъ собственномъ искѣ. И записка, такимъ образомъ, осталась извѣстною одному Ганкѣ, съ нею вмѣстѣ, казалось, должны были исчезнуть и тѣ намеки, по которымъ предлагалась, по крайней мѣрѣ, возможность искать слѣдовъ открытія рукописи. Но не прошло и мѣсяца, какъ совершенно случайное обстоятельство вызвало снова наружу тѣ же намеки, и они не остались уже безплодными. Въ мѣстечкѣ Жинковѣ, въ разстояніи одного часа пути отъ Непомука, капланъ Романъ Воришка задумалъ собрать старыя историческія записи, касающіяся Зеленой горы, города Непомука и бывшаго непомуцкаго монастыря, имѣя цѣлю составить монографію; и какъ въ мѣстахъ этихъ долгое время господствовалъ родъ Штенберговъ, то онъ и обратился письменно съ просьбою къ Крольмусу, чтобы тотъ выслалъ ему свое сочиненіе о Звѣздной горѣ (*Hvezdna Hora*), т. е. о Штернбергѣ, а также выслалъ бы и что-либо другое извѣстное, что найдеть онъ пригоднымъ для означенной цѣли. Крольмусъ не замедлилъ, по своему обыкновенію, отвѣтомъ, и 23 ноября отправилъ Воришкѣ наставленіе, какъ должно поступать при розысканіи языческихъ памятниковъ, послалъ также и нѣсколько вспомогательныхъ книгъ, указалъ ему,

между прочимъ, какъ на замѣчательность зеленогорскую, что въ тамошнемъ замкѣ найдена рукопись Суда Любушина, о которой поднялись новыя сплетни въ журналахъ нѣмецкихъ, присоединилъ при семъ и подробное изложеніе этихъ сплетень, съ указаніемъ на свидѣтельство Горчички. При этомъ случаѣ, не упустилъ изъ виду попросить Воришку, какъ живущаго вблизи Непомука, справиться съ метрическими книгами, кто былъ непомуцкимъ деканомъ въ годъ открытія Суда Любуши, и какъ звали казначей, нашедшаго рукопись.

Письмо и посылка Крольмуса шли довольно медленно, такъ какъ отправлены были не по почтѣ, а путемъ книгопродавческимъ; по этому и отвѣтъ Воришки послѣдовалъ слишкомъ черезъ мѣсяць, уже въ началѣ слѣдующаго 1859 года. Въ немъ было сказано, между прочимъ, что за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, слышалъ и онъ кое-что о Судѣ Любушиномъ въ Непомуцкомъ округѣ, и постоянно разыскивалъ свидѣтелей, которые бы могли дать болѣе подробныя указанія. Между ними удалось ему найти одного въ живыхъ, весьма достовѣрнаго свидѣтеля, нынѣшняго непомуцкаго декана, Іосифа Земана. Сообщилъ также, что прежній деканъ, бывшій и въ 1817 году, назывался Францемъ Боубелемъ, а казначей, отыскавшій памятникъ, Іосифомъ Коваремъ. Около того же времени, въ первыхъ числахъ января, получены были отъ Воришки письма и другими учеными Чехами, у которыхъ онъ равнымъ образомъ просилъ пособій и совѣтовъ для своего монографическаго труда, и также коротко увѣдомлялъ о полученныхъ свѣдѣніяхъ касательно оспариваемаго Нѣмцами памятника. Письма эти произвели свое дѣйствіе въ Прагѣ, начались разспросы, совѣщанія, припоминанія и догадки; блеснула ярко надежда добратъся по доказываемымъ слѣдамъ до чего-либо положительнаго. Но все это ограничивалось пока частными кружками: вводить донесенія отдѣльнаго лица, къ тому же еще молодого; говорящаго лишь со словъ и указаній другихъ, въ публику,

въ печать, казалось не только не своевременнымъ, но, при неопредѣленной прочности донесеній, и невозможнымъ по свойству обвиненія, въ которомъ такъ очевидно принимали участіе представители германской централизаціи въ Вѣнѣ. Нисколько не удивительно, что и самъ В. В. Ганка оставилъ безъ всякаго примѣненія слѣдующія слова Воришки въ письмѣ къ секретарю чешскаго музея, г. Небескому: «ежели г. библіотекаръ Ганка желаетъ для начавшагося у него процесса судебного воспользоваться яснымъ доказательствомъ, что Судъ Любушинъ есть *подлинный*, а не имъ вымышленный памятникъ, то я могу сообщить ему данныя: личность, которая читала рукопись прежде, чѣмъ достигла она до рукъ Ганки, *жива* донинѣ, высоко поставлена и пользуется уваженіемъ. Пожелаетъ ли г. Ганка, пусть онъ обратится письменно ко мнѣ, и я готовъ служить ему». Видя, быть можетъ, что изъ всѣхъ частныхъ писемъ ничего не выйдетъ, пока вопросъ не будетъ выведенъ на явный свѣтъ, Воришка, запасшись нѣсколькими новыми данными, послалъ, 1-го февраля, еще письмо въ Прагу, на имя редактора журнала чешскаго музея, г. Томка, прося его, въ то же время, гдѣ-нибудь напечатать это письмо. Желаніе было исполнено немедленно, и въ шестомъ номерѣ чешскаго журнала, Люміръ, уже могли читать всѣ, что Судъ Любушинъ найденъ въ 1817 году въ Зеленогорскомъ замкѣ, близъ города Непомука, тамошнимъ казначеемъ Коваремъ. Тутъ же переданы были и два обстоятельства, давашія возможность идти далѣе въ раскрытіи тайны: 1) приведено письмо Крольмуса, какъ перваго обратившаго вниманіе Воришки на это дѣло, и указанія котораго такъ блистательно подтверждаются тѣми справками, какія удалось собрать Воришкѣ въ Непомукѣ, 2) упомянуть и нынѣшній деканъ непомуцкій г. Земанъ, какъ та живая личность, которая читала рукопись до пересылки ея въ Прагу. Г. Томекъ, не бывший доселѣ вовсе знакомымъ г. Воришкѣ, и получившій отъ него письмо един-

ственно какъ редакторъ и распорядитель журнала чешскаго музея, считалъ себя обязаннымъ начать и розыски по сдѣланнымъ въ письмѣ указаніямъ. Всего ближе и естественнѣе было обратиться къ Крольмусу, отъ котораго прежде всѣхъ появились намеки, и которымъ данъ былъ толчекъ цѣлому дѣлу. Къ нему и отправился г. Томекъ.

Господинъ Крольмусъ принадлежитъ къ числу тѣхъ оригинальныхъ людей, которые, пристрастившись къ извѣстному роду занятій, начинаютъ подъ конецъ думать, что въ жизни нѣтъ болѣе спасенія внѣ такихъ занятій, и готовы стремиться устроить всю жизнь по образу и результатамъ своихъ занятій. Съ молодыхъ лѣтъ онъ пристрастился къ славянской археологіи, и именно къ той ея сторонѣ, которая заимствуетъ свои матеріалы изъ сохранившихся остатковъ въ землѣ, относящихся по преимуществу къ языческому богослуженію древнихъ Славянъ. Само собою понятно, что народная словесность славянская составляла при этомъ также одинъ изъ главныхъ предметовъ его вниманія, хотя и пользовался онъ ею единственно какъ пособіемъ для результатовъ подземной своей археологіи. Званіе приходскаго священника, которое носилъ онъ до глубокой старости, не только не ослабляло его жара къ языческимъ изслѣдованіямъ, но представляло ему еще болѣе средствъ къ успѣхамъ въ нихъ. Значительная часть раскопокъ, дѣлавшихся въ различныхъ краяхъ Чехіи, совершена имъ въ періодъ исправленія должности; и по удаленіи на покой, не смотря на глубокую старость и хилость здоровья, Крольмусъ не оставлялъ развѣздовъ, соединенныхъ съ обычными для него раскопками. Надобно сознаться, что ловкость опредѣлять мѣстность, богатую археологическимъ содержаніемъ, опытность и искусство въ произведеніи работъ, умѣнье, по одному или немногимъ даннымъ, заключать о необходимости существованія въ той же мѣстности и другихъ, пріобрѣтены имъ удивительныя. Въ этомъ отношеніи

едва-ли Крольмусъ уступить покойному Ходаковскому. Въ послѣдніе годы, усилившаяся болѣзнь ногъ отняла у него возможность принимать непосредственное участіе въ работахъ, но навыкъ вознаграждаетъ этотъ недостатокъ, и сѣдовласый археологъ достигаетъ едва ли меньшихъ результатовъ своимъ распоряженіемъ съ походныхъ креселъ, поставленныхъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ: поищите на право то-то, на лѣво то-то и т. п., и очень часто сказанное находится. Весьма понятно послѣ этого, что печатные труды Крольмуса предлагаютъ огромный матеріалъ такой подземной археологіи, обставленный не мѣнѣе богатымъ матеріаломъ мѣстныхъ названій и соединенныхъ съ ними преданій, а также приведеніемъ отрывковъ изъ народной словесности, далеко не всегда извѣстной въ печати, хотя выводы его и далеко не могутъ пользоваться строго научнымъ значеніемъ, обнаруживая зачастую слѣды того увлеченія, а иногда и положительнаго произвола, какіе составляютъ достояніе исключительно односторонняго направленія, руководящаго ученымъ столь продолжительное время. А какъ велико увлеченіе въ Крольмусѣ, всего лучше можно судить изъ введенія имъ добытыхъ мнѣній о языческомъ бытѣ Славянъ на проповѣдническую кафедру въ церкви, и при томъ вовсе не съ цѣлю отверженія его или даже порицанія. Такой-то человекъ, проживая въ зимнюю пору постоянно въ Прагѣ, и не имѣя никакихъ должностныхъ обязанностей, съ другой стороны, по дряхлости, встрѣчая самыя естественныя препятствія и для спеціальныхъ ученыхъ занятій, издавна старался окружить себя людьми, которые, подобнымъ же образомъ пользуясь свободой, сообщали бы ему свѣдѣнія о текущихъ дѣлахъ, и о томъ, что было неизвѣстно ему, и что хотѣлъ бы онъ знать. Понятно, что въ главной части такого общества были тоже старики, а съ тѣмъ, разумѣется, и предметъ бесѣдъ старцевъ преимущественно касался старины, первыхъ лѣтъ ихъ молодости. Г. Крольмусъ, какъ человекъ привычный

къ собиранію рѣдкостей, къ отмѣткамъ всевозможныхъ интересныхъ свѣдѣній, не упускалъ случая записывать все замѣчательное и изъ того, что сообщалось въ этихъ бесѣдахъ. Съ этою цѣлю заведена была имъ и особая книга, куда вносилъ онъ собственноручно записки въ томъ же поэтическомъ безпорядкѣ, какимъ не бѣдны и печатные его труды, въ какомъ рисуется и разбросанность его археологическихъ находокъ въ кабинетѣ. Въ этой-то книгѣ, среди извѣстій миеологическихъ, археологическихъ, среди пословицъ и поговорокъ народныхъ и многого другаго, находятяся и отмѣтки о *Судѣ Любушиномъ*, разбросанныя по разнымъ мѣстамъ, и заимствованныя со словъ Горчички. Начало этихъ отмѣтокъ восходитъ лишь къ 1850 году, съ котораго Горчичка сдѣлался также не рѣдкимъ гостемъ Крольмуса. Кто же этотъ Горчичка, и что за свѣдѣнія переданы имъ о древнѣйшемъ памятникѣ?

Горчичка, какъ живописецъ, былъ взятъ графомъ Іеронимомъ Коллоредомъ въ домашніе инспекторы за картинами и образами, которыми такъ богаты были помѣщенія графа, и въ Прагѣ, и въ имѣніяхъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и зеленогорскій замокъ. Обязанностию Горчички было наблюдать за картинами какъ въ замкахъ, такъ и въ храмахъ, и, въ случаѣ надобности, очищать и исправлять ихъ, за что выдавалась ему годовая плата. Въ первый разъ прибылъ онъ, по своей должности, на Зеленую гору въ 1819 году, слѣдовательно, въ самомъ скоромъ времени по полученіи рукописи Суда Любушина въ Прагѣ. Прожитыхъ имъ тогда четырехъ недѣль было совершенно достаточно, чтобы исправить свое дѣло, и собрать нѣсколько мѣстныхъ свѣдѣній. Подобныя посѣщенія повторялись и въ послѣдствіи, и Горчичка тѣмъ болѣе могъ употреблять съ пользою время на Зеленой горѣ, что частое пребываніе въ Прагѣ давало ему возможность знакомиться съ современными вопросами и требованіями. Горчичка пережилъ въ прежней должности и наслѣдника Іеронима Коллореда, его сына Франца, и не

ранѣ 1848 года окончательно уже поселился въ Прагѣ, значительно ослабѣвши за старостію лѣтъ. Тутъ-то сошелся онъ и съ Крольмусомъ, и въ разныя поры своихъ посѣщеній передавалъ все то, что слышалъ и зналъ о Судѣ Любушиномъ. Къ сожалѣнію, самъ Горчичка умеръ въ 1856 году, за два года до статей Куга, и слѣдовательно пользоваться его свѣдѣніями приходилось по записямъ въ книгѣ г. Крольмуса.

Прежде всего профессоръ Томекъ обратился съ просьбою къ послѣднему сообщить все то, что извѣстно ему о Горчичкѣ и Судѣ Любушиномъ. Г. Крольмусъ не замедлилъ составить подробную записку, которая, вмѣстѣ съ прежней запиской его же къ Ганкѣ, намъ уже знакомой, и была прочтена, 14 февраля, въ собраніи филологическаго отдѣленія ученаго королевско-чешскаго общества. Предложенныя въ ней данныя вполне согласовались со всѣмъ тѣмъ, что было напечатано въ статьѣ Воришки. Впрочемъ, обычная краткость, до нѣкоторой степени безпорядочность записки Крольмуса заставила профессора Томка самолично перечестъ разновременныя отмѣтки въ книгѣ; ктому-же имъ руководила надежда встрѣтить въ ней и какія-либо новыя указанія. Дѣйствительно, подобный пересмотръ, дополнивши еще нѣкоторыми фактами извѣстія Горчички, убѣдилъ г. Томка, что съ 1852 года послѣдній подробно разговаривалъ о Судѣ Любушиномъ и при многихъ другихъ посѣтителяхъ Крольмуса, которыхъ этотъ также не преминулъ обозначить въ своей книгѣ. Одна часть такихъ свидѣтелей-гостей успѣла уже умереть; но оставались и въ живыхъ. Къ нимъ-то прежде всего, и ни мало не откладывая, и рѣшился отправиться г. Томекъ, чтобы отборомъ показаній отъ нихъ убѣдиться самому и убѣдить другихъ въ дѣйствительности показаній Крольмуса. На вопросы: знаютъ-ли они Горчичку, и не сообщалъ ли онъ имъ что-нибудь о Судѣ Любушиномъ, всѣ свидѣтели, частью чиновники, частью духовные, подтвердили согласно то же, что заключалось въ памятной

книжкѣ г. Крольмуса; нѣкоторые присоедили и дополненія, вполне оправданныя потомъ свидѣтельствами съ Зеленой горы. Эти показанія были написаны и скрѣплены собственноручною подписью каждаго и приложеніемъ ихъ печатей.

Въ краткихъ словахъ, показанія Горчички, какъ значатся онѣ въ памятной книгѣ г. Крольмуса, и показанія свидѣтелей, присутствовавшихъ при передачѣ, данныхъ Горчичкою въ домѣ Крольмуса, состояли въ слѣдующемъ: памятникъ о Судѣ Любушиномъ былъ найденъ въ 1817 году, въ замкѣ зеленогорскомъ, въ старомъ архивѣ, гдѣ, кромѣ бумагъ, сложено было и много хозяйственныхъ принадлежностей; нашелъ его казначей Коварь, состоявшій въ службѣ у владѣтеля замка, графа Иеронима Коллоредо. Памятникъ покрытъ былъ страшною пылью, такъ что, когда задумалъ прочесть его деканъ Боубель, которому прежде всѣхъ принесъ его Коварь, какъ рѣдкость старую, требовалось очистить отъ пыли и грязи. Рукопись нѣсколько дней хранилась у декана, и послѣдній показывалъ ее многимъ изъ посѣтителей своихъ. Онъ же, узнавъ объ учрежденіи въ Прагѣ музея, посоветовалъ Коварю отправить туда эту рукопись, что Коварь и не замедлил сдѣлать. Но какъ графъ считался человѣкомъ крайне суровымъ съ одной стороны, съ другой непріязненнымъ чехизму, то отправлявшій и рѣшился скрыть какъ свое собственное имя, такъ и мѣсто находки памятника. Въ противномъ случаѣ, Коварь лишился-бы не только службы и пенсіи, но могъ бы потерпѣть что-либо и большее. Едва совершилось отправленіе, какъ настала нужда скрывать это событіе еще строже, потому что въ безъимянномъ письмѣ авторъ-открыватель рукописи позволилъ себѣ довольно рѣзкія выраженія на счетъ своего господина. Вотъ причина, почему и самъ деканъ Боубель, передававшій всѣ эти свѣдѣнія, въ 1819 году, впервые пріѣхавшему на Зеленую гору Горчичкѣ, просилъ его держать все въ тайнѣ, замѣтивъ, что если бы какъ-нибудь дошло

это до графа, то онъ не можетъ быть свидѣтелемъ. Такая данная, съ указаніемъ именъ и обстоятельствъ, Горчичка началъ приводить при постороннихъ посѣтителяхъ лишь съ 1852 года, когда умеръ сынъ и наслѣдникъ Іеронима Коллоредо, Францъ, и когда, такимъ образомъ, не было уже въ живыхъ никого, кто бы могъ связывать языкъ его.

Въ то время, какъ происходили розысканія извѣстій Горчички, стало открываться, что тамъ-сямъ, одному другому сообщалъ онъ свѣдѣнія о мѣстѣ открытія Суда Любуши и гораздо прежде, только въ такихъ неопредѣленныхъ, полутаинственныхъ выраженіяхъ, съ такою рѣшительною уклончивостью отъ отвѣтовъ на пытливые вопросы о подробностяхъ, что на слова его невольно не обращалось вниманія, и онѣ забывались очень скоро. Теперь, при воскресеніи имени Горчички, какъ лица, оставившаго и подробности не только находки, но и способа присылки рукописи, явились припоминанія, и, по соображеніямъ времени, оказалось, что еще въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ говорилъ онъ о Зеленой горѣ, какъ объ отечествѣ Суда Любушина, историографу Палацкому; тоже засвидѣтельствовалъ и донинѣ еще служащій при музеѣ, въ званіи помощника бібліотекаря, престарѣлый уже Чехъ, Іосифъ Дундръ. Это было также около 1822 года, когда по преимуществу горячь былъ споръ о подлинности памятника, и усилены были домогательства Добровскаго заподозрить его. Ученые-то толки и споры и вызвали Горчичку на произнесеніе частицы цѣлой тайны. При этомъ, замѣтилъ г. Дундръ, упомянулъ покойный Горчичка и какого-то лѣкалиту прадельскаго. Здѣсь мѣсто привести совершенно постороннее свидѣтельство, указывающее также на лѣкалиту въ Прадлѣ. Именно, въ ту пору, какъ только-что начался споръ Куга, о недействительности древнѣйшихъ чешскихъ памятниковъ, былъ въ Прагѣ одинъ изъ нѣмецкихъ писателей Легисъ Глюкзелигъ, который въ разговорѣ своемъ съ секретаремъ

Матицы чешской, Небескимъ, коснулся также возникшаго сира, и прибавилъ, что о Судѣ Любушиномъ зналъ покойный Горчичка, именно, что онъ найденъ на Зеленой горѣ, и что капланъ Прадло также зналъ объ этомъ. Кто же былъ этотъ лѣкалистъ или капланъ прадельскій? О немъ не упомянуто въ отмѣткахъ Крольмуса, ничего не сказано и въ показаніяхъ свидѣтелей разговоровъ Горчички: г. Томекъ не зналъ, куда обратиться. Между тѣмъ, дѣло объяснилось очень скоро и тѣмъ прочнѣе, чѣмъ меньше было надежды, и чѣмъ призошло оно случайнѣе.

Среди справокъ, розысковъ, допросовъ и изслѣдованій, производимыхъ профессоромъ Томкомъ въ Прагѣ, получено было письмо и отъ той *живой* личности, на которую указалъ Воришка въ письмѣ своемъ, напечатанномъ въ Люмирѣ. Нынѣшній деканъ непомуцкій, Іосифъ Земанъ, писалъ въ Прагу, въ февраль мѣсяцѣ, такъ: «съ открытіемъ рѣкописи Суда Любушина не соединены никакія особенно замѣчательныя обстоятельства. Оно совершилось вовсе не въ слѣдствіе ^енапередъ задуманныхъ поисковъ древнихъ памятниковъ, а вполне случайно, въ 1817 году. Каждый казначей на Зеленой горѣ имѣлъ подъ своимъ надзоромъ господскій склепъ (Wirtschaftsgewölbe), въ которомъ помѣщались всевозможные въ хозяйствѣ необходимые предметы, какъ: соль, веревки, цѣпи и даже деготь. Въ этотъ склепъ сложено было не мало, на вѣчный покой, и старыхъ ненужныхъ бумагъ. Казначей Іосифъ Коваръ, перебирая, въ свободныя минуты, эти бумаги, попалъ случайно на упомянутую извѣстную рукопись. Не имѣя навыка къ чтенію ни старой печати, ни письма, и желая однакожь узнать содержаніе найденнаго памятника, принесъ его Францу Боубелю, тогдашнему декану въ Непомукѣ, который оцѣнилъ важность рукописи, и предложилъ планъ отправить ее въ Прагу, въ музей королевства Чешскаго. Нѣсколько, однакожь, времени продержалъ онъ рукопись у себя, и прежде всѣхъ другихъ показалъ ее мнѣ, потому что, *будучи въ ту пору лѣкали-*

стой въ Прадль, я нѣсколько разъ на недѣлѣ приходилъ въ Непомукъ, чтобы выполнять должностную свою помощь. Былъ я довѣреннымъ лицомъ покойнаго декана Боубеда, а потому и объявилъ онъ мнѣ о томъ, какимъ образомъ и гдѣ найдена рукопись; другимъ же хотя и показывалъ ее онъ также, но обстоятельства открытія скрывалъ, такъ какъ нашедшій не хотѣлъ быть объявленнымъ изъ опасенія, чтобы отстраненіе рукописи не было вмѣнено ему въ невѣрность по службѣ..... По плану декана, рѣшился Коварь послать памятникъ въ Прагу, но, въ силу упомянутой причины, не обнаружилъ ни имени, ни мѣста, откуда онъ происходитъ».

Изъ этого письма ясно было видно, кого слѣдуетъ разумѣть подъ лѣкалестой прадельскимъ, какую связь имѣлъ онъ съ открытіемъ рукописи, и въ какой силѣ показанія его согласны со всѣмъ тѣмъ, что уже сдѣлалось извѣстнымъ по отмѣткамъ со словъ Горчички, и по заявленіямъ престарѣлыхъ и разнообразныхъ свидѣтелей бесѣдъ его у г. Крольмуса. Вмѣстѣ съ симъ, разоблачилась вполнѣ и странная таинственность отправки памятника въ музей чешскій. Оставалось достать болѣе точныя свѣдѣнія о Коварѣ; ихъ позаботился собрать, бывший нѣкогда лично знакомый съ нимъ, нынѣшній директоръ замка, г. Лидль. Въ особо составленной запискѣ послѣднимъ, при чемъ не оставлены безъ вниманія и старыя хозяйственныя книги, значится, что Коварь опредѣленъ былъ казначеемъ на Зеленую гору въ 1816 году; черезъ три года, однакожъ, графъ его уволилъ, и во все послѣдующее время, до самой своей смерти, до 1848 года, жилъ Коварь небольшою пенсіею въ одной изъ ближайшихъ деревень. Человѣкъ онъ былъ далеко не образованный, но, хотя писалъ по-чешски и не безъ ошибокъ, при всемъ томъ любилъ чешскій языкъ, и вообще считался горячимъ патріотомъ. Послѣднее замѣчаніе, служить достаточнымъ поясненіемъ того мѣста безъимянной записки, гдѣ сказано, что посылающій рукопись есть истинный патріотъ.

Г. Лидль навелъ самыя точныя справки и на счетъ того, кто бы могъ отвезти рукопись съ запискою въ Прагу и бросить ихъ въ почтовый ящикъ. Оказалось, что одинъ изъ Зеленогорцевъ, возившій въ это самое время провизию и другіе предметы въ домъ графскій въ Прагѣ, встрѣтилъ возвращающагося оттуда казначея; въ бумагахъ нашлись также слѣды отлучки его, именно въ это же время, съ Зеленой горы. Долголѣтняя жизнь Коваря въ отдаленіи, естественно, должна была вести къ предположенію: не проронилъ ли и самъ онъ кому-либо нѣсколько словъ о своемъ открытіи, хотя и нельзя отвергать вполне понятную возможность, даже надобность гробоваго съ его стороны молчанія, — не забудемъ, что онъ существовалъ пенсіею графскою, и что не дожилъ до смерти сына и наследника того, кого онъ такъ рѣзко оскорбилъ въ извѣстной анонимной запискѣ. Тѣмъ не менѣе, предположеніе это не ушло отъ вниманія ни директора Лидля, ни священника Воришки. Имъ удалось еще застать въ живыхъ одного деревенскаго священника, Яна Вольфа, у котораго жилъ нѣкоторое время Коварь, и который показалъ, что однажды слышалъ отъ покойнаго, будто тотъ отправилъ какую-то старинную рукопись въ Прагу. Болѣе этого, впрочемъ, ничего не было сказано, можетъ быть, и потому, что самъ Вольфъ не находилъ никакого интереса спрашивать его далѣе.

Когда стеклись, такимъ образомъ, всѣ этѣ свѣдѣнія въ Прагу, и были пересмотрѣны и обсужены представителями современной литературы чешской, явилось немедленно же предложеніе свѣрить, во-первыхъ, почеркъ Коваря въ запискѣ съ остальными его записями, какія можно найти въ старыхъ хозяйственныхъ книгахъ зеленогорскихъ, а можетъ быть и у кого-либо изъ бывшихъ его знакомыхъ, во вторыхъ, отправить довѣренное лицо на Зеленую гору съ оригиналомъ Суда Любушина, чтобы показать его единственному еще въ живыхъ человѣку, который видѣлъ и читалъ рукопись, прежде чѣмъ послана она была въ Прагу,

декану Юсифу Земану, и попросить послѣдняго подтвердить дѣйствительность особымъ актомъ. Что касается до перваго обстоятельства, то трудность точнаго опредѣленія единства руки одного и того же лица въ запискѣ и въ остальныхъ его письмахъ и рукописныхъ отмѣткахъ, всего очевиднѣе обнаруживается въ собственномъ признаніи Коваря, что онъ намѣренно искажилъ свой почеркъ, изъ опасенія быть узнаннымъ по рукѣ. Тѣмъ не менѣе, однакоже, по единогласному рѣшенію всѣхъ, сравнивавшихъ почеркъ Коваря въ запискѣ и въ доставленныхъ книгахъ зеленогорскихъ, встрѣтилось единство не только въ общемъ характерѣ, но и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ буквахъ, еще болѣе въ способѣ тѣхъ уклоненій отъ принятаго, нормальнаго правописанія, какія скорѣе всего дѣлаются индивидуальнымъ свойствомъ каждаго лица. Легче было совершить второе: Г. Томекъ, такъ усердно собиравшій разнообразныя данныя о памятникѣ, вмѣстѣ съ нимъ отправился, въ концѣ марта мѣсяца, въ Непомукъ, слѣдовательно, ровно за годъ до моего туда пріѣзда. Достоуважаемый семидесятилѣтній старецъ, нынѣшній непомуцкій деканъ Земанъ, не выдавшій ни разу, послѣ 1818 года, рукописи, узналъ ее тотчасъ-же, едва только показалъ ему ее г. Томекъ. Послѣдній, желая упрочить столь важное свидѣтельство на будущее время, предложилъ скрѣпить его актомъ, и на слѣдующій же день, въ присутствіи нотариуса, бургомистра, директора замка, учителя и др., записано въ протоколъ слѣдующее: «я живо помню и сознательно свидѣтельствую, что рукопись Суда Любушина, предложенная мнѣ г. Вячеславомъ Владивоемъ Томкомъ, профессоромъ пражскаго университета, въ присутствіи г. нотариуса, Вячеслава Подлака, и подробно описанная вверху, въ протоколѣ, есть та же самая рукопись, которую мнѣ показывалъ и давалъ въ руки, въ 1817 или 1818 году, въ домѣ непомуцкаго деканства, въ той-же самой комнатѣ, въ которой теперь совершается свидѣтельство подлинности этой рукописи, мой предше-

ственникъ, покойный деканъ непомуцкій, Франць Боубель. Я знаю также, что въ то время замѣтилъ онъ, что эту рукопись нашель тогдашній зеленогорскій казначей, Коварь, въ приземномъ склепѣ на зеленогорскомъ замкѣ, между старыми бумагами, и не только мнѣ показана была помянутая рукопись деканомъ, но и нѣкоторымъ другимъ духовнымъ, изъ которыхъ, однакоже, никого уже нѣтъ болѣе въ живыхъ.» Подпись Юсифа Земана была скрѣп-лепа подписью всѣхъ присутствовавшихъ: Актъ этотъ былъ препровожденъ въ чешскій музей, на храненіе.

Таковъ ходъ, въ короткихъ словахъ, розыска о подлинности знаменитаго, и по древности и по значенію внутреннему, памятника Суда Любушина, съ сихъ поръ обыкновенно называемаго *зеленогорскимъ*. Изъ него видно, что судьба, поставивши въ самыя невыгодныя условия рукопись при первомъ появленіи ея въ свѣтъ, едва не лишила возможности окончательно потерять всѣ видимые, несомнѣнные слѣды ея подлинности. Последняя, какъ уже мы знаемъ, выяснилась изъ двухъ источниковъ: изъ разговоровъ Горчички, записанныхъ г. Крольмусомъ, и скрѣпленныхъ его знакомыми, свидѣтелями бесѣдъ Горчички, и изъ положительнаго, офиціальнаго признанія г. Земана, имѣвшаго случай держать въ рукахъ памятникъ и читать его тотчасъ по открытіи на Зеленой горѣ. Но г. Крольмусъ, независимо отъ постоянной и долготѣней болѣзни, считаетъ уже себя до семидесяти лѣтъ; не многимъ моложе и его сотоварищи въ бесѣдахъ Горчички, котораго смерть уже за два года лишила возможности быть личнымъ, и, разумѣется, дѣйствительнѣйшимъ свидѣтелемъ: судя по отрывочности его рассказовъ, съ каждымъ разомъ дополнявшихъ какимъ-либо новымъ указаніемъ данныя о рукописи, можно думать, что не одно еще новое указаніе взято имъ съ собою въ могилу. Коварь умеръ за десять лѣтъ, а г. Земанъ, какъ ни свѣжъ и крѣпокъ еще онъ на видъ, все же счетомъ себя семи десятковъ лѣтъ, по естественному закону, близко подходитъ къ

числу тѣхъ людей, которымъ не долго остается быть земными дѣятелями. Не будь въ живыхъ двоихъ этихъ людей, Крольмуса и Земана, и какъ ни убѣдительно и согласны были бы показанія остальныхъ, друзей Крольмуса, Воришки и Яна Вольфа, еслибы даже ихъ и вызвало что-либо къ такимъ показаніямъ, все же тѣнь сомнѣнія, болѣе-менѣе сильная, не могла-бы сойти съ памятника въ глазахъ подобныхъ Кугу и его руководителямъ, устраняющимъ себя отъ вниманія къ внутреннимъ признакамъ древности рукописи.

Но почему же, спросить читатель, ни Боубель съ Земаномъ, могшіе сознать важность рукописи, ни Крольмусъ, такъ давно уже, сравнительно, узнавшій отъ Горчички исторію открытія, ни Ганка, получившій записку отъ послѣдняго при самомъ появленіи обвинительныхъ статей Куга, слышавшій и прежде кое-что отъ Горчички, не вывели наружу всего дѣла и не предотвратили, такимъ образомъ, безстыдныхъ нападеній, хотя на Судъ Любушинъ, со стороны недобросовѣстныхъ Куговъ? Не говоря уже о томъ, что Боубель и Земанъ были обязаны молчаніемъ съ самаго перваго дня отсылки рукописи въ Прагу, въ слѣдствіе рѣзкихъ выраженій о графѣ Коваря, въ которомъ первый принималъ участіе и подавалъ ему совѣты, а послѣдній былъ связанъ довѣренностію Боубеля и предостереженіями о таинственности, самыя свѣдѣнія ихъ, въ ту пору, о чешскомъ языкѣ, литературѣ и исторіи такъ были ограничены, что едва-ли въ состояніи они были вывести о памятникѣ заключеніе большее того, какое вытекало только изъ ветхости пергамента и неразборчивости для неопытнаго глаза буквъ. По крайней мѣрѣ, такъ заставляютъ думать и судить слѣдующія откровенныя слова почтеннаго декана Земана: «едва ли слѣдуетъ ставить намъ (Боубелю и ему) въ вину то, что мы не оцѣнили справедливымъ образомъ важность рукописи по внутреннимъ ея достоинствамъ. Учились мы въ то несчастное время, когда материнская рѣчь наша была всецѣло

изгнана изъ школь, и когда литература чешская, забитая темнымъ мракомъ нѣмецкины, ожидала еще своего пробужденія. » Въ послѣдніе годы, хотя опасность обличенія уже и миновала, г. Земанъ не прерывалъ своего молчанія потому, что, съ одной стороны, старость и обиліе специальныхъ должностныхъ занятій, съ другой—отдаленность отъ центра литературной дѣятельности и незнакомство съ частными, хотя и живительными, ея вопросами, не подавали побужденія къ такому прерванію молчанія. Что касается до г. Крольмуса, то страсть и привычка къ его археологическимъ поискамъ, служили достаточнымъ основаніемъ считать дѣло поконченнымъ, объясненнымъ и рѣшеннымъ, коль скоро объясненіе и рѣшеніе вписаны его археологическимъ почеркомъ въ археологическую книгу всевозможныхъ замѣтокъ. О Ганкѣ нечего и говорить: онъ вполне справедливо не позволялъ себѣ выдвигать на свѣтъ вопросъ, стоявшій въ столь неразрывной связи съ обвиненіемъ его въ подлогѣ.

Осмотрѣвши все, что только казалось намъ интереснымъ на Зеленой Горѣ, въ замкѣ и церкви при немъ, мы всѣ, не исключая и директора Лидля, спустились внизъ, въ Непомукъ, и вошли въ домъ деканскій, къ г. Земану. Онъ еще сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ, среди многочисленныхъ своихъ гостей, собравшихся въ Непомукъ, по случаю праздника, освященія въ тотъ день церкви. Едва услышалъ хозяинъ о народности новыхъ посѣтителей и о цѣли заѣзда ихъ въ небольшой городокъ, какъ тотчасъ же приказалъ раздвинуть столъ, и просилъ насъ усѣсться. Радость его была слишкомъ открыта, чтобы не замѣтить ее совершенно невольно каждому присутствовавшему. Видно, что ему рѣдко приходилось принимать такихъ гостей, да, сколько помнится, я никогда еще не приходилось, а между тѣмъ горячее чувство любви къ цѣлому славянству, возведенное къ какой-то идеальности, живой интересъ, съ какимъ распрашивалъ онъ о Россіи и Русскихъ, и сообщилъ свои скуд-

нья о нихъ свѣдѣнія, служили очевиднымъ доказательствомъ сильнаго его желанія видѣть у себя подобныхъ гостей и прежде, какъ готовность принимать ихъ такъ же радушно и на будущее время. Быть можетъ, надежды его и исполнятся. Не смотря на семьдесятъ лѣтъ прожитой г. Земаномъ жизни, онъ до того еще свѣжъ въ лицѣ и крѣпокъ въ тѣлѣ, что не трудно заглядывать впередъ, подалебѣ. Помѣстивши меня рядомъ съ собою, онъ не долго остановился на привѣтствіяхъ и довольно обычныхъ безцѣльныхъ распросахъ, и очень скоро перешелъ къ мыслямъ, особенно занимающимъ образованное западное и южное славянство, къ единству нравственно-литературному всѣхъ Славянъ и, какъ къ ближайшему посреднику его, къ единству письма и языка. Не разъ случалось уже мнѣ говорить объ этомъ въ различныхъ краяхъ славянскихъ, много уже скопилось данныхъ для заключенія о распространенности и напряженности этихъ мыслей у Славянъ австрійскихъ, приходилось наблюдать и за успешными зачатками ихъ осуществленія, а потому и поворотъ разговора г. Земана въ эту сторону ни мало не удивилъ меня; мнѣ только предстояла трудность въ первый моментъ обойти какъ-нибудь или просто увернуться отъ пытливаго вопроса старика—какъ думаютъ у насъ въ Россіи объ этомъ: само собою понятно, что для удовлетворительнаго отвѣта, который бы притомъ не оскорбилъ славянскаго чувства хозяина и его гостей, слѣдовало придумывать или выдумывать его, потому что дѣйствительность нашей жизни могла дать лишь оскорбительный, въ настоящемъ случаѣ, матеріалъ. Не знаю, замѣтилъ ли г. Земанъ стѣсненность мою, или, быть можетъ, самъ онъ хотѣлъ перейти поскорѣй къ частному предмету, только я, не выдумавши ничего въ отвѣтъ на первый вопросъ, увидѣлъ себя быстро въ необходимости возражать противъ слѣдующаго хозяйскаго положенія, будто для успѣха единства необходимо всѣмъ Славянамъ греко-восточнаго исповѣданія замѣнить кириллицу латиницей.

Съ одной стороны, я слишкомъ привыкъ къ откровенности знакомыхъ мнѣ Чеховъ, съ другой—продолжительная удаленность изъ Праги, должно быть, вывѣтрила у меня мысль о требуемой осторожности передъ повсюду выставленными ушами и глазами полицейскихъ, и упомянутое положеніе было, безъ размышленія, принято мною какъ дѣйствительное убѣжденіе уважаемаго старца, а потому и встрѣтило во мнѣ горячаго противника. Съ жаромъ посыпались доводы въ пользу кириллицы, и со стороны ея выразительности славянскихъ звуковъ, и со стороны связи ея съ важнѣйшею эпохою въ исторіи славянства и т. д. Но напрасно пріискивалъ я доказательства: полуулыбающееся лице г. Земана и киваніе его головою, въ знакъ одобренія, при каждомъ моемъ доводѣ, скоро должны были вывести меня изъ заблужденія и убѣдить, что предпочтительное для латиницы положеніе его есть только уловка осторожнаго челоуѣка и вызовъ на выясненіе мнѣнія Русса передъ собраніемъ Чеховъ. Пылкая моя защита Кириллицы едва-ли въ состояніи была чѣмъ-нибудь возвыситься и безъ того высокое уваженіе къ ней хозяина. Онъ безъ малѣйшаго противорѣчія призналъ необходимость противоположнаго положенія, и перешелъ спокойно къ другому вопросу, объ единствѣ языка литературнаго. Мнѣ довольно удивительно было слышать, не взирая на все глубокое уваженіе къ образованности и рационализму чешскаго духовенства, въ столь отдаленномъ отъ насъ углу славянства, вдали отъ центра умственной и литературной жизни, такое основательное и истинно практическое пониманіе спеціальныхъ вопросовъ, въ рѣшеніи которыхъ пристрастіе и ложный патріотизмъ до сихъ поръ еще поддерживаютъ раздвоеніе и между самыми спеціалистами. Въ это время примкнулъ къ разговору нашему и другой священникъ, сидѣвшій противъ Земана. Пріятное и сосредоточенное лицо его, напряженное вниманіе, съ какимъ смотрѣлъ и слушалъ онъ все, что произносилось Русскими, особенно,

когда нѣкоторые изъ нихъ выражались по-русски, давно уже остановили на немъ взоръ мой и вызвали желаніе сойтись съ нимъ поближе. Г. Тихій, —такова фамилія священника, —развивая взглядъ свой на литературный языкъ славянскій, перенялъ мнѣніе своего собрата въ самомъ началѣ, и сталъ выяснять и распространять его въ томъ же смыслѣ, съ тѣми же разнообразными и разносторонними основаніями, какъ случалось мнѣ слышать въ Загребѣ и Прагѣ, отъ главныхъ вожатаевъ современной жизни и литературы славянской. Оказалось, что г. Тихій, не смотря на провинціальность своей дѣятельности, имѣлъ достаточныя свѣдѣнія и о языкѣ нашемъ и о литературѣ нашей. Естественный вопросъ мой, какимъ путемъ дошелъ онъ до подобныхъ свѣдѣній, когда и въ самой Прагѣ не легко бываетъ достать книгу русскую, или сблизиться съ человѣкомъ русскимъ, по милости неприязненной ко всему русскому полиціи австрійской, вызвалъ г. Тихаго на объясненіе всѣхъ бывшихъ у него столкновеній и сношеній съ Русскими. Я подолгу и часто проживалъ въ Карловыхъ Варахъ (Карлсбадъ), говорилъ священникъ, а туда каждое лѣто съѣзжается множество вашихъ соотечественниковъ. Сойтись съ нѣкоторыми изъ нихъ не трудно, особенно человѣку, который ищетъ случая для сближенія, —и мнѣ пришлось познакомиться не съ однимъ десяткомъ, и изъ разныхъ сословій. Были между ними и ученые, и литераторы, и военные. Въ прежніе годы, не случалось мнѣ встрѣчать ни одного, который бы зналъ что-нибудь о Славянахъ и Чехахъ; смотрѣли они, обыкновенно, на нашу землю, какъ на нѣмецкую, и подъ *Богемцами* разумѣли только Нѣмцевъ. Привычка ихъ ограничиваться, въ теченіи цѣлаго лѣта, однимъ Карлсбадомъ, конечно, давала поводъ къ подобнымъ заключеніямъ; если бы они удалились хоть на пять миль поглубже, то и тогда уже должны бы были остановиться съ изумленіемъ на родственныхъ звукахъ и пришли бы къ тому же открытію въ Чехіи и Славянъ,

какое все замѣтнѣе и замѣтнѣе распространяется въ новое время, у нынѣшнихъ посѣтителей Карловыхъ Варъ. Бывало, и можно извлечь пользу изъ бесѣды съ русскимъ человѣкомъ только въ томъ ограниченномъ смыслѣ, что узнаешь кое-какія отрывочныя данныя объ интересующей насъ Россіи; да и то бываешь поставленъ въ тягостное положеніе, при рѣшеніи того, что справедливо и чему нельзя вѣрить, потому что свидѣтельства отдѣльныхъ лицъ необыкновенно были разнорѣчивы, и даже не рѣдко прямо противоположны. Тягостное чувство наше отъ незнанія Русскими Славянъ, поражалось еще сильнѣе, и давило насъ еще ужаснѣе, когда въ большинствѣ посѣтителей не замѣчали мы ничего и русскаго: говорили они постоянно на нѣмецкомъ или французскомъ языкахъ не только съ своими дѣтьми, но и другъ съ другомъ, едва ли не каждый ребенокъ имѣлъ особеннаго гувернера или гувернантку, и непременно изъ Нѣмцевъ или Французовъ; на прогулкахъ, не однажды случалось видѣть русскаго за книгой, но никогда, въ прежнее время, не удавалось подмѣтить русскихъ буквъ: все или нѣмецкое, или французское, подчасъ и англійское. Съ грустію мы начинали уже думать, что въ Россіи ежели и не погибло еще все славянское, то подъ такимъ всеохватывающимъ вліяніемъ запада, рано или поздно, должно погибнуть, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ вліяніе это казалось намъ болѣе внѣшнимъ, направленнымъ на одну заманчиво блестящую сторону. Мы не могли не бояться заразительной подражательности, которая всюду идетъ сверху внизъ, могла идти тѣмъ же путемъ и въ нашемъ отечествѣ: масса же народа и истинно образованная часть русскаго міра намъ были тогда вовсе неизвѣстны. Книгъ мы не получали, а представители его или въ Карлсбадъ не являлись, или жили въ немъ такую уединенную жизнь, въ такой отдаленности отъ окружающихъ ихъ остальныхъ русскихъ, что не приходило и въ голову подозрѣвать въ нихъ еще болѣе и чище Русскихъ. Теперь уяснилась для насъ причина такой ихъ

отдѣльности отъ своихъ и закрытости передъ Славянами въ былые годы,—и измѣнившимся отношеніямъ правительствъ мы обязаны многими правильными свѣдѣніями. Количество русскихъ людей, съ русскимъ чувствомъ и умомъ, умножилось значительно; легко стало и подмѣчать въ нихъ и воззрѣнія на жизнь, составленныя не подъ вліяніемъ слѣпой вѣры къ западу, а съ тѣмъ вмѣстѣ высказалось и больше вниманія къ быту и положенію другихъ Славянъ. Съ подобными-то людьми пришлось сойтись и мнѣ въ послѣднее время и перемѣнить въ основаніи невольно установившійся взглядъ на Россію и Русскій народъ. Сообщенныя ими русскія книги, въ которыхъ такъ ярко выставляются черты народнаго быта и характера, а также и стремленія вывести жизнь на путь свободнаго развитія, не только упрочили нашу надежду на живучесть у васъ славянскаго духа, но и заставили смотрѣть на тѣ явленія, какія встрѣчали мы въ карлсбадскихъ образцахъ и которыя готовы уже были принимать за норму русской жизни и ея направленія, какъ на уклоненія, случайность, хотя и глубоко проникшія, но, тѣмъ не менѣе, на столько слабыя и безжизненные, сравнительно съ корнями въ массѣ, что гибель ихъ неизбежна. Даже и теперь, какъ ни мало прошло еще времени, но уже перерожденіе въ упомянутыхъ образцахъ стало замѣтно». Въ такомъ духѣ продолжалъ долго рассуждать мой новый знакомецъ, обнаруживая въ каждой высказывавшейся имъ мысли и глубокою наблюдательностью надъ отдѣльными людьми и цѣлымъ обществомъ, и богатый запасъ свѣдѣній и матеріаловъ, почерпнутый имъ изъ русскихъ сочиненій, доставлявшихъ ему русскими его знакомыми. Послѣ всего этого, не удивительно было мнѣ слышать и взглядъ его на русскій языкъ при рѣшеніи вопроса о литературномъ языкѣ у Славянъ. Разговоръ, мало по малу, становился общѣе, завлекая и другихъ, сидѣвшихъ доселѣ или молча, или бесѣдовавшихъ по-парно. Каждый припоминалъ какой-либо случай, сводившій его съ Руссомъ, или приводилъ

слухи, перенятые отъ знакомыхъ, видѣвшихъ или разговаривавшихъ съ Руссомъ. Ихъ непритворное сочувствіе и участіе ко всему, что касалось нашего отечества или соотечественниковъ, радость при всякомъ извѣстіи объ успѣхѣ у насъ, внутри или внѣ, до такой степени были общи, доходили даже до такой восторженности, что заставляли краснѣть и внутренно сожалѣть радушныхъ соплеменниковъ. Въ голову невольно закрадывался вопросъ: чѣмъ заслужили мы подобную привязанность, сдѣлали-ли мы какое-нибудь добро имъ, даже выразилась-ли гдѣ-нибудь, хотя вскользь, готовность и не сдѣлать уже что-либо въ ихъ пользу, а хотя признать родство свое съ ними, поставить поближе интересы свои къ нимъ? Самый глухой отрицательный отвѣтъ на все не могъ не приводить въ смущеніе, при видѣ совершенно незаслуженной любви, не могъ не возбуждать и сожалѣнія, при сомнительности, по крайней мѣрѣ неизвѣстности, и въ ближайшемъ будущемъ ихъ выхода изъ заблужденія.

Я поспѣшилъ перейти своимъ вопросомъ къ другому предмету, и освободить такимъ образомъ себя отъ неприятной натянутости. Около меня сидѣлъ очевидецъ-свидѣтель открытія Суда Любушина, такъ живо меня интересовавшего, и я обратился къ хозяину съ разными вопросами и разпросами. Результатъ ихъ мы уже видѣли. Г. Земанъ охотно повторилъ мнѣ все то, что не за долго до моего пріѣзда въ Прагу сдѣлалось извѣстнымъ въ печати. Съ большею подробностію остановился онъ на Коварѣ и на выраженномъ имъ мнѣніи о графѣ Іеронимѣ Коллоредо, котораго назвалъ воплощеннымъ нѣмецкимъ Мишле и врагомъ всего чешскаго. Мнѣніе это, по свидѣтельству г. Земана, далеко не отличается справедливостью, и основано скорѣе на темныхъ случаяхъ, носившихся въ массѣ, и выставлявшихъ небывалую жестокость графа. Между прочимъ, говорилось о немъ и то, будто однажды, въ Штирії, онъ собственноручно застрѣлилъ одного священника, во время служенія. Что касается до

чешской національности, то хотя графъ и не давалъ повода судить о себѣ, какъ о ея пріятель, тѣмъ не менѣе никогда бы не отказался послать рѣдкую рукопись въ музей, даже считалъ бы это за особую честь. Къ сожалѣнію, Коварь судилъ исключительно о своемъ господинѣ по разсѣяннѣмъ преувеличеннѣмъ слухамъ о немъ въ народѣ, и, по краткости времени, не имѣлъ возможности лично убѣдиться въ ихъ несостоятельности. Время шло незамѣтно среди разговоровъ, интересъ которыхъ только возрасталъ съ каждымъ часомъ. Но вотъ пробило уже и пять часовъ, а съ тѣмъ наступилъ и срокъ нашему хозяину и его духовнымъ гостямъ идти въ церковь, у которой уже давно ожидала ихъ огромная масса народа, включавшая въ себя едва-ли не цѣлый Непомукъ. Я все еще поджидалъ прибытія г. Воришки, основываясь на увѣреніи г. Земана, что онъ непремѣнно долженъ быть; но, при самомъ отходѣ въ церковь, получено было отъ него письмо, въ которомъ увѣдомлялъ онъ декана о своей болѣзни, и мнѣ оставалось пожалѣть только о неудачѣ увидѣть еще одно лицо, стоявшее такъ близко къ раскрытію тайны о Судѣ Любушиномъ. Простившись еще разъ съ новыми своими знакомыми у дверей въ церковь, и поблагодаривши ихъ за пріемъ насъ чисто славянскій, мы направились къ своему экипажу, и черезъ четверть часа выѣхали изъ города, по дорогѣ на Пльзень (Пильзень).

V.

Время было самое благопріятное. Дневной жаръ значительно уже спалъ, солнце склонилось къ западу, и мы съ полнымъ наслажденіемъ могли любоваться красивою мѣстностью, поднимаясь на сѣверо-западъ, и все больше и больше приближаясь къ возвышенностямъ Шумавскихъ горъ, или Шумавскаго лѣса, или просто Шумава, какъ обыкновеннѣе называются юго-западные горы у Чеховъ. Довольно узкое шоссе, по которому ѣхали мы, не смотря

на постоянныя и значительныя возвышенія, такъ разсчитливо избѣгало высокыхъ горъ, дѣлало столь незамѣтными спуски и подъемы, что лошади наши на всемъ пространствѣ ни разу не встрѣчали необходимости перемѣнить обычный свой бѣгъ и невольно заставляли меня переноситься мыслью къ русскимъ шоссе, гдѣ такъ часто среди ровной вокругъ поверхности, неожиданно наталкивается проѣзжіи на крутизны, сжимающія страхомъ его сердце и представляющія не рѣдко плачевныя препятствія для несчастныхъ лошадей. Правда, чешское шоссе не могло уже претендовать на шнуровую прямизну, открывающую иногда непосредственный видъ съ одной станціи на другую, за то извилинами и изгибами, оно сближало разбросанныя деревни, и, быть можетъ, не одной изъ нихъ доставило средства и возможность явиться передъ глазами проѣзжающаго въ томъ чистомъ, опрятномъ и зажиточномъ видѣ, какимъ отличались всѣ, попадавшіеся намъ на пути, деревни. Кромѣ того, частыми поворотами разнообразило оно и картины мѣстности, восхитительной для глаза и знаменательной по историческимъ воспоминаніямъ. Лѣвая сторона особенно привлекала наше вниманіе. Тамъ, при каждомъ поднятіи дороги на возвышенность, выставлялись вдали снѣжныя еще вершины Шумавы, подъ которыми видѣлись старинныя замки средневѣковыхъ рыцарей, частію донинѣ сохранившіеся въ цѣлости, частію уцѣлѣвшіе лишь въ обломанныхъ остаткахъ стѣнъ и башенъ.

Время шло быстро въ разглядываніи и въ выслушиваніи того, что сообщалъ намъ о мѣстности нашъ спутникъ-Чехъ, превосходно знакомый съ этимъ краемъ Чехіи, но вотъ мы подъѣхали и къ рѣчкѣ Уславѣ, за которою начинается предгордіе Пльня, и на которой, въ правой сторонѣ отъ дороги, расположенъ старый Пльнецъ. Нѣкогда, говорятъ, былъ онъ городомъ и отечествомъ нынѣшняго Пльня; въ настоящее время считается Пльнецъ деревнею и имѣетъ тысячу сто обывателей. Наступившіе

сумерки мѣшали намъ разсмотрѣть подробнѣе ея мѣстоположеніе; только одинъ изъ древнѣйшихъ чешскихъ замковъ, *Родынъ*, уже опустѣвшій, выдѣлялся надъ нею рѣзко своимъ утесистымъ положеніемъ на высокомъ холмѣ.

Вѣхали мы въ городъ уже довольно поздно, чтобы пуститься немедленно же въ осмотръ его; да и напряженность въ теченіи цѣлаго дня требовала отдохновенія. Къ тому же и спѣшить мнѣ не было нужды, при моемъ намѣреніи остаться на слѣдующій день въ Пльнѣ. Доставши себѣ чистую комнатку съ завидною чистотою кроватнаго бѣлья, я простился съ своими спутниками, уже взявшими билеты на утренній дилижансъ, чтобы въ пять часовъ выѣхать въ Прагу.

Утромъ, около восьми часовъ, запасшись рекомендательнымъ письмомъ, я пошелъ отыскивать профессора *Сметану*, на котораго было адресовано это письмо. Но въ монастырѣ, гдѣ живетъ священникъ-профессоръ, его уже не было, и мнѣ можно было застать его не раньше, какъ черезъ три или четыре часа. Дѣлать нечего, надобно было одному воспользоваться этимъ временемъ, и я началъ осматривать городъ. Пльень, старобытный королевскій окружный городъ, лежитъ при слияніи тѣхъ двухъ рѣчекъ, которыя съ нынѣшними же именами упоминаются уже въ Судѣ Любушиномъ, именно *среброносной* Мжи и *холодной* Радбузы. *Стрибро*, стоящій надъ Мжею и по сіе время, можетъ служить новымъ доказательствомъ, кромѣ указанныхъ нами выше свидѣтельствъ, вѣрности эпитета рѣки, съ какимъ встрѣчается она въ древнѣйшемъ эпическо-славянскомъ произведеніи; что касается до Радбузы, то чистота воды и быстрота, съ которою пробивается этотъ потокъ по каменистому руслу, оправдываютъ и ея эпитетъ въ Судѣ Любушиномъ. Самъ городъ представляетъ изъ себя обширный кругъ, въ центрѣ котораго находится большая четырехъ-угольная площадь; къ ней сходятся десять прямыхъ улицъ, идущихъ въ видѣ радіусовъ, отъ самой периферіи круга. Среди площади

стоит обширный и красивый готическій храмъ св. Варооломея, съ разноцвѣтными стеклами вверху. Храмъ этотъ построенъ въ 1292 году нѣмецкимъ орденомъ, и составляетъ лучшее украшеніе города; башня его, поднимающаяся на 312 футовъ, считается по вышинѣ своей первою въ Чехіи послѣ башни св. Вита, въ Прагѣ. Изъ другихъ зданій обращаютъ на себя вниманіе *Радница* или ратуша, 16 столѣтія, съ обыкновенною архитектурою для всѣхъ радницъ въ землѣ Чешской; въ ней находится и довольно богатое собраніе стараго чешскаго оружія, среди котораго особенно выдаются тяжелыя и грозныя цѣпи, съ вбитыми гвоздями остриемъ вверху, на меньшей ихъ части, столь любимое и успѣшное оружіе Жижкова войска. Театръ, хотя и не отличается объемомъ, но для города въ 15 тысячъ жителей, представляетъ вполне удовлетворительное зданіе. Театръ сдѣлался такою же неосознаною принадлежностью городовъ чешскихъ, какъ радница и школы. Мы видѣли театры и въ Таборѣ, и въ Будѣйовицахъ, и въ Пискѣ и въ др. городахъ и городкахъ. Конечно, они не имѣютъ своихъ собственныхъ труппъ, но странствующие, во многихъ отдѣленіяхъ, актеры и актрисы не даютъ театрамъ стоять долго безъ употребленія. Въ Пльзнь тѣмъ менѣе можно ожидать театральнаго застоя, что четыре раза въ годъ лучшіе въ Чехіи тамъ торги привлекаютъ множество въ него гостей, продавцевъ и покупателей. Само собою понятно, что подобный городъ въ землѣ Чешской не могъ не позаботиться особенно объ учрежденіяхъ для образованія; и какъ, съ нашей точки зрѣнія, ни малолулень онъ, но имѣетъ высшую гимназію, главную и низшую реальныя школы, и пріятно было видѣть, какъ, утромъ, младшее поколѣніе города, со всѣхъ его сторонъ, спѣшило пробраться въ эти учрежденія. Стѣны, окружавшія нѣкогда Пльзень, а также и пять воротъ, впускавшія въ старину въ городъ, теперь уже разрушены, и во многихъ мѣстахъ нѣтъ даже и слѣдовъ древнихъ укрѣпленій. Впрочемъ, при видѣ такого разру-

шенія древности здѣсь чувство какъ-то не трогалось, и не поражалось тою грустью и сожалѣніемъ, какія испытало оно при взглядѣ на падавшія подъ ломомъ работниковъ стѣны и башни въ Таборѣ. Причина, конечно, заключается въ противоположномъ значеніи для чешской народности укрѣпленій обоихъ городовъ. Въ тоже время, какъ Таборъ былъ пріютомъ защитниковъ подавленной народности и оплотомъ противъ непріязненныхъ ей силъ, Пльзень постоянно направлялъ твердыни свои противъ поборниковъ свободы и независимости народной, и самъ герой Жижка неоднократно долженъ былъ безъ успѣха снимать свои грозныя осады. Такое антинародное настроеніе Пльзенцовъ объясняется естественно давнимъ населеніемъ и преобладаніемъ надъ туземцами нѣмецкаго элемента, вмѣстѣ съ фанатическою приверженностью къ католичеству, стремившагося всѣми силами поддержать нѣмецкое господство надъ Чехіей. Но эта, какъ будто, историческая задача Пльзня, какую рѣшалъ онъ при каждомъ удобномъ случаѣ, въ прежніе вѣка, кажется, приходитъ, если ужъ не пришла къ своему концу. Какъ ни довольно еще многочисленно нѣмецкое поселеніе въ немъ и въ настоящее время, но языкъ, это вѣрное мѣрило степени и качества народности, значительно уже изобличаетъ поворотъ къ чехизму Пльзенцевъ. Рѣдкій Нѣмецъ, средняго, даже старческаго возраста, не понимаетъ и не умѣетъ говорить по-чешски; поколѣніе же молодое и народонаселеніе чешское всецѣло уже приняло чешскій языкъ, и при томъ владѣютъ имъ съ тою чистотою, которая можетъ явственно свидѣтельствовать о распространенности и напряженности и самаго духа чешскаго. Здѣсь совершается то же самое, что подмѣтили мы въ нѣкогда всецѣло онѣмеченномъ городѣ, Будѣйовицахъ. Подобное возвращеніе Чеховъ къ своей народности еще ярче и быстрѣе совершается въ деревняхъ, и вотъ самое важное доказательство развитія образованности современной Чехіи. Высокая степень ея въ ней подтверждается еще очевиднѣе

перерожденіемъ и самыхъ Нѣмцевъ въ Чеховъ; по крайней мѣрѣ, не одна уже съ чистымъ населеніемъ нѣмецкимъ деревня превратилась въ чешскую, какъ скоро сосѣднія поселенія представляютъ преобладаніе элемента туземнаго — чешскаго. И нисколько не удивительно, послѣ этого, что чешскихъ образованныхъ патриотовъ не столько занимаетъ уже вопросъ объ опасности народности чешской подъ вліяніемъ обильной колонизаціи нѣмецкой, на которую возлагало упоительныя надежды правительство, сколько тѣшить мысль, что время самымъ естественнымъ образомъ можетъ возстановить народность чешскую на всемъ пространствѣ земли Чешской.

Около 12 часовъ, лишь только успѣлъ я добраться до своей комнаты въ гостинницѣ, пришелъ ко мнѣ профессоръ Сметана, въ сопровожденіи одного изъ своихъ товарищей, преподавателя въ той же гимназіи чешскаго языка и чешской литературы, г. Карлика. Письмо, оставленное мною въ комнатѣ Сметаны и отмѣтка на немъ, гдѣ я остановился, давали ему полную возможность удовлетворить своему нетерпѣливому желанію поскорѣе увидѣться съ заѣзжимъ Руссомъ; а добродушная рекомендація друга его, Ганки, которую встрѣтилъ онъ въ этомъ письмѣ, отнимала у старика, пережившаго всѣ степени австрійско-полицейскаго надзора, и тѣнь подозрительности на счетъ характера рѣдкаго для Пльня гостя. Знакомство наше, благодаря рекомендаціи, установилось быстро; достаточно было произнести другъ другу имена свои, и мы разговоривали уже какъ давно знакомые, занятые одинаковыми интересами и одинаково смотрѣвшіе на окружающую атмосферу. Эта бесѣда, продолжавшаяся вплоть до моего отъѣзда, въ шесть часовъ вечера, останется навсегда мнѣ памятною, какъ по характеру новыхъ знакомыхъ, такъ и по предмету и по его направленію въ разговорѣ.

Профессоръ Сметана принадлежитъ къ числу ветерановъ въ чешской литературѣ и въ *народной жизни* Че-

ховъ. Его имя стоитъ на ряду съ именами Ганки, Шафарика и другихъ, хотя проживаніе его, большею частью, въ провинціи, и почти исключительное педагогическое направленіе и не сдѣлало этого имени столь же извѣстнымъ вдали отъ Чехіи, какъ извѣстны имена послѣднихъ. Но это ни мало не ослабило уваженія къ Сметанѣ въ Чехахъ, которые высоко цѣнятъ заслуги его въ воспитаніи молодаго поколѣнія и въ приготовленіи его къ той общественной дѣятельности, какая съ каждымъ годомъ ярче и сильнѣе ведетъ къ благоденствію народъ Чешскій. Сметана показался мнѣ на видъ весьма уже пожилымъ человѣкомъ: я забылъ спросить его о годѣ рожденія, но тридцать лѣтъ профессорства достаточно могутъ свидѣтельствовать о томъ, что ему далеко уже за пятьдесятъ лѣтъ. Большая старость по внѣшнему виду едва-ли не зависитъ отъ слабости его организма и отъ частыхъ болѣзней, которыя мучаютъ его съ давнихъ поръ. Не задолго до моего съ нимъ свиданія, онъ только что освободился отъ слѣпоты на одинъ глазъ, которая тѣмъ была для него чувствительнѣе что и другой глазъ не отличался особенною крѣпостью, и постоянно заставлялъ за себя опасаться. Старикъ еще не вполне освоился съ своимъ счастьемъ, и неоднократно, среди разговора, выражалъ свою радость и восторгъ. Глядя на этого человѣка, полнаго душевной доброты и теплоты, слушая его тихій и кроткій голосъ, соображая, наконецъ, неизмѣнную его преподавательскую дѣятельность, ограниченную гимназіей, я не могъ не поражаться изумленіемъ отъ подозрительности австрійской: что же тутъ-то могла найти заботливая полиція заслуживающаго неусыпнаго съ ея стороны попеченія? И образъ Сметаны, его взглядъ на жизнь и народныя отношенія всего ярче подтвердили давно слышанную мысль, что свѣтъ и добро, любовь и честь, противны австрійскому духу: онъ боится этихъ качествъ, гонитъ ихъ отъ себя, безъ сомнѣнія, потому, что ни въ одной части своего существа не

имѣть ничего имъ соответствующаго. И сколько долженъ былъ вынести стѣсненій и этотъ человекъ, не избавившись отъ нихъ даже и тогда, когда предметъ преподаванія его перешелъ отъ словесности и всеобщей исторіи, особенно опасныхъ для такихъ голо-форменныхъ правительствъ, каково австрійское, на математику, физику и естественную исторію, гдѣ мысль не выходитъ, обыкновенно, изъ круга спеціальныхъ и положительныхъ данныхъ. По крайней мѣрѣ, и при свиданіи со мною, Сметана не разъ давалъ мнѣ замѣтить, что онъ далеко еще не освобожденъ изъ-подъ опеки полицейской. И что послужило поводомъ этой тягостной опеки, не покидавшей своего пациента даже и въ такую пору его жизни, когда и самый славный врачъ тѣла нашелъ бы излишнимъ лекарство и предоставилъ бы его естественному ходу? Руководство по астрономіи, изданное Сметаною въ 1837 году, равно и руководство по физикѣ, появившееся въ 1842, конечно, не въ состояніи были вызвать ее; но Сметана имѣлъ благодѣтельную мысль напечатать, въ 1834 году, всеобщую исторію, бывшую, до 1849 года, руководствомъ въ чешскихъ гимназіяхъ; и какъ эта исторія есть исторія, а не подборъ и извращеніе фактовъ, съ цѣлію показать великія заслуги въ развитіи человечества Австріи, тотъ подборъ, которымъ столь насильственно стало душивать правительство своихъ подданныхъ, со времени спасенія своего отъ предсмертной агоніи въ 1848—1849 годахъ, то и понятно, что авторъ не остался безъ подозрѣнія въ замыслахъ, хотя и понятнымъ для одной австрійской цензуры; и хотя руководство это и давно замѣнено другими, всецѣло согласными съ видами правительства, другими словами—вполнѣ противными интересамъ истины и требованіямъ здраваго смысла, но такъ тверда память у административныхъ лицъ Австріи, что и послѣ этого авторъ стараго руководства не былъ исключенъ изъ списка лицъ сомнительныхъ, если не прямо преступныхъ своимъ образомъ мыслей. Не могло не

содействовать большей прочности и напряженности памяти и то обстоятельство, что Сметана, подобно наибольшей части низшаго духовенства чешскаго, не только самъ глубоко проникнуть любовію къ своему народу, желаніемъ и готовностью приносить ему посильную пользу, но и сообщеніемъ той же любви каждому, съ кѣмъ бы привела судьба столкнуться ему. Само собою понятно, что такое сообщеніе всего явственнѣе отражалось на молодомъ юношествѣ, выходявшемъ изъ рукъ Сметаны. Страннымъ покажется съ обще-правительственной точки зрѣнія, и это нерасположеніе, даже ненависть Австріи къ любви между ея подданными къ своей народности. Въ этой любви, по крайней мѣрѣ у большинства народовъ австрійскихъ, тѣмъ болѣе у Чеховъ, нѣтъ ничего разрушительнаго, даже опаснаго для правительства. Она направлена лишь на то, что возвысить и облагородить, совокупно съ народомъ, составляетъ первую обязанность и самаго правительства. Чехъ хочетъ быть Чехомъ; въ чешскомъ духѣ, съ чешскимъ языкомъ; подѣ чешскимъ начальствомъ хочетъ развиваться онъ и умственно, и нравственно и экономически. Въ желаніи этомъ не было и нѣтъ мысли о какой-либо политической отдѣльности, о разорваніи связей съ существующимъ правительствомъ и объ отрѣшеніи отъ цѣлости государственной. И неужели же такому желанію должно и станетъ противодействовать какое бы то ни было правительство! Неужели оно подмѣтитъ какой-либо для себя расчетъ въ запрещеніи народу быть тѣмъ, чѣмъ созданъ онъ Творцемъ, и чѣмъ онъ себя чувствуетъ, въ жестокомъ подавленіи его языка, въ насильственномъ вдавленіи чужаго и въ повсюдномъ размѣщеніи иноязыческаго чиновничества, не связаннаго ни чѣмъ другимъ съ управляемымъ народомъ, кромѣ взаимнаго недовѣрія, недоброжелательства и часто вражды взаимной? Такой способъ дѣйствія могъ еще быть, если не извиненъ, то, по крайней мѣрѣ, терпимъ народомъ въ ту пору, когда въ немъ не развилось сознаніе

своей народной отдѣльности и разумно-сознательнаго желанія поддержать эту отдѣльность, но въ настоящее время онъ можетъ только указывать на отсталость представителей правительства, или на крайнюю степень умственнаго упорства, мѣшающаго сообразить всю безполезность и непримѣнимость къ жизни застарѣлыхъ ихъ стремлений—все подвести въ государствѣ, при всемъ разнообразіи составныхъ его частей, къ одному народному уровню. И не смотря на это, Австрія продолжаетъ идти по избитой своей колеѣ, по прежнему гонить и давить всякое проявленіе заботливости своихъ подданныхъ о ихъ народности, какъ бы ни было оно благотворно и спасительно: затхлыя начала германизациі и теперь еще имѣютъ въ Австріи старое значеніе. Понятно, что, при такомъ настроеніи, правительство считаетъ обязанностью особенно строго слѣдить за тѣми лицами, которые успѣли снискать расположеніе народа, стать во главѣ его и сдѣлаться его руководителями. Вотъ почему еще и профессоръ Сметана, пользующійся почтенною извѣстностью между Чехами, какъ истинный патріотъ, не могъ лишиться опеки полицейской. Вы, быть можетъ, спросите, за чѣмъ же австрійское правительство дозволяетъ такимъ людямъ занимать мѣста и должности, гдѣ вліяніе ихъ, столь противное видамъ политики австрійской, можетъ преимущественно отличаться и силою и объемомъ, какъ въ званіи преподавателя гимназіи. Но тутъ-то и есть единственно отрадная сторона страшнаго конкордата, которую просмотрѣло правительство. Съ подданными свѣтскими оно никогда не признавало нужнымъ церемониться, и, при малѣйшемъ подозрѣніи, свободно упраздняло ихъ, замѣняя безответными своими приверженцами, не стѣсняясь, разумѣется, безполезностью, а часто и положительнымъ вредомъ отъ такой замѣны для самаго дѣла. Но съ челоувѣкомъ духовнымъ, поставленнымъ почти внѣ всякой зависимости отъ свѣтской власти, поступать такъ безцеремонно нельзя, и если не невозможно дѣйствовать съ цѣлю устра-

ненія его отъ должности, то крайне затруднительно. Необходимо обратиться къ посредству духовнаго вѣдомства, а представителямъ послѣдняго вполне достаточно, ежели подчиненное лице принадлежитъ къ числу вѣрныхъ католиковъ, и ведетъ свою паству, или дѣйствуетъ вообще на народъ, согласно съ интересами католичества. Здѣсь-то и лежитъ первая причина и объясненіе того, что главными дѣятелями въ народномъ образованіи въ Чехіи и Моравіи являются лица духовныя; имъ по преимуществу принадлежитъ и заслуга въ пробужденіи народнаго самосознанія и народной самостоятельности: люди свѣтскіе въ состояніи были лишь помогать, и притомъ только тѣ, кого судьба избавила отъ необходимости искать поддержку въ существованіи среди скуднаго чиновничества австрійскаго. Этотъ народный характеръ въ духовенствѣ чешско-моравскомъ составляетъ довольно оригинальное явленіе въ мірѣ католическомъ; по крайней мѣрѣ, исторія въ наибольшей части странъ, и во всѣ вѣка предлагаетъ намъ скорѣе примѣры отдѣльности духовенства католическаго отъ интересовъ народныхъ, сопровождаемой нерѣдко враждою и борьбою противъ нихъ, и родомъ въ Чехіи и Моравіи едва ли не слѣдуетъ считать тотъ здравый раціонализмъ, начало котораго восходитъ къ эпохѣ Гуссовой реформаціи, столь свѣжо остающейся въ преданіи народа въ обѣихъ странахъ и по сіе время, и который, подорвавши глухой фанатизмъ среднихъ вѣковъ, привелъ въ столь близкое соотношеніе цѣли религіозныя съ цѣлями народности. Этому раціонализму и обязана Чехія прямымъ и правильнымъ взглядомъ своего духовенства на всѣ условія жизни народа, и вмѣстѣ тѣмъ, что ея духовные, съ рѣдкими исключеніями, служатъ вожаками Чеховъ при всякомъ общепольномъ предпріятіи. *

* Вотъ причина, почему Славяне вступаются за конкордатъ и желаютъ его сохранения. *Ред.*

Можно, послѣ всего этого, понять, каковъ по образѣ мыслей долженъ былъ быть и г. Карликъ, приведенный г. Сметаню. Ему не болѣе, казалось мнѣ, тридцати пяти лѣтъ; лице свѣжее, съ чисто славянскимъ типомъ; сыновняя заботливость о болѣзненномъ сотоварищѣ, любовь и уваженіе къ нему, обнаруживавшіяся при каждомъ взглядѣ на него, при всякомъ обращеніи къ нему, указывали очень явственно на путь, по которому онъ считалъ достойнымъ и полезнымъ слѣдовать. Въ каждой мысли его, въ каждомъ словѣ можно было замѣтить, что на свое назначеніе смотрѣлъ онъ, какъ на священный первой важности долгъ свой.

Къ величайшему моему удивленію, разговоръ и тутъ начался съ того же самаго предмета, какъ и въ Непомукѣ, т.-е. съ азбуки и литературнаго языка для всѣхъ Славянъ. Сужденія этихъ людей, какъ и болѣе и специально развитыхъ и образованныхъ въ литературѣ, языкѣ и исторіи, отличались уже и большею разносторонностью и бѣльшимъ вниманіемъ къ мѣстнымъ условіямъ каждаго народа славянскаго. Впрочемъ, послѣдній результатъ оставался тотъ же, необходимость принять кириллицу и безспорное превосходство языка русскаго. Большая часть времени прошла въ распросахъ съ ихъ стороны о Россіи и русской жизни и въ моихъ на нихъ отвѣтахъ. Уже не первый разъ приходилось Сметанѣ встрѣчаться съ русскими людьми, путешествовавшими, подобно мнѣ, среди славянскихъ народовъ: онъ съ необыкновеннымъ наслажденіемъ вспоминалъ о своемъ знакомствѣ съ гг. Бодянскимъ, Срезневскимъ и Прейсомъ, и неоднократно прибѣгалъ къ сравненію извѣстій о нашемъ отечествѣ, добытыхъ отъ нихъ, съ тѣми, какія передавались мною. И съ какимъ дѣтскимъ восторгомъ радовался онъ, какъ скоро замѣчалъ въ этомъ сравненіи какой-либо успѣхъ современнаго развитія, сравнительно съ прежними, довольно уже отдаленными годами. Болѣе всего занималъ ихъ

вопросъ о распространѣніи свѣдѣній въ Россіи о Славянахъ и о положеніи дѣла крестьянскаго. Старику казалось, что при существованіи каедръ славянскихъ литературъ почти во всѣхъ нашихъ университетахъ, при нерѣдкому путешествіи специалистовъ и неспециалистовъ изъ Русскихъ къ Славянамъ, знакомство съ послѣдними должно быть очень распространено и подробно въ Россіи, и тѣшилъ этимъ, какъ ребенокъ, готовый видѣть скорѣе и благодѣтельное осуществленіе тѣхъ плановъ и мечтаній, къ какимъ невольно возбуждала безотрадная мѣстная современность и вниманіе къ могущественной самостоятельности и независимости соплеменнаго востока. Онъ не зналъ, что мысль о славянствѣ далеко еще не у всѣхъ Славянъ получила право гражданства въ обществѣ, и что для укорененія новой идеи, хотя и ближайше родственной, непосредственно относящейся къ собственной жизни, необходимо еще очистить почву, переполненную хотя и чужеродными растеніями, но пустившими уже на ней глубокіе корни. Разсыпаясь оба непритворными благодарностями русскому правительству за вспоможеніе русскимъ людямъ, ѣдущимъ въ славянскія земли, за участіе его къ наукѣ славянской и за возможность, какую этимъ оно даетъ остальнымъ Славянамъ покороче узнать Россію и сблизиться съ своими единоплеменниками, они, въ тоже время, съ грустью выставляли незавидность своего собственнаго положенія. Сметана почти сквозь слезы повторялъ: какъ бы я былъ счастливъ, если бы мнѣ удалось хотя взглянуть однимъ глазомъ на Русь, но это невозможно; невозможно даже и въ томъ случаѣ, еслибы я самъ имѣлъ средства и молодое здоровье. Вотъ я теперь вижусь съ вами въ первый, и ужъ разумѣется въ послѣдній разъ. Мнѣ было очень тяжело смотрѣть на расстрогавашаго старца, и я очень былъ доволенъ, что имѣлъ въ запасъ возраженіе, которое облегчило и даже развеселило Сметану: «съ И. И. Срезневскимъ вы, конечно, полагали также никогда больше не увидѣться,

замѣтилъ я, а вотъ не угодно ли недѣли черезъ двѣ проѣхать въ Прагу для свиданія съ нимъ». Извѣстіе о вторичномъ пріѣздѣ къ Чехамъ г. Срезневскаго удивительно какъ отрадно подѣйствовало на стараго его знакомаго, и онъ не находилъ словъ для восхваленія нашего правительства, когда я присоединилъ, что въ настоящее время почти постоянно проживаютъ въ Прагѣ три или четыре Русса; одни не успѣютъ еще уѣхать, какъ уже являются другіе.

Въ самомъ началѣ еще разговора нашего, мы перешли въ общую, довольно простую, хотя и чистую, комнату гостинницы. Здѣсь сидѣло нѣсколько поселянъ, разговаривавшихъ между собою послѣ обѣда, за кружками пива. При появленіи г. Сметаны, они встали, и радушно привѣтствовали его, какъ стараго и уважаемаго знакомаго. Послѣдній не замедлилъ представить имъ меня, какъ гостя изъ Россіи, выучившагося уже и говорить по-чешски. Замѣтивши какое-то сомнѣніе со стороны поселянъ въ дѣйствительности знанія мною языка чешскаго, я тѣмъ скорѣе считалъ приличнымъ обратиться къ нимъ съ объясненіемъ легкости для каждаго Славянина изучить языкъ другихъ Славянъ, и показавъ при этомъ въ нѣсколькихъ примѣрахъ близость и тожество русскаго языка съ чешскимъ. Довольство ихъ было невыразимо, и они тотчасъ же поспѣшили выразить его по-славянски въ звучныхъ поцѣлуяхъ и въ предложеніи выпить съ ними кружку пива за здоровье всѣхъ Руссовъ. Всѣ вмѣстѣ сѣли мы за одинъ столъ. Продолжая здѣсь бесѣду съ г. Сметаной и Карликомъ, я не могъ не замѣтить напряженнаго вниманія, съ какимъ вслушивались поселяне въ каждое мое слово, не скупясь на снисходительныя похвалы моему умѣнью выражаться по-чешски. Видно было, что ихъ весьма интересовали свѣдѣнія о Россіи, какъ ни были онѣ бѣглы и отрывочны въ разговорѣ моемъ. Но вниманіе ихъ было молчаливымъ до тѣхъ поръ, пока не окончилъ я извѣстія о частомъ пріѣздѣ изъ Россіи въ Прагу и о

постоянномъ проживаніи въ ней кого-нибудь изъ Русскихъ. Вслѣдъ за этимъ, одинъ изъ поселянъ, довольно уже старій по виду, придвинулся ко мнѣ поближе, и обратился съ такими словами: «Чеховъ не можетъ не утѣшать прїѣздъ Русскихъ въ Чехію; этимъ поддерживается духъ нашъ, потому что мы видимъ, что не стоимъ уже совершенно отдѣльно отъ своихъ соплеменниковъ, съ распростертыми объятіями приняли бы мы ицѣлыя полки казачковъ вашихъ, о которыхъ осталось во мнѣ столь ясное воспоминаніе еще отъ 1813 года, когда былъ я ребенкомъ; намъ только хотѣлось бы знать, дѣйствительно-ли ваши крестьяне освободятся отъ рабства», — поселянинъ употребилъ при этомъ случаѣ слово *otroctwv* (рабство): въ какой степени справедливъ онъ, предоставляю судить другимъ; я могу только за свидѣтельствовать, что понятіе его о крѣпостномъ состояніи въ Россіи самое ужасное. «Мы ходили въ церковь молиться Богу за вашего Цесаря, когда услышали въ первый разъ о его рѣшимости уничтожить это рабство, продолжалъ Чехъ, но, вотъ, теперь снова смущаемся, читая въ *новинахъ швабскихъ* (т. е. въ нѣмецкихъ газетахъ) постоянныя увѣренія, что изъ этого ничего не выйдетъ, что будто Русскій народъ не готовъ еще къ свободному состоянію, и что шляхта (дворянство) не хочетъ и слышать объ освобожденіи, такъ что и самъ Цесарь поколебался.» Дѣйствительно—и австрійскія нѣмецкія газеты, какъ *Presse*, *Wiener Zeitung*, *Tagessbot*, *Bohemia* и др., и нѣкоторыя германскія, какъ *Аугсбургская Allgemeine Zeitung*, зимою и весною 1860 года неоднократно помѣщали на своихъ столбцахъ подобныя увѣренія, не скупясь при этомъ на остроты и пошлыя насмѣшки на счетъ нашего востока. Цѣль такого образа дѣйствій уяснится сама собою, какъ скоро читатель сообразитъ участіе и сочувствіе къ русско-крестьянскому вопросу въ огромномъ славянскомъ населеніи Австріи, изъ котораго я привожу только одного собесѣдника своего въ Пльнѣ. Для австрійскаго правительства, заботящагося лишь

о томъ, какъ-бы покрѣпче сдавить германскими цѣпями разнообразныя свои народности, конечно, было-бы очень пріятно, еслибы крѣпостное состояніе у насъ еще ухудшилось: тогда; покрайней мѣрѣ, могло-бы оно давать болѣе удовлетворительный для своихъ расчетовъ, и болѣе дѣйствительный отвѣтъ обращеннымъ къ востоку взорамъ многомилліонныхъ своихъ славянскихъ подданныхъ. Чтеніе газетъ русскихъ, получавшихся мною особеннымъ путемъ въ Прагѣ, давало мнѣ полный просторъ опровергнуть нѣмецкія извѣстія о ходѣ дѣла крестьянскаго, и указать на непрерывное и успѣшное его движеніе, въ непродолжительномъ и окончаніи котораго эти газеты не давали никакого повода къ сомнѣнію. Это увѣдомленіе подѣйствовало пріятно на всѣхъ Чеховъ, и они одинъ за другимъ съ усмѣшкою замѣтили, что привыкли уже не вѣрить своимъ газетамъ, какъ скоро дѣло въ нихъ касается Россіи. «Особенно крымская война отбила у насъ охоту читать газеты нѣмецкія (австрійскія).» «Да и страннымъ казалась намъ неготовность народа къ свободѣ, продолжалъ тотъ-же пожилой поселянинъ; вѣдь онъ никогда и не будетъ готовымъ, пока не сдѣлается свободнымъ. Мы испытали это на себѣ, хотя *рабство* у насъ было и слабѣе вашего. Тотъ, кто помнитъ положеніе наше лѣтъ пятнадцать назадъ и сравнитъ съ нынѣшнимъ, и не повѣритъ, чтобы въ такое непродолжительное время можно было до такой степени измѣниться. А все отъ того, что мы получили возможность дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію въ жизни. Да еще у насъ недостатокъ въ землѣ и съ каждымъ годомъ увеличивающіеся до истощенія народнаго налога; а у васъ не хватаетъ и рукъ, чтобы обработать всю удобную землю, да и налоги, слышимъ мы, затруднить развѣ одного лежебоку. Вотъ почему и думаемъ мы, что съ уничтоженіемъ рабства у васъ явится жизнь новая во всемъ, и образуется такая сила, какой міръ и не видывалъ. Этого-то и боятся Нѣмцы, привыкшіе смотрѣть на Русь какъ на страну, откуда могутъ они извлекать

богатства, пользуясь несвободою народа тамошняго; боятся не мало и потому еще, что съ свободою, а съ тѣмъ вмѣстѣ и съ большимъ образованіемъ у васъ, не такъ будетъ легко имъ обращать все на свои выгоды и у насъ.» Меня не поражали такія, на нашъ глазомѣръ странныя, понятія Чеха, это поставленіе въ связь собственнаго положенія съ нашимъ, столь отличнымъ и по мѣсту, и по условіямъ правительственнымъ, и по воззрѣніямъ образованнаго общества, не поражали потому, что мнѣ давно уже стало извѣстнымъ возведеніе любви къ славянству Чехами до какой-то идеальности, или справедливѣе не отличеніе сознанный и высоко оцѣненной собственной народности отъ народности общей цѣлаго племени. Не дивился я и тому, что такой взглядъ отражался въ разговорѣ простолюдина: какъ обыкновенно случалось мнѣ встрѣчать въ деревенскихъ жителяхъ Чехіи людей, знающихъ отчетливо политическое положеніе дѣла въ Европѣ и далѣе, выписывающихъ газеты и журналы, имѣющихъ, какъ необходимую принадлежность, и, хотя не большую, бібліотеку, слѣдящихъ за улучшеніями и нововведеніями въ сельскомъ хозяйствѣ, по всѣмъ его отраслямъ, и даже не рѣдко посылающихъ свои собственные наблюденія и разсужденія въ газеты и журналы! Я зналъ уже давно, что, напримѣръ, сельско-хозяйственная газета, издаваемая въ Прагѣ докторомъ Кодымомъ, едва-ли не въ цѣлой половинѣ своей наполняется статьями поселянъ, которые тѣмъ болѣе умножаютъ число деревенскихъ подписчиковъ, чѣмъ непосредственнѣе поддержаніе ихъ касается дѣла, и чѣмъ общепонятнѣе онѣ для простолюдина. Образцевыя школы и славянолюбивыя наставники, при всѣхъ препятствіяхъ со стороны нѣмецкаго начальства, при всемъ неумолимомъ правительственномъ шпіонствѣ, сдумѣли искусно пропустить въ массу основательныя свѣдѣнія о славянствѣ, и изъ разрозненной старинной исторіи его выяснитъ мысль о необходимости другихъ началъ въ современныхъ отношеніяхъ между Сла-

вянами: Такое направленіе замѣтно, въ большей или меньшей степени, почти у всѣхъ Славянъ австрійскихъ; у Чеховъ, положившихъ начало этому направленію, оно является въ настоящее время основой, краеугольнымъ камнемъ воспитанія. И что же удивительнаго, послѣ этого, если наша Крымская война, во все время, держала въ самомъ напряженномъ состояніи умы особенно Чеховъ, вызывала въ нихъ постоянно живѣйшій интересъ каждымъ своимъ поворотомъ, и вертѣла ихъ настроеніями въ той же, быть можетъ, мѣрѣ, въ какой отзывались разнообразныя фазы ея тамъ, гдѣ ближе всего касалась эта война. Напряжение Чеховъ не могло не усиливаться и отъ всеобщаго недовѣрія къ туземнымъ газетнымъ извѣстіямъ, и отъ непрерывныхъ поисковъ точныхъ свѣдѣній другими путями. «Намъ казалось невѣроятнымъ каждое свѣдѣніе о неудачѣ Русскихъ, говорили Чехи мнѣ, мы не хотѣли, въ такомъ случаѣ, вѣрить и тому, что оправдалось потомъ, какъ несомнѣнная дѣйствительность; и какъ будто сами мы терпѣли черезъ это величайшее несчастіе! Да и правда, что терпѣли, потому что за каждымъ разомъ замѣчали бѣольшую надменность и навязчивость Нѣмцевъ. И наоборотъ, какъ радовались мы побѣдѣ вашей, какъ скоро доносилась до насъ устная вѣсть о ней: газеты наши въ такомъ случаѣ или молчали, или даже безсовѣстно опровергали. Сколько народу ходило тогда въ церковь благодарить Бога, и сколько выпивалось пива за ваше здоровье! Взятіе Малахова поразило насъ какъ громомъ, мы плакали въ тихомолку, думая, что врагамъ славянства удалось сдавить и послѣдній оплотъ славянства. Теперь, слава Богу, видимъ, что тогдашняя боязнь наша была напрасна; не вредъ принесли вамъ, а черезъ то и намъ, враги, а скорѣе пользу: вѣдь и важное дѣло объ уничтоженіи рабства-то, какъ слышно, началось не безъ вліянія этой войны.» Въ такомъ тонѣ передавали Чехи впечатлѣнія и чувства свои во время нашей крымской войны. Не вѣрить имъ было невозможно для

меня, какъ по ихъ характеру и лѣтамъ, такъ и потому, что подобныя вещи приходилось мнѣ слышать и отъ достовѣрнѣйшихъ людей въ Прагѣ. Тутъ же услышалъ я подтвержденіе и извѣстнаго уже мнѣ прежде замѣчательнаго случая, какъ одинъ Чехъ, пораженный извѣстіемъ о взятіи Малахова кургана, сошелъ съ ума и теперь еще содержится въ домѣ сумасшедшихъ.

Между тѣмъ время приближалось и къ сроку моего отъѣзда. Билетъ въ дилижансъ былъ взятъ у меня еще утромъ, и я, простившись съ чешскими поселянами, въ сопровожденіи гг. Сметаны и Карлика, направился къ мѣсту его отправленія. На дорогѣ, почтенный старикъ зашелъ къ себѣ домой, и воротившись, вынулъ изъ кармана небольшую тетрадку и передалъ ее мнѣ съ слѣдующими словами: «вотъ вамъ мое стихотвореніе, если хотите, цѣлая поэма, написанная мною въ слѣдъ за извѣстіемъ о смерти Императора Николая; въ ней высказалъ я чувства истинныхъ Чеховъ, какими переполнены они были въ ту пору. Конечно, при нашемъ положеніи не можетъ быть и мысли объ обнаруженіи этого стихотворенія; не входила никогда цѣль эта и въ мою голову; никто и изъ Чеховъ не знаетъ о немъ, — для васъ-же пусть послужитъ оно свидѣтельствомъ того, какъ смотрѣли мы на эту войну.» Я поблагодарилъ автора за дорогой подарокъ уже при самомъ дилижансѣ. Оба профессора осмотрѣли мое мѣсто, поглядѣли нѣсколько разъ въ окно, какъ я усѣлся, и съ словами: «*Záchovej vás rap Vůh*», отошли отъ тронувашагося съ мѣста экипажа.

Какъ ни прекрасенъ былъ вечеръ, какъ ни много увлекательныхъ красотъ представляла мѣстность, но я не въ силахъ былъ удержаться отъ любопытства, поскорѣе познакомиться съ врученнымъ мнѣ стихотвореніемъ г. Сметаны, и, вскорѣ по выѣздѣ изъ города, занялся его чтеніемъ. Окончилъ я это чтеніе, когда уже совершенно смерклось, и мнѣ, въ отсутствіи сосѣдей, ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ предаться сну. Проснулся я

часовъ въ семь утра, когда мы подъѣхали уже къ Прагѣ, когда начался утомительный процессъ обыска. Австрійское правительство, среди неумолкныхъ своихъ поисковъ новыхъ налоговъ, довольно давно установило и этотъ процессъ въ центральныхъ городахъ всѣхъ своихъ разнообразныхъ земель. Обыскъ касается преимущественно съѣстныхъ продуктовъ, безъ различія свойства ихъ и количества. Вѣрные своей должности чиновники и служители съ необыкновенною ревностью разсматривали дорожные мѣшки, чемоданы и другія вмѣстилища принадлежностей людей дорожныхъ. Я слышалъ, какъ задавались строгіе вопросы относительно булокъ, яицъ, жареныхъ курицъ и т. под., не могъ и не видѣть, какъ нѣкоторыхъ водили съ остатками дорожныхъ съѣстныхъ запасовъ въ близъ стоящій небольшой домикъ къ главному чиновнику, откуда возвращались они съ облегченными отъ взятыхъ въ штрафъ крейцеровъ и шестаковъ кошельками. Во всемъ этомъ, понятно, слишкомъ мало занимательности; а для меня не было ничего и удивительнаго послѣ того, какъ не разъ приходилось мнѣ быть свидѣтелемъ въ Прагѣ, какъ бралась пошлина съ бѣдныхъ деревенскихъ женщинъ за ягоды, которыя приносили онѣ на продажу въ городъ, въ небольшихъ корзинкахъ. Я уже зналъ, что Австрія беретъ пошлину и съ нищихъ, за право просить милостыню. Отсутствие занимательности тутъ я нахожу возможнымъ вознаграждать подробною передачею мыслей прочитаннаго мною въ дорогѣ стихотворенія г. Сметаны: пусть оно будетъ заключеніемъ и настоящаго моего описанія, какъ было, на самомъ дѣлѣ, послѣднимъ удовольствіемъ моимъ во время перваго выѣзда изъ Праги.

Стихотвореніе, подъ заглавіемъ: *Русская война 1854—1856 годовъ*, состоитъ изъ 549 стиховъ, и раздѣлено на 6 пѣсень. Первая пѣсня, подъ именемъ: *Печаль Славянъ* (*Stiznost Slavy*), изображаетъ тоску богини Славы, поэтически олицетворенной матери народовъ славянскихъ, и ея просьбу передъ Перуномъ помочь несчастнымъ

дѣтямъ ея, Славянамъ, которыхъ окончательно собрался погубить лютый врагъ ихъ Чернобогъ. Такимъ образомъ, начало войны, равно и вся политическая обстановка, связываются поэтомъ съ мифологіею славянской; эта связь проходитъ по всей первой пѣсни, отражаясь въ душевномъ настроеніи Славы, которымъ начинается поэма, въ ея путешествіи къ Перуну и въ бесѣдѣ съ послѣднимъ. Но мы постараемся, хотя и съ нѣкоторыми сокращеніями, привести въ русскомъ переводѣ собственные слова поэта:

«Печальна Слава; тихо въ священной рощѣ; не поютъ больше грустныя Вилы, не плескаются на голубомъ озерѣ и веселыя Русалки. Одинокая сидитъ Слава на золотомъ своемъ креслѣ, внутри храма, склонивши божественную голову и подперши бѣлоснѣжною рукою чело, покрытое черными думами. Долго сидитъ она и долго тоскуетъ, вскакиваетъ, какъ лань, и быстро спѣшитъ изъ липовой рощи; вступаетъ на голубой небесный сводъ; украшенный золотыми звѣздами и, пробираясь между ними, достигаетъ до священнаго сѣдалища Перуна, обзрѣвающего съ алмазнаго своего престола небо и землю.

Поклонилась передъ престоломъ Слава и съ такою рѣчью обратилась къ Перуну: Отецъ, господинъ всего міра, выслушай печаль горестной дочери и утѣшь мое сердце, разрывающееся отъ жалости. Я всегда была тебѣ покорна; дѣти же мои чтили тебя передъ всѣми богами, строя тебѣ величественныя храмы и принося обильныя жертвы. А ты равнодушно смотришь на то, какъ Чернобогъ губитъ мое племя изъ мщенія, что я отказала ему въ рукѣ своей, предпочитая Святовита. Послѣдній, хотя и могущественъ, но не въ силахъ охранить моего народа, если ты отвернешься отъ него, потому что Чернобогъ имѣетъ много друзей между богами, которые завидуютъ широкому моему господству на землѣ. Погляди на нее; тамъ милая моя Русь; посмотри, какія безчисленныя толпы враговъ стремятся на нее со всей Европы: гордый Бриттъ отправляетъ флотъ, какого не видали до сихъ поръ;

правитель Франковъ высылаетъ страшныя войска, намѣреваясь отмстить за то, что нѣкогда на святой Руси поразилъ его дядю Святovitъ. И Ракушана (Австрійца), такъ недавно спасеннаго отъ гибели дѣтми моими, сманилъ Чернобогъ на союзъ съ невѣрнымъ Туркомъ и на гибель благодѣтеля. И это не все; за двуглавымъ орломъ (австрійскимъ) летитъ стадо малыхъ жадныхъ хищныхъ птицъ, — каждая остритъ противъ Руси свой клювъ. Развѣ можетъ она, хотя и великая силою, защищаться отъ всѣхъ одинокая? Видно и она также, какъ многія дѣти мои, подпадетъ рабству, въ которомъ и погибли многія жалостно, а другія умираютъ уже подъ чуждымъ ярмомъ, оторванныя отъ материнскихъ грудей, не кормленныя сладкимъ молокомъ ея, не оберегаемыя нѣжною рукою ея. Взгляни, отецъ, на горькія слезы мои: не дай погибнуть роду моему, встань и отмсти скорѣе Чернобогу».

«Сотри, дочь, слезы съ глазъ своихъ, непристойно проливать ихъ передо мною тебѣ, знающей, что все, что ни дѣется, ведетъ къ доброму рука моя, хотя и закрытая глазамъ смертныхъ. Пострадало, правда, племя твое; но не по волѣ боговъ, а по собственной винѣ; за то, что не въ согласіи враждовало другъ противъ друга, ожидая добра отъ чужеземцевъ. Нынѣ сообщу я имъ рѣшеніе, что въ нихъ самихъ лежитъ спасеніе; и ежели подадутъ они другъ другу согласныя руки, то и Чернобогъ не повредитъ имъ, потому что сила его лишь въ раздорахъ, узъ же единства не перервать ему. Поэтому не мучь сердца жалостью, дочь моя, иди и объяви дѣтямъ своимъ волю мою.»

Вторая пѣсня, подъ именемъ *Промѣи*, переноситъ богиню Славу на землю, къ бану Еллагичу, которому передаетъ она повелѣніе Перуна, и посылаетъ его къ императору просить о поддержаніи мира съ Русью, чтобы не могли, въ противномъ случаѣ, братья поднимать свой мечъ на братьевъ. Особенно ярко очерченъ въ этой пѣснѣ императоръ Францъ Юсифъ, какъ представитель *славной* габсбургской политики.

«Спѣшитъ Слава съ вершинъ небесныхъ отъ Перуна; звѣзды колеблются подъ ея ногами; отъ быстрыхъ шаговъ ея сыплются съ нихъ искры, падаютъ внизъ и гаснутъ въ морѣ: Чтобы исполнить приказаніе отца, спускается она на луну, съ луны по лучу, какъ по лѣстницѣ, сходитъ на землю къ Еллагичу бану: «Милый сынъ, угрожаетъ опасность; война съ Руссами; Славянинъ на Славянина, братъ на брата долженъ поднять мечъ. Братоубійство противно богамъ; согласіе повелѣваетъ хранить Перунъ. Поэтому спѣши къ престолу императорскому, проси, чтобы избавилъ онъ васъ отъ мести боговъ, принявъ руку, подаваемую къ миру. Такъ сказавши богатырю, отправилась Слава въ блаженное свое жилище.

Стоитъ молодой императоръ въ комнатѣ своей, опершись правою рукою о столъ, покрытый военными планами; въ лѣвой держитъ письмо, которое только что читалъ, и, задумавшись, долго смотритъ передъ собою. «Царь пишетъ мнѣ, чтобы я помнилъ обѣщаніе, данное въ Варшавѣ и Ольмюцѣ? Развѣ мнѣ нужно, чтобы кто-нибудь другой напоминалъ мнѣ о какомъ-то ольмюцкомъ обѣщаніи? Напрасная угроза: восемь-сотъ тысячъ сильныхъ штыковъ охраняетъ престолъ мой; пять-сотъ милліоновъ дано добровольно; злоумышленная сторона подавлена; каждая искра противодѣйствія угашена. Но вѣтеръ западный, все-таки господствующій, не раздуетъ-ли у насъ бури? Только слабый боится предполагаемой бури; имѣемъ мы много новыхъ громоотводовъ; а заключенные въ твердыхъ скалахъ слуги Эолы не вырвутся больше. Время измѣняется; теперь охранительная рука моя будетъ обнимать Турка, а Германія, какъ ни противится тому Фридрихъ, сольется въ одно цѣлое съ моей имперіей: Европой, такимъ образомъ, будетъ владѣть жезлъ мой.—Что приводитъ тебя къ намъ, милый банъ, сказалъ онъ къ вступившему богатырю; приготовились ли уже Хорваты сойтися съ Руссами на бранномъ полѣ?»

«Всегда останется вѣрнымъ Хорватъ приказанію твоего величества; всегда готовъ онъ пролить кровь и отдать жизнь, какъ скоро требуетъ того благо его короля. Свидѣтельствомъ тому все лѣтописи вѣковъ прошедшихъ и позднѣйшаго времени. Тебѣ хорошо извѣстно, Императоръ, кто поспѣшилъ первый къ спасенію престола, когда усиливались разрушить его Мадьяръ съ Нѣмцемъ. Но эта война, прости откровенному слову, которое идетъ отъ вѣрнѣйшей души,—эта война слишкомъ смущаетъ народъ мой и все твое славянство, потому что за Турка, безъ причины, будутъ вынуждены они сражаться съ своими соплеменниками. Потому-то и посылаетъ меня народъ къ тебѣ просить, могущественный Императоръ, чтобы ты склонился къ миру, которому охотно подвергается Царь, и избавилъ имперію отъ грозной войны.»

Помрачилось чело императорское, замолкнулъ онъ и потомъ проговорилъ рѣзко: «Все еще приходите ко мнѣ съ своею народностью! Единая моя имперія; въ ней нѣтъ ни Славянина, ни Итальянца, ни Мадьяра; каждый долженъ чувствовать себя покорнымъ Ракушаниномъ, такова моя воля». «Прости, Государь, вѣрному слугѣ своему: повели солнцу, чтобы не свѣтило оно, повели сердцу, чтобы не чувствовало, вѣтрамъ, чтобы больше не вѣяли, волнамъ, чтобы не шумѣли больше, водѣ, чтобы не мочила она, пламени огня, чтобы не палилъ онъ, прикажи горамъ, чтобы пали въ равнинѣ, липамъ, чтобы приносили жолуди, овцамъ, чтобы дружились съ волками, соловьямъ, чтобы каркали съ воронами: тщетно противиться природѣ; разнообразіе, установленное Творцемъ, не допустить уничтожить себя указомъ; любовь къ роду вложена Богомъ.»—«Довольно! Чтобы я не слыжалъ больше этихъ глупыхъ бредней о народности. Война съ Руссами рѣшена твердо; народы должны исполнять только мою волю!»

Третья пѣсня, подъ именемъ *Посольство*, изображаетъ переговоры французскаго и англійскаго посланниковъ съ

соединенными Американскими Штатами, съ цѣлю вовлечь и ихъ въ начавшуюся войну противъ Россіи. Исчисленіе выгодъ, указываемыхъ посольствомъ Штатамъ, предложеніе обѣщаній, какія вызываются выполнить Франція и Англія для Америки, наконецъ, рѣзкое изображеніе Россіи, какъ опасной сосѣдки послѣдней, прерываются сильнымъ укоромъ западной Европѣ со стороны одного изъ ораторовъ американскаго парламента: въ словахъ этого оратора отпечатлѣлся очень явственно взглядъ многихъ западныхъ Славянъ на политику германо-французско-англійскую, по отношенію къ славянскимъ народамъ. Съ точки зрѣнія посторонняго наблюдателя, конечно, взглядъ этотъ не можетъ не обнаружить значительную долю увлеченія, какъ, въ свою очередь, вниманіе къ исторіи этой половины Славянъ не можетъ и не оправдать его во многомъ. Такія слова влагаетъ авторъ въ уста американскаго оратора:

«Не вѣрьте имъ, (т. е. посланникамъ отъ Англіи и Франціи), я имѣлъ случай узнать господъ этихъ, путешествовавъ между ними 24 года. Хотя каждый имѣетъ только одну голову, однакожъ на головѣ тысячи волосъ, каждый волосъ имѣетъ тысячи частей, въ каждой же части вѣсетъ новая измѣна; хотя одинъ только языкъ имѣютъ они, но этотъ языкъ владѣетъ безчисленными оборотами, каждый же оборотъ служитъ къ новой лжи; двѣ хотя только руки имѣетъ каждый изъ нихъ, но въ каждой рукѣ пять пальцевъ, каждый палецъ есть копьё, пронзающее сердца. Остерегайтесь обманчивыхъ ихъ обѣщаній! Они хотятъ васъ только заманить, чтобы обобрать все ваше имущество, обобравши-же, умертвить или повергнуть въ рабство, что еще хуже самой смерти. Только корысть въ виду у нихъ; только золото и серебро заманиваетъ ихъ; для нихъ напрягаютъ они всѣ свои усилія, терзаютъ тѣло собственной матери, пускаются въ бездонное море, спорятъ со всѣми смертоносными элементами; изъ-за нихъ жертвуютъ тѣломъ и душою, воюютъ другъ съ другомъ и убиваютъ другъ друга. Кто больше совершилъ убійствъ и

похищеній, тотъ становится господиномъ надъ остальными, подчиненными его волѣ; все, что имѣютъ они, принадлежитъ одному; только онъ славится силою и богатырствомъ, остальные же, работающіе для него, гибнутъ отъ бѣдствій, голода и нужды. Вотъ то благодѣяніе и счастье, какое обѣщаетъ намъ союзъ съ ними.

Если желаете себѣ такого счастья, дайте имъ только палецъ свой, и погибнетъ блаженное жилище наше, погибнетъ согласіе наше, конецъ свободѣ и святому миру, чистотѣ и невинности нравовъ. Дайте имъ лишь вольный къ себѣ доступъ, и заплатятъ они вамъ игрушками своего издѣлія, околдуютъ разумъ вашъ, смыслъ и чувство, пробудятъ въ васъ жажду къ суетности, пропитаютъ ядомъ себялюбія, чтобы задушили вы въ себѣ любовь къ отечеству, раздробили соединенныя ваши силы; раздробленныхъ легко поразятъ и посадятъ вамъ правителя изъ своего народа. Этотъ окружить себя тысячами вооруженныхъ, которые обдерутъ васъ, закуютъ въ желѣзные оковы, чтобы не могли вы жаловаться, запрутъ въ темницы, чтобы не могли сходиться вы. Когда успѣютъ поработить такъ одинъ край, бросятся на другой съ большею силою, потому что покоренные принуждены будутъ помогать имъ противъ собственныхъ братьевъ. Такъ пойдетъ гибель дальше и дальше. Когда-же поработятъ народы, отравятъ ихъ чистое сердце, задушатъ духъ патріотизма и сдѣлаютъ бездушнымъ для себя орудіемъ, начнутъ хвалиться передъ свѣтомъ, какъ въ варварскихъ краяхъ распространили они свѣтъ и истину.»

За этимъ слѣдуетъ примѣръ Америки, какъ доказательство словъ оратора; указано и на Индію, гдѣ народъ обращенъ въ безсловесныхъ рабовъ, по понятіямъ автора.

Въ четвертой пѣсни, подъ именемъ *Извѣстіе*, переносится сцена на Черную гору, гдѣ, въ присутствіи князя, Данила Петровича, и собравшихся около него старшинъ, передаетъ живыя свѣдѣнія о войнѣ въ Крыму только что возвратившійся оттуда Черногорецъ.

«Разсказывай, Иванъ Юревичъ, какъ жилось тебѣ на святой Руси; что дѣлается тамъ съ любезными братьями, сражающимися за вѣру православную съ заклятымъ врагомъ имени христіанскаго, и съ достойными его защитниками, которые хотя и зовутся христіанами, но позорятъ это святое имя, соединившись съ его притѣснителями, чтобы утвердить деспотское господство полумѣсяца надъ крестомъ Спасителя». Такъ сказалъ славный князь въ собраніи воинственныхъ Черногорцевъ, сошедшихся въ большомъ числѣ, чтобы услышать извѣстіе отъ храбраго Юревича, только что возвратившагося изъ Севастополя, куда отправился онъ въ прошломъ году съ товарищами своими на помощь Руссамъ. «Вѣдомо тебѣ, достойный князь, мудрый Данило Петровичъ, извѣстно и вамъ, почтенные старшины, что съ половины свѣта стянулись войска въ Крымъ противъ нашихъ, войска Французовъ, Англичанъ, Турокъ, Итальянцевъ; изъ Европы, Африки и Азіи, даже изъ восточной Индіи. Цѣлыхъ десять мѣсяцевъ соединенное это войско неприятелей осаждаетъ и неистово добываетъ Севастополь, изъ восьми-сотъ адскихъ орудій гремитъ громъ и днемъ и ночью, изъ двѣнадцати-сотъ пушекъ и мортиръ отвѣчаетъ имъ крѣпость. Въ еженочныхъ вылазкахъ свирѣпо дерется войско; идетъ бой и на морѣ, и на сушѣ, и подъ самою землею. Тысячи враговъ падаютъ или поднимаются на воздухъ. Разъяренный такимъ отпоромъ, доведенный до отчаянія, врагъ высылаетъ на штурмы многочисленныя свои войска; тысячи выстрѣловъ гремятъ изъ огромныхъ орудій, и сотни бомбъ трескаются на Малаховскомъ курганѣ: учащаются выстрѣлы, закрытые мракомъ дыма, съ дикимъ крикомъ устремляются враги на твердое, какъ скала, укрѣпленіе. Изъ него же, какъ изъ вулкана, распространяется огонь во всѣ стороны и сыплетъ желѣзный градъ на смѣльчаковъ, вырываетъ среди нихъ кровавыя борозды и покрываетъ окопъ трупами. Но не страшитъ ихъ это; все больше и больше накапливается ихъ; приставляютъ уже лѣстницу, усилива-

ются взойти на укрѣпленіе, но вотъ лѣстница опрокидывается, и сотня непріятелей катится въ ровъ; опять представляется она, сотня новыхъ взлѣзаетъ по ней. Умалчивается стрѣльба, трещать лишь барабаны; врагъ ширится на укрѣпленіи; тутъ неистовствуютъ штыки, мечи и сабли, бьются кулаками, давятъ другъ друга пальцами; съ разбитой головою обезоруженный хватаетъ непріятеля, и вмѣстѣ съ нимъ летитъ въ пропасть съ укрѣпленія; безъ руки врывается въ толпу и терзаетъ врага своими зубами; тотъ уже палъ въ предсмертныхъ страданіяхъ, встаетъ снова и дерется съ новымъ бѣшенствомъ: въ ужасной схваткѣ падаютъ тысячи труповъ, кровь потокомъ льется съ укрѣпленій, дыханіе раненыхъ заражаетъ воздухъ; во-кругъ, сажени на двѣ въ вышину, лежатъ трупы враговъ. Нападеніе отбито и обращено въ нестройное бѣгство.

За такое пораженіе мстительный непріятель опустошаетъ беззащитные города вдоль моря Азовскаго. Въ Керчи, Еникалѣ и Таганрогѣ, добровольно сдавшихся ему на вѣру, что не коснется частнаго имущества, съ одинаковою жестокостью, безъ разбора, грабятъ, жегъ и разрушалъ онъ. Подобно тому, какъ стадо голодныхъ волковъ, ворвавшись въ беззащитную овчарню, давить наповалъ сытное стадо, такъ хищники англійскіе вмѣстѣ съ Турками, рыская за добычей, грабятъ запаленные дома, убиваютъ мужчинъ, оскверняютъ дѣвъ и женъ, увлекая ихъ на корабли въ жертву оскотинившихся матросовъ. Такъ въ конецъ разрушили Керчь, не оставивши камня на камнѣ, разметавши дома, школы, храмы, музеи и собраніе древностей; ограбленныхъ же обывателей увезли на чужбину, чтобы тамъ погибли они отъ нужды и болѣзней. Вотъ гдѣ сѣмя той образованности, какою западныя правительства думаютъ обложить востокъ, вотъ гдѣ то просвѣщеніе, какимъ, говорятъ они, «просвѣщаемъ мы темныя земли», здѣсь та борьба человѣчности и нравственности противъ варварства и суровости, что вывѣсили они на своемъ знамени.»

Пятая пѣсня, подѣ заглавіемъ *Длинный носъ* (dlohé nosy), изображаетъ радость союзниковъ и торжество ихъ; по случаю ложнаго извѣстія о взятіи Севастополя. Мѣтко опредѣлили при этомъ авторъ настроеніе Французовъ, Англичанъ и Нѣмцевъ, согласно съ господствующимъ спеціальнымъ свойствомъ каждой народности.

«Уже взятъ онъ; Севастополь уже нашъ! Сокрушимъ мы теперь царство Славы, уже трясется Николай.» Такъ торжествуютъ союзники, и радостно вторятъ имъ Нѣмцы. Наполеонъ надѣлъ на голову шляпу своего дяди, облекся въ одежду богатыря и говорилъ своему войку: въ мое правленіе, возвратилось вамъ, воины, снова золотое время, солнце нашей славы опять взошло на востокъ; едва явились мы, какъ Руссь уже пораженъ; крѣпость, флотъ и самъ главно-командующій покорились.» Uive l'empereur! прогремѣло во французскомъ лагерѣ; на театрахъ съ шумомъ прогремѣло взятіе Севастополя. Когда же великій лордъ увѣдомлялъ о случившейся побѣдѣ Лондонъ, то каждая женщина высчитывала при этомъ, какую выгоду приобрѣтетъ она, и Нѣмца снова сталъ мутить Drang nach Osten и утѣшать, какъ deutsche Bildung начнетъ проникать Россію. Но постойте! Что сдѣлалось? Шутку эту сыгралъ курьеръ. Севастополь стоитъ твердо, Русь мужественно его защищаетъ, и только съ кѣмъ-то Бонапартъ досталъ длинный носъ.»

Шестая и послѣдняя пѣсня, *Смерть Царя*, выражаетъ первое впечатлѣніе на западѣ славянства отъ извѣстія о смерти Императора Николая, и передаетъ значеніе послѣдняго съ точки зрѣнія славянской. Обобщеніе чешскимъ поэтомъ взгляда Славянъ на такое значеніе не можетъ показаться страннымъ для того, кто имѣлъ случай объѣхать земли Славянъ австрійскихъ и турецкихъ, и лично убѣдиться въ такомъ взглядѣ. Но мы передадимъ слова самого стихотворенія.

«Посоль изъ Петербурга несетъ, перваго марта, громоносную вѣсть: воспаленіе легкихъ поразило Царя; на

другое утро: опасность усиливается; въ три часа по полудни: Царь умеръ. Ужасъ распространился по Европѣ черезъ Азію перелетѣлъ онъ къ океану, черезъ океанъ вокругъ земнаго шара. Невозможно!.....

Трудно проникнуть на дно истины въ морѣ предположеній; когда либо и откроется, а намъ остается только скорбѣть надъ утратою великаго мужа. Такъ, палъ сѣверный великанъ, угасла звѣзда сѣвернаго полюса, къ которой обращали взоры корабельщики на бурномъ политическомъ морѣ. Уснулъ съ обнаженнымъ мечемъ стражъ на востокѣ, бдительно наблюдавшій за тѣмъ, чтобы язва безурядицы не перешла границъ образованности, чтобы высоко въ своей славѣ поднимался святой крестъ надъ полумѣсяцемъ. Сокрушился могущественнѣйшій щитъ славянства, отбивавшій стрѣлы, которыя метали на него жестокіе враги; умеръ отецъ великаго народа, къ которому приковывали свои надежные взоры многія отчужденныя дѣти. Западъ торжествуетъ: «побѣда въ нашихъ рукахъ; безъ отпора разорвемъ теперь тѣло бездушнаго великана.»

П. Лавровскій.

ИЗЪ ТРАГЕДИИ „ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.“

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЕНАТЪ.

I.

К. Меньшиковъ, (одинъ, за столомъ раз-
биралетъ бумаги).

Нельзя чтобъ безъ затѣй ему! Всегда
Ввернетъ крючокъ. Судить! Опять въ оттяжку
Пойдетъ. А можетъ хуже. Я боюсь.
Царевичъ, или прежній образъ мыслей,
Приверженцевъ вездѣ имѣеть много. .
Къ томужъ я не успѣлъ поговорить. .
Съ иными. Если жизнь его, лишь жизнь,
Имъ спастъ удастся!—больше и не нужно! . . .
Пропало все! . . . О Боже мой, что будетъ! . . .

*Входятъ Сенаторы: Князь Голицынъ и Апраксинъ, а по-
томъ, одинъ за другимъ, и прочіе судьи, которые въ разныхъ
улахъ начинаютъ разговаривать между собою.*

Апраксинъ, (подходя къ Меньшикову).

Нижайшее почтеніе мое
Князь Александръ Данилычу!

К. Меньшиковъ.

А! здравствуй

Петръ Федорычъ!

Апраксинъ.

Какой тяжелый судъ!

К. Меньшиковъ.

Да. Уголовный.

К. Голицынъ.

Уголовный.

(тихо къ Апраксину).

Тёска!

Тотъ нынѣ судъ зовется уголовнымъ,
Гдѣ жалуется смерть или животь.

Апраксинъ.

Да, жалуется—

А что, князь Александръ

Данилычъ! Царевича сегодня

Мы будемъ одного судить?

К. Меньшиковъ.

Кого жъ

Еще? Сообщники всѣ не большіе.

Покончить съ нимъ бы, чтобъ въ глазахъ онъ больше

Не порошилъ намъ.

К. Голицынъ.

Такъ.

К. Гагаринъ, (вслушавшись въ разговоръ).

Не порошилъ!

Вы стало полагаете—въ очистку!

К. Меньшиковъ.

Да развѣ можно полагать иначе!

К. Гагаринъ.

Конечно нѣтъ. И Государь самъ также?

К. Меньшиковъ.

Болезнь такая вѣдь ему больнѣе,

Чѣмъ намъ—ну разумѣется.

К. Голицынъ.

Такъ, такъ.

К. Долгорукой.

Эхма! Объ чемъ толкуете вы, господа!
Что думаетъ Иванъ, Демьянъ, да Яковъ.
Судите такъ, какъ Богъ на умъ положить.

К. Голицынъ.

На умъ! Вишь у тебя сго палата!

К. Гагаринъ.

Ну! если Государь самъ такъ, то кто же
Напротивъ.

К. Апраксинъ, *(въ дружокъ круж.)*

Полно такъ ли?

К. Голицынъ.

Иль не слышишь—

Самъ Меньшиковъ сказалъ.

Апраксинъ.

Да, онъ, конечно,

Желаеть этого.

Другіе.

Мы понимаемъ.

К. Шаховской.

Желаеть?

(отходитъ тихо къ Меньшикову и говоритъ ему.)

Какъ угодно, Александръ

Данилычъ, вамъ, мнѣ также.

Благодѣтель!

По гробъ тебѣ слуга я всепокорный.

(еще тише).

О дѣльцѣ не забудете, что прежде.

Многіе *(къ Меньшикову).*

А мы всегда согласны съ вашимъ мнѣньемъ,

Князь Александръ Данилычъ.

Крайніе изъ другаго круга.

Но коль дѣло

Покажется иначе вамъ?

Первые.

Такъ что же!

Хоть вижу, да не вижу—безъ грѣха.

Апраксинъ

Хорошъ судья!

Нѣкоторые *(тихо къ Апраксину)*.

Не спорь съ нимъ. Нашихъ больше.

К. Рѣпинъ.

О Господи! Вотъ до чего дожили
Мы грѣшныя! Царей судить хотятъ.
Ну видано-ль и слыхано-ли въ свѣтѣ?
Нѣтъ, воля царская, а у меня
Языкъ на этотъ судъ не повернется.

К. Голицынъ, *(ходившій до сихъ поръ по разнымъ кругамъ)*.

И что онъ сдѣлаеть-то съ нами послѣ?

К. Меньшиковъ.

Такъ и судите ужъ, князь' Петръ Андреичъ,
Чтобъ ничего не могъ ужъ сдѣлать съ вами
Царевичъ послѣ!

К. Голицынъ.

Какъ же это такъ?

К. Рѣпинъ.

Нѣтъ, нѣтъ. Цари не подсудимы. Сердце
Царево въ рудѣ Божьей, говоритъ
Писанье.

К. Голицынъ.

Что хотятъ, то и творятъ:

Не намъ холопамъ въ ихъ дѣла соваться.

Бутурлинъ.

Да это вѣдь не царь, а лишь царевичъ.
Царь самъ судить его повелѣваетъ,
Яко преступника.

Вейде.

Повѣрьте, князь,

Богъ не мѣшается въ интриги наши,
Ни въ царскія.

К. Рѣвнивъ (*отворачиваясь*).

Ты нѣхристь, вѣдь, Адамъ

Адамчъ! Богъ вашъ единъ, а нашъ другой.

К. Меньшиковъ (*къ соседнимъ Головкину
и Трубецкому*).

Вы помните, что говорилъ царевичъ

Объ васъ, что навязали на него

Жену чертовку—быть вамъ на колѣ.

Теперь и онъ у васъ въ рукахъ.

Головкинъ, (*смыслъ*).

Какъ же!

К. Трубецкой.

Да—помню, помню.

(*Въетъ четыре часа*).

К. Меньшиковъ.

Господа! четыре

Часа. Придетъ скоро Государь.

Не по мѣстамъ ли сѣсть намъ?

(*Всѣ разсаживаются*).

К. Щербатовъ, (*у окна*).

Одноколка

Подѣхала къ крыльцу.

Садитесь! Тише!—

(*Всѣ утихаютъ*).

Петръ.

(*Входитъ, и поклонясь на всѣ стороны, садится на приготовленное ему мѣсто*).

Хоть по естественнымъ и по гражданскимъ

Законамъ, а особенно по праву

Россійскому, всегда я, какъ отецъ,

И Государь, надъ сыномъ власть имѣю,

Но я боюсь, чтобъ не согрѣшить.

Врачи, хоть всѣхъ искуснѣ иной,

Своихъ болѣзней никогда не лечатъ,

А призываютъ на помощь другихъ.

Такъ я болѣзнь свою всѣмъ вамъ вручаю.

Судите совѣтно, какъ Богъ велитъ.

Изъ Копенгагена, назадъ два года,
 Я резолюцыи требовалъ у сына
 На прежній свой запросъ: какъ онъ рѣшился:
 Идти ль въ монахи, иль заняться дѣломъ.
 Въ послѣднемъ случаѣ, чтобы спѣшили къ началу
 Войны, ко мнѣ. Онъ отвѣчалъ, что будетъ,
 А самъ бѣжалъ, сталъ средствъ искать,
 Чтобъ сѣсть на мой престолъ!

На мой престолъ

Ему, лѣнивому рабу, садиться!
 Чтобы опять заколотить оконшко,
 Которое для васъ я прорубилъ.
 Чтобъ поломать мои всѣ построенья.
 Чтобъ, мимо молодыхъ развалинь
 Прошедши, Европейцы улыбнулись!
 Хотѣлъ моей онъ смерти! Нѣтъ! прежде
 Онъ самъ умереть. Онъ казнь себѣ получить,
 Позорную, какъ бунтовщикъ, на жизнь
 Отца и Государя посягавшій
 Какъ из...

К. Долгорукой.

Петръ Алексѣичъ! Полно, полно!
 Ты лишнее заговорилъ. Тебѣ
 Лишь слѣдуетъ намъ рассказать все дѣло,
 Вѣдь ты истецъ.—Судить же—такъ ли,
 Не такъ ли, будемъ мы, судьи.—Заранѣй
 Твоего намъ негодится слушать мнѣнья.

Петръ.

Какъ смѣешь мнѣ указывать? я что
 Хочу, то дѣлаю и говорю.

К. Долгорукой.

Такъ намъ всѣмъ не останется ни дѣлать,
 Ни говорить ужъ ничего. Мы прочь пойдёмъ.
 Но для чего же не сказалъ ты прежде:
 „Я такъ хочу, быть по сему“, то мы бы

Всѣмъ сѣрокомъ тебѣ и поклонились,
Примолвивъ: слушаемъ и воля ваша.
Зачѣмъ же изъ суда, передъ зеркаломъ
Своимъ ломать комедію—вотъ я
Чего не знаю.

Петръ.

Чортъ тебя возми!

Понесъ свое! Ну! слушай, коли хочешь.
Толстой, перескажи ему все дѣло.

Толстой.

Все дѣло явствуется изъ документовъ
Царевича собственноручныхъ. Вотъ
Прошенье къ Цесарю; вотъ переписка
Съ митрополитомъ Кіевскимъ. Вотъ запись
Подметная, какъ возмущать народъ
Въ Москвѣ, Украинѣ, Петербургѣ.
Здѣсь яко бы жестокое правленье
Родителя описано, надежды
Раскольниковъ на будущее время...
Такая-то бѣда всѣмъ намъ грозила!

(Судьи принимаютъ изъ рукъ Толстаго документы и читаютъ).

К. Долгорукой, *(откашливаясь)*.

Гроза великая. За то судить мы
Должны теперь не одного.

Петръ.

Кого же

Еще?

К. Меццинкавъ, *(къ Петру)*.

Князь разумѣетъ тѣхъ злодѣевъ,
Что словомъ или дѣломъ наводили
На грѣхъ Царевича.

(Долгорукою).

Но Государь

Желаетъ прежде главное окончить дѣло.
Для тѣхъ назначится особый судъ.

К. Долгорукой.

Ошибся ты, князь Александръ Данилыч!
 Не то я разумѣль, а вотъ что: если
 Судить ужъ сына намъ, то и отца
 Теперь къ суду жъ—они виновны оба,
 А можетъ быть отецъ и больше.

Петръ.

Больше.

Я больше!

(Всканиваетъ съ своего мѣста въ ипъетъ, бѣжитъ къ Долгорукому съ обнаженными кортникомъ, и схвативъ его за воротъ, заноситъ руку).

Яжъ тебя!

К. Долгорукой, *(обнажая грудь).*

Вотъ грудь моя.

Коли, коли! да послѣ не успокайся!

(У Петра опускаются руки; онъ отворачивается отъ Долгорукого и идетъ тихо на свое мѣсто, ворча про себя).

Вотъ дьяволъ навязался мнѣ на шею!
 Онъ слова одного мнѣ не умѣетъ
 Сказать порядочно. Все оборветъ.
 Ну еслибъ я такой же... былъ бы чорту
 Баранъ. Характерецъ!

(Садится).

К. Долгорукой, *(оправясь).*

Петръ Алексѣвич!

Какъ быть. Хоть я не царь, а свой характеръ
 Есть у меня, и грѣшенъ, не умѣю
 Я лебезить, какъ прочіе вины,
 Передъ тобою.

Петръ.

Ну! говори, что хочешь.

К. Долгорукой.

Сынъ виновать, объ этомъ нѣтъ и спора.
 Но виновать отецъ, гораздо больше,
 Что объ его небрегъ ты воспитанъ.

Младенецъ—воскъ: что хочешь, то и дѣлай.
 А изъ него, что путнаго ты сдѣлалъ?
 Мы трудимся, всей силой помогаемъ
 Тебѣ на всякой службѣ, не жалѣя
 И животовъ своихъ, на то, чтобъ сынъ твой
 Всѣхъ насъ переказнилъ и перевѣшалъ?
 Любовь, услуги наши для тебя,
 Ему противныя, на дѣтяхъ нашихъ
 Повымѣстилъ, и наши всѣ труды
 И подвиги, пошли бы подъ ноги.
 Есть изъ чего работать намъ! Спасибо!
 И такъ за то, что ты намъ приготвилъ
 Наслѣдника, который поведетъ
 Отечество на вѣрную погибель,
 Я обвиняю здѣсь тебя предъ Богомъ,
 Предъ добрыми людьми и предъ зеркаломъ,
 Какъ государственнаго лиходѣя,
 Повиннаго намъ всѣмъ здѣсь дать отчетъ,
 Ну! такъ и быть, пришлось къ слову,—
 Повиннаго намъ дать отчетъ.

Петръ.

Ну—радъ!

Красно сказалъ: Ты думаешь, что нечѣмъ
 Мнѣ оправдаться—слушай, злоязычникъ!
 Съ котораго же года оправданье
 Мнѣ начинать? Съ рожденья Алексѣя,
 Чтобъ удовольствовать тебя—пожалуй.
 Онъ въ тысяча шести сотъ девяностомъ
 Году родился. Ну—формировалъ
 Я войско регулярное тогда,
 А въ первомъ и второмъ построилъ флотъ,
 А въ третьемъ вѣдался съ сестрой, съ стрѣльцами,
 Потомъ въ Архангельскѣ, на Бѣломъ морѣ.
 Въ четвертомъ былъ въ Архангельскѣ опять,
 Осматривалъ страну ту для торговли,
 Для выѣздовъ, оттоль въ Воронежъ ѣздилъ.
 Ну! въ пятомъ—туть Турецкая война.
 Я осаждалъ Азовъ, хотъ безусъ пѣшно.

Въ шестомъ я взялъ Азовъ, да Волгу съ Дономъ
 Пытался соединить; въ седьмомъ стрѣльцы
 Опять, потомъ въ чужіе края ѣздилъ
 Учиться, набирать людей на службу.
 Въ осьмомъ былъ въ Англии, и воротился
 Назадъ—для укрощенья новыхъ бунтовъ.
 Въ девятомъ былъ въ Воронежѣ, Азовѣ,
 Основывая власть на Черномъ морѣ.
 А внутреннихъ-то распорядковъ сколько!
 Вотъ въ первое десятилѣтье—сытъ ли?

К. Долгорукой.

Все это хорошо: и честь и слава
 Тебѣ за это все. Но воспитанье
 Наслѣдника важнѣе всѣхъ успѣховъ,
 Всѣхъ временныхъ побѣдъ, завоеваній.
 Вѣдь всѣ онѣ ему должны достаться,
 А сыну блудному пойдетъ ли въ помощь
 Отцовское богатство, размытарить
 Не только онѣ твои пріобрѣтенья,
 Но вмѣстѣ родовое все добро..
 Нѣтъ, нѣтъ, единый мигъ изъ дѣтской жизни,
 Одна слеза, которую наставникъ
 Разумный, добродѣтельный, любящій,
 Въ часъ добрый изъ очей извлечъ умѣетъ,
 Одно благое впечатлѣнье, чувство,
 Которое какъ сѣмя, въ тучной почвѣ,
 Со временемъ дастъ сладкой плодъ, сторицей,
 Дороже Богъ знаетъ какихъ стяжаній.

Петръ.

Ну что ты придираешься? Вѣдь дѣло
 Все это дѣлалъ я не для забавы,
 А по нуждѣ. Заботься о дѣтяхъ,
 Чтожъ намъ самимъ-то, голодать бы было,
 Иль въ дуракахъ сидѣть, иль поддаваться?
 Да какъ меня воспитывали лучше?

К. Долгорукой.

Быть такъ. За первое десятилѣтье
 Хлопотъ тебѣ необходимыхъ было много,

А сынъ былъ малъ,—а послѣ-то, какъ началъ
Онъ подростать, вотъ тутъ-то что ты сдѣлалъ?

Петръ.

Тутъ мудренѣй еще мнѣ оправдаться:
Забывъ ты, какъ сидѣлъ въ Стокгольмѣ?
Мнѣ надо было взять, во что бъ ни стало,
Хоть уголь бы на берегу Балтійскомъ,—
Чтобъ положить здѣсь камень просвѣщенья,
Краеугольный камень рускаго участка
Въ дѣлахъ всѣхъ политическихъ Европы.
Я десять лѣтъ боролся съ братомъ Карломъ
Въ Лифляндіи, Саксоніи и Польшѣ,
Эстляндіи, Архангельскѣ, Украинѣ.
Тутъ ни до матери, ни до отца,
И ни до сына было,—я лишь щупалъ,
Къ ночи, взопрѣлый, голова цѣла ли.
Чуть промигнулъ бы, такъ прощай и войско,
И царство, и Россія, да и всѣ вы.
Ты, на примѣръ, разинулъ ротъ подъ Нарвой,
И не умѣлъ сберечь одной своей
Лишь умной головы, въ полонъ попался...

К. Долгорукой, *(ворта въ полковола)*.

Вѣдь Карлъ насъ взялъ обманомъ.

Петръ.

Да, обманомъ.

А между тѣмъ въ семисотъ третьемъ годѣ,
Построилъ Петербургъ я на чужой
Землѣ, гдѣ мы спокойно проживаемъ
Теперь. Ужъ наконецъ въ девятомъ годѣ,
Послалъ Господь мнѣ случай подъ Полтавой
Льва Шведскаго сбить съ ногъ и обезсилить.
Я отдохнулъ. Но вслѣдъ за тѣмъ война
Съ Султаномъ... что окончилась при Прутѣ,
Гдѣ потерялъ Азовъ,—но я возьму,
Возьму его опять, вѣдь, непременно.
И въ это, впрочемъ, тягостное время,

Я думалъ о наслѣдникѣ престола.
 Въ семьсотомъ я году къ нему приставилъ
 Искуснаго наставника, Гизена.
 И вотъ ему инструкція, надъ коей
 Сидѣлъ я не одну, не двѣ. братья, ночи.

К. Долгорукой.

Мужикъ онъ дѣловой былъ, но ты часто
 Отъ дѣла отрывалъ его.

Петръ.

Да. Еслибъ

У насъ людей способныхъ поле было
 Засѣяно,—не первой, не другой—обчезя!
 Я князя Меншикова далъ ему
 Въ гофмейстеры.

К. Долгорукой.

А Князю и подавно

Когда за нимъ смотрѣть-то было?

Петръ.

И часто бралъ его съ собой въ походы,
 И оставлялъ здѣсь государствомъ править,
 И посылалъ въ чужіе края.
 И всѣми мѣрами старался
 Къ дѣламъ правительственнымъ приучать...
 Увидя къ горести, что онъ съ ханжами,
 Кликушами, черницами и попами,
 А не съ хорошими людьми ведется,
 Но всякой правды и безпорядкѣ,
 И слушается для близору только,—
 Мѣнялъ его на знатной я принцессѣ,
 Надѣясь хоть симъ его отвадить
 Отъ прежняго житья и прежнихъ связей.
 Вы знаете, какъ жилъ онъ съ сей принцессой.
 Черезъ два года въ гробъ онъ вкологилъ
 Ее, взявъ для сожитія чухонку.
 Въ день самой погребенія невѣстки,

Въ пятнадцатомъ году, я сталъ грозить ужъ
 Лишить наслѣдства, коль не будетъ лучше.
 Онъ все обманывалъ и обѣщался,
 И наконецъ бѣжалъ, и обнаружилъ
 Совсѣмъ свою тѣмъ скарденую душу.

К. Долгорукой.

А чѣмъ докажешь ты свои слова?

К. Меньшиковъ, *(подавая бумаги Долгорукому)*.

Вотъ письма царскія...

К. Долгорукой, *(разбирая письма)*.

Теперь я вижу,

Что ты заботился таки объ сынѣ,
 Хотя не столько, сколькобъ должно..
 Вотъ, напримѣръ, ты пишешь: „какъ давно
 Тебя я на глаза не допускаю.“
 Ну ктожь такъ учить?—Или здѣсь: „съ тобой я
 Не говорю“—плохое наставленье!

Головкинъ.

Эхъ, Яковъ Федорычъ, кому Господь
 Не далъ чего, вдолбять-ли уже люди?
 Царевича давно, вѣдь, все мы знаемъ.
 Что говорить пустое—уродился
 Ужъ такъ.

К. Долгорукой, *(къ Головкину)*.

Къ дичкамъ не привизаютъ развѣ?
(къ прочимъ судьямъ).

Но въ уваженье особливыхъ обстоятельствъ,
 Какъ Богъ единый безъ грѣха бываетъ,
 На мудреца же всякаго находить
 И простота,—конечно отъ суда
 Отъ уголовного, Царя возможно
 Освободить лишь давъ на замѣчанье.
 Чтобъ о второмъ онъ сынѣ, о младенцѣ,

Что Богъ недавно даровалъ ему,
Вне редь бы позаботился побольше.

Петръ.

Учи!

К. Долгорукой.

А вы, какъ думаете, судьи?

К. Шереметьевъ.

Согласенъ я.

К. Щербатовъ.

Я никогда не думалъ,
Чтобъ можно было обвинять Царя
За это.

К. Голицынъ.

Петръ ли Алексѣичъ сына
Роднаго не училъ добру, когда
Онъ насъ съ такимъ стараньемъ учитъ!
Да кормъ-то не всегда въ коней идетъ.

К. Гагаринъ.

А я такой упрекъ счелъ оскорбленьемъ
Величества.

Петръ, *(къ Долгорукому)*.

Ну что взять?

К. Долгорукой.

Не сердися,

Петръ Алексѣичъ. Вашу братью меньшебъ
Конечно, можетъ быть, бранили, еслибъ
Побольше знали васъ, да вы живете
Высоко.—Я не зналъ...

Петръ.

Не зналъ, такъ врать
Не надобъ; какъ же ты о немъ посудишь?

К. Долгорукой.

По моему, вамъ нужно утвержденье
Взять отъ Царевича на всѣ бумаги
Известное...

К. *Меньшиковъ, (сказа въ на ухо нѣсколько
словъ офицеру, потомъ
къ Долгорукому.)*

Царевичъ здѣсь, но боленъ.

К. Долгорукой.

Мы долго не задержимъ вѣдь его.

*(Два офицера вводятъ Царевича, на лицъ котораго
видно крайнее изнеможеніе).*

К. Долгорукой, *(показывая ему письмо
одно за друиимъ).*

Ты радовался здѣсь отцовской боли
Въ запрошломъ лѣтѣ?

Алексѣй.

Радовался.

К. Долгорукой.

Здѣсь

Отцовскихъ слугъ ты перевестъ хвалился?

Алексѣй.

Хвалился.

К. Долгорукой.

А когда письмо вотъ это
Отъ Государя здѣсь ты получилъ?
Назадъ тому два года?

Алексѣй.

Получилъ.

К. Долгорукой.

Назадъ тому два года ли?

Алексѣй.

Два года.

Г. Шереметевъ.

Довольно, князь. Онъ слабъ. Не изнуряйте
Его. Признается жъ онъ...

Прочіе.

Да, да.

Довольно.

К. Долгорукой.

Сейчасъ.—Всѣ эти письма ты писалъ?

Алексѣй

Писалъ.

К. Долгорукой.

Въ показанныя числа?

Алексѣй.

Въ числа

Показанныя.

К. Долгорукой, (къ Менъшикову).

Ну, теперь довольно.

(К. Менъшиковъ даетъ знакъ офицерамъ, чтобъ отвели Царевича обратно).

Алексѣй, (падаетъ въ ноги предъ судьями).

Молю васъ объ одномъ... Спасите... жизнь.

(два офицера уводятъ его подъ руки).

К. Долгорукой.

Хоть тяжело произвести, однако
Долгъ неумытнаго судьи велить:
Такія преступленья стоятъ казни.

Толстой.

Вотъ что гласятъ законы наши.

(читаетъ выписки):

Уложенія глава II, статья I: Будетъ кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслить на государское здоровье злое дѣло, и про то его злое умышленіе кто извѣститъ, и по тому извѣсту про то его злое умышленіе сыщется до прямиа, что онъ на Царское Величество злое дѣло мыслилъ, и дѣлать хотѣлъ, и такова по сыску казнить смертію.

Статья 2: Также, будетъ кто, при державѣ Царскаго Величества, хотя Московскимъ государствомъ завладѣть, и Государемъ быть, и для того своего злога умышленія начнетъ рать собирать, или кто Царскаго Величества съ недруги учнетъ дружитья, и прочая, такова измѣнника казнить по томужъ смертію.

Артикуловъ военныхъ, глава 16, артикулъ 127. Кто какую измѣну или сему подобное учинить намѣрится, и хотя онъ сіе къ дѣйству не произведетъ, однако же имѣеть, по состоянію дѣла и признанію воинскаго суда, таковымъ же высокимъ наказаніемъ наказанъ быть, яко бы за произведенное самое дѣйство.

Г. Шереметевъ.

Такимъ, какимъ же?

Толстой.

То-есть четвертованъ.

Г. Шереметевъ.

Но этого не слыхано въ Европѣ!

К. Долгорукой.

А намъ какое дѣло до Европы?

К. Рѣпинъ.

Царевича на смерть намъ осудить!
Нѣтъ, господа, кровь царская священна.
Мнѣ восемьдесятъ лѣтъ, и я грѣха
Такого ни за что не соглашуся
На душу взять. Онъ царской сынъ.

К. Долгорукой.

А развѣ

Мы пасынки?

Петръ,

Ну вотъ спасибо, дядя!

К. Голицынъ.

Наслѣдникъ онъ!

К. Долгорукой.

Тѣмъ наче долженъ быть

Наказанъ, поелику гнусной жизнью
Отечеству всему болѣзнь и трудъ
Онъ можетъ нанести. Годится ль трутень
Такой въ наслѣдники къ Петру?

Г. Шереметевъ.

Но что

Объ Государь-то въ Европѣ скажутъ?

К. Долгорукой.

Наладилъ ты Европа, да Европа,
 Борисъ Петровичъ! Вишь, какъ угостили
 Тебя тамъ, братъ! На всякое чиханье
 Ну кто наздравствуется. Пусть тамъ скажутъ,
 Что захотятъ. Вѣдь, если попадется
 Опять Иванъ Васильичъ намъ, иль Ѳедоръ
 Иванычъ подъ какимъ-нибудь злымъ духомъ,
 Твоя Европа не подставитъ шею
 За насъ. Вотъ невидаль какая! Сами
 Европа мы себѣ.

Не приведи

Господь, чтобы насъ зря, Европой этой
 Въ глаза безперестанно утыкали.

Г. Шереметевъ.

Ну если не Европѣ, то природѣ
 Противно осуждать роднаго сына
 На казнь передъ отцемъ. Мы пощадить
 Должны его родительское сердце.

Петръ.

Ни объ родителяхъ и ни объ сынахъ,
 Вы объ отечествѣ должны пещися.
 Вамъ сказано: я здѣсь посторонній.
 Молчу, и знать хочу лишь ваше мнѣнье.
 Дѣтей у Государей не бываетъ,
 Когда идетъ о общемъ благѣ слово.
 Все для него—покой, жизнь, тѣло, душу.
 Женъ продадимъ своихъ, дѣтей, въ неволю,
 Сказать мясникъ съ душою царской Мининъ,
 Святой примѣръ для гражданъ и царей.
 Я руку правую отрѣжу лѣвой,
 Коль посягнетъ она для васъ на злое.
 Я самъ готовъ во всякой мигъ отдать
 Себя на судъ, и горе государю,
 Который въ совѣсти сего не можетъ
 Сказать себѣ.

*(При этомъ словѣ вбѣгаетъ съ вавиданіемъ офицеръ, ужасно
 острезоженный, и устремляется прямо къ Государю черезъ
 ряды судей).*

Петръ, (*увидѣвъ его, съ безпокойствомъ къ нему оборачивается*).

Что ты?

Офицеръ.

Пожаръ

Петръ.

Большой?

Офицеръ.

Большой.

Петръ.

Гдѣ, гдѣ?

Офицеръ.

У Троицы.

Петръ.

Далеко ль

До магазиновъ?

Офицеръ.

Близко. Головъшки

Такъ и летятъ.

Петръ.

А вѣтеръ?

Офицеръ.

Съ моря, страшной.

Петръ.

Вели скорѣй подать мнѣ одноколку.

К. Меньшиковъ, (*съ безпокойствомъ*).

Не лучше ль на пожаръ послать другаго?

Твое присутствіе для насъ нужнѣе.

Петръ, (*встаетъ*).

На что? Судите такъ, какъ я сказалъ вамъ,

Безъ всякаго лицепріятія, имѣя

Въ виду лишь государственное благо.

Мнѣ должно поспѣшить. Бѣда кака!.

Я на пять кораблей мачтъ наготовилъ!

(*Поспѣшно выходитъ*).

К. Долгорукой, (*всмотрѣвъ ему въ лицо*).

Ушелъ! Ну Богъ съ тобой! Грѣха не скрою

Предъ вами, господа: хотѣ грудь открылъ я,

А вѣдъ поджилки такъ и затряслися.
Ахъ! Господи ты Боже мой! Насилу
Опомнился.

К. Голицынъ.

Охота поперечить.

К. Долгорукой.

Ну что же, суди, какъ вы? Рѣшайте.
По совѣсти, по скудному умишку
Моему, безъ толковъ объ родствѣ, Европѣ,
Я думаю, для общаго спасенья
Царевичева смерть необходима.

Г. Шереметьевъ.

Но развѣ невозможно отъ наслѣдства
Намъ отрѣшить его?

К. Меньшиковъ.

Ему давно
Совѣтуютъ: давай, де, сколь угодно
Отказовъ имъ, а это вѣдъ не запись,
Что съ неустойкой мы давали прежде.
Повѣрьте, лишь скончайся Государь,
Наслѣдникъ явится хоть изъ монаховъ,
Хоть изъ Сибири, иль со дна хоть моря.

Толстой.

А Государь хвораетъ нынѣ часто.

К. Голицынъ

Не бережется онъ.

Бугуринъ.

А партій много.

Лишь будь резонъ, и заварится каша.
А чья возьметъ, про то вѣдъ Богъ лишь знаетъ.

К. Меньшиковъ.

Его возьметъ, мы все и все пропало.

Вѣдь.

И царствуютъ ханши, беги, монахи.

Толстой.

Да не хорошіе, не Теофаны,
Не Дмитрии, а лицемѣры, плуты.

К. Рѣшннѣ

Но Государь всѣхъ лучше это знаетъ.
Пусть самъ рѣшитъ, мы не поспоримъ.

К. Голицынѣ

Такъ.

К. Щербатовъ, *(смотря на Меншикова)*

Онъ могъ такъ сдѣлать, насъ не созывая,
А созвалъ,—стало быть онъ хочетъ, чтобы
Рѣшили мы, не онъ.

К. Гагаринѣ.

Кто говорить

О волѣ царской. Онъ и послѣ можетъ
Перемѣнить рѣшенье наше.

К. Долгорукой.

Еслибъ

Отецъ, природнымъ чувствомъ побужденный,
Поколебался бъ, мы, помощники и судьи,
Должны бъ ему обязанность напомнимъ.
А благо намъ рѣшенье оставляютъ,
Воспользуемся, какъ законъ велитъ.

К. Рѣшннѣ.

Да тяжело рѣшить. Душа чужая
Петемки. Вдругъ не разберешь.

К. Голицынѣ.

Богъ знаетъ,

Какъ это—хорошо иль дурно.

Апраксинѣ.

Да.

Да. Мудрено сказать: какъ лучше.

Мнозіа.

Послѣ

Что будетъ!

Б. Меньшиковъ.

Будущее не у насъ,
А настоящее подъ нашей волей.

Апраксинъ.

У Алексѣя сынъ младенецъ.

К. Голицынъ.

Такъ.

Намѣдни видѣлъ мальчика—пребойкой.

Многіе.

Да, сынъ младенецъ. Это къ сображенью.

(Входитъ офицеръ и подаетъ Меньшикову пакетъ).

Рѣшенье Архъереевъ.

К. Рѣпинъ.

Вотъ, вотъ лучше

Всего. Послушаемъ своихъ отцевъ.

(К. Меньшиковъ подаетъ пакетъ Толстому, который читаетъ):

Въ книгахъ 3-хъ Моисеевыхъ, Левит. глава 20. Рече Господь къ Моисею глаголя: рцы сыновомъ Израилевымъ: человекъ, иже аще злорѣчить отцу своему и матери своей, смертію да умретъ. Въ книгахъ же 5-хъ Моисеевыхъ стараго закона, глава 21: аще кому будетъ сынъ непокоривъ и губитель, не послушая гласа отца своего, и гласа матере своея, и накажутъ его и не послушаетъ ихъ; да пойметъ его отецъ его и мати его, и да изведутъ его предъ старцы града своего, и предъ врата мѣста своего, и да рекутъ къ мужемъ града своего: сынъ нашъ сей непокоривъ есть и губитель, и не послушаетъ рѣчи нашей, вѣуя, шіяютвуеть, и да побіють и мужи града сего каменіемъ и да умретъ, да измете злое отъ себя сами, да и друзія слышавшіе убоятся.

К. Меньшиковъ.

Какъ разъ царевичу все это въ пору.

Вейде.

Тамъ много въ пору, выбрать можно, много.

К. Рѣпинъ.

Уймись, Адамъ Адамычъ, не коцунствуй.

(къ Толстому).

А въ новомъ что завѣтъ—почитай-ка.

Толстой, *(читаетъ)*.

Въ Апостолѣ къ Римлянамъ, глава 1, зачало 81: ...Якоже не искусша имѣти Бога въ разумѣ, сего ради предаде я Богъ въ неискусенъ умъ творити неподобная, и исполненные всякія неправды, блуженія, лукавства, злобы, зависти, убійства... досадители родителямъ и проч., яко таковая творящія достойны смерти суть. Не тоію сами творять, но и соизволяютъ творящимъ.

Еще есть тексты изъ Евангелистовъ, Матеія, Марка...

К. Долгорукой.

Хорошо, а сами

Что говорятъ Митрополиты?

Толстой *(читаетъ)*.

Судъ духовный по духу долженъ быти, а не по плоти и крови. Ниже вручена есть духовному чину власть меча желѣзнаго, но власть духовнаго меча, иже есть глаголь Божій. Духовнымъ лицамъ не подобаетъ духомъ ярости, но духомъ кротости поступати, ниже на смерть чію настояти, ниже крови искати, но единаго истиннаго покаянія и смерти духовныя, яже есть, мертвымъ быти грѣху, и живымъ же Богови, по глаголу апостольскому.

К. Рѣпинъ.

Премудрые глаголы!—Александръ Давидычъ!

Что говорятъ наставники-то наши!

К. Меньшиковъ.

Ну что же—развѣ не согласно съ нами?

Вѣдь слово главное—достойнъ смерти,

А прочее не ихъ, конечно, дѣло.

К. Рѣпинъ.

Мы скажемъ также.

К. Долгорукой.

Развѣ мы попы.

Что можно имъ, то намъ нельзя.

Толстой.

Мы судьи,

Рѣшить должны мы.

Другіе.

Такъ, должны мы, но...

К. Гагаринъ.

Рѣшить должны мы непременно!

Мусинъ-Пушкинъ.

Должно!

Бутурлинъ.

Нельзя отсечь и выдти безъ рѣшенья.

Чѣмъ кончили?

Многіе

Оно бы и такъ, да вотъ что ..

Вотъ видите...

К. Долгорукій.

Сбиралися ни по что,

И сдѣлаемъ все ничего.

К. Меньшиковъ.

Рѣшенье

Готово. Сомнѣваться не въ чемъ,

Какъ кажется.

Другіе.

Да не въ чемъ бы, однако...

Конечно...

К. Гагаринъ.

За чѣмъ же дѣло стало?

Молчаніе.

Г Шереметевъ.

Ну, хорошо, рѣшимъ по вашему, да...

К. Долгорукой, *(прерывая)*.

Нѣтъ, не по вашему, а по законамъ.

Г. Шереметевъ.

Такъ. По законамъ. А къ концу прибавимъ

Вотъ что: я написалъ вамъ для примѣра.

(читаетъ, дѣлая удареніе на главные слова).

Сіе сужденіе, по *Высочайшей* волѣ, мы яко рабы и подданные съ сокрушеніемъ сердца и слезъ изліяніемъ изре-

каемъ, въ разсужденіи что намъ въ такой высокой судъ войти *не достойно было*; ни въ приговоръ, ни для *изданія декрету*, и повергаемъ оное въ *самодержавную волю* и разсмотрѣніе Его Царскаго Величества, *всемилоостивѣйшаго* нашего Монарха.

К. Меньшиковъ.

Что-жь это за рѣшеніе? Да и нѣтъ.

К. Долгорукой.

А вотъ теперь и я тебя Европой,
Борисъ Петровичъ, попрекну. Тамъ что ли
Картавятъ такъ? Нѣтъ, мы, братъ, на чистую.

Г. Шереметевъ.

И я нечистаго не написалъ.
Коль судьи не хотятъ моея прибавки,
Пускай отвергнутъ.

Множество голосовъ.

Нѣтъ, хотимъ, хотимъ.

Г. Шереметевъ (*къ судьямъ*).

Я думаю рѣшеніе предоставить
Конечное царю.

Иногіе.

Вотъ это такъ.

Апраксинъ.

Чего же лучше!

Другіе.

Мы согласны съ вами.

К. Рѣпинъ.

Вотъ такъ и совѣсти полегче будетъ.

Другіе.

Такъ.

Хорошо.

К. Голицыны

И наше это мнѣнье.

К. Меньшиковъ.

Я увѣряю васъ, что Государь
Разсердится.

Толстой.

Избавимъ отъ тяжелой
Нужды его изречь родному сыну
Смертельный приговоръ.

К. Рѣшнннъ.

Но развѣ дѣтямъ
Казнить отца роднаго легче. — Мы же
Вѣдь дѣти и Петра и Алексѣя.

Апраксинъ.

Намъ Государь по совѣсти велѣлъ
Судить.

Другіе.

А мы такъ думаемъ.

К. Голыцынъ.

Такъ точно.

Множество голосовъ съ разныхъ сторонъ.

Нѣтъ, нѣтъ.

Пусть будетъ, какъ Борисъ
Петровичъ написалъ.

Пусть Царь рѣшить,
Какъ хочетъ самъ.

Нѣтъ! Нѣтъ!

у Алексѣя
Есть сынъ, своя рубашка къ тѣлу ближе,
Ну, ежели къ нему мы попадемся?
На всякой случай должно намъ оставить
Исходъ спасенья...

Толстой.

Личные расчеты!

(тихо къ Меншикову среди общаго шума).
Да что жъ Головкинъ все молчить?

К. Меншиковъ.

Онъ любитъ
Жаръ загребать чужими вѣдь руками.

(къ Головкину)

Ну что жъ вы все молчите?

Толстой.

Говорите!

Вы канцлеръ вѣдь.

Головкинъ.

Но ничего не слышно!—

Что говорить безъ пользы. Шумъ какой!

(Между тѣмъ другая сторона превозмогаетъ, и слышатся только восклицанія):

Оконченъ судъ! Согласны мы съ Борисомъ

Петровичемъ! Пусть Царь рѣшить!

Пусть Царь рѣшить!

К. Меньшиковъ, Толстой и прочіе

(кричатъ во весь голосъ).

Мы не согласны. Нѣтъ!

(Тихо къ Толстому).

Ну, что прикажешь дѣлать! Ахъ злодѣи!

Апраксинъ.

Не спорьте же, князь Александръ Данилыч!

О всѣхъ преступникахъ вѣдь утверждаетъ

Рѣшенье Государь; здѣсь только то же.

К. Меньшиковъ.

И то же, да не такъ.

К. Долгорукой.

Но господа!

Насъ много здѣсь сидить, а говорили

Не многіе, а прочы лишь кричать,

Не разберешь. Сберемте голоса.

К. Меньшиковъ *(съ досадой къ Толстому).*

Вотъ выдумалъ еще! Ну, все пропало!

(къ прочимъ):

Какіе голоса, на что еще?

Лишь затрудненья этимъ мы прибавимъ!

Множество голосовъ.

Нѣтъ. Хорошо!

Я темную люблю.

Всего спокойнѣе.

Пожалуй.

Такъ.

Всѣ.

Сберемъ-же голоса всѣ, голоса!

К. Долгорукой.

Вотъ и увидимъ, съ кѣмъ согласныхъ больше,
Съ Борисомъ ли Петровичемъ, или съ нами.
Пишите ваши имена въ запискахъ.

(Всѣ пишутъ, не смотря на сопротивление к. Меньшикова и его приверженцевъ, и подаютъ записки к. Долгорукому и Шереметеву, которые ихъ считаютъ).

К. Рѣвнивъ.

О Господи! Очами милосердья
Призри на насъ. Мы, сами грѣшники,
Чужой грѣхъ вѣшаемъ, и мѣру смерти
И мѣру живота опредѣляемъ,
Какъ ангелы въ день свѣтопреставленья!

Г. Шереметевъ.

Сто двадцать шесть насъ человѣкъ. Со мной
Согласныхъ семьдесятъ, число большее.

К. Долгорукой.

Ну! дѣлать нечего. Быть по сему.

К. Меньшиковъ, *(Толсто му)*.

Вотъ видишь ли? Измѣнники! Злодѣи!
Проклятые!

Вслухъ.

Покрайней мѣрѣ, вотъ что
Прибавимъ:

Коли не представятся внѣшніе побудительные резоны,
и не потребуется для генеральнаго блага скорая и
рѣшительная экзекуція.

Что Борисъ Петровичъ?

Г. Шереметевъ.

Это можно,

Хоть и не знаю я, на что.

Множество голосовъ.

Пожалуй.

К. Меньшиковъ (*къ Секретарю*).

Прибавь же въ протоколѣ.

Г. Шереметевъ.

И еще

Къ словамъ «на изволенье», хорошо бы
Прибавить «милосердное».

Нѣсколько голосовъ.

Прибавить.

К. Голицынъ.

Прибавить. Такъ.

К. Долгорукой.

Подпишемся,—и все тутъ.

Всѣ (подписывались).

На силу-то! Устали! Засидѣлись.

К. Долгорукой.

Дай Богъ, чтобы опредѣленье наше
Согласно было со святою Божьей волей,
Отечеству на пользу и спасенье.

К. Меньшиковъ.

Но кто же депутатами къ Царю
Отправится—донести объ окончаньѣ?
Одинъ я не возьмуся ни за что.

К. Долгорукой.

Пожалуй—я пойду.

Г. Шереметевъ.

И я.

К. Рѣпинъ.

Я съ вами.

К. Долгорукой.

Да, канцлеръ пусть поѣдетъ.

К. Меньшиковъ.

Утромъ.

Всѣ.

Ладно.

К. Меньшиковъ (*принимъ, подписываетъ
бумаги.*)

И такъ окончилось засѣданье!

(*Всѣ встаютъ и расходятся.*)

Бутурлинъ (*къ Долгорукому, отходя.*)

Поѣдемъ на пожаръ. Что тамъ такое?

К. Долгорукой.

Нѣтъ, я усталъ. Скорѣе бы домой.

(*Въ залъ не остается никого кромѣ Меньшикова и Толстого.*)

К. Меньшиковъ.

Пропало все. Я зналъ, что такъ случится.

Царевичъ множество друзей имѣеть

Межъ ближнихъ Государевыхъ. Они

Снаружи только преданы ему,

И всякой разъ, когда лишь только могутъ...

Разбойники! Предатели! Злодѣи!

Толстой.

Но Царь заставить ихъ.

К. Меньшиковъ.

Нѣтъ, не заставить.

Я вижу. Хочется ему казнить,

Да не своей рукою.

Толстой.

Хорошо,

Что оговорку вставилъ ты.

К. Меньшиковъ.

Надежда

Послѣдняя!

(*Задумывается. Потомъ*)

Возьмижъ бумаги всѣ

О соумышленникахъ Алексѣя;

Представь всѣ связи ихъ въ ужасномъ видѣ,

Всѣ рѣчи, и желанья, и совѣты,

Имень побольше знатныхъ. Вотъ увидимъ..

Не будетъ ли второй судъ посчастливей,

Не перемѣнять ли они въ испугѣ
И первое рѣшеніе. Я теперь
Поѣду на пожаръ. Потомъ къ тебѣ.

Толстой.

Но поскорѣй. Сподручнѣ работать
Двоимъ.

(уходитъ).

К. Меѣвниковъ.

Услышалъ я въ судѣ слово и вздрогнулъ:
У Алексѣя сынъ!...

(Ходитъ молча по комнатѣ; посылъ)

Ну что жъ! Младенецъ!

Петръ и Екатерина, Петръ. Здѣсь трое
На одного...

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Большой темный подвалъ въ дождь Кикина, съ одною дверью по срединѣ и другою съ боку надъ мѣстницею. Передняя часть освѣщена ночниками. Уголъ заваленъ бутылками и штофами).

Князь Львовъ и Нарышкинъ *(входятъ)*.

Нарышкинъ.

Что хочешь, кумъ любезный мой, а жалко,
Ей-богу жалко стало Государя:
Какъ принялся тушить онъ на пожарѣ,
Потъ у него съ лица катится градомъ,
Весь законченъ и опаленъ и обожженъ,
Ему жь и горя нѣтъ—знай работаетъ,
И за труды такіе смерть принять!
Нѣтъ, жаль. Онъ намъ добра по крайней мѣрѣ
Желаеть всѣмъ.

К. Львовъ.

Объ этомъ кто и спорить.

Нарышкинъ.

Такъ, тошно намъ. Ему же развѣ легче?

К. Львовъ.

Конечно.

Нарышкинъ.

Нѣтъ, Не хорошо.—Въ просякъ попались
Мы сгоряча.

К. Львовъ.

И я ужь спохватился.

Нарышкинъ.

Такъ не шепнуть ли, не мигнуть ли?

К. Львовъ.

Поздно!

При томъ же мы другихъ не остановимъ,
А можетъ быть авось имъ не удастся.
Самъ Богъ Царя вѣдь много разъ спасалъ.

Нарышкинъ.

Да, Кикинъ два раза ужь осѣбался.
А съ нами-то тогда, что будетъ?

К. Львовъ.

Что!

Лукавый искусилъ насъ... такъ и быть...
Мы виноваты... ну и пострадаемъ.
Пождемъ еще.

*(Входятъ князь В. В. Долгорукой и Вяземскій, отецъ Иаковъ
и Кикинъ съ двумя служителями).*

Князь.

Все хорошо! все славно!
А вы что осовѣли такъ! Гдѣ прочья?

Нарышкинъ.

Всѣ пробираются сюда.

Кикинъ.

Пора

Зажечь и здѣсь. Ступай ты, князь Никифоръ,
Проворъ. Сосѣдскій домъ. Степанъ
Укажетъ—какъ, гдѣ.

(К. Вяземскій уходитъ съ однимъ служителемъ).

Хорошо ли, Дмитричъ,
Ты угостилъ людей?

Служитель.

Спать мертвымъ сномъ.
Хозяинъ и семья его въ деревнѣ.
Что хочешь, то и дѣлай.

Эварлаковъ (вбѣгал).

Братцы! Богъ

Судья вамъ. Я лицомъ къ лицу стоялъ
Къ нему. Близехонько. Какъ ловко было!

(къ Кикину).

Ну! если бы ты всёхъ не переспорилъ
Вчера, теперь съ концемъ бы было дѣло.
Заѣмь, скажи, затѣялъ два пожара?

Кикинъ.

Опять за тожь. Тѣфу пропасть, безтолковый!
Позднѣ ль, раньше ль часомъ—все равно.
Лишь только кончилось бы по желанью:
А здѣсь вѣрнѣй: онъ на этотъ пожаръ
Заѣдетъ непременно, по дорогѣ.
Въ своемъ дому намъ, у себя, собраться,
Приготовляться было безопаснѣй.

Эварлаковъ.

Такъ здѣсь бы тотчасъ и зажечь, не тамъ,
Смотри—протянется какъ это долго.

Кикинъ.

А еслибъ изъ суда онъ не поѣхалъ?
Пропало даромъ бы такое средство!
Повѣрь, я все обдумалъ, все устроилъ.
Теперь онъ нашихъ рукъ ужъ не минуетъ.
Поди взгляни-ка лучше, какъ огонь
Взялся. Скорѣй, узнай, что происходитъ
И тамъ.

(Эварлаковъ уходитъ).

А въ самомъ дѣлѣ нетерпѣнье
Береть ужъ и меня.

(Стукъ).

(Въ дверяхъ показывается Аванасеевъ, запыхавшись.)

Кикинъ, (увидѣвъ его).

О Господи!

Что запыхался такъ онъ?

Афанасьевъ.

Радость! радость!

К. Долгорукой.

Какая?

Афанасьевъ.

И неожиданная.

Кикинь.

Скажи.

Афанасьевъ.

Ахъ, дайте духъ перевести. Нѣтъ мочи.
Везуть, везуть Царевича сюда.

Кикинь.

Неужели?

К. Долгорукой.

Что ты!

О. Иаковъ.

Благодать Господня!

Кикинь.

Но какъ случилось?

Афанасьевъ.

Какъ по заказу:

Царевичъ разнемогся послѣ пытки...

О. Иаковъ.

Вотъ мученикъ!

Афанасьевъ.

Лишь кончилась ставка,
Отвезть его назадъ велѣли въ крѣпость,
Чтобы не умеръ хоть до приговору.
Народу у дверей и подъ окнами
Вотъ видимо-невидимо столпилось.
Мы всѣ, кто познатнѣй, стоимъ въ передней.
Съ Лопухинымъ я и съ Сибирскимъ вмѣстѣ,
Какъ вы вчера велѣли не спускать
Царевича изъ вида. Вдругъ мы слышимъ..
Ведутъ. Я и сказалъ Лопухину

Нечаянно: вотъ если бы съ дороги
 Перехватить его. — Теперь темно,
 По улицамъ народу ходить мало,
 А при себѣ имѣть его бы встати
 Теперь. — Царь ужъ на пожаръ поѣхалъ.
 Глядимъ: идетъ. И что жъ! родной племянникъ
 Лопухину тотъ приставъ, съ кѣмъ пришлоеъ
 Его отправить, — одинакихъ мыслей.
 Онъ плакалъ, за руку ведя больнаго
 Царевича.

Кикинъ.

Фамильа?

Аванасьевъ.

Лопухинъ же.

О. Иаковъ.

Коль благъ и милосердъ Господь!

Служитель (*приблѣжавъ*).

На томъ

Пожаръ, приказалъ сказать вамъ Федоръ
 Ильичъ, Царю работы еще много.
 Здѣсь поджигаемъ.

Кикинъ.

Хорошо. Ступай,

Вели скорѣе.

(Служитель уходитъ).

(къ Аванасьеву).

Ну досказывай.

Аванасьевъ.

Вотъ пристава и пошепталъ на ухо
 Абрамій Федорычъ, межъ тѣмъ съ другимъ
 Заговорилъ старикъ нашъ князь Сибирской.
 Тотъ задней лѣстницею съ нимъ скорѣе
 И отослалъ порожнюю карету,
 А самого, перекрестясь, намъ въ руки
 И передалъ. Везутъ его
 Сюда окольною дорогой.

Кивинъ, *(вскрикивая)*.

Безумцы!

И кто просилъ ихъ. Боже мой! Ну что вы
Надѣлали! Вѣдь хватится его
Другой-то приставъ.

Аванасевъ.

Не шуми. Солдата

Отправилъ я за нимъ въ погоню, звать
Къ Царю его, лишь къ крѣпостнымъ воротамъ
Подѣдетъ онъ.

Кивинъ.

Карета-то пустая

Приѣдетъ въ крѣпость. Господи! что будетъ!
Тревога сей же часъ подняться можетъ.

Аванасевъ.

Тѣбу пропасть! Мы не малыя ребята.
Капралу Лопухинъ велѣлъ настрого,
Чтобъ не высаживалъ онъ Алексѣя
Петровича и ждалъ бы у крыльца
Его приѣзда.—Онъ и ждетъ теперь спокойно.

Кивинъ.

Но...

Аванасевъ.

Смѣлымъ Богъ владѣетъ. Здѣсь-то что?

Кивинъ *(въ величайшемъ нетерпѣннѣ
идеть къ дверямъ)*.

Да скоро ли начнется здѣсь пожаръ?

Долгорукой.

Эхъ, братецъ, потерпи. Какъ можно скоро!
Огонь вѣдь разгарается съ начала
Тихонько. Мы успѣемъ. Слышишь—тамъ
Лишь начался развалъ, а до конца
Не уѣзжаетъ онъ.

Аванасевъ, *(оборотившись къ двери)*.

Ну, вотъ они.

*(Входятъ Царевичъ Алексѣй, Князь Сибирской, Лопухинъ
и Приставъ)*.

Кикинь, *(бѣжа къ нему на вострыгу)*.

Да здравствуетъ Царь Алексѣй Петровичъ!

Всѣ *(кричать за нами)*.

Да здравствуетъ Царь Алексѣй Петровичъ!

Алексѣй.

Помилуйте, спасите, весь я вашъ,
Не Царь, а рабъ, послушный, благодарный.

Кикинь *(къ Лопухину тихо)*.

Вотъ удружилъ—ты первый сенаторъ
За это.

Лопухинъ *(къ Кикину)*.

А чины ужъ раздаются?

(Между тѣмъ другіе, тѣсясь около Царевича, въ погалоса):

Какъ бѣднаго замучили! какъ блѣдень!
Душа-то держится чуть-чуть лишь въ тѣлѣ.

О. Іаковъ *(къ Алексѣю)*.

Приди, мой сынъ, ко мнѣ. Облобызаю
Тебя я. Наконецъ насъ Богъ сподобилъ
Своимъ благословеньемъ осѣннги,
И претерпѣвнй до конца, той спасся.

Алексѣй.

Я не повѣдаться и приобщиться
Желаю у тебя передъ кончиной.

Кикинь.

Нѣтъ, нѣтъ, ты будешь царствовать надъ нами.

О. Іаковъ.

На многи лѣта!

Всѣ *кричать*.

Многи лѣта, многи!

(Изъ невозможнаго Алексѣя сажаютъ въ кресла. О. Іаковъ не оставляетъ его во все продолженіе дѣйствія и тихо съ нимъ разговариваетъ).

К. Вяземскій (приблѣвая).

Огонь вездѣ ужъ привялся. Горятъ
Всѣ внутреннія комнаты, и скоро
Наружу пламя выкинетъ.

Кивинъ (къ Аванасьеву).

Скорѣе,

Скажи, чтобъ торопилися какъ можно,
Какъ можно.

(Къ прочимъ.)

Ну, все дѣло на концѣ,
Въ успѣхѣ нѣтъ сомнѣнья. Слава Богу!
Живѣй, бодрѣй! Теперь распорядимся,
Условимся, чтобы не замѣшаться.

Лопухинъ (къ Алексию).

Всемилоствѣннѣйшій нашъ Государь!
Вели!

К. Долгорукой.

Что дѣлать намъ рабамъ твоимъ?

Алексій.

Что вы хотите, я на все согласенъ.

Кивинъ.

Ну если такъ, то я возьму команду
Надъ арміей за Меньшикова.

О. Іаковъ.

Ну!

Я поскачу въ соборъ сзывать къ присягѣ
Народъ.

Кивинъ.

Вотъ будущій нашъ Патріархъ.

К. Вяземскій.

Ахъ, Господи! кого вы позабыли:
Императрицу и меньшаго сына.
Я поскачу за ними.

Кивинъ.

Да смотри же,

Умнѣе, осторожнѣй. Мы даемъ

Важнѣйшее тебѣ препорученье:
 Безъ Государыни и безъ младенца
 Вся партія смѣшается и стихнетъ,
 Какъ полкъ безъ знамени въ сраженьѣ.

О. Іаковъ, *(между тѣмъ какъ къ Ки-
 кину приходитъ служитель).*

Послѣ

Отправимъ въ Суздаль мы ее, на мѣсто
 Царицы Евдокии, что въ темницѣ
 Страдала столько лѣтъ...

К. Вяземской *(тихо къ Нарышкину).*

Да! съ Глѣбовымъ.

О. Іаковъ.

А мученицу мы на тронъ посадимъ.

К. Вяземской.

Пусть помѣняются онѣ мѣстами.
 Но кто жъ надъ флотомъ Адмираломъ будетъ?

К. Долгорукой.

Оставимъ-те Апраксина. Онъ преданъ
 Царевичу. Его же любить чернь.
 Не всѣхъ начальниковъ смѣнять вѣдь старыхъ.

К. Вяземской.

Такъ я въ адмиралтейство первымъ членомъ.

К. Долгорукой *(къ Сибирскому).*

А васъ, князь Юрій Дмитричъ, президентомъ
 Въ Сенатъ, а я въ Москву пожалуй
 Хоть губернаторомъ поѣду.

Прочіе.

Я...

А я....

Кикинъ, *(отпуская служителя).*

Но погодите, господа!
 Никто обиженнымъ не будетъ! послѣ..
 Мѣсть много. Главное теперь устроимъ.

К. Долгорукой.

Однако Царь пусть утвердитъ въ чинахъ.

(Оборачиваются къ Алексю).

Алексѣй.

Всѣ губернаторы и генералы,
Сенаторы.

Эварлаковъ, (прибѣвая).

Горить! огонь пробился,
И зарево ужъ занялось надъ нами.
Народъ сбѣгается.

Кивинъ.

Далеко видно?

Эварлаковъ.

Далеко. Оба зарева сойдутся
Какъ разъ.

Кивинъ.

Друзья! рѣшается судьба.
Друзья! бодрѣй! Не измѣни намъ счастье.
Вина намъ! Выпьемъ-те на укрѣпленье
Руки.

О. Іаковъ.

И сердца.

(Пьютъ).

Кивинъ.

Вотъ еще что сдѣлать:
Послать курьера къ Шведамъ.

Лопухинъ.

Кто же Канцлеръ?

Кивинъ.

Ну! ты возьмишь.

Лопухинъ.

Пожалуй! мы не хуже
Головкина исправимъ.

Кикинъ.

Объщай имъ

Поморье все и Петербургъ, съ условьемъ,
Чтобъ поддержали новаго Царя,
Прислали помощь.—Имъ далеко ль ѣхать!

К. Долгорукой.

Вотъ штуку славную ты надоумилъ!

Кикинъ.

И если Меншиковъ, иль кто другой
Отъ нашихъ рукъ спастись успѣтъ, если
Онъ партію составить здѣсь какую,
Мы тотчасъ и въ Москву,—она вся наша.
И тамъ опомнимся, сберемся, сладимъ,
И послѣ ужъ давай тягаться съ кѣмъ угодно.
А здѣсь кто хочетъ вѣдайся со Шведомъ.

К. Долгорукой.

А въ прочихъ-то губерніяхъ?

К. Вяземской.

Указы

Пошлемъ. Тамъ все равно на ектеньяхъ
Молиться за Петра иль Алексѣя.
Тутъ главное—столица.

Аоанасьевъ, *(вбѣгая)*.

Скачетъ! Скачетъ!

(Всеобщее изумленіе и минутное молчаніе).

К. Львовъ.

Бр! земля, братъ, подъ ногами задрожала.

Нарышкинъ.

Мурашки разползлись по тѣлу.

О. Іаковъ.

Помолимся передъ великимъ часомъ.

Вся крестятся.

Кикинъ, *(превозмогая небольшую робость)*.

Исполнилось желанье! Богъ помощникъ!
Ну, молодцы! Опъ пань! Ну, кто жь возьметса?
Конецъ! Смѣлѣ! Чья рука не дрогнетъ?

(Многіе заикаются и отступаютъ).

Ну кто же? Или обробѣли? Что вы?
Смѣлѣ! кинемъ жеребій.

Всѣ.

Ну, кинемъ!

Такъ. Кинемъ жеребій. Всего вѣрнѣ.

Нарышкинъ, *(тихо къ Львову)*.

Нѣтъ, нѣтъ! я не могу остаться... совѣсть
Замучила меня... прощай... какъ хочешь.

(выходитъ непримѣтно).

*(Между тѣмъ Кикинъ въ молчаніи собираетъ въ шляпу
вещи, у кого кольцо, у кого ключъ и пр.)*

К. Влаемской, *(вбѣгая)*.

Что жь вы! скорѣе, господа! онъ что-то
Подозрѣваетъ, кажется, онъ смотритъ
Въ калитку къ намъ..

Кикинъ.

Сей-часъ.

(Собравъ вещи).

Ну, всѣ ли!

К. Влаемской.

Всѣ.

Нарышкинъ встрѣлся мнѣ, но надо жь тамъ
Кому-нибудь изъ насъ пока остаться.
Вотъ за него хотъ положи кольцо.

(Кикинъ трясетъ тляну.)

О. Іаковъ.

Святое дѣло жребій. Самъ Господь
Предводитъ вѣрнаго своего раба,
Иже грядетъ творить святую волю.

(Въ эту минуту въ средней двери показывается Петръ съ деньщикомъ, котораго чрезъ минуту высылаетъ, сказавъ ему на ухо нѣсколько словъ, а самъ остается въ углубленіи).

Кичинъ, *(опуская руку въ шляпу, чтобъ вынуть жребій.)*

Кому вынется, тому сбудется.

Всѣ кригать.

Пусть вынетъ царь. Пусть вынетъ царь!

(Кичинъ подходитъ къ Алексѣю, который не за долго предъ тѣмъ уснулъ. О. Іаковъ будитъ его).

Кичинъ.

Пожалуй,

Вынь жребій.

Алексѣй *(въ просонкахъ).*

Какой?

(Вынимаетъ, отдаетъ Кичину и опять засыпаетъ).

Кичинъ *(показывая ключъ).*

Чей это ключъ?

Кому честь, слава и святое дѣло?

(Всѣ подбѣгаютъ и смотрятъ).

Не мой.

Не мой.

Не мой.

Эварлаковъ.

Мой, мой! Ну, видно

Такъ Богъ велить.—Гдѣ ножъ: подайте!

(Нѣкоторые ореди обичаю крика).

Такъ, такъ ему и надо. Кровь за кровь!

Его отецъ казненъ царемъ съ стрѣльцами.

(Многіе подаютъ ему свои ножи).

Эварлаковъ *(не принимая).*

Подайте мой, что давича....

Киникъ, (*между тѣмъ осматрѣвшись кругомъ*).

Ахъ, онъ

Вверху.

Сей-часъ я побѣгу за нимъ.

(*Бѣжитъ по внутренней лѣстницѣ*).

Всѣ (*кричатъ ему вслѣдъ*).

Скорѣй! Скорѣй!

(*Потѣмъ между собою*).

Ну, дождались мы воли!

Вдохнемъ спокойно.

За то ужъ натерпѣлись!

Эварлаковъ (*пѣтъ*).

Да неужели одного?

Всѣ (*кричатъ съ разныхъ сторонъ*).

Нѣтъ, нѣтъ.

Всѣхъ, всѣхъ его друзей, кто попадется.

Эварлаковъ.

Республика, и бей кого захочешь.

Другіе.

А съ Нѣмцами что дѣлать намъ, ребята?
Метлой всѣхъ Нѣмцевъ выгнать вонъ по шеѣ,
Чтобъ духу ихъ не пахло на святой
Руси.

Мы жить хотимъ одни, на волѣ.
Размечемъ Петербургъ по камню!

Сбросимъ

Змѣйную съ себя, чужую кожу.
Сожжемъ весь флотъ.

И бороды отростимъ.

Мѣста разрядныя опять.. Опять!
Потомъ законъ такой поставимъ, чтобы
Ни Петръ, ни чортъ, ни дьяволъ съ сатаномъ
Впредь не могли Россіи шевельнуть.

Вместѣ.

О **Яковъ.**

Чтобъ во вѣки вѣковъ она осталась
Недвижная на Богомъ данномъ мѣстѣ!
И вѣтромъ на нее чтобъ не пахнуло,
Отъ Нѣмцевъ, Нѣмцевъ и всѣхъ бусурмановъ.

Идетъ.

Аоанасевъ *(увидѣвъ Кишину на лѣстницѣ.)*

На силу-то! Какъ долго ты!

Всѣ *(увидѣвъ свергающій ножъ.)*

Ура! Ура!

Вотъ, вотъ спаситель нашъ: ура! ура!

(Подаютъ ножъ Эварлакову съ восклицаніями.)

Смотри, не промахнись, вѣриже, въ сердце!

О. **Яковъ** *(креститъ его).*

Благословляю, чадо, ты на велий подвигъ!

*Эварлаковъ прицѣпляетъ ножъ и махая
идетъ въ неистовствѣ).*

Такъ что жь, цора?

*(Вбѣжитъ къ двери, всѣ за нимъ. . . . Петръ, вѣвъ себя
отъ ильва, стремительно къ нему на встрѣчу, вырываетъ
ножъ и толкаетъ его въ грудь).*

Пора, да не тебѣ,

А мнѣ, разбойники!

*(Всѣ остолбенѣли отъ изумленія. и остаются въ одномъ
положеніи. Мгновенное молчаніе? Царевичъ, проснувшись отъ
шума, падаетъ въ обморокъ).*

Вотъ я васъ. Что вы

Затѣяли?

Бикинъ, *(топая ногами).*

Тѣфу чортъ возьми!

Пропало все!

Заговорщики, *(отстороняясь отъ Петра).*

Мы... ничего... мы.. такъ.

Петръ.

Какъ ничего! Какъ такъ! Я слышалъ все.

Нѣкоторые (падая на колѣни).

Помилуй... виноваты... виноваты.

Петръ.

Да долго ли мнѣ биться съ вами?

Съ чего

Поднялись вы?

(Всѣ заикаются и молчатъ).

К. Долгорукой.

Мы слышали, дворянство

Искоренить ты хочешь.

К. Львовъ.

Мужиковъ

Умнѣ сдѣлать, чѣмъ дворянъ.

Допузникъ.

Раздать имѣнія въ чужія руки,
Солдатскія.

О. Іаковъ.

Перекрестить насъ въ Нѣмцевъ.

Иную еретическую вѣру

Принять.

Допузникъ.

Съ царевичемъ по старинѣ

Надѣялись мы жить прохладно, вольно.

Петръ.

Что врете вы! Вы сами ничего

Не знаете, глушцы.

(Къ Кикину.)

Ты ихъ умнѣ.

Чего хотѣлося тебѣ?

(Кикинъ молчитъ).

Чего хотѣлося тебѣ?

Кивинъ (сквозь зубы.)

Умъ любить....

Петръ.

Что?

Кивинъ.

Просторъ, а отъ тебя приходитъ тѣсно.

Петръ.

Мѣшаю развѣ я кому работать,
И отличаться?

Кивинъ.

Не мѣшалъ сначала.

Теперь мѣста всё заняты. Пробыться
Нельзя. Я родился позднѣй. Хотѣлъ...

К. Львовъ.

Онъ обольстилъ насъ всёхъ въ недобрый часъ.

К. Сибирской.

Я говорилъ, какой грѣхъ смертный это,
Удерживалъ. Спроси всёхъ.

Петръ.

Старый чортъ!

Ты умираешь, а хватаешь зелье.

К. Сибирской.

И самъ не знаю, какъ случилось это.
Обманомъ и неволей. Мнѣ не дали
Опомниться.

Всѣ.

Помилуй... виноваты

Впередъ не будемъ и закажемъ дѣтямъ.

Петръ.

Нѣтъ, нѣтъ. Я долго ужъ терпѣлъ. Довольно!

Эварлаковъ *(назади, тихо к. Вяземскому)*.

Да что же обробѣли мы? Вѣдь онъ
Одинъ. Впередъ!

К. Вяземской.

И въ самомъ дѣлѣ.

(Къ сосѣдямъ тихо).

Братцы!

Подвинемся!

(Къ Петру громко).

Прости же насъ!

Всѣ *(громко и подвигаясь)*.

Прости..

Петръ, *(замѣтивъ ихъ ободреніе, отступаетъ тихо, безпрестанно поглядывая на двери)*.

Я разсмотрю, кто больше виновать,
Кто меньше.

Лопухинъ, *(почти напяря)*.

Нѣтъ, прости теперь, дай слово!

Петръ, *(приближаясь болѣе и болѣе ко двери)*.

Я не могу теперь, не зная, братцы.....

Эварлаковъ.

Такъ вотъ узнай!

(Бросается изъ заднихъ рядовъ на Петра, который приблизился почти къ двери, но въ эту минуту она отворяется и гвардейскій капитанъ ведетъ за собою роту Преображенскихъ солдатъ. Петръ, увидѣвъ его, бѣжитъ по цѣпкѣ).

Проклятый! опоздалъ.

Они было меня совсѣмъ убили!

(Все это происходитъ въ одно мгновеніе. Заговорщики, увидѣвъ солдатъ, отступаютъ съ знаками величайшаго отчаянія. А Петръ идетъ впередъ).

Петръ.

Ага, разбойники! Вотъ я прощу васъ.

Вотъ дамъ честное слово. Ну, вяжите ихъ.

(Солдаты вяжутъ имъ всѣмъ руки назадъ.

Плачъ и вопль.)

(Входитъ К. Меньшиковъ съ двумя офицерами.)

К. Меньшиковъ.

Пожаръ у Троицы потухъ, а этотъ

Такъ разгорѣлся, что помочъ нельзя ужъ.

(Петръ, указывая на заговорщиковъ.)

Ну такъ и быть. За то вотъ здѣсь погасло.

(Указывая на Алекся, лежащаго въ обморокъ.)

Возьми.. его.. и содержи покрѣпче.

(Командуетъ такъ, чтобъ солдаты окружили заговорщиковъ.)

Маршъ—въ крѣпость!

Взводъ отправляется.

Петръ съ удивленными Меньшиковыми идетъ назадъ, потирая себѣ лобъ.)

Слава Богу! отдохнулъ я!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

*(Токаря Петра. Вездѣ инструменты, глобусы, ландкарты.
Петръ сидитъ за станкомъ и точитъ паникадило. Встаетъ).*

Нѣтъ! не могу я. Голова кружится,
Въ глазахъ темно, мѣшаются всѣ мысли.
Татищевъ!

(Деньщикъ входитъ.)

Депутатовъ еще нѣту?

Деньщикъ.

Рапортовать тебѣ вѣдь завтра утромъ
Положено. Сей-часъ лишь вѣстовыхъ
Я разослалъ ко всѣмъ. Не вдругъ сберутся.
Они живутъ далеко другъ отъ друга.

Петръ.

Ступай.

(Деньщикъ уходитъ.)

Рѣшился я. Необходимо!

Но лишь подумаю объ исполненѣи,
Какъ вдругъ топоръ скользнетъ по голой шеѣ...
Отецъ... роднаго сына... страшно!.. сына!
Такъ что жъ? Казнить Россію вмѣсто сына!
Но развѣ узами я не такими
Съ Россіей съединенъ? Такими? Нѣтъ,
Не девять мѣсяцевъ въ своей утробѣ...

(Ходитъ по комнатѣ.)

Деньщикъ!

(Деньщикъ входитъ.)

Сходи къ французскому послу.
Вели ко мнѣ сей-часъ пріѣхать.

Нѣтъ.

Спроси—такого случая не бывало ль
 Когда, гдѣ, въ государствахъ европейскихъ,
 Чтобъ сына своего казнилъ отецъ,
 Чтобъ принужденнымъ былъ его казнить,
 За что-нибудь. Ступай, спроси его.

(Денщикъ уходитъ).

Но для чего примѣръ мнѣ?

(Идетъ къ дверямъ и кличетъ).

Катинька!

Поди сюда!

(Екатерина входитъ).

Петръ.

Утѣшь меня. Ахъ, другъ мой,
 Какъ тяжело мнѣ, и грустно и досадно!
 Ты заступалась за Алексѣя
 Всегда. Скажи, ну можно ли оставить
 Его въ живыхъ? Я никогда спокоенъ
 Не буду. Онъ злодѣй—коварный, гнусный.
 Но вотъ чего понять я не могу:
 Ты знаешь—мое сердце не лежало
 Къ нему. Увидѣлъ рано я пороки
 Его, склонности, что онъ въ наслѣдство
 Отъ матери своей противной получилъ.
 Давно желалъ я передать корону
 Моимъ послѣднимъ дѣтямъ, нашимъ.—Нынѣ
 Онъ заслужилъ поносную кончину.
 Сей-часъ надъ головой своей я видѣлъ
 Ножъ, наточенный звѣрскими руками
 Его,—

А въ сердцѣ у меня заступникъ
 Явился неотвязчивый, докучный,
 И сильный за него. Безъ содроганья
 Я вздумать не могу объ этой казни.

Екатерина.

Но судъ вѣдь на него тобою наряженъ.

Ты чистъ. Пусть судятъ, какъ угодно, судьи.
 Такое дѣло имъ принадлежитъ
 Гораздо больше, чѣмъ тебѣ—и вѣрно
 Сто двадцать человекъ отыщутъ правду.

Петръ.

Судъ! Судъ! Но кто въ Европѣ, здѣсь, повѣрять,
 Что судъ сей былъ чистосердеченъ? Скажутъ:
 Какъ государь хотѣлъ, такъ и судили
 Всѣ судьи; еслибъ не хотѣлъ онъ казни,
 Кто смѣлъ произнести бы это слово?
 Несчастнѣйшая участь государей!
 Последнему поденьщику на слово
 Повѣрять больше всякихъ манифестовъ
 Торжественныхъ!—А это подозрѣнье
 Мучительно!

(Ходитъ по комнатѣ).

Подай ко мнѣ Петрушу!

(Екатерина уходитъ.)

Посланникъ и Денщикъ возвращаются.

Посланникъ мнѣ сказалъ, что не бывало
 Такого случая нигдѣ. Лишь только
 Филиппъ второй казнилъ роднаго сына,
 Въ Испаніи, но этотъ судъ въ Европѣ
 Всѣмъ ненавистенъ; брать его въ примѣръ
 Тебѣ не должно.

Петръ.

Чортъ просилъ примѣра
 У болтуна? Филиппъ за что судилъ?

Денщикъ.

Донъ Карлосъ въ мачиху свою влюбился.

Петръ.

А—вспомнилъ я. Филиппъ второй. Злодѣй.
 Голландцы мнѣ объ немъ наговорили.
 Ступай.

(Денщикъ уходитъ.)

Хорошъ товарищъ мнѣ! Пріятно

Въ Исторіи ему подать мнѣ руку.

(Ходитъ по комнатѣ).

Какъ слабы мы со всею нашей силой!

Мы даже истины напечатлѣть

На дѣйствіяхъ своихъ не можемъ. Всякой

Толкуетъ ихъ, какъ прихоти угодно.

Такъ я чего жъ робѣю? чѣмъ смущаюсь?

Желать ли невозможнаго?—Смѣшно.

Судьба Россіи и дневные толки!

Могу ли въ выборѣ и колебаться.

(Вдругъ останавливается, печально взглянувъ на ланд-карту. Подходитъ къ ней и смотритъ долго. Потомъ начинаеть говорить, вода по ней рѣкою.)

Какое удивительное царство!

Чего въ немъ нѣтъ! Въ какомъ все изобиліи!

Хлѣбъ—соль,—и злато, и ливанъ, и смирна..

А будетъ и вино, и шелкъ, и сахаръ,

Въ Украинѣ, Азовѣ, Крыму, Кавказѣ,

Что рано ль, поздно ли возьметъ Россія,

Какъ рѣки мелкія въ себя большая

Притягиваетъ ото всѣхъ сторонъ.

А тѣ сокровища, кои таятся

Въ непочатыхъ еще хребтахъ Сибирскихъ!

Въ чемъ мы нуждаемся и чѣмъ Европу

Снабжать не можемъ отъ своихъ избытковъ?

Мы можемъ доставлять ей всѣ товары

Изъ Индіи, Леванта, Кашемира.

Такъ дешево, удобно, привозить

Ихъ чрезъ Сибирь, или по степи Киргизской,

Такъ развозить легко намъ по широкой

Невѣ, и Волгѣ, и Днѣпру и Дону,

По шибкому по санному пути.

Пора, воспользуясь своимъ соседствомъ,

У Англичанъ, Французовъ и Голландцевъ,

Пора намъ перенять сію торговлю,

Съ ея движеніемъ, опытомъ, догадкой.

А школа-то какая для матросовъ!

И это все свершить мы можем тихо,—
 Изъ-за пустынь Сибирскихъ и Каспійскихъ
 Песковъ, и чрезъ Кавказскія ущелья.
 Пусть зарятся ревнивые сосѣди.
 Мѣшать—они не смогутъ, не посмѣютъ.
 Хоть и нашелся бѣ между ними Карлъ
 Тринадцатый, догадливѣ прочихъ,—
 Съ морозомъ нашимъ, снѣгомъ и пространствомъ
 Намъ даже нѣтъ нужды обороняться.
 Пусть все беретъ, и, ослѣпя успѣхомъ,
 Идетъ въ заповѣдную еередицу:
 На каждомъ здѣсь шагу его ждать будетъ
 Полтава съ хладной и голодной смертью.
 И послѣ ужь не сунется никто.
 А мы лишь захотимъ, по волѣ можемъ
 Всегда рядить и управлять Европой.
 Славяне, что рассыпались по ней
 Вездѣ, родные братья намъ по плоти.
 Лишь кликни кличъ, скажи одно имъ слово,
 Со всѣхъ сторонъ они намъ отзовутся.
 А общай оборонить языкъ,
 Что нѣмцы изъ души ихъ вырываютъ,
 Скинь рубль подушной и прибавь простору.—
 Они по Рейнъ, Италию—всѣ наши.
 Чтожъ значать противъ этой силы тмы темъ,
 Порожня всѣ имена и титула?
 Сосѣди же у насъ какіе—Польша.
 Отецъ побрезгалъ ею за бунство.
 И вправду отъ ея болоть не много
 Намъ пользы, а въ войнѣ какой сторонней
 Застава все-таки; но я пожалуй
 Возьму ихъ вмѣсто курфирстовъ Саксонскихъ,
 Когда придетъ имъ въ голову шальную,
 Что лучше сыномъ быть капиталиста,
 Чѣмъ мѣлочью особъ перебиваться.
 Я разведу горячую ихъ кровь,
 Вину несчастій всѣхъ, терпѣнемъ русскихъ,
 И пылкіе, и умные Поляки

Насильно будутъ у меня счастливы,
 А мнѣ широкими ихъ воротами
 Владѣть полезно бы на всякой случай
 Для наступательной войны съ Европой.
 О прочихъ же сосѣдяхъ, ближнихъ, дальнихъ,
 О Турціи, которая, какъ лошадь
 Горячая, въ поту, напившись съ бѣгу,
 Въ Европѣ запалилася и чахнетъ,—
 Имперіи разнокалиберной, складной,—
 И говорить труда не стоитъ.

(Идетъ отъ ландкарты и видитъ младенца. Онъ продолжаетъ, обращаясь къ нему.)

А внутренній уставъ тебѣ какъ ловко
 Изъ опытовъ чужихъ переправлять!
 Чуть новое какое заведеніе,
 Полезное въ сосѣднихъ государствахъ,—
 Перенимай и затѣвай постройку
 Изъ своего, но не чужаго лѣса,
 Приладися ко времени и къ мѣсту.
 Чуть старое ветшая вредъ покажетъ,
 Опустится, иль потечетъ, промерзнетъ,—
 И жалоба и ропоть зашумитъ
 Межъ обитателей тамъ недовольныхъ,
 Чини скорѣй свое, ломай заранѣй.
 Тогда здѣсь царской милостію будетъ,
 Что тамъ въ добычу черни достается.
 Не будь и слабъ: упрямства хуже слабость,
 И баловать дѣтей, давать потачку,
 Когда они, увидя что, забредать,
 Огня, ножа, иль бѣлены запрасятъ,
 Голодные глазами, не желудкомъ,
 Погибель и себѣ и полоумнымъ!
 Отказывать имъ тяжело, согласенъ,—
 Благотворя, казаться властолюбцемъ,—
 Казаться! Нужды нѣтъ. Кажися чѣмъ случится,
 А дѣйствуй какъ повелѣваетъ совѣсть.
 Вотъ, вотъ самодержавная царица,
 Награда, судія—царей, народовъ,
 Людей. . .

Я самъ толпѣ тупой, быть можетъ,
Тираномъ кровожаднымъ покажуся,
Но оставлять ли мнѣ

(указываетъ на ландкарту)

Россію, эту,
Въ удобность будущаго мнѣнья,
На произволь судьбы или злодѣя!
Нѣтъ, нѣтъ. Пускай проклянуть меня. . .

(Начинаетъ ходить по комнатѣ).

Екатерина.

О нѣтъ. Повѣрь, мой другъ, тебя прославить
Потомство за такой великой подвигъ.
Въ Европѣ знаютъ всё, какъ любишь ты
Отечество, и тотчасъ убѣдятся,
Что ты на казнь такую согласился,
Лишь изъ любви къ нему. . .

Петръ, *(остановившись и смотря
на нее съ горестію).*

Но изъ одной ли!

И этого лишень я утѣшенья.
Не знаю самъ.—

Какъ горько мнѣ! до смерти!

Деньщикъ (слодить).

Явились депутаты.

Петръ.

Пусть войдутъ!

*(Деньщикъ отворяетъ дверь. Входятъ к. Меншиковъ, Дол-
горукой, Рѣпинъ, гр. Шереметьевъ, Головкинъ, Толстой.)*

К. Меншиковъ.

Судьи по долгу совѣсти и крестной
Присяги, строго разсмотрѣвши дѣло,
Согласно съ мнѣньемъ пастырей церковныхъ,
По кореннымъ законамъ всероссійскимъ,
Единодушно межъ собою положили. . .

Петръ.

Ну что же?

К. Меньшиковъ.

Уголовные проступки
Твоего Большаго сына Алексея
Петровича достойны смертной казни.

Г. Шереметьевъ.

Но такъ какъ замыслы его всёхъ больше
Относятся къ тебѣ, они не смѣютъ
Вступаться въ высшее такое дѣло,
Не смѣютъ приговора утвердить,
И съ нами униженно представляютъ
На милосердное соизволенье
Твое.

Петръ съ вѣско.мъ.

Соизволенье! Милосердые!

Какого вы хотите милосердыя?
Вы знаете ль, что я сей-часъ лишь только
Изъ петли голову свою унесъ,
Что ваша жизнь на волоскѣ висѣла.
Злодѣй ужъ вынулъ жеребій, кому
Убить меня,— но Богъ мнѣ указалъ
Дорогу въ ихъ вертепъ... я спасъ Россію.

(Депутаты съ величайшемъ изумленіемъ).

К. Долгорукой.

Благодаримъ Тебя, великій Боже!

Г. Шереметьевъ.

Какія неестественныя чувства!

К. Рыннинъ.

О дьяволь! какъ людей ты обольщаешь!

Петръ.

Хотите, чтобы я простилъ злодѣя,
Которой предъ послѣднимъ издыханьемъ,
Грозилъ еще всёмъ намъ такую казнь?

(Всѣ молчатъ).

К. Меньшиковъ *(выступая впередъ)*.

Нѣтъ! вѣроноданные мы твои,
 Смысл отечества, мы умоляемъ
 Тебя, чтобъ для общественнаго блага
 Пожертвовалъ родительскимъ ты чувствомъ.
 Во мнѣнїи суда заключено,
 Что мы рѣшительное утвержденье
 Тогда тебѣ на волю оставляемъ,
 Какъ государственныхъ другихъ причинъ
 Не будетъ торопиться исполненьемъ.
 Теперь, услышавши о новой бурѣ,
 Сбиравшейся надъ нашими главами,
 Мы, представителя всѣхъ бывшихъ мнѣнїй,
 Между которыми дѣлились судьи,
 Мы слезно просимъ общїй приговоръ
 Оставить въ полной силѣ. —

Я надѣюсь,

Товарищи мои, любя отчизну,
 Бывъ преданы не меньше моего
 Тебѣ, соединять со мной молитвы.

Г. Шереметьевъ.

Я съ сокрушеннымъ сердцемъ сознаюся,
 Что это преступленіе сверхъ мѣры }
 Лишаетъ правъ царевича на милость.

К. Долгорукой.

Онъ не достоинъ быть ея и прежде.
 Я говорилъ судьямъ и долго спорилъ.
 А нынѣ нѣтъ и казни ужъ досгойной
 Ему.

Б. Раининъ.

Быть такъ. Повадился по воду
 Кувшинъ ходить, и голову ему
 Тамъ положить. — И я на казнь согласенъ.

К. Меньшиковъ, *(подступаетъ рѣшительно
 къ Петру, ходящему по комнатѣ,
 и говоритъ твердымъ голосомъ)*

Вотъ приговоръ съ послѣднимъ дополненьемъ.

Ты дож жень подписать его сей-часъ.

Петръ (*схватываетъ бумагу, подписываетъ дрожащею рукою, и въ сильномъ волненіи говоритъ Толстойму*).

Ступай теперь же ты, и объяви
Ему рѣшеніе... скорѣй, скорѣй.
И привези ко мнѣ сюда... отвѣтъ,
Сюда... къ намъ.

Толстой (*уходя*).

Слушаю.

К. Меньшиковъ (*тихо, его провожал*).

Смотри же!

Толстой, (*дѣлая знакъ воловою*).

Понимаю.

К. Рѣшнитъ (*тихо Шереметеву, между тѣмъ какъ Петръ въ сильномъ волненіи начинаетъ пить и ходить по комнатѣ*).

Какой отвѣтъ намъ привезти, на что?

Г. Шереметевъ (*также тихо, вздыхал*).

А вотъ сей-часъ узнаемъ, погодите.

(*Петръ ходитъ скорыми шагами. Изрядно слышатся у него глухіе звуки. Въ тѣлѣ примѣтны судорожныя движенія. Всѣ присутствующіе, блѣдные отъ страха, стоятъ въ сторонѣ какъ вкопанные. Молчаніе*).

К. Меньшиковъ, (*тихо къ Екатеринѣ*).

Заговори ты, Христа-ради, съ нимъ:

Онъ внѣ себя.

Екатерина, (*дрожащая*).

Нѣтъ... я боюсь..

К. Меньшиковъ, (*тихо къ Долгорукому*).

Хоть вы,

Князь Яковъ Федорычъ, заговорите,

К. Долгорукой.

Да что заговорить?

(*Къ Петру, чрезъ минуту*).

Кто жъ спасъ .. тебя..

Отъ кова... этого?

Петръ, (*не оставаясь, съ сердцемя*)

Кто?... Богъ... кому же?

К. Долгорукой, *(опять трезь мию ту)*.

А гдѣжь они... тебя... убить... хотѣли?

Петръ, *(нѣсколько тише)*.

Гдѣ! на пожарѣ.

Б. Долгорукой, *(сильнѣе)*.

А что же о вертепѣ

Ты давеча промовилъ намъ?

Петръ.

Въ вертепѣ

Они готовились, распоряжались.

К. Меньшиковъ.

И какъ тебя злодѣи не видали?

К. Долгорукой.

Запальчивость... собою занялся...

Но кто жь они?

К. Меньшиковъ.

Вотъ я составилъ списокъ

Тѣхъ лицъ, котормя въ сношеньяхъ

Съ Царевичемъ издавна находились,

Какъ видно по бумагамъ. — Впрочемъ

Всѣ выписки, при этакой уликѣ,

Ужъ, кажется, что болѣе не нужны.

Петръ, *(читая)*.

Они, всѣ. Кишинъ, Вяземной, Дубровской,

Князь Долгорукой, Лопухинъ...

(Вереть перо и пишетъ на бумагѣ)

Повѣсить...

Колесовать. . . сослать на покаянне.

Нарышкинъ . . . оубъ. . . не жить въ столицахъ.

К. Меньшиковъ *(заикаясь)*.

Вотъ

Еще.. одинъ судья.. вошли въ сомнѣнне..

О сынѣ Алексѣевоу. . . что дѣлать

Прикажешь съ нимъ?

Петръ (подумавъ).

Воспитывать съ мной . . .

(Въ дверяхъ показывается Толстой. Петръ бѣжитъ къ нему на встрѣчу, хватаетъ его машинально за руку, и устремляетъ на него вопрошающій взоръ).

Толстой.

Царевичъ . . . кончилъ жизнь. — Я не успѣлъ
Прочсть ему большому приговора, . . .
Какъ на землю онъ мертвой покатился
Апоплексическимъ ударомъ.

Петръ (съ провѣтлеющимъ лицомъ).

Слава Богу!

Гора свалилась съ сердца. — Я спокоенъ.
Скажите рѣчь на текстъ Авессаломовъ,
Пошлите ноты ко дворамъ союзнымъ,
Судъ напечатайте во всезвѣстье.
(къ Толстому).

Я жалую Андреевскую ленту
Тебѣ, Толстой . . . за . . . производство дѣла.
Велите истопить пожарче баню,
Потомъ ко всеобщей пойдемъ: вѣдь нынче
Канунъ Полтавскаго сраженья. Послѣ,
Данилычъ, у тебя на вечеръ.

К. Долгорукой.

Поздно.

Давно ужъ полночь.

Петръ.

Какъ! давно ужъ полночь!

Такъ мы теперь къ заутрени пойдемъ,
Благодарить Творца за двѣ побѣды—
Надъ внѣшними и внутреннимъ врагами.
Последнюю, залогъ святой спасенья,
Съ мучительной я болью получилъ.
Утѣшился. Фундаментъ просвѣщенья
На вѣкъ у насъ я ею положилъ.
Все новое спаслось отъ разрушенья.
Я провью все, сыновней, искупилъ.
А насъ судить пускай потомки стануть.
Авось меня добромъ они помянутъ!

ЗАПИСКИ ШТЕЛЛИНА.

Карлъ Петръ Ульрихъ,

(впоследствии Петръ Федоровичъ),

ГЕРЦОГЪ ШЛЕЗВИГЪ-ГОЛШТИНСКІЙ.

Родился въ Киль 10—21 февраля 1728 г. отъ прелестнѣйшей женщины въ государствѣ, Анны Петровны *, первой дочери Петра Великаго, Императора Всероссийскаго, на 21-мъ году ея возраста.

Между прочими увеселеніями по случаю этого рожденія, спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ новорожденный принцъ былъ окрещенъ евангелическимъ придворнымъ пасторомъ д-ромъ Хоземаномъ, сожженъ былъ передъ дворцомъ фейерверкъ. При этомъ загорѣлся пороховой ящикъ, отъ чего нѣсколько человѣкъ было убито, многіе были ранены, и нашлись люди, которые объясняли этотъ случай при такомъ радостномъ событіи, какъ зловѣщее предназначеніе для новорожденного принца. Вскорѣ случилось еще большее несчастіе. Герцогиня пожелала видѣть фейерверкъ и иллюминацію; встала съ постели и стала у открытаго окна при сыромъ и холодномъ ночномъ воздухѣ.

* Когда эта принцесса съ своимъ новобрачнымъ прибыла въ Киль (1727) на императорскомъ руссѣйскомъ фрегатѣ, все голштинское дворянство обоюга пола собралось для ихъ торжественной встрѣчи, и всѣ были поражены необыкновенною красотою герцогини.

Была сочинена французская пѣсня „Sur la brunette et sur la blonde“, въ которой относилась къ этой принцессѣ и сестрѣ ея Елизаветѣ Петровнѣ.

Нѣкоторыя изъ придворныхъ дамъ хотѣли удержать ее, и убѣдительно просили ее закрыть окна и болѣе беречь себя въ настоящемъ положеніи. Но она засмѣялась и сказала: «мы, Русскія, не такъ изнѣжены, какъ вы, и не знаемъ ничего подобнаго». Между тѣмъ эта прелестная принцесса простудилась, занемогла горячкою и скончалась на десятый день. Ея тѣло набальзамировали, и на слѣдующее лѣто отвѣзли для погребенія въ Петербургъ, на томъ же русскомъ фрегатѣ, на которомъ герцогъ съ герцогинею прибылъ изъ Россіи. Тамъ погребено оно въ крѣпостной церкви св. Петра и Павла, въ императорскомъ склепѣ, съ правой стороны иконостаса или входа въ Святая Святыхъ.

Въ честь этой принцессы герцогъ, супругъ ея, учредилъ голштинскій кавалерскій орденъ св. Анны. Вокругъ орденской звѣзды начертано изрѣченіе: *Amantibus justitiam, pietatem, fidem*, а на орденскомъ крестѣ, который назначено было носить съ лѣвой стороны на правую на блѣдно-пунцовой лентѣ съ желтою каемочкою, четыре начальныхъ буквы этого изрѣченія; на обратной эмальированной сторонѣ начертанъ именной шифръ герцогини: *Anna Petrowna, Princess Imperialis Russiae*.

Послѣ смерти этой милой принцессы, о которой герцогъ никогда не могъ вспомнить безъ слезъ, начались со всѣхъ сторонъ разныя преслѣдованія, въ особенности со стороны ненавистной герцогу императрицы Анны Иоанновны, а въ угожденье ей и отъ вѣнскаго двора. Въ такомъ затруднительномъ положеніи герцогъ показалъ надежды нѣ принца, лежащаго въ колыбели, и сказалъ окружающимъ его: «Онъ выручитъ насъ изъ нужды и поправитъ наши дѣла».

Примѣчаніе. Спустя нѣсколько времени послѣ смерти ея императорскаго высочества герцогини, обстоятельства герцога стѣснялись все болѣе, и болѣе частію отъ преслѣдованій князя Меньшикова, который совершенно отвратилъ отъ него императрицу Екатерину, и заставилъ его неожиданно выѣхать изъ Пе-

тербурга,* частію отъ сильныхъ притязаній его многочисленныхъ кредиторовъ, которымъ на уплату процентовъ едва доставало доходовъ съ половины государства, и даже были отданы въ залогъ цѣлыя управленія (amtsschaften). ** И потому дворъ его принималъ часто печальный видъ, а за герцогскимъ столомъ являлись истертая и дырявая скатерти и салфетки. Однажды герцогъ въ присутствіи нѣкоторыхъ придворныхъ вздыхалъ о своемъ печальномъ положеніи, но вдругъ ободрившись, указалъ на колыбель, въ которой лежалъ сынъ его, и сказалъ окружающимъ: «терпѣніе, друзья моя, онъ поправитъ наши дѣла».

Анекдотъ. При всѣхъ счастливыхъ успѣхахъ въ предпріятіяхъ страшной для всѣхъ императрицы Анны, сама она была въ постоянномъ страхѣ; она боялась частію в. к. Елисаветы Петровны, частію голштинскаго принца Карла Петра Ульриха, отъ котораго охотно желала бы избавиться. Вспоминая о немъ или разговаривая, она обыкновенно говорила: «Чертушка въ Голштиніи еще живъ.» ***

(Примѣчаніе. Ненависть шведской королевы Ульрихи къ голштинскому дому и къ наследному принцу. Непріятное пребываніе голштинскаго посланника, тайнаго совѣтника фонъ-Пелина, при шведскомъ дворѣ).

Въ 1736 г., по наущенію императрицы Анны, была прислана въ Киль имперская римская коммиссія, чтобъ побудить герцога къ отреченію отъ отнятаго у него владѣнія. Имперскимъ римскимъ посланникомъ былъ графъ Вратиславъ, бывшій прежде импер. римск. посланникомъ при российскомъ дворѣ, и русскій баронъ фонъ-Бракель, курляндецъ и русскій посланникъ въ Берлинѣ. Герцогъ въ такомъ стѣсненномъ положеніи ссылался на своего несовершеннолѣтняго сына, у котораго онъ ничего не можетъ отнять, и на собраніе государственныхъ сословій, объ-

* Эти слова, разумѣется, должны относиться къ отъезду герцога съ молодою супругою изъ Петербурга.

** Въ «Чтеніяхъ» вмѣсто этого слова напечатано ommet-futur, вѣроятно съ неправильной копіи или съ ошибки переписчика въ доставленномъ мною переводѣ въ публичную бібліотечку.

*** Въ другомъ мѣстѣ на полѣ Штеливъ говоритъ, что и. Анна называла маленькаго принца чертенокъ (ein er kleiner Teufel).

являя, чтобъ они дѣлали то, въ чемъ могутъ дать отвѣтъ передъ Богомъ и свѣтомъ, и протестовалъ противъ всякаго насилія. Комиссія разошлась безъ успѣха.*

Когда принцъ на седьмомъ году вышелъ изъ рукъ женщинъ, къ нему приставляемы были гофмейстерами попеременно нѣкоторые камеръ-юнкеры и камергеры: Адлерфельдъ, (издавшій Исторію Карла XII), Вольфъ, Брёмзень и проч. Всѣ придворные кавалеры герцога занимали офицерскія мѣста въ герцогской гвардіи. Въ прочихъ же малыхъ корпусахъ было нѣсколько офицеровъ, служившихъ нѣкогда въ прусской арміи. По этому при дворѣ только и говорили, что о службѣ. Самъ чашлѣднѣй принцъ былъ названъ унтеръ-офицеромъ; учился ружью и маршировкѣ, ходилъ на дежурство съ другими придворными молодыми людьми, и говорилъ съ ними только о внѣшнихъ формахъ этой военщины, отъ чего онъ съ малодѣтства такъ къ этому пристрастился, что ни о чемъ другомъ не хотѣлъ и слышать. Когда производился маленькій парадъ предъ окнами его комнаты, тогда онъ оставялъ книги и перья, и бросался къ окну, отъ котораго его нельзя было оторвать, пока продолжался парадъ. И потому иногда, въ наказаніе за его дурное поведеніе, закрывали нижнюю половину его оконъ, оставяя свѣтъ только сверху, чтобъ его королевское высочество не имѣлъ удовольствія смотрѣть на горсть голштинскихъ солдатъ. Объ этомъ часто рассказывалъ мнѣ принцъ, какъ о жестокомъ обхожденіи съ нимъ его начальниковъ, также и о томъ, что онъ часто не получасу стоялъ на колѣняхъ на горохѣ, отъ чего колѣни краснѣли и распухали. Это случалось большею частію во время опеки, послѣ смерти отца его, подъ надзоромъ оберъ-гофмейстера или оберъ-гофмаршала Брюммера и оберъ-камергера Бергхольца, которымъ поручено было

* На полѣ нѣмецкаго подлинника написано: «NB. 1736. Римск. имп. и Русская имп. комиссіи; графъ Вратиславъ и баронъ Бракель изъ Берлина должны были герцога, (слѣдующіе слова не разбираю) etc. etc. Отсюда происходящая ненависть герцога противъ вѣнскаго двора.»

воспитаніе принца. Онъ приходилъ въ восторгъ, когда рассказывалъ о своей службѣ, и хвалился ея строгостію. Замѣчательнѣйшій день въ его жизни былъ для него тотъ, въ которомъ, на 9-мъ году своего возраста, въ 1738 г. онъ былъ произведенъ изъ унтеръ-офицеровъ въ секундъ лейтенанты. Тогда при дворѣ съ возможною пышностію праздновали день рожденія герцога, и былъ большой обѣдъ. Маленькій принцъ въ чинѣ сержанта стоялъ на часахъ вмѣстѣ съ другимъ взрослымъ сержантомъ у дверей въ столовую залу. Такъ какъ на этотъ разъ долженъ былъ онъ только смотрѣть на обѣдъ, въ которомъ обыкновенно участвовалъ, то у него часто текли слюнки. Герцога глядѣлъ на него смѣясь, и указывалъ на него нѣкоторымъ изъ сидѣвшихъ съ нимъ вмѣстѣ. Когда подали второе блюдо, онъ велѣлъ смѣнить маленькаго унтеръ-офицера, поздравилъ его лейтенантомъ, и позволилъ ему занять мѣсто у стола по его новому чину. Въ радости отъ такого неожиданнаго повышенія, онъ (какъ самъ мнѣ рассказывалъ), почти ничего не могъ ѣсть. Съ этого времени всѣ мысли его были заняты только военною службою, и его обхожденіе съ пустоголовыми его товарищами стало свободнѣе. Онъ говорилъ имъ всѣмъ *ты*, и хотѣлъ, чтобъ и они, какъ его братья и товарищи, такъ же говорили ему *ты*. Но они этого не дѣлали, а называли его, какъ своего наследнаго принца, не иначе какъ «Ваше Королевское Высочество».

Добрый герцогъ внутренно радовался, видя въ сынѣ такую преобладающую склонность къ военному дѣлу, и вѣроятно представлялъ себѣ втораго Карла XII въ наследникѣ этого героя.

Будучи самъ очень набоженъ и свѣдуецъ въ латинскомъ языкѣ, онъ хотѣлъ, чтобъ и сынъ его былъ хорошо обученъ этимъ предметамъ. Герцогъ былъ воспитанъ какъ Карлъ XII, зналъ хорошо богословіе и латинскій языкъ. Въ Петербургѣ охотно говорилъ по-латински съ знат-

нѣйшими русскими духовными особами. Докторъ богословія и придворный пасторъ Хоземанъ, весьма достойный и ученый человекъ, училъ принца Закону Божию *.

Для обученія латинскому языку, къ которому принцъ имѣлъ мало охоты, былъ приставленъ высокій, худой, длинный педантъ г. Юль, ректоръ кильской латинской школы, котораго наружность и приемы заставили принца совершенно возненавидѣть латынь.

Его высочество, который имѣлъ способность замѣчать въ другихъ смѣшное и подражать ему въ насмѣшку, часто рассказывалъ мнѣ, какъ этотъ латинистъ входилъ обыкновенно въ комнату для урока: сложивъ крестообразно руки на животъ, онъ съ низкимъ поклономъ, глухимъ голосомъ, какъ оракулъ, произносилъ медленно, по складамъ, слова: «*bonum diem tibi opto, serenissime princeps. Si vides, bene est.*» Столько латыни еще помнилъ его высочество, будучи вел. княземъ; все же остальное постарался онъ забыть. Онъ такъ ненавидѣлъ латынь, что въ 1746 году, когда была привезена изъ Кіля въ Петербургъ герцогская бібліотека, онъ, поручая ее моему смотрѣнію, приказалъ мнѣ, чтобъ я для этой бібліотеки велѣлъ сдѣлать красивые шкафы, и поставилъ ихъ въ особенныхъ комнатахъ дворца; но всѣ латинскія книги взялъ бы себѣ, или дѣвалъ, куда хочю.

Будучи императоромъ, Петръ III имѣлъ то же отвращеніе отъ латыни. У него была довольно большая бібліотека лучшихъ и новѣйшихъ нѣмецкихъ и французскихъ книгъ. По его приказанію должно было устроить полную бібліотеку въ мезонинѣ новаго зимняго дворца, по моему плану, для

* Это было послѣ того, какъ герцогиня курляндская Анна Іоанновна взошла на российский престолъ и такъ устроила, что домъ голштинскій потерялъ великую надежду на наслѣдство российского престола (вопреки завѣщанію императрицы Екатерины), и имѣлъ только виды на шведскій престолъ. До этого времени принцъ воспитывался въ Гренороссійскомъ вѣроисповѣданіи, и его училъ Закону Божию іеромонахъ греческой придворной церкви. Этотъ іеромонахъ былъ приставленъ къ покойной герцогинѣ, возвратился въ Россію чрезъ годъ послѣ прибытія туда же великаго князя, (потому что русская придворная церковь закрылась), и получилъ отъ императрицы Елисаветы мѣсто настоятеля въ монастырѣ въ Россіи.

что императоръ назначилъ ежегодную сумму, въ нѣсколько тысячъ рублей, и строго приказалъ мнѣ, чтобъ ни одной латинской книги не попало въ его библіотечу.

1738 г., герцога умеръ.

Принцъ поступилъ подъ опеку администратора, принца Адольфа голштейнъ-готторпскаго, епископа эйтвинскаго (Eutin), въ послѣдствіи шведскаго короля. «Воспитаніе продолжается по старому.»

Оберъ-егермейстеръ фонъ-Бредаль * посланъ въ Петербургъ ко двору императрицы Анны съ объявленіемъ о кончинѣ герцога. Онъ былъ тамъ дурно принятъ, но лучше у в. к. Елисаветы Петровны, которой онъ привезъ портретъ ея племянника, молодаго герцога, нарисованный Деннеромъ въ Гамбургѣ масляными красками и Трункомъ въ Киль въ миниатюрѣ.

При кильскомъ дворѣ совершенно потеряли надежду на наследіе россійскаго престола, и потому, имѣя въ виду права принца на шведскій престолъ, стали со всемъ стараніемъ, «mit aller Gewalt» учить его шведскому языку и лютеранскому закону. **

1741 г. въ декабрѣ, вкорѣ во вѣснѣ на престолъ императрицы Елисаветы, былъ присланъ ею въ Киль имп. рос. майоръ фонъ-Корфъ (мужъ графини Маріи Карловны Славронской, двоюродной сестры императрицы), и съ нимъ Г. фонъ-Корфъ, импер. рос. посланникъ при датскомъ дворѣ, чтобъ взять молодаго герцога въ Россію. Спусти три дня по отъѣздѣ герцога, узнали объ этомъ въ Киль: онъ путешествовалъ incognito подъ именемъ молодаго графа Дюкера; при немъ были вышеупомянутый майоръ, Г. ф.-Корфъ, голштинскій оберъ-гофмаршалъ ф.-Брюммеръ, оберъ-каммергеръ ф.-Верхгольцъ и камеръ-интендантъ Густавъ Крамеръ, лакей Румбергъ, егеръ Бастианъ.

* Сынъ вице-адмирала, бывший нахъ и Billsträger герцога и впроч.; шуринъ петербургскаго купца Линдемана.

** Изъ упражненій молодаго герцога въ шведскомъ языкѣ хранится у меня его собственноручный шведскій переводъ разныхъ газетныхъ статей того времени, и между прочими одной весьма замѣчательной о смерти императрицы Анны, о послѣднѣй ея принца Иоанна, и объ ожидаемыхъ происойти отъ этого безпокойствахъ.

На послѣдней станціи передъ Берлиномъ они остано- вились, и послали камеръ-интенданта къ тамошнему рос- сійскому посланнику (министру) фонъ-Бракелю, и стали ожидать его на почтовой станціи.

Но въ ночь наканунѣ Бракель умеръ въ Берлинѣ. Это ускорило ихъ дальнѣйшее путешествіе въ Петербургъ.

Въ Кеслинѣ, въ Помераніи, почтмейстеръ узналъ мо- лодаго герцога. По этому они ѣхали всю ночь, чтобъ по- скорѣе выѣхать изъ прусскихъ границъ.

1742 г. съ января, герцогъ прибылъ въ Петербургъ въ зимній дворець, къ неописанной радости императрицы Елисаветы. Большое стеченіе народа, любопытствующаго видѣть внука Петра Великаго. Онъ блѣденъ и новиди- мому слабого сложенія. Императрица въ придворной церкви отслужила благодарственный молебень по случаю его благополучнаго прибытія.

Нѣсколько дней спустя, при дворѣ большой приѣмъ и поздравленія.

10 февраля праздновали 14-й годъ его рожденія, при чемъ былъ великолѣпный фейерверкъ и иллюминація съ аллегорическимъ замесомъ на число дважды семь.

28-го ея импер. величество отправилась съ нимъ въ Москву для коронаціи.

Тамъ присутствовалъ онъ при коронаціи въ Успенскомъ Соборѣ (25 апрѣля), на особо устроенномъ мѣстѣ, подлѣ ея величества.

Послѣ коронаціи онъ произведенъ въ подполковники Преображенской гвардіи, (и каждый день ходилъ въ мундирѣ этого полка), также въ полковники перваго Лейбъ-Кира- сирскаго полка, и фельдмаршалъ Ласси, какъ подполков- никъ того же полка, подаетъ ему ежемѣсячные рапорты.

Императрица, заботясь о его воспитаніи, поручила своимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ при- слать ей различные планы воспитанія, и составить нѣ- сколько подобныхъ здѣсь; одинъ изъ нихъ составленъ статск. совѣт. ф.-Гольдбахомъ, бывшимъ наставникомъ

Петра II; другой—профессоромъ Штелинымъ; послѣдній ей особенно понравился. (Почему? — потому что онъ specialissime соответствовалъ именно этому, а не какому другому принцу).

4-го іюня, профессоръ былъ представленъ молодому герцогу, какъ его наставникъ, при чемъ императрица выразилась: «я вижу, что его высочество часто скучаетъ и долженъ еще научиться многому хорошему: и потому приставляю къ нему человѣка, который займетъ его полезно и пріятно.»

Занятія его высочества съ профессоромъ, который долженъ былъ находиться при немъ все время до и послѣ обѣда, шли сперва съ охотою и успѣхомъ. Молодой герцогъ, кромѣ французскаго, не учился ничему. Началъ въ Килѣ учиться по-французски у старшаго учителя, но имѣя мало упражненія, никогда не говорилъ хорошо на этомъ языкѣ, и составлялъ свои слова. Сама императрица удивлялась, что его ничему не учили въ Голштиніи.

Профессоръ замѣтилъ его склонности и вкусъ, и по нимъ устроилъ свои первыя занятія. Онъ прочитывалъ съ нимъ книги съ картинами, въ особенности съ изображеніемъ крѣпостей, осадныхъ и инженерныхъ орудій; дѣлалъ разныя математическія модели въ маломъ видѣ и на большомъ столѣ устраивалъ изъ нихъ полные опыты. Приносилъ по временамъ старинныя русскія монеты и рассказывалъ при ихъ объясненіи древнюю Русскую Исторію, а по медалямъ Петра I новѣйшую Исторію государства.

Два раза въ недѣлю читалъ ему газеты, и незамѣтно объяснялъ ему основаніе Исторіи европейскихъ государствъ; при этомъ занималъ его ландкартами этихъ государствъ и показывалъ ихъ положеніе на глобусѣ; знакомилъ его съ планами, чертежами и проч., разсматривалъ планъ комнатъ герцога и всего дворца съ прочими строеніями, даже планъ Москвы вообще и Кремля въ особенности, и проч.

Когда принцъ не имѣлъ охоты сидѣть, онъ ходилъ съ нимъ по комнатѣ взадъ и впередъ, и занималъ его полезнымъ разговоромъ. Черезъ это онъ приобрѣлъ любовь и довѣренность принца, который охотнѣе выслаивалъ отъ него нравственныя наставленія, чѣмъ отъ оберъ-маршала Брюммера и оберъ-камергера Бергхольца.

И такъ первые полгода этихъ занятій во время пребыванія въ Москвѣ, прошли болѣе въ приготовленіи къ ученію, чѣмъ въ настоящемъ ученіи. При томъ же при разныхъ разсѣянностяхъ и почти ежедневныхъ помѣхахъ, нельзя было назначить постоянного занятія и строгаго распредѣленія учебнаго времени. Не проходило недѣли безъ одного или нѣсколькихъ увеселеній, въ которыхъ принцъ долженъ былъ непременно участвовать. Если была хорошая погода, то отправлялись гулять за городъ, или только покататься по обширной Москвѣ. Это случалось, когда было угодно оберъ-гофмаршалу Брюммеру, который любилъ показывать себя публично въ парадѣ.* Я сказалъ ему однажды, отправляясь съ ними вмѣстѣ, не показать ли принцу какую-нибудь фабрику, и не составить ли планъ для этихъ прогулокъ, чтобы онѣ приносили ему пользу. Мое предложеніе похвалили, но не думали никогда исполнять его. Принца возили по всему городу, не выходя нигдѣ изъ экипажа, и возвращались во дворецъ.

Если Брюммеръ былъ занятъ своею шведскою корреспонденціею, то нельзя было и думать о прогулкѣ, какъ бы хороша ни была погода. Отъ этого происходили иногда, а въ послѣдствіи еще чаще, сильныя стычки между принцемъ и деспотическимъ оберъ-гофмаршаломъ.

- Къ разнымъ помѣшательствамъ въ урокахъ молодого герцога, съ наступленіемъ осени, присоединились уроки танцованія французскаго танцмейстера Лауде (Laudé). Сама императрица была отличная и прекраснѣйшая тан-

* Гр. Брюммеръ ѣздилъ съ В. княземъ по городу больше для того, чтобы показать себя, чѣмъ показывать что-либо полезное молодому принцу. Отъ дурнаго вѣста срейлинтъ изъ казны великаго князя.

цѣщица изъ всего двора. Всѣ старались хорошо танцевать, поэтому и принцъ долженъ былъ выправлять свои ноги, хотя онъ и не имѣлъ къ этому охоты. Четыре раза въ недѣлю мучилъ его этотъ Лодѣ, и если онъ послѣ обѣда являлся съ своимъ скрипачемъ Гайя, то его высочество долженъ былъ бросить все и идти танцевать. Это доходило до балетовъ. Принцъ долженъ былъ съ фрейлинами танцевать на придворныхъ маскарадахъ, хотя онъ къ этому не имѣлъ ни малѣйшей склонности. Видѣть разводъ солдатъ во время парада доставляло ему гораздо больше удовольствія, чѣмъ всѣ балеты, какъ самъ онъ говорилъ мнѣ это при подобномъ случаѣ.

(Анекдотъ о балетѣ *la belle sultanne* на царской мызѣ и во дворцѣ ея, когда она была еще принцессою, также о Фюссано, который при императрицѣ Аннѣ вышелъ въ отставку, но опять вступилъ въ службу, когда она сдѣлалась императрицею).

Кромѣ того у принца были еще другія развлеченія и игры съ оловянными солдатами, которыхъ онъ разставлялъ и командовалъ ими, съ лакеями, съ карликомъ Андресемъ, съ егеремъ Бастіаномъ, который игралъ ему на скрипкѣ и училъ его играть кое-какъ, и проч.

Профессоръ, не имѣя возможности устранить эти разнообразныя и странныя упражненія внѣ учебныхъ занятій, чтобъ представить ихъ еще смѣшнѣе, составилъ имъ списокъ, и по прошествіи полугода, прочитавъ его принцу, спросилъ его, что подумаетъ свѣтъ о его высочествѣ, если прочтетъ этотъ списокъ его препровожденія времени? Это однакожь не устранило игрушекъ, и забавы продолжались по временамъ съ разными измѣненіями. Едва можно было спасти отъ нихъ утренніе и послѣ-обѣденные часы, назначенные для ученія. Оно шло попеременно то съ охотою, то безъ охоты, то со вниманіемъ, то съ разсѣянностію. Уроки практической математики, напр. фортификаціи и проч. инженерныхъ укрѣпленій, шли еще правильнѣе прочихъ, потому-что отзывались военнымъ

дѣломъ. При этомъ его высочество незамѣтно ознакомился съ сухими и случными началами Геометріи. Въ прочіе же дни, когда преподавалась Исторія, нравственность и Статистика, его высочество былъ гораздо невнимательнѣе; часто просилъ онъ вмѣсто нихъ дать ему урокъ изъ Математики. Чтобъ не отнять у него охоты, часто исполняли его желаніе.

Чтобъ побудить его быть внимательнѣе, профессоръ при началѣ урока клалъ на столъ журналъ преподаванія, въ которомъ ежедневно въ присутствіи его высочества по окончаніи урока записывалось то, чѣмъ занимались и какъ былъ при этомъ его высочество. Его увѣрили, что это дѣлается по приказанію ея величества, что она смотритъ каждый мѣсяць, чѣмъ и какъ онъ занимается, и это часто побуждало его хотя къ насильственной внимательности.

Въ это же время приставили къ его высочеству духовнаго наставника, іеромонаха Тодорскаго, впослѣдствіи архіепископъ псковскій и лифляндскій, ум. въ Псковѣ 1758 г., мечталъ о папствѣ (*hat den Pabst im Kopf.*), который занимался съ нимъ еженедѣльно 4 раза по утрамъ Русскимъ языкомъ и Закономъ Божіимъ. Когда молодой герцогъ уже выучилъ катихизисъ, и пришло извѣстіе о смерти шведскаго короля, тогда стали спѣшить приготовленіями къ приобщенію герцога къ православной церкви.

Это совершилось съ большимъ торжествомъ 17-го ноября въ придворной церкви лѣтнаго дворца. При этомъ наименовали его великимъ княземъ и наслѣдникомъ престола ея императорскаго величества. Герцогъ держалъ себя при столѣ довольно хорошо; императрица была очень озабочена; показывала принцу, какъ и когда должно креститься, и управляла всѣмъ торжествомъ съ величайшею набожностію. Она нѣсколько разъ цѣловала принца, проливая радостныя слезы, и съ нею вмѣстѣ всѣ придворные кавалеры и дамы, присутствовавшія при торжествѣ. Предъ концомъ, когда пѣли заключительныя молитвы и

концертъ, она отправилась въ комнаты герцога, или новаго великаго князя, велѣла вынести изъ нихъ все, что тамъ было, и украсить новою мебелью и великолѣпнымъ туалетомъ, на которомъ, между прочими вещами, стоялъ золотой бокалъ, и въ немъ лежало собственноручное предписаніе ея величества къ президенту der sinkendenfonds тайному совѣтнику Волкову, о выдачѣ великому князю суммы въ 300 тыс. руб. наличными деньгами. Оттуда эта нѣжная мать возвратилась опять въ церковь, повела великаго князя въ сопровожденіи всего двора въ его новое украшенное жилище, а потомъ въ свои комнаты, гдѣ онъ обѣдалъ съ ея величествомъ за большимъ столомъ.*

Объ этомъ торжественномъ обрядѣ, совершенномъ надъ внукомъ Петра Великаго, былъ изданъ печатный манифестъ ея величества и обнародованъ во всемъ государствѣ.

Въ продолженіе осьми дней при дворѣ были великолѣпныя празднества.

Въ половинѣ декабря прибыли изъ Швеціи въ Москву *трѣ депутата*** отъ тамошнихъ государственныхъ чиновъ, и привезли великому князю, какъ наслѣднику шведскаго престола, предложеніе принять корону Швеціи.

Но принять ее было уже поздно, послѣ того, какъ великій князь перемѣнилъ вѣру. И потому, вмѣсто него, корону Швеціи предложили его дядѣ, епископу эйтинскому, администратору Голштиніи.

Въ концѣ года дворъ отправился въ Петербургъ. Тамъ, 1743, ученіе великаго князя пошло порядочнѣе. (Русскому языку и закону Божію посвящалось всякой день по два часа, отъ 8 до 10; прочимъ предметамъ отъ 10 до 12.

* Брюммеръ получилъ при этомъ титулъ графа Римской имперіи; также Адексѣй Григорьевичъ Разумовскій и Лестоки.

Бруммеръ распорядился суммою, подаренною великому князю, и ея не стало и на 2 года, хотя все содержаніе двора великаго князя производилось на счетъ императрицы. (Подарки ерейливамъ и другимъ любимцамъ, на крестинахъ, празднествахъ, играхъ).

** 1, Дорагильтъ, 2... 3...

В. к. учился, какъ бы играя, когда хотѣлъ. Изъ способностей оказывались память и остроуміе). Проходили по глобусу Математическую Географію; учили прагматически Исторію сосѣднихъ государствъ; два раза въ недѣлю объяснялась подробно хронологія и положеніе текущихъ государственныхъ дѣлъ по указанію ея величества (вслѣдствіе частыхъ совѣщаній наставника съ канцлеромъ графомъ Бестужевымъ); изучали любимые предметы великаго князя—фортификацію и основанія артиллеріи съ обзорѣніемъ существующихъ укрѣпленій (въ *Fortse d'Вигоре*), и положено начало обѣщанному наставникомъ великому князю, фортификаціонному кабинету, въ которомъ въ 24 ящикахъ (въ родѣ англ. бюро) находились все роды и методы укрѣпленій, начиная съ древнихъ римскихъ до современныхъ, *en bas relief* въ дюймъ, съ подземными ходами, минами и проч., частію во всемъ протяженіи, частію въ многоугольникахъ,—все это было сдѣлано очень красиво и по назначенному масштабу. *

Для узнанія укрѣпленій Русскаго государства великій князь получилъ отъ фельдцейхмейстера принца гессенъ-гомбургскаго, съ дозволенія императрицы, (которая разъ навсегда приказала выдавать великому князю все, что потребуется для его ученія), большую тайную книгу (*in imperial folio*) подъ названіемъ «Сила Имперіи», въ которой были изображены все укрѣпленія, принадлежавшія къ Русскому государству—отъ Риги до турецкихъ, персидскихъ и китайскихъ границъ, въ планѣ и профиляхъ, съ обозначеніемъ ихъ положенія и окрестностей. Этою книгою въ разное время занимался великій князь, изъ комнаты котораго ее никогда не брали, болѣе полугода, и при

* Этотъ кабинетъ, въ двухъ сундукахъ, по 12 ящиковъ въ каждомъ, былъ оконченъ въ продолженіе 3 лѣтъ. Его работали по указанію наставника капитанъ Горинновъ и 3 столара. Съ виду сундуки были похожи на два англійскіе коммоды, или бюро, изъ краснаго дерева съ позолоченою обивкою и скобками. Едва ли гдѣ можно было найти подобный полный кабинетъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ былъ отправленъ въ цейхаузъ, въ Ораніенбаумъ, въ довольно испорченномъ видѣ, а куда онъ послѣ того дѣвался,—я не знаю.

каждомъ укрѣпленіи показаны были причины его основанія; при этомъ же случаѣ были специально пройдены Исторія и Географія Россіи.

Къ концу года великій князь зналъ твердо главныя основанія Русской Исторіи, могъ пересчитать по пальцамъ всѣхъ государей отъ Рюрика до Петра I. Однажды за столомъ у императора онъ поправилъ ошибку стараго фельдмаршала, Долгорукаго, и полиціймейстера, стараго графа Девіера, касательно древней Русской Исторіи. При этомъ императрица заплакала отъ радости, и на другой день велѣла поблагодарить его наставника Штелина.

По вечерамъ, когда великій князь не былъ отозванъ къ государынѣ, или при дворѣ не было обыкновеннаго пріѣзда, наставникъ занималъ его большими сочиненіями изъ академической библіотеки, въ особенности такими, въ которыхъ были любопытные рисунки гражданской и военной архитектуры, какъ напр. *Théâtre de l'Europe*, *Galerie agréable du monde* (въ 24 фоліантахъ), также разными математическими и физическими инструментами и моделями изъ академической кунсткамеры, естественными предметами изъ 3 царствъ природы, съ объясненіемъ въ разговорѣ. Онъ дѣлалъ изъ бумаги съ плана полигоны и разныя укрѣпленія. Императрица посѣщала в. князя почти всякой день предъ обѣдомъ. Однажды великій князь съ плана крѣпости Когорновой долженъ былъ мѣломъ нарисовать ее на полу своей комнаты, обитомъ зеленымъ сукномъ, по данному масштабу въ гораздо большемъ размѣрѣ, въ 10 футовъ въ діаметрѣ. На это посвятили нѣсколько вечеровъ. Когда крѣпость была почти готова, въ комнату неожиданно вошла императрица, и увидѣла великаго князя съ его наставникомъ, съ планомъ и циркулемъ въ рукахъ, распоряжающаго двумя лакеями, которые по его указанію проводили по полу линіи. Ея величество простояла нѣсколько времени за дверью комнаты, и смотрѣла на это, не будучи замѣчена великимъ княземъ. Вдругъ она вышла, поцѣловала его высочество,

похвалила его благородное занятіе, и сказала почти со слезами радости: «не могу выразить словами, какое чувствую я удовольствіе, видя, что ваше высочество такъ хорошо употребляете свое время, и часто вспоминаю слова моего покойнаго родителя, который однажды сказалъ со вздохомъ вашей матери и мнѣ, заставъ насъ за ученьемъ: «Ахъ! еслибъ меня въ дѣтствѣ учили такъ, какъ слѣдуетъ, я охотно отдалъ бы теперь шалецъ съ руни моей».

(Въ другомъ мѣстѣ эти слова приведены такъ: о еслибъ меня учили чему-нибудь въ моемъ дѣтствѣ!)

Эти занятія продолжались и слѣдующее лѣто въ Петергофѣ, гдѣ устраивались на полѣ разные многоугольники главныхъ способовъ укрѣпленій въ большомъ размѣрѣ и показаны были разныя инженерныя работы, устройства редутовъ, траншеевъ и проч.

(Въ дурную погоду в. к. учился въ комнатѣ).

Иногда для удовольствія великаго князя устраивали маленькую охоту. Онъ выучился при этомъ стрѣлять изъ ружья, и дошелъ до того, что могъ, хотя болѣе изъ самолюбія, чѣмъ изъ удовольствія, застрѣлить на лету ласточку. Приучался и къ пушечному огню. Но онъ всегда чувствовалъ страхъ при стрѣльбѣ и охотѣ, особенно когда долженъ былъ подходить ближе. Его нельзя было принудить подойти или пройти мимо поближе другихъ къ медвѣдю, лежащему на цѣпи, которому каждый безъ опасности давалъ изъ рукъ хлѣба.

Его оберъ-гофмаршалъ Брюмеръ былъ все еще занятъ шведскими дѣлами, возведеніемъ епископа эйттинскаго на престолъ Швеціи и большою перепискою, по этой причинѣ в. к. почти не выходилъ изъ комнаты и долженъ былъ быть забавляемъ дома. Въ отсутствіи наставника обращается съ своими курьерами, пажами и лакеями за панибрата. Они помогаютъ ему въ играхъ. По своей врожденной гордости Брюмеръ показывалъ гораздо болѣе важности, чѣмъ сколько могъ сносить это великій князь, и могли терпѣть знатнѣйшіе русскіе вельможи. Съ великимъ

княземъ, обращался онъ большею частію презрительно и деспотически. Отъ этого часто происходили между ними стычки. Черезъ это великій князь, защищая себя противъ его иногда несправедливыхъ и неприличныхъ выговоровъ, привыкъ къ искусству ловко возражать, и къ вспыльчивости, отъ которой совершенно похудѣлъ. И если иногда заходила рѣчь о томъ, что его высочество не прибавляется въ тѣлѣ и въ силахъ, то я шутилъ говорилъ, что онъ на тощакъ, (mager), до истощенія, ссорится съ своимъ оберъ-гофмаршаломъ.

(Къ тому же голштинскій лейб-медикъ Струве даетъ ему часто лекарства, хотя и предохраняющія, preservative, но во вредъ. Брюмеръ защищаетъ медика, и увеличиваетъ вспыльчивость въ великомъ князѣ.)

Однажды произошла у него такая ссора съ этимъ надменнымъ, а иногда слишкомъ унижавшимся новымъ графомъ, въ Петергофѣ, въ комнатѣ великаго князя, въ присутствіи оберъ-камергера Берхгольца и профессора Штелина, и дошла до того, что Брюмеръ вскочилъ, и, сжавъ кулаки, бросился къ великому князю, чтобъ его ударить. Профессоръ Штелинъ бросился между ними съ распростертыми руками, и отстранилъ ударъ, а великій князь упалъ на софу,* но тотчасъ опять вскочилъ, и побѣжалъ къ окну, чтобъ позвать на помощь гренадеровъ гвардіи, стоявшихъ на часахъ. Отъ этого профессоръ удержалъ его, и представилъ его высочеству всѣ непріятности, которыя могутъ отъ этого произойти. Но г. оберъ-гофмаршалу, который въ своемъ бѣшенствѣ стоялъ совершенно разстроенный, (bestürzt) онъ сказалъ: «поздравляю ваше сіятельство, что ударъ отстраненъ отъ его высочества, и что крикъ его не раздастся изъ окна. Я не желалъ бы быть свидѣтелемъ удара великому князю, объявленному наследникомъ російскаго престола». Между тѣмъ его высочество убѣжалъ въ свою спальню, возвратился оттуда со шпагою въ рукѣ и сказалъ оберъ-гофмаршалу: «эта ваша выходка должна быть послѣднею: въ первый разъ, какъ только

* Въ другомъ мѣстѣ сказано, что Брюмеръ повалилъ в. князя на софу, и ударилъ бы, еслибъ Штелинъ, и проч.

вы осмѣлитесь поднять на меня руку, я васъ проколю насквозь вотъ этою шпагою; замѣтьте это себѣ, и скажите, если угодно, ея величеству, а не то я самъ скажу ей». Ни графъ Брюмеръ, ни оберъ-камергеръ Бергхольцъ не сказали ни слова. Профессоръ постарался успокоить его высочество, и получилъ отъ него обѣщаніе забыть все это происшествіе и никому объ немъ не говорить.

Съ этого времени великій князь ни съ однимъ изъ этихъ обоихъ своихъ надзирателей не говорилъ ласковаго слова, и обходился съ ними съ большою холодностію. Спустя нѣсколько недѣль послѣ этого, * ихъ вліяніе на него совершенно прекратилось, потому что, къ большой радости его высочества, прибылъ въ Петергофъ импер. посланникъ, баронъ Герсдорфъ, съ секретаремъ своимъ фонъ-Пецольдомъ, и на особенной аудіенціи у ея императорскаго величества представили великому князю присланный отъ его величества короля польскаго и курфирста саксонскаго, какъ имперскаго римскаго викарія, дипломъ, представляющій великому князю, какъ герцогу голштинскому, *venia aetatis* или маіоратство. Великій князь, возвратясь съ этимъ дипломомъ въ свои покои, прочиталъ его весь громкимъ голосомъ съ своимъ наставникомъ, и обратясь къ оберъ-гофмейстерамъ Брюмеру и Бергхольцу, которые еще передъ тѣмъ его поздравили, сказалъ имъ: «вотъ видите-ли, господа, наконецъ исполнилось то, чего я давно желалъ: я владѣтельный герцогъ, вашъ государь: теперь моя очередь повелѣвать. Прощайте! вы мнѣ болѣе не нужны, и я постараюсь возвратитъ васъ въ Голштинію!»**

Впрочемъ они оба оставались еще болѣе года при дворѣ, состоя по прежнему въ штатѣ великаго князя, пока наконецъ получили увольненіе осенью 1745 года, послѣ бракосочетанія его императорскаго высочества. Великій князь обходился съ ними вѣжливо, но не удостоивалъ ихъ болѣе своей довѣренностію, и вмѣсто графа Брюмера, обращался къ канцлеру графу Бестужеву, или къ вице-канцлеру графу Воронцову, если ему нужно было испросить что-либо у императрицы, и онъ самъ не хотѣлъ ее беспокоить.

* Великій князь жилъ тогда въ лѣтнемъ дворцѣ Петра I-го, а императрица въ новомъ лѣтнемъ дворцѣ. Великій князь подарилъ ей на новоселье картину Корреджо. Случай зародитъ въ немъ расположеніе къ картинамъ.

** Штеллингъ въ ихъ присутствіи просилъ вел. князя, чтобъ онъ, какъ герцогъ, замялъ оскорбленія, нанесенныя ему, какъ принцу.

1743 года.		У Р О К И.	Отмѣтки.	Пропуски.
Октяб. Дни.	Часы.			
1	—	— — — — —	— —	Покровъ Б-цы. Воскресенье.
2	—	— — — — —	— —	
3	До обѣда. 11—12.	Пачалъ объяснять прагматическую Исторію и политическое состояніе европ. государствъ по введению Пуфендорфа.	Довольно внимателенъ.	— —
	Пос. обѣда 3—4.	Фортификація о профиляхъ и противоположныхъ проспектахъ.	Хорошо.	— —
	4—4 1/2.	Упражнения въ численіи.	Съ нетерпѣн.	— —
4	До обѣда.	Показывалъ въ примѣрахъ различіе между обыкновенною и прагматическою Исторію, и пользу послѣдней въ министерскихъ и обыкновенныхъ дѣлахъ.	Внимательно.	— —
	Пос. обѣда	О профиляхъ и проспектахъ.	Хорошо.	— —
5	До обѣда.	Съ полчаса занимались изложеніемъ основныхъ матеріаловъ прагматической Исторіи, потому что (какъ весьма часто случается) профессоръ богословія, сверхъ своего назначеннаго часа, просидѣлъ до половины 12.	Порядочно.	— —
		Изъ Русской Исторіи начали періодъ самозванцевъ: разсмотрѣны причины государственной ошибки тогдашняго правительства, съ присовокупленіемъ разныхъ политическихъ размышленій.	Хорошо, но недолго.	По случаю позднаго начала и вѣн. оф-ца. аудіенцій.
6	До обѣда.	— — — — —	— —	
	Пос. обѣда	Составили профиль по данной линіи на планѣ.	Очень хорошо.	— —
7	До обѣда.	Начали читать о Давидъ (прагматически).	Съ нуждой.	— —
	Пос. обѣда	Еще рисовали по старо-голландскому плану профили, чтобъ исправить прежнюю ошибку.	Неутомно.	— —
8	До обѣда.	— — — — —	— —	Слабѣло.
	Пос. обѣда	Продолжали Исторію самозванцевъ съ показаніемъ выгодъ, какія хотѣли себѣ извлечь изъ Россіи со-сѣднія державы, и частію извлечді.	Совершенно легкомысленно.	— —
9	— — — — —	— — — — —	— —	Воскресенье.
10	До обѣда.	По случаю позднаго начатія занимались съ полчаса древнею Исторію Давидъ до Вольдемара III.	Буйно (ungestüm)	— —
	Пос. обѣда	Профиль съ плана по Когорну (Coehorn.)	Прекрасно.	— —

12 го. Замѣчена необыкновенная слабость въ его высочествѣ; по этому я разспросилъ его и узналъ, что онъ не имѣеть сна, и почти никакого аппетита, и чувствуетъ часто наклонность къ обмороку. По пульсу я нашель, что это заявленіе имѣеть основаніе. Я объявилъ объ этомъ г. оберъ-гофмаршалу графу Брюммеру, который приписалъ это притворству и неохотѣ учиться, и сдѣлалъ выговоръ великому князю. На другой день я освободилъ его высочество отъ уроковъ, и занималъ его эстампами, чертежами и моделями укрѣпленій. Это доставило ему удовольствіе. Между тѣмъ пріѣхалъ его голштинскій лейбъ-медикъ, статскій совѣтникъ Струве, и прописалъ его в-ву капли, чтобъ принимать по утру и послѣ обѣда. Спустя нѣсколько дней, во время занятій моихъ съ его высочествомъ, онъ, совершенно ослабѣвъ и почти безъ чувствъ, упалъ у стола на руки ко мнѣ, и сказалъ: «я право больше не могу.» Я сказалъ объ этомъ придворному врачу императрицы, Боергаве, который немедленно вмѣстѣ съ другимъ придворнымъ врачомъ Sanches (?) пріѣхалъ къ великому князю, и нашель его такимъ, какъ я сказалъ. Тутъ же пришла и ея величество, и поручила обоимъ врачамъ позаботиться о его высочествѣ. (Докторъ Струве былъ устраненъ, огорчился этимъ, занемогъ горячкою и умеръ). Великій князь долженъ былъ лечь, и тогда досель скрытная лихорадка обратилась въ изнурительную. Оба врача должны были при дворѣ дежурить, и ея величество приказала мнѣ изустно, чтобы я постоянно находился при великомъ князѣ. Я исполнялъ это съ ранняго утра до поздней ночи. Въ концѣ октября его высочество не подавалъ никакой надежды къ выздоровленію. Онъ слабѣлъ до крайности и потерялъ охоту ко всему, что нравилось ему во время болѣзни, даже къ музыкѣ, которую до этого любилъ слушать. Когда однажды въ субботу послѣ обѣда въ передней его высочества играла придворная музыка, и кастратъ пѣлъ его любимую

арю, то онъ сказалъ мнѣ едва слышнымъ голосомъ: «скоро ли перестануть играть?» Это насъ испугало, и докторъ Боергаве, которому я рассказалъ этотъ случай, воскликнулъ: «О, Боже! это дурной знакъ.» Около вечера всѣ потеряли надежду. Великій князь лежалъ съ полуугасшими глазами и едва хрипѣлъ. Ея величество, которая нѣсколько дней была нездорова, скорѣе приближала, чѣмъ пришла къ нему при этомъ извѣстїи. Она такъ испугалась, видя положеніе великаго князя, что не могла произнести слова, и залилась слезами. Ее съ трудомъ оттащили отъ постели великаго князя и увели въ ея покои. Около полуночи, когда болѣе нечего было дѣлать и надѣяться, я отправился съ Боергаве въ его квартиру, находившуюся по близости, гдѣ онъ просилъ меня остаться у него, пока къ утру придетъ извѣстіе о кризисѣ или о смерти. Мы сидѣли передъ каминомъ, и курили трубки, почти не говоря ни слова. Каждые полчаса приходилъ камерлакей съ рапортомъ отъ придворнаго хирурга Гюона (Guhon). Все извѣщали, что великій князь лежитъ по прежнему безъ движенія. Около 5 часовъ пришелъ онъ въ седьмой разъ, и объявилъ, что на лбу великаго князя показался крупный потъ. При этомъ извѣстїи Боергаве вскочилъ со стула и сказалъ мнѣ: «*last ons Gott dancken, de Grootvorst sol genesen!*» и тотчасъ взялъ бутылку бургонскаго, налилъ бокалъ и подалъ мнѣ, сказавъ: «*vivat de Grootvorst!*» Такъ выпили мы нѣсколько бокаловъ, и отправились какъ будто ожившіе, и не чувствуя никакого сна, къ великому князю. Ея императорское величество, которая легла, не раздѣваясь, и едва вздремнула отъ безутѣшной горести,—пришла въ шесть часовъ утра къ великому князю, и услышала отъ Боергаве радостное извѣстіе, что спасительный переломъ возобновилъ надежду на выздоровленіе. Оттуда императрица отправилась прямо въ придворную церковь и отслужила молебенъ. Съ этого дня въ самомъ дѣлѣ началось выздоровленіе. Въ половинѣ

ноября его высочество всталъ первый разъ съ постели; но почти до половины декабря не долженъ былъ выходить изъ комнаты. Ея величество освободила великаго князя до новаго года отъ всякаго серьезнаго ученія, и приказала мнѣ развлекать его высочество какими-нибудь пріятными занятіями.

1744. *Continuatio feriagum*, (до февраля). Продолженіе вакацій по случаю предстоявшаго путешествія въ Москву.

Тамъ занятія идутъ медленно.

Personnel moral о Петрѣ I. *Historia* и *Daguet Institution d'un prince*.

Охота въ Измайловѣ и прогулка верхомъ.

Прибытіе принца Августа изъ Голштиніи въ мартѣ мѣсяцѣ. Его свѣтлость привезъ для ея величества портретъ принцессы пербетской, написанный въ Берлинѣ живописцемъ Резве. Въ портретѣ почти нельзя было узнать кисти этого художника, потому что онъ отъ старости потерялъ силу и прекрасный талантъ.

Его обхожденіе съ великимъ княземъ.

Живетъ при дворѣ съ своими адъютантами, полковниками фонъ-Шильдомъ и Хагеромъ.

Императрица приказала взять изъ передней великаго князя сорокопуда и умертвить его. Ея наставленіе великому князю касательно жестокости и нечувствительности къ несчастію людей и мученія животныхъ. (Орсп. примѣръ императрицы Анны, у которой каждую недѣлю раза по два на дворѣ травили медвѣдей.)

Прибытіе принцессы ангальтъ-цербетской съ ея дочерью въ Москву. Воехищеніе императрицы обѣими. Характеръ этой прекрасной и умной принцессы. Императрица Елисавета первое время была ею совершенно очарована. Она подарила ей тогда драгоцѣнный перстень съ большимъ брилліантомъ, и сказала, что, такъ какъ онъ былъ назначенъ ея прежнему жениху, епископу эйтинскому, брату принцессы, который умеръ до обрученія, то она

дарить его сестрѣ покойнаго, чтобы на вѣки вѣковъ соединиться съ нею и ея домою.

28 июня миропомазаніе принцессы и объявленіе невѣстою великаго князя.*

Путешествіе двора лѣтомъ въ Кіевъ (1745?).

Въ ноябрѣ торжественное обрученіе и наименованіе невѣсты великою княжною.

Ея величество занемогла воспаленіемъ въ груди и лежить при смерти. Sanchez и Боергаве дежурятъ при дворѣ.

Нарывъ въ легкихъ прорвался со рвотою, и она выздоравливаетъ; (приписывается чуду отъ святой воды Троице-Сергіевой лавры, настоятель которой щедро награжденъ подарками).

Въ ноябрѣ 1744 года была у в. к. въ Москвѣ вѣтряная оспа, которую докторъ Sanchez принималъ за настоящую, но Боергаве призналъ за вѣтряную, и въ доказательство предсказалъ настоящую чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

1745 года, въ февралѣ, великій князь въ Хотиловѣ, на половинѣ дороги отъ Москвы до Петербурга, занемогъ настоящею оспою.

Императрица, тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, отправилась назадъ въ Хотилово, сдѣлала тамъ всѣ нужныя приготовленія, и осталась сама въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Великая княжна съ матерью находилась также при ея величествѣ.

Великаго князя лечатъ по старой методѣ, въ теплой комнатѣ; весь домъ обитъ войлоками и досками, какъ футляръ.

Императрица посылаетъ свою камерюнгферу рассказывать ему сказки изъ 1001 ночи. (...Абрамова, впоследствии Мельгунова).

Болѣзнь доставляетъ великому князю полную свободу къ праздности и короткости въ обхожденіи съ своими лакеями. Ученіе прекращается на два мѣсяца.

Хотилловскій ямщикъ Патрикѣвичъ сдѣланъ придворнымъ

* Все эти свѣдѣнія размѣщены мною, смотря по содержанию: въ подлинникѣ онѣ въ это мѣ мѣстѣ, какъ и выше, разбросаны, на поляхъ и особыхъ листахъ. Ред.

ямщикомъ, а по восшествіи великаго князя на престолъ произведенъ въ титулярные совѣтники въ Ямской приказъ.

Великій князь занемогъ колотьемъ въ боку (pleugesie). Хирургъ Барре кинулъ ему кровь три раза въ продолженіе двѣнадцати часовъ.

Великій князь получилъ въ подарокъ Ораніенбаумъ.

1745 г. въ февралѣ, дворъ благополучно возвратился, и праздновалъ день рожденія, 14 лѣтъ, великаго князя (10-го февраля) баломъ и аллегорическимъ фейерверкомъ: по лѣтамъ его возраста: дважды семь.

Въ безбрачномъ состояніи великій князь проводилъ время въ однихъ увеселеніяхъ.

Для ежедневнаго обхожденія находятся при его императорскомъ высочествѣ его дядя, принцъ Августъ голштинскій,* подполковникъ Шильдъ, адъютантъ принца Августа, камеръ-юнкеръ Виллебуа и Чернышевъ, надворный совѣтникъ Штелинь, камеръ-юнкеръ голштинскій фонъ-Штамбъ (?), голштинскій камергеръ фонъ-Дюккеръ ** и пр.

Мѣсто Оберъ-гофмейстера занялъ при немъ генералъ фельдцейгмейстеръ Рѣпнинъ. *** Для бесѣды о голштинскихъ дѣлахъ тайный совѣтникъ Пеклинъ, (фонъ-Лѣвенбахъ — министръ, а голштинскій камергеръ фонъ-Бремзенъ — секретарь).

Штелинь по утрамъ во время одѣванія его императорскаго высочества читаетъ ему газеты и объясняетъ ихъ въ разговорѣ; но и это случается не каждый день, все остальное время употребляется на забавы, на пригонку

* Штатгальтеръ Голштиніи. Онъ выписалъ для великаго князя модель города Килы, которая забавляетъ его болѣе, чѣмъ все Русское государство, изъ немалому огорченію императрицы. Штелинь показываетъ ему различіе между обоими. Императрица отсылаетъ всѣхъ голштинцевъ назадъ.

** Послѣ обѣда и вечеромъ, когда при дворѣ не было пріѣзда или какой-либо другой помѣхи, просматривались произведенія искусствъ, модели и книги изъ академической библиотеки, и составлялись модели, также дѣлались оптическіе эксперименты съ воздушнымъ насосомъ и другіе опыты.

*** Черезъ него, по предложенію и старанію Штелиня, былъ отысканъ манускриптъ фельдмаршала Маврикса Reflexion sur la construction des fortificat. moderates et leur defence avec un nouveau systeme, и переписанъ имъ самимъ.

прусскихъ гренадерскихъ касокъ, на экзерцицію съ лакеями и пажами, а вечеромъ на игру.

Императрица спѣшить бракосочетаніемъ великаго князя. Приготовленія продолжаются до 25-го августа, когда оно и было совершено, (врачи совѣтовали, чтобы оно было отсрочено по крайней мѣрѣ на годъ).

Ея величество произвела наставника великаго князя въ надворные совѣтники, и въ его библіотекари, съ непремѣннымъ приказаніемъ быть постоянно при великомъ князѣ, чтобы его высочество могъ пользоваться его наставленіями. Она приказала ему, чтобы онъ каждое утро присутствовалъ при вставаніи и одѣваніи великаго князя, чтобы удержать дерзкихъ камердинеровъ и лакеевъ отъ непристойныхъ разговоровъ съ его высочествомъ. Нѣкоторые изъ нихъ были вдругъ отосланы, между прочими камердинеръ Румбергъ сосланъ въ крѣпость, а потомъ въ Оренбургъ. Оттуда возвратилъ его Петръ III въ 1762 году. (Сей послѣдній по возвращеніи (beum accomodigen) рассказываетъ императору чудеса объ уничтоженной имъ тайной канцеляріи.)

25 августа совершено бракосочетаніе съ великимъ торжествомъ.

Вскорѣ послѣ этого мать великой княгини возвратилась въ свое княжество Ангальтъ-Цербстъ.

Она возбудила въ канцлерѣ подозрѣніе своимъ прусскимъ и французскимъ образомъ мыслей, и потому онъ хлопоталъ у императрицы объ ускореніи отъѣзда и бракосочетанія, которое однакожъ по причинѣ оспы совершилось только въ августѣ слѣдующаго года. Такъ какъ она придерживалась болѣе партіи Лестока и графа Брюммера, чѣмъ канцлера графа Бестужева, то ея лишили благосклонности и довѣрія императрицы, которая, чтобы удалить ее, спѣшила бракосочетаніемъ великаго князя, вопреки совѣтамъ придворныхъ врачей. Великій князь далъ отставку своему прежнему оберъ-гофмаршалу графу Брюммеру и оберъ-камергеру Берггольцу, предложивъ имъ

должность въ Голштиніи. Но они, не довѣряя миру, отказались и получили отъ императрицы чрезъ оберъ-егермейстера графа Разумовскаго ежегодную пенсію: первый въ 3000, второй въ 2000 рублей, и избрали своимъ мѣстопробываніемъ Висмаръ, гдѣ графъ Брюммеръ умеръ чрезъ нѣсколько лѣтъ, но Бергхольцъ жилъ до 177... года.

1746 годъ. Дворъ великаго князя провелъ лѣто въ Ораніенбаумѣ. Тамъ на лугу была выстроена крѣпость и зала съ нѣсколькими отдѣленіями, гдѣ давались частыя празднества, какъ напр. въ день обрученія, съ иллюминаціей, пушечною пальбою и проч. Коммендантъ крѣпости—графъ Головкинъ, каммергеръ и гофмаршалъ великаго князя. Тамъ въ первый разъ выказалась въ большомъ размѣрѣ страсть къ военному (*militair-marotte*) въ его высочествѣ устройствомъ роты изъ придворныхъ кавалеровъ и прочихъ окружающихъ вел. князя. Онъ самъ капитанъ, графъ Рѣпнинъ—его адъютантъ. (Списокъ этой ораніенбаумской компаніи).

Вечеромъ и утромъ стрѣльба съ вала крѣпости..... сигналы; ежедневное ученіе, маршировка, маневры съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, съ 4 часовъ послѣ обѣда до поздняго вечера.

Возвращеніе изъ Ораніенбаума въ лѣтній дворецъ. Экзерциціи съ лакеями и пригонка аммуниціи продолжаются потомъ, къ величайшему неудовольствію императрицы. Ложный докладъ объ этомъ Рѣпнина ея величеству былъ открытъ послѣ точнѣйшаго изслѣдованія. Чрезъ это онъ лишился довѣрія императрицы, и вскорѣ послѣ того былъ посланъ при вспомогательномъ войскѣ къ союзной арміи въ Германію. Онъ дошелъ только до Бамберга, потому что въ Ахенѣ былъ заключенъ миръ, и умеръ на обратномъ пути. Анекдотъ объ этомъ господинѣ, которому повредилъ канцлеръ Бестужевъ.

1747. Супруга каммергера Чоглокова, урожденная графиня Гендрикова, сдѣлана оберъ-гофмейстершею великой княгини, а супругъ ея, воспитанникъ танцмейстера Лоде,

поступилъ на мѣсто Рѣпина къ вел. князю. Все пере-
мѣняется при дворѣ его, но не къ лучшему. Штелинь
выходитъ въ отставку (съ пенсією), и сдаетъ библіотеку
его высочества придворнымъ лакеямъ и подобнымъ людямъ.

1748. Великій князь забываетъ все, что училъ, и про-
водитъ время въ забавахъ съ такими же невѣждами,
какъ Чоглоковъ.

1749. Дворъ отправляется въ Москву. Великій князь
проводитъ время въ нововыстроенномъ увеселительномъ
дворцѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы; а зиму
въ маскарадахъ, балахъ, играхъ и другихъ увеселеніяхъ
съ Итальянцами, которые учатъ его играть на скрипкѣ,

Годы: 1750 ()
1751 () Идутъ тѣмъ же порядкомъ.
1752 ()

1753. Въ Москвѣ, гдѣ Чеглоковъ умираетъ.

1754. На его мѣсто поступаетъ къ двору великаго
князя графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, по
рекомендаціи любимца, камергера Ив. Ив. Шувалова.

Въ началѣ года дворъ возвращается изъ Москвы въ
Петербургъ. Великая княгиня беременна. Дворъ вел. князя
совершенно оживаетъ. Его высочеству все дозволяется.

Примѣчаніе. Переговоры датскаго министра, графа Линара,
касательно уступки герцогства Голштинскаго за графство Оль-
денбургъ, и дальнѣйшая раздѣлка. Канцлеръ гр. Бестужевъ и
голштинецъ баронъ Пехлинъ уже уговорили вел. князя дать
согласіе. Императрица, которая не хотѣла имѣть дѣло съ Гол-
штинією, была на это согласна, чтобъ болѣе привязать в. князя
къ Россіи. Когда же дѣло дошло до раздѣла бумагъ, в. князь
воспротивился. Графъ Линаръ, который уже увѣдомилъ свой
дворъ о согласіи, лишился ожидаемаго имъ министерскаго
мѣста, и вскорѣ послѣ того сдѣлался оберофтомъ граф-
ства Ольденбургскаго. Его мѣсто при импер. дворѣ занялъ
баронъ Мальцанъ, умершій въ Петербургѣ въ 1756 году; его
замѣнилъ баронъ Остенъ.

Льтою вызвалъ онъ изъ Голштиніи въ Ораніенбаумъ роту голштинскихъ солдатъ съ ихъ офицерами *. Тутъ онъ дѣлается совершенно военнымъ, и курить табакъ, котораго прежде не могъ терпѣть. Вѣлъ инженеръ-капитану Додонову построить въ Ораніенбаумѣ крѣпость большей величины. Генераль-фельдцейгмейстеръ гр. Петръ Иван. Шуваловъ исходатайствовалъ у императрицы на это позволеніе, какъ на невинное препровожденіе времени, и доставилъ ему пушки и порохъ.

Учрежденіе арсенала и крѣпости. Основаніемъ къ тому была превосходная оружейная камера бывшаго оберъ-маршала графа Брюммера, которую купила императрица; и подарила великому князю.

Примѣчаніе. Такъ какъ прежде, вскорѣ по прибытіи вел. князя въ Россію, было строго запрещено, чтобъ ни одинъ Голштинецъ безъ зова не смѣлъ пріѣзжать въ Россію съ русск. паспортомъ (два камеръ-юнкера, ф.-Эвель и Адлерфельдъ, прибыли въ Ригу въ 1743 г. и должны были воротиться): то камергеръ ф.-Брокдорфъ прибылъ на любекскомъ кораблѣ, подъ видомъ торговца стекломъ, (и съ виду не казался красивѣе), и такъ пріютился, что сдѣлался генераломъ и наконецъ голштинскимъ министромъ. Императрица Екатерина II не потерпѣла его въ Россіи, и лишила его еще въ Данцигѣ камергерскаго ключа.

Великій князь снова призываетъ къ себѣ надворнаго со-вѣтника Штелина, поручаетъ ему перевести его библіотеку въ Ораніенбаумъ и остаться при ней.

20 сентября великая княгиня разрѣшилась отъ бремени сыномъ. 4-го ноября торжественное поздравленіе у родильной постели ея императорскаго высочества. Съ этого времени до великаго поста слѣдующаго года непрерывныя празднества при дворѣ и въ домахъ знатнѣйшихъ особъ. (Великолѣпіе бала, даннаго камергеромъ Шуваловымъ въ его новомъ домѣ, также генераль-фельдцейгмейстеромъ графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ.)

* Лейтенантъ Цвейфель, Штеененъ и многіе другіе—его наставники въ прусскомъ военномъ дѣлѣ, капитанъ Ферстеръ, дагѣ подполковникъ Лотцау и проч. возбудили въ вел. князѣ ненависть противъ Дани и желаніе—отмстить Датчанамъ чрезъ отнятіе герцогства Шлезвигскаго. При этомъ было страшное хвостовство.

Императрица даритъ великому князю нѣсколько сотъ тысячъ рублей для уплаты Гамбургу и для выкупа нѣкоторыхъ заложенныхъ голштинскихъ имѣній.

До втораго года Прусской войны 1757 г. великій князь присутствовалъ постоянно въ Совѣтѣ, учрежденномъ при дворѣ съ самаго начала этой войны; а дѣломъ, живя въ Петергофѣ или въ своемъ увеселительномъ дворцѣ въ Ораніенбаумѣ, велѣлъ секретарю Совѣта, Дмитрію Васильевичу Волкову, привозить къ нему еженедѣльно протоколъ, прочитывалъ его, дѣлалъ часто шутивыя замѣчанія и подписывалъ его. Но впоследствии, находя въ протоколахъ резолюцію Совѣта къ сильнѣйшему нападению на прусскаго короля и къ вѣрнѣйшему союзу между русскимъ, австрійскимъ и французскимъ правительствомъ, сталъ онъ возставать противъ протокола, говорилъ открыто, что императрицу обманываютъ въ отношеніи къ прусскому королю, что Австрійцы насъ подкупаютъ, и Французы обманываютъ, и не хотѣлъ болѣе подписывать протоколовъ, но отсылалъ секретаря Волкова назадъ, приказалъ ему сказать Совѣту отъ его имени, что мы со временемъ будемъ каяться, что вошли въ союзъ съ Австрією и Францією.

Обо всемъ, что происходило на войнѣ, получалъ его высочество, не знаю откуда, очень подробныя извѣстія съ прусской стороны; и если по временамъ въ петербургскихъ газетахъ появлялись реляціи въ честь и пользу русскому и австрійскому оружію, то онъ обыкновенно смѣялся и говорилъ: «все это ложь, мои извѣстія говорятъ совсѣмъ другое.»

О сраженіи при Торгау на Эльбѣ, между прусскимъ королемъ и фельдмаршаломъ Даумомъ, прибылъ къ графу Эстергази въ восемь часовъ вечера, еще засвѣтло (въ юль), курьеръ съ извѣстіемъ, что Пруссаки совершенно разбиты, и Австрійцы одержали рѣшительную побѣду надъ прусскимъ королемъ. Мы сидѣли въ этотъ вечеръ съ великимъ княземъ въ деревянномъ зимнемъ дворцѣ за ужиномъ. Императрица только что получила это извѣстіе отъ австрійскаго посланника графа Эстергази, и камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ написалъ въ покояхъ ея величества къ великому князю краткое извѣстіе о томъ, что за часъ предъ тѣмъ сообщено австрійскимъ куріеромъ, прибывшимъ съ поля сраженія.

Великій князь, прочитавъ записку, удивился, и велѣлъ камерпажу императрицы сказать камергеру отъ его имени, что онъ благодарить его за сообщенную новость, но еще не можетъ ей вѣрить, потому что еще не пришло его собственныя извѣстія; но онъ надѣется, что завтра ихъ получить, и сообщить тогда камергеру правдивый рассказъ объ этомъ предполагаемомъ событіи. Мы удивились такому отзыву великаго князя камергеру, и сказали его высочеству, что вѣроятно то извѣстіе справедливо, которое прислано съ поля сраженія отъ главнокомандующаго ко двору, находящемуся въ такомъ тѣсномъ союзѣ съ его дворомъ. «Очень рѣдко, — отвѣчалъ великій князь; я давно знаю, что Австрійцы любятъ хвастаться и лгать и всегда предупреждаютъ извѣстіями своего рода, извѣстія ихъ только до завтра, тогда я узнаю въ точности, какъ было дѣло.» На томъ и осталось, и объ этомъ болѣе не говорили. На другой день утромъ въ 9 часовъ его высочество прислалъ за мною скорохода (гонца). Лишь только вошелъ я въ комнату, какъ великій князь встрѣтилъ меня словами: «что говорилъ я вчера за ужиномъ? не правъ ли я былъ, сказавъ, что я прежде не повѣрю извѣстію о побѣдѣ Австрійцевъ надъ прусскимъ королемъ при Торгау, пока не получу другаго съ прусской стороны! Я получилъ его сегодня утромъ рано, и оно говоритъ совсѣмъ другое, именно, что «хотя вечеромъ въ день сраженія прусская армія была въ дурномъ положеніи, и побѣда была почти на австрійской сторонѣ, но новое нападеніе генерала Цитена съ его храбрыми гусарами и прусскою артиллеріею дало дѣлу такой внезапный оборотъ, что король не только одержалъ совершенную побѣду надъ австрійскою арміею, но на преслѣдованіи потопилъ ихъ безчисленное множество въ Эльбѣ, а фельдмаршалъ Даумъ, видя свое совершенное пораженіе, въ большемъ безпорядкѣ отступилъ со всею поспѣшностію къ Дрездену, оставивъ весь багажъ побѣдителямъ.» Это извѣстіе было привезено не только прусскимъ курьеромъ, присланнымъ въ ту же ночь съ поля сраженія къ его высочеству, но и другимъ австрійскимъ курьеромъ къ австр. графу Эстергази.

ПЕТРЪ III, ИМПЕРАТОРЪ.

(Кабинетъ-секретарь Дмитрій Васильевичъ Волковъ сочинилъ на русскомъ языкѣ превосходную релацию о болѣзни и кончинѣ императрицы Елисаветы; она была напечатана на двухъ языкахъ въ петербургскихъ газетахъ).

Когда 25 декабря, въ 4 часа вечеромъ, скончалась императрица Елисавета, и великій князь, какъ наследникъ престола, принялъ поздравленіе отъ всѣхъ призванныхъ ко двору сенаторовъ, генераловъ и прочихъ чиновниковъ, тогда онъ велѣлъ гвардейскимъ полкамъ выстроиться на дворцовой площади, объѣхалъ ихъ уже при наступленіи ночи, и принялъ отъ нихъ привѣтствіе и присягу. Полки выражали свою радость непрерывнымъ ура своему новому полковнику и императору, и говорили громко: «Слава Богу, наконецъ послѣ столькихъ бабъ, управлявшихъ Россіей, у насъ теперь опять муштина императоромъ!» Къ ужину удержалъ онъ при дворѣ около 30 знатнѣйшихъ вельможъ.

При кончинѣ императрицы, кромѣ многихъ знатныхъ духовныхъ особъ, присутствовали духовникъ ея Дубенскій* и архіепископъ новгородскій Дмитрій Сѣченовъ.**

* Этотъ Дубенскій былъ нѣкогда простымъ священникомъ. Какъ духовникъ императрицы, онъ скопилъ всевозможными способами большое богатство, на которое купилъ нѣсколько каменныхъ домовъ и разныхъ помѣстій. Одинъ изъ сыновей его былъ вѣкомъ при великой княгинѣ, потомъ оенцеромъ въ Преображен. гвардіи, но скоро умеръ въ чахоткѣ. Другой сынъ былъ сперва оенцеромъ въ конной гвардіи, а потомъ унтер-оермейстеромъ. Дочь вышла за князя Долгорукаго.

** Этотъ архіепископъ, весьма ученый, умный и краснорѣчивый мужъ, былъ нѣкогда профессоромъ въ кіевской академіи. Какъ первенствующій членъ св. Синода, онъ весьма много значилъ. Императрица Екатерина II очень дорожила имъ. Когда онъ однажды, года за два до своей кончины, опасно занемогъ каменною болѣзнію, она послала къ нему своего лейбмедика Шиллинга, которому приказано употребить все возможное для его излеченія, ибо для нея много значило его выздоровленіе. Докторъ съ опасностію перешелъ черезъ Неву по нетвердому льду (это было не задолго до страстной недѣли 1785 года) на Петербургскую сторону, и довелъ до того, что

Сей послѣдній, ученый мужъ и великій ораторъ, привѣтствовалъ императора превосходною рѣчью, въ которой онъ, приводя слова ангела изъ Евангелія того дня: «сезовѣщаю вамъ великую радость», и проч., весьма остроумно выразилъ вмѣстѣ съ духовною радостью—свѣтскую радость, именно о рождествѣ Спасителя и о восшествіи на престолъ Петра, внука и единственной отрасли Петра Великаго.

На другой день императоръ назначилъ особую комиссію для устройства великолѣпнѣйшаго погребенія. Онъ приказалъ, чтобъ не жалѣли ничего для великолѣбія траурной парадной залы, похоронной процессіи и мѣста погребенія. На это его величество назначилъ тотчасъ 100 т. рублей наличными деньгами.

Въ этой комиссіи, которая собиралась ежедневно въ домъ сосланнаго графа Бестужева, бывшаго канцлера, предсѣдательствовалъ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой; членами ея были: камергеръ князь Куракинъ, оберъ-церемоніймейстеръ графъ Санти, унтеръ-церемоніймейстеръ баронъ Лефортъ, статскіе совѣтники Самаринъ, Волковъ и Штелинъ, которому поручено было составить планъ для аллегорической траурной парадной залы во дворцѣ,

камень застрявшій благополучно вышелъ. Онъ прописалъ архіепископу буллами, но этотъ превосходный пастыръ сказалъ ему: другъ мой, я бы охотно, безъ всякихъ упрековъ совѣти, сталъ это употреблять, но не смѣю этого сдѣлать по причинѣ окружающихъ меня монаховъ, хотя бы это стоило мнѣ жизни: это не только бы раздражало ихъ, но они сочли бы меня за величайшаго еретика.

Оберъ-прокуроръ св. Синода, Иванъ Ивановичъ Меллосио, въ обществѣ друзей сказалъ объ этомъ архіепископѣ, что это единственный, чуждый всякаго податства и свободномыслящій пастыръ во всемъ Синодѣ, и если бы было тамъ хоть три члена ему подобныхъ, то было бы легко уничтожить всѣ предрассудки и все суевѣріе, которое еще у насъ господствуетъ. Къ величайшему огорченію императрицы, онъ скончался въ Москвѣ въ 1767 году, послѣ того, какъ, при его содѣйствіи, приведено было въ исполненіе предложенное Петромъ I и III отобраніе монастырскихъ помѣстій, которымъ управленіе поручено новоучрежденной въ Москвѣ экономической коллегіи съ назначеніемъ ежегоднаго оклада всему духовенству отъ высшаго до низшаго. Это экономическое управленіе доставляетъ императрицѣ сумму отъ 3 до 4 милліоновъ, изъ которой содержится при всѣхъ монастыряхъ семинаріи, разныя воспитательныя заведенія, каменные мосты, сооружены памятники Петру I и многія другія превосходныя заведенія.

и великолѣпнаго катафалка въ соборномъ храмѣ Петра и Павла въ крѣпости, вмѣстѣ съ прочими орнаментами.

За этимъ работали день и ночь, чтобъ по приказанію императора все было готово въ первыхъ числахъ февраля и самое погребеніе могло совершиться 10-го февраля.

Во время этихъ приготовленій императоръ заѣхалъ однажды въ крѣпость, осмотрѣлъ постройку катафалка, и сказалъ, чтобъ не жалѣли ничего для его великолѣпія, и если недостаточно будетъ назначенной суммы, то онъ прибавитъ еще. При этомъ случаѣ, находясь уже въ Петро - Павловской крѣпости, императоръ захотѣлъ осмотрѣть тамошній монетный дворъ. Онъ обошелъ всѣ отдѣленія, и войдя въ то, гдѣ чеканились новые рубли, сказалъ смѣясь: «эта фабрика мнѣ нравится болѣе многихъ другихъ. Еслибъ она прежде принадлежала мнѣ, то я умѣлъ бы ею воспользоваться.» Послѣ этого посѣтилъ онъ живущаго въ крѣпости обер-комменданта генералъ-лейтенанта Кастюрина, и завтракалъ у него.

Послѣ смерти императрицы Елисаветы, когда еще не были омеблированы комнаты зимняго дворца, поселился онъ въ задней половинѣ деревяннаго дворца, подлѣ такъ называемаго зеленого моста, на Невскомъ или Адмиралтейскомъ проспектѣ, гдѣ скончалась императрица и лежала до дня погребенія на парадномъ одрѣ.

Каждое утро онъ вставалъ въ семь часовъ, и во время одѣванія отдавалъ генералъ-флигель-адъютантамъ свои повелѣнія на цѣлый день. Въ 8 часовъ сидѣлъ онъ въ кабинетѣ, и тогда къ нему являлись съ докладами сперва генералъ-прокуроръ сената (Александръ Ивановичъ Глѣбовъ) и такъ одинъ за другимъ президенты Адмиралтейской военной коллегіи; онъ разрѣшалъ и подписывалъ ихъ доклады до 11 часовъ. Тогда отправлялся онъ на дворцовую площадь на смотръ парада при смѣнѣ гвардіи, а оттуда въ часъ къ обѣду.

Часто, почти каждый день, приходила по утрамъ къ нему въ кабинетъ императрица изъ своей половины; но къ обѣду никогда. При обѣденномъ столѣ его участвовали ежедневно по его приглашеніямъ то тотъ, то другой генералъ, адмиралъ и другія лица меньшаго чина, съ которыми онъ хотѣлъ подробнѣе поговорить.

Каммергера Ивана Ивановича Шувалова, послѣдняго любимца покойной императрицы, у котораго однажды за императорскимъ столомъ, когда рѣчь зашла о ней, потекли по лицу слезы, утѣшилъ онъ словами: «выбрось изъ головы, Иванъ Ивановичъ, чѣмъ была тебѣ императрица, и будь увѣренъ, что ты, ради ея памяти, найдешь и во мнѣ друга.» Однажды, въ первые дни своего царствованія, сказалъ онъ за столомъ Штелину, котораго произвелъ онъ въ статскіе совѣтники, и наименовалъ смотрителемъ своей библиотеки и кабинета: «Штелинъ, я очень хорошо знаю, что и въ вашу академію наукъ закралось много злоупотребленій и безпорядковъ. Ты видишь, что я занятъ теперь болѣе важными дѣлами; но какъ только съ ними управлюсь, то примусь за вашу академію, уничтожу всѣ безпорядки, и поставлю ее на лучшую ногу.»

Самое замѣчательное дѣло, которое совершилъ онъ въ первые дни своего правленія, безспорно уничтоженіе тайной канцеляріи, судилища, подобнаго инквизиціи, только не въ духовныхъ дѣлахъ, и дарованіе русскому дворянству свободы служить или не служить, выѣзжать изъ государства, и пр. Объ этихъ двухъ главныхъ предметахъ и о вѣротерпимости часто говорилъ онъ, еще будучи великимъ княземъ. Сенатъ былъ такъ этимъ обрадованъ, что не только прислалъ депутацію для выраженія императору своей благодарности, но хотѣлъ еще воздвигнуть его высочеству статую, чтобъ увѣковѣчить это неожиданное и великое благодѣяніе.

Такъ какъ всѣ видѣли, какъ былъ неутомимъ этотъ молодой монархъ въ самыхъ важнѣйшихъ дѣлахъ, какъ быстро и заботливо онъ дѣйствовалъ съ утра и почти

цѣлый день, въ первые мѣсяцы своего правленія, до прибытія дяди своего, принца Георгія, то возлагали великую надежду на его царствованіе, и всѣ вообще полюбили его.

Только впоследствии, когда онъ сталъ упускать изъ виду внутреннее, занимаясь только внѣшнимъ: когда онъ уничтожилъ мундиры гвардейскихъ полковъ, существовавшіе со временъ Петра Великаго, и замѣнивъ ихъ короткими прусскими кафтанами, ввелъ бѣлыя узкія брюки и проч., тогда гвардейскіе солдаты и съ ними многіе офицеры начали тайно роптать, и допустили приготовить себя къ возмущенію.

Къ запискамъ о царствованіи Петра III-го.

Посылаетъ своего генераль-адъютанта Гудовича съ собственноручнымъ письмомъ къ прусскому королю.

При немъ находится ежедневно секретарь Волковъ, флигель-адъютанты: Олицъ, Барятинскій, Рейзеръ, Чернышевъ, Перфильевъ, Ал. Нарышкинъ.

Его похвальные поступки въ первые три мѣсяца; каждое утро онъ проводитъ въ кабинетѣ съ министрами, посѣщаетъ сенатъ и всѣ коллегіи, также и синодъ; вездѣ его принимаютъ съ восторгомъ, а въ послѣднемъ архіепископъ новгородскій Сѣменовъ говоритъ ему привѣтственную рѣчь.

Каждый день приглашаетъ къ столу своему заслуженныхъ и значительныхъ людей; каждое утро присутствуетъ на парадѣ гвардейцевъ, которые, въ первыя четыре недѣли, маршируютъ не хуже лучшихъ прусскихъ, (фельдмаршалъ Минихъ, видя ихъ въ первый разъ, такъ былъ удивленъ, что сказалъ: «это для меня истинная новость, я никогда не могъ до этого достигнуть»).

Первое дѣланіе. Учрежденіе комисіи для торжественнаго погребенія императрицы Елисаветы, (приказъ о выбитіи похоронной медали).

Уничтоженіе тайной канцеляріи.

Свобода дворянства служить или не служить, путешествовать и прочее.

Проектъ объ отобраніи монастырскихъ помѣстій и о назначеніи содержанія епископамъ и прочему духовенству.

Учрежденіе новыхъ полковъ.

Перемена гвардейской формы (слишкомъ рано).

Каждый полковникъ можетъ дать своему полку особенную форму и назвать его своимъ именемъ, (все на прусскій образецъ).

(Приготовленія къ торжественанію мира. Празднованіе при дворѣ). Отправленіе г. Салтерна и Корфа въ Берлинъ для конгресса. Салтернъ говоритъ: я знаю, что поѣду въ апрѣлѣ. Приготовленія къ войнѣ съ Данією. Совѣтъ возражаетъ. Вынужденное сочиненіе герцога Георга объ этомъ.

Меблируетъ новый каменный дворецъ.

Отличаетъ родственниковъ покойной императрицы при ея погребеніи.

Даритъ ея двоюродной сестрѣ, супругѣ канцлера, графинѣ Воронцовой, прекрасное помѣстье на Волгѣ (Кимра, прежнее вдовье помѣстье для царицы, близъ Твери, 4300 душъ). Обходится милостиво съ прежнимъ любимцемъ покойной императрицы. Платитъ долги его супруги и его собственные.

Принца Петра голштейнъ-бекскаго объявляетъ фельдмаршаломъ и губернаторомъ Петербурга. Помѣщаетъ принцессу, дочь его, при дворѣ.—Дядѣ своему, принцу Георгію голштинскому, и его супругѣ, даетъ титулъ высочества.—Хочетъ воздвигнуть въ Килѣ монументъ своему покойному родителю, и поручаетъ Штелину сочинить рисунокъ и показать средства исполненія.

Съ нѣкоторыми приближенными отправляется въ Шлиссельбургъ, и посѣщаетъ тамъ несчастнаго принца Юанна.

Велитъ подать себѣ однажды послѣ обѣда въ лѣтнемъ дворцѣ оставшійся гардеробъ покойной императрицы Елисаветы, занимающій нѣсколько комнатъ и залъ, и находить 15000 и нѣсколько сотъ платьевъ, частію одинъ разъ надѣванныхъ, частію совсѣмъ не ношенныхъ, 2 сундука

шелковыхъ чулковъ, лентъ, башмаковъ и туфель до нѣсколькихъ тысячъ, и проч. Болѣе сотни неразрѣванныхъ кусковъ богатыхъ французскихъ матерій, и проч.

Не общаетъ Французамъ много хорошаго отъ своего царствованія.

Гуляетъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ саду лѣтняго дворца, и приказываетъ отсчитать съ дюжину фухтелей одному безстыдному французу, Пиктету *, за то, что онъ, проходя нѣсколько разъ мимо императора и его свиты, не снялъ даже шляпы, — и сказалъ при этомъ: такъ надѣ учиться этихъ невѣждъ французовъ.

Но тѣмъ болѣе благоволяетъ Итальянцамъ, и въ особенности музыкантамъ; своего бывшего учителя на скрипкѣ, Піери, назначаетъ капельмейстеромъ и отказываетъ прежнему (Штарцеру изъ Вѣны); самъ играетъ при дворѣ первую скрипку, подъ управленіемъ Піери, и желаетъ, чтобы всѣ знатные дилетанты, которые нѣкогда играли въ его концертѣ, участвовали и въ придворныхъ концертахъ, именно два брата Нарышкина, (оба андреевскіе кавалеры), дѣйствительный статскій совѣтникъ Олсуфьевъ, статскіе совѣтники Тепловъ и Штелинъ, нѣкоторые гвардейскіе офицеры и прочіе. Имѣетъ запасъ отличныхъ скрипокъ, изъ которыхъ инныя стоятъ отъ 400 до 500 руб.

Хочетъ выписать изъ Падуи въ Петербургъ старика Тастини, къ школѣ котораго онъ причисляетъ и себя.

Возвращаетъ изъ Болоніи капельмейстера Гуяа.

Спустя нѣсколько дней послѣ погребенія императрицы, отправляется въ католическую церковь францисканцевъ, гдѣ былъ построенъ катафалкъ, и совершена была панихида съ музыкою по императрицѣ Елисаветѣ, сочиненіе

* Этотъ Пиктетъ (изъ Ганновера), авторъ перваго французскаго сочиненія о революціи въ Петербургѣ, былъ впоследствии учителемъ у графа Григорья Григорьевича Орлова, и употребилъ во зло его милость: въ 1765 году онъ попытался провезти изъ Парижа безъ пошлымъ 3 большіе сундука съ новѣйшими товарами (на 50000 рублей), но былъ пойманъ, и весь товаръ его конфискованъ, а самъ обманщикъ взятъ въ полицію.

Менфредни; завтракаетъ у пасторовъ, и подписываетъ планъ ихъ новой церкви.

Канцлеръ графъ Воронцовъ даетъ императору великолѣпный праздникъ съ иллюминаціею и фейерверкомъ, также и фельдмаршалъ графъ Разумовскій.

Замышляетъ, по всегдашней ненависти къ Даніи, объявить ей войну, чтобъ возвратить Шлезвигъ. Громко говоритъ объ этомъ за ужиномъ на празднествѣ, которое давалъ для него фельдмаршалъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, тогда какъ датскій посланникъ, графъ Гакстгаузенъ, сидитъ противъ него, — и грозитъ Датчанамъ словами: «Они довольно долго стригли мою Голштинію, теперь я хочу постричь ихъ.» Вскорѣ послѣ того графъ Гакстгаузенъ послалъ нарочно къ своему двору съ этимъ извѣстіемъ (секретаря Шумахера).

Датчане въ самомъ дѣлѣ приготовились къ войнѣ, и поручили главное начальство надъ войскомъ генералу Сень-Жермену.

Навѣщаетъ великаго князя Павла Петровича, цѣлуетъ его и говоритъ: «изъ него современемъ выйдетъ хорошій малый, пусть пока онъ остается подъ прежнимъ своимъ надзоромъ; но я скоро сдѣлаю другое распоряженіе, и постараюсь, чтобъ онъ получилъ другое, лучшее воспитаніе (военное) вмѣсто женскаго.»

Однажды утромъ, во время одѣванья, когда ему рапортовали, что полиція открыла въ прошедшую ночь шайку разбойниковъ на Фонтанкѣ въ деревнѣ Метеловкѣ, (?) онъ сказалъ: «пора опять приняться за висѣлицу. Это злоупотребленіе милости длилось слишкомъ долго и сдѣлало многихъ несчастными. Дѣдъ мой зналъ это лучше, и чтобъ искоренить все зло въ Россіи, должно устроить уголовные суды по его образцу.»

Каждое утро являются къ нему съ докладами генералъ-прокуроръ Глѣбовъ изъ сената, адмиралъ изъ адмиралтейской комиссіи, генералъ изъ военной комиссіи и членъ

изъ комиссії иностранныхъ дѣлъ; онъ разрѣшаетъ доклады и подписываетъ ихъ.

Въ первые дни царствованія даетъ повелѣнiе освободить и возвратить всѣхъ собланныхъ императрицею: фельдмаршала Миниха изъ Пелыма, герцога Курляндскаго изъ Переяславля, графа Лестока изъ Углича, и проч., кромѣ бывшаго канцлера графа Бестужева. Причина: онъ подозрѣваетъ Бестужева въ тайномъ соумышленiи съ его супругою противъ него, и ссылается въ этомъ на покойную императрицу, которая предостерегла его отъ Бестужева.

Прежде всѣхъ возвращается герцогъ Курляндскiй съ своимъ семействомъ и помѣщается у своего зятя, барона Черкасова.

Императоръ, назначившiй герцогство Курляндское своему дядѣ, принцу Георгiю, при первомъ приемѣ говоритъ герцогу Бирону, который благодаритъ его, преклонивъ колѣна: «Утѣштесь и будьте увѣрены, что вы будете мною довольны; если вы и не останетесь герцогомъ курляндскимъ, то все-таки будете хорошо пристроены.»

Минихъ возвращается въ апрѣлѣ, и помѣщается въ квартирѣ, нанятой его внукомъ, барономъ Фитингофомъ, у Измайловскаго моста; получаетъ много визитовъ. Видитъ баталiонъ гвардiи, идущiй мимо его оконъ на часы, и марширующiй по новому образцу, и полный удивленiя говорить Штелину: «Ей-Богу, это для меня новость! я никогда не могъ этого достигнуть.» При первомъ посѣщенiи дѣлаетъ императору комплиментъ этимъ призванiемъ; императоръ беретъ его съ собою на парадъ, гдѣ онъ дивится еще болѣе.

Императоръ примиряетъ герцога Курляндскаго съ фельдмаршаломъ Минихомъ при первомъ ихъ свиданiи при дворѣ; они цѣлуются, пожимаютъ другъ другу руки, и должны обѣщать императору, что забудутъ и никогда не будутъ упоминать о томъ, что было прежде между ними.

Трудится надъ проэктомъ Петра Великаго объ отобранiи монастырскихъ помѣстій, и о назначенiи особен-

ной экономической комиссії для управленія ими. Генераль-прокуроръ Александръ Ивановичъ Глѣбовъ сочиняетъ объ этомъ манифестъ, въ которомъ, кромѣ другихъ доводовъ, приведены слова Спасителя: «взгляните на илии въ полѣ, онѣ не сѣютъ, не прядутъ, не собираютъ въ свои житницы» и проч. Онъ беретъ этотъ манифестъ къ себѣ въ кабинетъ, чтобъ еще разсмотрѣть его и дополнить замѣчаніями.

Разсматриваетъ положеніе всѣхъ сословій въ государствѣ и имѣетъ намѣреніе поручить составить проекты, какъ поднять мѣщанское сословіе въ городахъ Россіи, чтобъ оно было поставлено на нѣмецкую ногу, и какъ поощрить ихъ промышленность. Ему нравится предложеніе Штелина разослать нѣмецкихъ ремесленниковъ по русскимъ городамъ, чтобъ они за умѣренную плату обучали русскихъ мальчиковъ, и заставляли ихъ работать на нѣмецкій образецъ и по ихъ способностямъ и искусству давали имъ званіе подмастерья или мастера; далѣе послать нѣкоторыхъ въ ученье за границу; также послать въ Германію, Голландію и Англію нѣсколько даровитыхъ купеческихъ сыновей въ тамошнія коммерческія конторы, чтобъ изучить бухгалтерію и коммерцію, и устроить русскія конторы на иностранный образъ.

Посѣщаетъ обойную фабрику а la Gobelins, устроенную Петромъ Великимъ, но пришедшую въ упадокъ послѣ его смерти и только вновь приведенную въ порядокъ императрицею Елисаветою. Принимаетъ ее подъ свое особенное покровительство, и назначаетъ ея директоромъ бывшаго своего камердинера Брессана,* заказываетъ два большіе куска *hautelisse* для двухъ стѣнъ передней въ новомъ дворцѣ. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ представлять востшествіе на престолъ императрицы Елисаветы, а другой его собственное. (Длина ихъ отъ 3 до 4 сажень, вышина 1 $\frac{1}{2}$ сажени). Ст. сов. Штелинъ долженъ былъ

* На полѣ отмѣчено: посторонняя исторія этого челоуѣка.

составить аллегорическій рисунокъ, императоръ одобрилъ его, и поручилъ директору Брессану заказать по немъ въ Парижѣ двѣ большія картины.

Празднуетъ 10-го февраля день своего рожденія прекраснымъ и великолѣпнымъ фейерверкомъ въ увеселительномъ дворцѣ въ Царскомъ Селѣ. При этомъ случаѣ было много милостей и производствъ. Оба брата, Александръ Александровичъ Нарышкинъ сдѣланъ оберъ-гофмаршаломъ, Левъ Александровичъ штальмейстеромъ, оба получили андреевскій орденъ, также и голштинскій оберъ-егермейстеръ ф.-Бредадь; генераль-лейтенантъ Виллебуа произведенъ въ генераль-фельдцейхмейстеры и проч. Этому послѣднему и штальмейстеру Нарышкину императоръ подарилъ по каменному дому.

Велитъ составить планъ къ основному капиталу, изъ котораго должны получать большую пенсію тѣ, которые получали ее до того изъ его собственной суммы, и говорить при этомъ: «они довольствовались до сихъ поръ изъ моей тощей великокняжеской казны, теперь я дамъ имъ пенсію изъ моей толстой кассы. Господь Богъ щедро надѣлилъ меня, такъ и я хочу щедрѣе надѣлять ихъ, чѣмъ дѣлалъ это прежде.»

На Святой недѣлѣ императоръ переѣзжаетъ въ новый зимній дворецъ, помѣщаетъ императрицу на отдаленномъ концѣ его; * а ближе къ себѣ на антресоляхъ свою любимицу, толстую фрейлину Елисавету Романовну Воронцову; между переднею и отдѣленіемъ императрицы великаго князя съ его обергофмейстеромъ графомъ Панинымъ.

При вступленіи его въ новый дворецъ, главный архитекторъ, итальянецъ графъ Растрелли, поднесъ ему большой планъ всего дворцоваго строенія. Императоръ, принявъ его, и взявъ съ собою въ свои комнаты, сказалъ окружающимъ: «я долженъ подарить что-нибудь Растрелли. Но деньги мнѣ самому теперь нужны. Я знаю, что сдѣлаю,

* Въ другой замѣткѣ сказано, что она была отстранена отъ всѣхъ дѣлъ.

и это будетъ для него пріятнѣе денегъ, я дамъ ему свой голштинскій орденъ. Онъ не бѣденъ и съ самолюбіемъ, и приметъ это за особенную милость, а я раздѣляюсь съ нимъ честно, не тратя денегъ.» Его величество приказалъ принести орденскую ленту и звѣзду, призвалъ графа, возложилъ на него орденъ, и оставилъ его къ ужину при дворѣ. Когда графъ послѣ ужина возвратился домой, и жена его, весьма тщеславная берлинская француженка (урожд. v. Vallis), у которой въ это время ужиналъ придворный живописецъ гр. Ротари, увидѣла его съ этимъ орденомъ, то, заплакавъ отъ радости, не могла ни слова сказать, и едва не лишилась чувствъ.

Въ этомъ новомъ дворцѣ императоръ помѣстилъ и молодую принцессу Гольштейнъ-Бекъ, дочь фельдмаршала и генераль-губернатора Эстляндіи, въ особенномъ флигелѣ на дворѣ, вмѣстѣ съ ея гувернанткою, дѣвицею Мирабелль, и позаботился о ея воспитаніи. Она получила орденъ св. Екатерины, также и молодая вдова ея покойнаго сведеннаго брата, принца Карла Гольштейнъ-Бекъ, убитаго на сраженіи въ прусской службѣ, урожденная графиня ф.-Дона, и еще супруга принца Георгія. Остальныя принцессы и родственницы Голштинскаго дома, жившія тогда въ Кенигсбергѣ съ герцогомъ Гольштейнъ-Бекъ, бывшимъ супругомъ графини Оршелъской, должны были также получить пенсію; но это не исполнилось по причинѣ его кратковременнаго царствованія.

Съ тѣхъ поръ, какъ императоръ переѣхалъ въ новый дворецъ, онъ хотя и занимался по прежнему каждое утро государственными дѣлами, но все остальное время дня употреблялъ на военное дѣло, въ особенности на его внѣшнюю сторону—на перемѣну формы гвардейскихъ и полевыхъ полковъ.

Прежняя, введенная Петромъ Великимъ форма гвардіи, была перемѣнена на короткіе прусскіе кафтаны съ золотыми (называемыми бранденбургскими) петлицами. Офицеры, изъ вѣжливости, показывали видъ, что они этимъ

довольны, но нижніе чины, терявшіе аршина по два отъ каждаго мундира, громко роптали на это нововведеміе. Это положило нѣсколько камней въ основаніе ихъ вос-
 послѣдовавшаго отпаденія отъ императора. Къ этому присоединился еще ропоть, будто императоръ хочетъ уничтожить гвардейскіе полки, (онъ точно замышлялъ это исполнить, и по своей дурной привычкѣ не могъ сохранить втайнѣ), раздѣлить людей между прочими полками, и въ столицѣ вмѣсто гвардіи употреблять его лейб-кирасирскій полкъ, перемѣщая ежегодно полевые полки.

Еще будучи великимъ княземъ, называлъ онъ янычарами гвардейскихъ солдатъ, живущихъ на одномъ мѣстѣ въ казармахъ съ женами и дѣтьми, и говорилъ, что они только блокируютъ резиденцію, неспособны ни къ какому труду, ни къ военнымъ экзерциціямъ, и всегда опасны для правительства.

Всѣ офицеры ходили теперь въ новыхъ, коротенькихъ мундирахъ, съ испанскою тростию въ рукѣ и съ записною табличкою въ карманѣ. Каждое утро въ 11 часовъ былъ передъ дворцомъ парадъ, на которомъ являлся императоръ и все, что его окружало. Полевые полки получили другое названье, по именамъ своихъ полковниковъ, тогда какъ прежде назывались по городамъ и провинціямъ государства. Каждый полковникъ выдумывалъ свою форму, и по этому мундиры стали необыкновенно разнообразны, такъ что каждый полкъ былъ одѣтъ иначе, чѣмъ другой. Почти каждый генералъ, даже фельдмаршалы, получили каждый особый полкъ, и ходили въ той формѣ. Фельдмаршалы и прочіе генералы, которые были вмѣстѣ полковниками, подполковниками и маіорами гвардейскихъ полковъ, должны были лично командовать своимъ полкомъ, когда при дворѣ смѣнялась стража, и стоять передъ фронтомъ во время парада. Это исполняли фельдмаршалъ графъ Минихъ, князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, гетманъ графъ Разумовскій и другіе, которые до этого, бывъ подполковниками и маіорами гвардейскихъ полковъ, не только

не брали въ руки эспонтона, но и не учились новой экзерциции. Чтобъ не подвергнуть себя публичному выговору отъ императора и насмѣшкамъ офицеровъ, каждый изъ нихъ держалъ у себя въ домѣ молодого офицера, который знаетъ службу, и раза по три и четыре въ день бралъ у него уроки въ новой прусской экзерцици.

Такъ какъ императоръ привыкъ выкуривать трубку кнастера послѣ обѣда и поутру передъ кофеемъ, а при другихъ внѣшнихъ солдатскихъ приѣмахъ любилъ, чтобъ и офицеры курили трубку, то куреніе табака, которое считалось гадкимъ при императрицѣ Елисаветѣ, и вообще почти неупотребительно между Русскими, сдѣлалось теперь общимъ. Кто не курилъ табаку, тотъ почти не считался за хорошаго офицера; и куда приглашали императора въ гости, тамъ всегда лежали на столахъ кнастеръ, трубки и фидибусы. Каждый въ угоду императора хотѣлъ курить, и иной господинъ, всю жизнь не курившій табаку (какъ напр. канцлеръ графъ Воронцовъ), также бралъ трубку и курилъ, или дѣлалъ видъ, что курить еъ большимъ удовольствіемъ. Даже дамы, хотя сами не курили, дѣлали видъ, что имъ пріятенъ табачный дымъ *.

Однажды за ужиномъ читали императору списокъ генераламъ и полковникамъ, которыхъ должно было произвесть. Онъ при каждомъ дѣлалъ свои основательныя замѣчанія, и когда дошла очередь до тогдашняго генералъ-маіора

* Императоръ Петръ III въ юности не могъ сносить табачнаго дыма. Еще будучи великимъ княземъ, онъ показывалъ къ нему также отвращеніе, какъ императрица. Елисавета, для которой ничто не было такъ противно, какъ запахъ табаку и чесноку. Если къ нему кто приближался, отъ котораго пахло табакомъ, то онъ ему точасъ выговаривалъ, что онъ курилъ. Годъ за два до востества своего на престолъ, живя въ томъ лагерѣ въ Ораниенбаумѣ съ своими голштинскими офицерами, и ежедневно упражнялся въ маршировкѣ, онъ научился курить отъ одного грубаго голштинскаго лейтенанта, Цвейгеля. Первое время это причинило ему частыя дурноты но онъ, желая подражать прусскимъ офицерамъ во всякой внѣшности, какъ бы дурна ни была она, какъ наприм. брань и проч., продолжалъ это куреніе до тѣхъ поръ, пока привыкъ и наконецъ получилъ къ оному охоту. Когда Штелинь, увидѣвъ его первый разъ за трубкою, на дугу въ кругу своихъ офицеровъ, и подѣлъ него бутылку пива, выразилъ ему свое удивленіе при томъ новомъ для него зрѣлищѣ, тогда великій князь отвѣчалъ ему: «чему ты удивился, папшischer Teufel; развѣ ты видѣлъ гдѣ честнаго, храбраго офицера, который не курилъ бы трубки?—Это можетъ быть и такъ, Ваше Величество, отвѣчалъ Штелинь, а дивлюсь только, quantum mitatus ab illo, который нѣкогда не могъ терпѣть тѣхъ, отъ кого пахло табакомъ.

Орлова, онъ громко закричалъ: «вычеркнуты! вычеркнуты! я не хочу имѣть у себя въ службѣ генерала, котораго били крестьяне. Если тетка моя, императрица, произвела его въ генераль-маіоры, то пусть онъ носится съ этимъ чиномъ, но не говоритъ, что онъ при мнѣ сдѣлался генераломъ». При этомъ его величество приказалъ тотчасъ же дать ему отставку.

Примѣчаніе. Генераль Орловъ при императрицѣ Елисаветѣ былъ посланъ ею въ чинѣ полковника съ полкомъ своимъ за Москву противъ бунтующихъ крестьянъ, или лучше сказать, противъ монастыря, къ которому они принадлежали. Собравшіеся крестьяне не хотѣли разойтись, и когда онъ велѣлъ выстрѣлить по нимъ холостымъ зарядомъ, они напали на его баталіонъ и обратили его въ бѣгство, а его самого приблизили до полусмерти, и заперли въ тѣсный хлѣвъ. Онъ родомъ изъ старинной пѣмецкой фамиліи, женился на русской и при императрицѣ Елисаветѣ принялъ русскую вѣру. Чемъ недовольнѣе былъ онъ императоромъ, тѣмъ преданнѣе былъ императрицѣ, которая произвела его въ генераль-лейтенанты, а въ турецкую войну въ генераль-аншефы. Онъ умеръ въ 1774 году въ Георгіевскѣ, послѣ вторичнаго взятія этой турецкой крѣпости на Дунаѣ.

28 іюня. Гвардія у краснаго кабака хочетъ воротиться. Генераль Волконскій уговорилъ императрицу сѣсть въ офицерскомъ мундирѣ на коня и самой вести ихъ.

Стеченіе народа въ городъ. Предостереженія полиціи.

29-го, въ 4 часа утромъ, лейтенантъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ прибылъ въ Петергофъ съ гусарскимъ полкомъ Милорадовича, и выстроилъ ихъ на плацу. (Одинъ гусарскій лейтенантъ просилъ на водку у ландрата графа Штейнбока, и отнимаетъ у него весь кошелекъ). Арестуетъ тамъ голштинскихъ рекрутъ съ ихъ офицерами. Полкъ спѣшитъ въ Ораніенбаумъ и обезоруживаетъ въ крѣпости голштинскихъ солдатъ. Свирѣпый сенаторъ Суворовъ кричитъ гусарамъ: «рубите Прусаковъ!» и хочетъ, чтобъ изрубили всѣхъ обезоруженныхъ солдатъ. Гусарскіе офицеры ободряютъ ихъ и говорятъ: «не бойтесь, мы вамъ ничего худаго не сдѣлаемъ; насъ обманули и сказали, что императоръ умеръ».

Характеръ императора Петра III.

Естественный или физическій. Съ дѣтства слабого сложенія, прибылъ (въ декабрь 1741 года) въ Петербургъ ко двору, очень блѣдный, слабый и нѣжнаго сложенія. Его бѣлокурые волосы причесаны на итальянскій манеръ.

Темпераментъ или характеръ. Physic. i. e. constitutio naturalis. Его лейбъ-медикъ, докторъ Струве, хочетъ подкрѣпить его силы частыми приемами лекарства (Hallisch medicin), но это его скорѣе ослабляетъ, чѣмъ подкрѣпляетъ, и онъ осенью 1743 года впадаетъ въ совершенное истощеніе, и получаетъ опасную febris continua lenta, отъ которой чуть не умеръ.

Оправляется отъ болѣзни въ Москвѣ въ 1744 году чрезъ моціонъ и лѣтнее путешествіе съ императрицею въ Кіевъ. Осенью занемогаетъ колющемъ въ боку. Зимой получаетъ вѣтряную оспу, а въ февраль 1745 года, на половинѣ дороги въ Петербургъ, настоящую оспу.

Впослѣдствіи упражненія съ голштинскими солдатами въ Ораніенбаумѣ подкрѣпили его силы. Онъ постоянно пилъ вино съ водою; но когда угощалъ своихъ генераловъ и офицеровъ, то хотѣлъ по-солдатски раздѣлять съ ними все, и пилъ иногда нѣсколько бокаловъ вина безъ воды. Но это никогда не проходило ему даромъ, и на другой день онъ чувствовалъ себя дурно, и оставался цѣлый день въ шлафрокъ.

Intellectual. Ingenium. Довольно остроуменъ, въ особенности въ спорахъ, что развивалось и поддерживалось въ немъ съ юности сварливостію его оберъ-гофмаршала Брюммера.

Любитъ музыку, живопись, фейерверки, и проч.

Judicia. Отъ природы судить довольно хорошо; но стремленіе къ чувственнымъ удовольствіямъ (durch den

Hang nach ähnlichen Ergötzen) болѣе растроивало, чѣмъ развило его сужденія, и потому онъ не любилъ глубокаго размысленія.

Memoria. Отличная до крайнихъ мелочей. Охотно читалъ описанія путешествій и военныя книги. Какъ только выходилъ каталогъ новыхъ книгъ, онъ его прочитывалъ, или отмѣчалъ для себя множество книгъ, которыя составили порядочную библиотечку. Выписалъ изъ Киля библиотечку своего покойнаго родителя, и купилъ за тысячу рублей инженерную и военную библиотечку Мемминга.

Примѣчаніе. Будучи великимъ княземъ, и не имѣя мѣста для библиотечки въ своемъ петербургскомъ дворцѣ, онъ велѣлъ перевести ее въ Ораніенбаумъ, и держалъ при ней библиотечкаря. Сдѣлавшись императоромъ, онъ поручилъ статскому совѣтнику Штелину, какъ своему главному библиотечкарю, устроить библиотечку въ мезонинѣ его новаго, зимняго дворца въ Петербургѣ, для чего были назначены четыре большія комнаты, и двѣ для самаго библиотечкаря.

Для этого на первый случай назначилъ онъ 3000 рублей; а потомъ ежегодно по 2 тысячи рублей, но требовалъ, чтобъ въ нее не вошло ни одной латинской книги, потому что отъ педантическаго преподаванія и принужденія латынь опротивѣла ему съ малолѣтства.

Moralis. Не былъ ханжею, но и не любилъ никакихъ шутокъ надъ вѣрою и словомъ Божиимъ. Былъ нѣсколько невнимателенъ при внѣшнемъ богослуженіи, часто позабывалъ при этомъ обыкновенные поклоны и кресты, и разговаривалъ съ окружающими его фрейлинами и другими лицами.

Императрицѣ весьма не нравились подобныя поступки. Она выразила свое огорченіе канцлеру графу Бестужеву, который, отъ ея имени, при подобныхъ и многихъ другихъ случаяхъ, поручалъ мнѣ дѣлать великому князю строгія наставленія. Это было исполняемо со всею внимательностію, обыкновенно въ понедѣльникъ, касательно подобнаго неприличія его поступковъ, какъ въ церкви, такъ и при дворѣ или при другихъ публичныхъ собраніяхъ. Онъ не обижался подобными замѣчаніями, потому что былъ убѣжденъ, что я желалъ ему добра и всегда ему совѣтовалъ, какъ можно болѣе угождать ея величеству и составить этимъ свое счастье.

Чужды всякихъ предрасудковъ и суевѣрій. По мыслямъ касательно вѣры былъ болѣе протестантъ, чѣмъ русскій, потому съ малолѣтства часто получалъ увѣщанія не высказывать подобныхъ мыслей, и показывать болѣе вниманія и уваженія къ богослуженію и къ обрядамъ вѣры. Противъ всякихъ предрасудковъ и суевѣрій.

Примѣчаніе. Имѣлъ всегда при себѣ нѣмецкую Библію и кельскій молитвенникъ, въ которомъ зналъ наизусть нѣкоторыя изъ лучшихъ духовныхъ пѣсней.

Боялся грозы.

На словахъ нисколько не страшился смерти, но на дѣлѣ боялся всякой опасности. Часто хвалился, что онъ ни въ какомъ сраженіи не останется назади, и что еслибъ его поразила пуля, то онъ былъ увѣренъ, что она была ему назначена.

Онъ часто рассказывалъ, что, будучи лейтенантомъ, съ отрядомъ голштинцевъ разбилъ отрядъ датчанъ, и обратилъ ихъ въ бѣгство. Объ этомъ событіи не могъ засвидѣтельствовать ни одинъ изъ голштинцевъ, которые находились при немъ съ малолѣтства. Всѣ полагали, что онъ только для шутки рассказываетъ такія слишкомъ неправдоподобныя исторіи. Но часто рассказывая ихъ, въ особенности иностранцамъ, онъ самъ сталъ наконецъ имъ вѣрить и считать не за шутку. Между прочимъ, уже будучи императоромъ, рассказывалъ онъ это однажды имперскому римскому посланнику, графу Мерси, который спрашивалъ меня о подробностяхъ этого случая, и о времени, когда оно совершилось, но я отвѣчалъ ему: Ваше сіятельство вѣроятно ослышались. Императоръ рассказывалъ это какъ сонъ, видѣнный имъ въ Голштиніи.

Примѣчаніе. Употреблены были всѣ возможные средства научить его скромности; наприкладъ: довѣряли ему какую-нибудь тайну, и потомъ подсылали людей ее выпытывать.

*Копія. Экстрактъ изъ журнала учебныхъ занятій ево
высочества, великаго князя, Петра Федоровича, съ юня 1742
до 1745 года*

(Извлеченъ и составленъ на-скоро по требованію г. обер-гофмаршала графа Брюмера, коотрый, вмѣстѣ съ оберъ-каммергеромъ ф.-Бергхольцомъ былъ (при урокахъ) всегдашнимъ свидѣтелемъ. Вѣроятно, этотъ экстрактъ, кромѣ копии съ журнала, былъ составленъ для императрицы, которая желала видѣть вкратцѣ все, чему учился до сихъ поръ великій князь.)

Послѣ того, какъ Ваше Императорское Величество все-милостивѣйше одобрили планъ ученія, всѣ назначенныя лекціи Его Высочества были раздѣлены на 3 особые отдѣла, и по нимъ распредѣлены часы и особыя дни для занятій.

- Именно: 1. *Historica et Geographica* (Исторія и Географія.)
2. *Mathematica et Phisica* (Математика и Физика.)
3. *Moralia et Politica* (Мораль и Политика),

такъ что каждый изъ этихъ уроковъ бываетъ по два раза въ недѣлю. И такъ, изъ Исторіи:

Сначала прошли вкратцѣ Исторію Россіи съ Рюрика до настоящаго времени. Чтобъ поддержать охоту, каждый разъ предлагалось изображеніе того государя, о которомъ была рѣчь, въ картинѣ или оттискѣ, (изъ находящихся въ академич. кунсткамерѣ изображеній царей въ зеленой яшмѣ, вырѣзанныхъ въ Нюренбергѣ извѣстнымъ... для бывшаго фельдцейхмейстера графа Брюса). Изъ ближайшихъ временъ разсматривали старинныя татарскія и русскія монеты изъ Петр. Миллерова минцъ-кабинета, также при случаѣ и другія древности этой земли, какія случилось мнѣ отыскать въ разныхъ мѣстахъ. Далѣе читали Пуф-фендорфово введеніе въ Исторію всѣхъ европ. государствъ, съ краткими объясненіями Далѣе съ большею подробностію Исторію сосѣднихъ государствъ.

Исторія и Географія.	Физика и Математика.	Мораль и Политика.
<p>1742. Русской Исторіи вообще съ картинами, монетами и изображеніями Государей.</p> <p>Введеніе Пущендорфа Disc. preliminar. de crit. Hist.</p>	<p>Прошли en gros 3 части природы; просматривали лучшихъ авторовъ съ картинами. Показана ихъ польза въ жизни, торговлѣ, ремеслахъ, экономіи и медицинѣ.</p>	<p>Gen. Spec. Person. Jus nat. et gent. d^o civil Russ. Officia hominis.</p> <p>— principis.</p> <p>— personalia.</p> <p>— erga se alij. maj.</p>
<p>Hist.</p> <p>Spec. Hist. vicinorum ex gg. Швеціи. Даниі. Польши. Турціи. Татаріи. Персіи.</p> <p>съ приложеніемъ къ Русской. Далѣ: Англіи. Голландіи. Франціи. Италіи.</p>	<p>Извлеченія изъ экспериментальной Физики, объясненія физическіе феномены.</p> <p>Изучены всё относящіяся къ тому инструменты, въ особенности барометръ, термометръ, гигрометръ и магнитная стрѣлка.</p>	<p>Наставленія въ скромности и величіи въ ней.</p> <p>Въ особенности обращали вниманіе на Русское государство, что къ чему есть, и что еще нужно въ немъ сдѣлать.</p> <p>1744. Читали извлеченія изъ соч. Abbé Daguët, Instruction d'un Prince, первому полководцу вообще, которые специально, в накопецъ персонально въ отношеніи къ его высочеству и всѣхъ обстоятельствъ, до него касающихся, напр. е необходимо и строгомъ согласованіи (accommodation) съ вашимъ величествомъ и государствомъ.</p>
<p>Исторія Прагматическая.</p> <p>Россіи. Даниі. Швеціи. Голштиніи.</p> <p>} съ Геогр. и Генеалогіей</p>	<p>Математика.</p> <p>Первые полгода занимались, играя инструментами и планами, и изучили такъ образомъ линію, уголъ и всё математическія фигуры.</p> <p>Далѣ Арметика съ приложеніемъ къ casus.</p>	<p>Показали выгоды, какія можно извлечь для своего образованія изъ благоразумныхъ разговоровъ съ людьми рангаго званія по наукамъ, опытности и пр. Всегда съ приложеніемъ примѣровъ— Петра I.</p>
<p>Географія</p> <p>Карта Россіи съ академическими извѣстіями, глубусъ и математ. Географ. Недѣстъ съ карты на глобусъ и наоборотъ.</p> <p>Краткое поватіе о созвздіяхъ.</p>	<p>Geometr. demonstrat. при этомъ нѣсколько изъ Logik.</p> <p>Артиллерія.</p> <p>Архит. военная въ особенности, — гражданская— все съ чертежами и моделями.</p>	<p>Политика.</p> <p>Два раза въ недѣлю при чтеніи газетъ занимались исторіей и политикой, каждый разъ съ картою на столѣ. При всякой статьѣ, имѣющей отношеніе къ Россіи, показаны выгоды государства и причины, по получаемымъ мною по времени свидѣніямъ о текущихъ дѣлахъ отъ</p>
	<p>Рисовали все это съ чертёжей въ большемъ размѣрѣ.</p> <p>Основаніе Механики, Гидравлики, Оптики и проч. вращающъ съ ясными примѣрами.</p>	<p>показано, какъ должны думать его высочество и другіе русскіе патриоты. Такие при случаѣ впріятіи иностраннаго посланника объяснено.</p>

NB. По окончаніи главнаго отдѣла одного урока, черезъ мѣсяць или болѣе, повторено все пройденное въ два или три урока; а ежедневно при началіи урока повторялся предыдущій *integrando*, въ вопросахъ.

Кромѣ того, въ ежедневномъ обхожденіи кромѣ уроковъ: при всякомъ случаѣ въ разговорѣ напоминалось слышанное.

Старались извлечь пользу изъ каждаго случая, какъ напримѣръ при посѣщеніи Кремля въ Москвѣ: разсмотрѣли и вкратцѣ изучили его планъ, также и планъ Москвы (начали съ плана дворца и комнатъ его высочества).

На охотѣ, по вечерамъ, для препровожденія времени просматривали всѣ книги объ охотѣ съ картинками.

При музыкѣ. Объяснены всѣ роды и вкусы нынѣшней музыки и всѣ музыкальные инструменты.

Въ Петергофѣ, въ Монтрезорской галлерей, разсмотрѣли картины знаменитѣйшихъ школъ, впослѣдствіи ознакомились съ личностію замѣчательныхъ художниковъ. Просматривали эстампы Вѣнской галлерей и изучили вкратцѣ ея художниковъ.

При плафонахъ и карнизахъ объяснены миеологическія метаморфозы и басни, съ показаніемъ нравственной цѣли.

При комедіяхъ и оперяхъ показано различіе между комедіею и трагедіею и главнѣйшія ея правила.

При монетахъ. Ознакомились со всеми ходячими монетами въ Европѣ, по моему собственному собранію, и разсчитали цѣнность каждой въ сравненіи съ рублемъ и копейкой. При этомъ разные курсы—коммерческій, ассигнаціонный, и проч.

При минцкабинетѣ изъ Голштиніи объяснена вкратцѣ древняя нумизматика, въ особенности греческая и римская. Также просматривали извѣстнѣйшихъ писателей о древнихъ монетахъ, наприм. Шлангейма, Бейера и прочихъ. Далѣе по вечерамъ перелистывали антикваріевъ, наприм. *L'antiquité expliquée par Monfaucon.... gravi Thesaurus etc.*

При посвященіи академіи и кунсткамеры. Показаны намѣренія Петра I въ отношеніи къ народу. О ихъ пользѣ. О всѣхъ извѣстныхъ большихъ библіотекахъ и музеяхъ въ Европѣ.

При Kirheigisch. *кукольныя машины.* Объясненъ механизмъ и всѣ уловки фокусниковъ – трактатъ *Oziam.* Также механическія преимущества такъ называемаго (?) *sten. k. s. maps.*

При пожарѣ. Показаны всѣ орудія и ихъ композиція; заказаны въ маломъ видѣ подобные инструменты въ артиллеріи.

Дѣйствіе пороха. Показаны отъ одного зерна всѣ орудія до огромнѣйшихъ минъ.

На прогулкѣ по городу. Показано устройство полиціи, въ особенности пожарной.

При министерскихъ аудиенціяхъ, объяснено церемониальное право дворовъ *Roussets Pretentions des princes.*

Писатели, писавшіе о Петрѣ III.

Первый, который писалъ о немъ какъ о императорѣ, былъ кабинетъ-секретарь Дмитрій Васильевичъ Волковъ, написавшій манифестъ о кончинѣ императрицы Елисаветы и о восшествіи на престолъ Петра III.

Тогдашній архіепископъ новгородскій Сѣменовъ, послѣ кончины императрицы, поздравилъ его при дворѣ съ восшествіемъ на престолъ краткою, но умною рѣчью, которая была напечатана въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Другая не менѣ замѣчательная рѣчь, которую сказалъ императору этотъ ученый и краснорѣчивый архіепископъ, когда его величество вскорѣ послѣ восшествия на престолъ, посѣщая всѣ императорскія коллегии, прибылъ наконецъ въ Св. Синодъ, и занялъ тамъ свое императорское кресло, была также напечатана въ Вѣдомостяхъ №... 1762 года.

Указъ, обнародованный отъ его величества къ вѣчной его славы, уничтожающій страшную инквизицію, или тайную канцелярію, и ужасное восклицаніе: «слово и дѣло»*, былъ сочиненъ тогдашнимъ генералъ-прокуроромъ Александромъ Ивановичемъ Глѣбовымъ; имъ же были сочинены и другіе два замѣчательные указа о свободѣ русскаго дворянства и объ учрежденіи экономической коллегіи для управленія монастырскими помѣстьями. Этотъ послѣдній былъ обнародованъ въ царствованіе императрицы Екатерины.

Послѣ паденія императора стали появляться о немъ многія сочиненія, какъ здѣсь, такъ и за границею, частію къ его осужденію, частію къ его защитѣ. Первое появившееся здѣсь вскорѣ послѣ его паденія, было французское письмо одного иностранца къ своему другу, которому онъ рассказываетъ, какъ очевидецъ, это важное событіе, и ругаетъ падшаго императора. Но вскорѣ узнали, что это былъ длинный, худой и косой женевецъ, по имени Пиктетъ, который не задолго передъ тѣмъ пріѣхалъ въ Россію искать счастья.

За нѣсколько мѣсяцевъ до этой перемѣны гудаетъ онъ однажды послѣ обѣда въ императорскомъ саду лѣтняго дворца, когда пришелъ туда императоръ въ сопровожденіи своей свиты и адъютанговъ. Пиктетъ прошелъ близко мимо его величества и его свиты, не снявъ шляпы и даже не посторонившись. Императоръ, которому онъ смотрѣлъ нагло въ лицо, спросилъ окружающихъ,

* Если кто-либо хотѣлъ довести до свѣдѣнія императора что-либо касающееся до него или до государства, то говорилъ: „слово и дѣло“. Тогда должно было взять и немедленно подъ стражею отправить на каменный стѣгъ въ тайную канцелярію, къ мѣстопребыванію двора, какъ бы далеко это ни было. Его никто не смѣлъ болѣе спрашивать, имѣетъ ли онъ что сказать противъ перваго, втораго или третьяго пунктовъ. Лишь только онъ былъ на мѣстѣ и доносилъ на кого-нибудь, тогда и того немедленно брали къ допросу. Черезъ это, введенное Петромъ I, учрежденіе происходило много взмухъ доносовъ на невинныхъ людей и разныхъ несчастій.

что это за человекъ. Никто не зналъ его. Когда онъ отошелъ на нѣкоторое разстояніе: императоръ послалъ своего флигель-адъютанта остановить его и спросить, кто онъ таковъ. Когда тотъ, все еще не снимая шляпы, отвѣчалъ, что онъ французъ, императоръ сказалъ: «вотъ какой негодный французъ зашелъ къ намъ въ садъ,» и приказалъ своему адъютанту влѣзнуть ему въ спину палашемъ 20 фухтелей и сказать: «такъ его величество учитъ вѣжливости невоспитанныхъ французовъ,» и чтобъ онъ сейчасъ убирался изъ саду.

Такъ этимъ-то своимъ письмомъ хотѣлъ этотъ негодяй отмстить несчастному императору. Впослѣдствіи онъ сдѣлался французскимъ учителемъ у графа Григорія Григорьевича Орлова, но велъ себя неприлично, и не долго пробылъ у его сіятельства. Нѣсколько лѣтъ послѣ того онъ былъ пойманъ въ контрабандѣ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ по ремеслу. У нихъ были конфискованы два сундука, наполненные новѣйшими французскими галантерейными товарами, которые были потомъ проданы съ публичнаго торга за 60,000 рублей.

Манифестъ объ отреченіи императора и о восшествіи на престолъ его супруги былъ сочиненъ статскимъ совѣтникомъ Тепловымъ. Горячность, употребленная имъ въ выраженіяхъ, была вѣроятно слѣдствіемъ его мщенія, потому что онъ въ первые дни царствованія его величества былъ посаженъ въ крѣпость за нѣкоторыя неприличныя рѣчи объ императорѣ; но недѣли черезъ двѣ, по просьбѣ графа Разумовскаго, онъ былъ опять освобожденъ, съ предостереженіемъ быть осторожнѣе въ своихъ поступкахъ и рѣчахъ.

Въ 1764 году вышла гдѣ-то въ Германіи на французскомъ языкѣ *Histoire de Pierre III, empereur de Russie, avec plusieurs anecdotes singulieres et dignes de curiosité. Londres 1764, въ 8° 142 стр. съ предисловіемъ на 6 страницахъ.*

Примечаніе. Эта Исторія написана довольно подробно. Но нѣкоторыя обстоятельства частію совершенно ложны, частію не такъ рассказаны. Авторъ старался въ ней воздать должную похвалу императрицѣ Екатеринѣ II, и показать ее вполне достойною престола, и напротивъ изобразить всѣ дурныя качества ея супруга, Петра III-го.

ОБЪ ОТКРЫТІИ ЗАПИСОКЪ ШТЕЛИНА.

(Изъ моихъ записокъ).

Драгоценныя записки Штелина, которыя читатели прочли выше, принадлежали къ моему Древлехранилищу. Предложу здѣсь отрывокъ изъ своихъ записокъ, къ нимъ относящійся.

Въ тридцатыхъ годахъ, Федоръ Ивановичъ Оттъ, первый директоръ ремесленного московскаго училища, потомокъ Штелина по женской линіи, познакомясь со мною чрезъ моего брата, служившаго подъ его начальствомъ, сказалъ мнѣ однажды въ разговорѣ, что у него есть два сундука бумагъ, оставшихся послѣ Штелина. «Примѣчательнаго въ нихъ ничего нѣтъ, и не можетъ быть, потому что Штелинъ, какъ извѣстно по преданію въ его родѣ, всѣ важныя свои бумаги сжегъ по кончинѣ своего воспитанника, императора Петра III, и при вступленіи на престолъ И. Екатерины, — но тамъ есть много лубочныхъ картинъ его времени и первыхъ оттисковъ портретовъ, гравированныхъ въ академіи художествъ, находившейся подъ его начальствомъ. Хотите взять себѣ этотъ хламъ? а вы мнѣ дадите за него собраніе новыхъ русскихъ книгъ, которое я назначу.»

Очень радъ, отвѣчалъ я ему. Сундуки были ко мнѣ присланы; книги, по назначенію, были доставлены къ г. Отту.

Я, по словамъ его, отобралъ изъ сундуковъ вмѣстѣ

съ Д. А. Ровинскимъ, лубочныя картинки и портреты, украсилъ ими свои собранія, — и велѣлъ поставить сундуки подъ лѣстницу.

Простояли они тамъ спокойно лѣтъ десять или больше. Академія, услышавъ отъ г. Куника, что у меня находятся бумаги Штелиновскія, отнеслась ко мнѣ съ просьбою справиться, нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь относящагося до ея исторіи, такъ какъ Штелинъ состоялъ ея членомъ.

Я попросилъ тогда Д. А. Ровинскаго, пошекать между бумагами, ему извѣстными, академическихъ документовъ, что тотъ и исполнилъ; отобранные имъ документы я отправилъ тотчасъ въ академію. Въмѣстѣ съ ними Д. А. принесъ мнѣ нѣсколько найденныхъ тамъ автографовъ И. Петра Ш.

Одинъ былъ великой важности. Я рѣшился представить его Государю Императору, (Николаю Павловичу), и посоветовался съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, чрезъ кого изъ довѣренныхъ лицъ сдѣлать это лучше. Онъ указалъ мнѣ на графа Владимира Фодоровича Адлерберга, какъ лице вполне и безусловно Государю преданное.

Я былъ знакомъ близко съ Ф. И. Прянишниковымъ и попросилъ его предупредить графа о моемъ желаніи обратиться къ нему, въ предстоявшій пріѣздъ его съ Государемъ въ Москву, по важному дѣлу.

Подробности послѣ, а теперь скажу только, что автографъ Государю при письмѣ доставленъ былъ чрезъ графа Адлерберга, который на другой день написалъ ко мнѣ о Высочайшей благодарности... за представленный по его желанію древній рисунокъ села Измайлова, и проч.

Въ разговорѣ со мною онъ спросилъ меня, нѣтъ ли гдѣ копи съ представленнаго мною автографа.

Возвратясь домой, я подумалъ о значеніи этого вопроса, и при свиданіи съ Д. А. Ровинскимъ спросилъ его мимоходомъ, не показывалъ ли онъ кому-нибудь найденнаго и переданнаго мнѣ письма.

Показывалъ, отвѣчалъ онъ:

Кому?

Павлу Федоровичу Карабанову.

У меня тотчасъ мелькнула мысль, не списалъ ли старикъ, охотникъ и знатокъ исторіи прошедшаго столѣтія, копию съ любопытной бумаги.

Спросите его, сказалъ я Д. А., не списалъ ли онъ копию, и, если списалъ, то попросите его отъ моего имени, чтобъ онъ мнѣ отдалъ ее. Такъ должно!

Я увѣренъ былъ, что Павелъ Федоровичъ, честнѣйшій и благороднѣйшій человекъ, (образчикъ благовоспитанныхъ русскихъ людей XVIII столѣтія), исполнитъ мою просьбу.

Такъ и случилось. Г. Ровинскій принесъ мнѣ копию, засвидѣтельствованную рукою Павла Федоровича, и я успокоился; эта копія до сихъ поръ хранится у меня.

Прошло еще лѣтъ десять или пятнадцать.

Каково же было мое изумленіе, какъ вдругъ я увидѣлъ мое письмо И. Петра III напечатаннымъ въ одномъ изданіи за границею. Я такъ и обмеръ: могла возникнуть мысль, что письмо доставлено было для печати мною, ибо кромѣ меня никто не имѣлъ о немъ понятія. Не одну ночь провелъ я безъ сна, думая объ этомъ событіи, и ломая себѣ голову, откуда могло залетѣть письмо за границу, — и наконецъ попалъ на мысль, которая меня успокоила: старикъ-охотникъ П. О. Карабановъ, вѣрно, возвращая мнѣ сдѣланную имъ копию, оставилъ у себя другую. Не смѣю пожаловаться на его память и не брошу камня: соблазнъ для охотника, для антикварія, для любителя исторіи, былъ великъ! Передъ кончиною онъ завѣщалъ все свое драгоценное собраніе Геоударю Императору. Бумаги его видѣли здѣсь многіе, и другіе разбирали въ Петербургѣ. Вѣроятно кому-нибудь попалось на глаза письмо, онъ списалъ и отправилъ за границу.

И такъ письмо увидѣло свѣтъ, не смотря на всѣ предосторожности. Такъ-то вѣрно замѣчаніе: вѣсть. Не тайно,

еже не явится; ниже бысть потасно, но да приидеть въ явленіе. Но вотъ что не напечатано — отмѣтка Штелина на оборотѣ письма, которая измѣняетъ совершенно его значеніе, и которая, слѣдовательно, должна быть оглашена для отстраненія неправильныхъ заключеній. Собственно съ этою цѣлью я и предлагаю теперь отрывокъ изъ своихъ записокъ.

Покойный Государь Императоръ оцѣнилъ значеніе отмѣтки, и былъ очень доволенъ, что я сохранилъ ее, какъ о томъ мнѣ засвидѣтельствовали въ разное время графъ Блудовъ и В. Д. Олсуфьевъ.

Вотъ слова Штелина на обратномъ полулистѣ внизу: «Собственноручная записка великаго князя, которую написалъ онъ въ досадѣ однажды поутру, не сказавъ о томъ никому, и запечатавъ, послалъ съ карлю Андреемъ къ ея императорскому высочеству. Надворный совѣтникъ Штелинъ, встрѣтяся, удержалъ карлу, а великому князю представилъ съ силою всѣ дурныя послѣдствія. Подача была остановлена, и устроено нѣжное примиреніе.»

«Eigenhändiges billets sr Hochheit des Grosfürsten fo dieselben im Unwillen an einem Vormittag ohne jемands Wissen geschrieben und versiegelt durch den Zwerg André an Ihre Kais. Hoch. die Grossfürstinn senden wollen. Weil aber der Hohrath Stählin darzukam und den Zwerg anhielt, dem Grossfürsten aber die alle Folgen nachdrücklih vorstellete, wurde die Abgabe verhiendert, und eine zärtliche Versöhnung gestiftet.»

Nabent sua fata libelli. Не странная ли судьба этого документа? Въ зимнемъ дворцѣ великій князь, наследникъ престола, пересылаетъ его своей супругѣ съ повѣреннымъ.

На дорогѣ встрѣчается съ нимъ воспитатель, который письмо перехватываетъ, и оставляетъ въ своихъ бумагахъ, отмѣтивъ, какъ акуратный нѣмецъ, что случилось послѣ, по его поводу. Прошло пятнадцать лѣтъ. Произшли великіе перевороты при дворѣ. Всѣ важныя бумаги

владельцем сожигаются, а письмо завалилось въ какихъ-то счетахъ и черновыхъ лоскуткахъ. Умеръ владѣлецъ, перевелось потомство. Хламъ переходить изъ рукъ въ руки, и наконецъ, лѣтъ чрезъ 50, перевозится въ Москву. Здѣсь бумаги попадаютъ случайно въ руки охотника, собирателя, и лежатъ у него лѣтъ 15 въ своихъ гробахъ подъ лѣстницею. Случай обнаруживаетъ одинъ важный документъ, который доставляется въ руки самого государя. Нѣтъ, очутилась въ чьихъ-то рукахъ копія, которая попадаетъ даже за границу и предается тисненію.

Теперь историческая необходимость заставляетъ доподнить и объяснить ея содержаніе.

Кстати—мое древлехранилище имѣетъ свою исторію съ разными анекдотами, очень любопытную, и надо бы записать мнѣ окорѣе все занимательное, пока не измѣнила соевѣмъ память, но гдѣ же мнѣ взять времени? Читатели видятъ, что я не сижу безъ дѣла. Возвращаемся къ Штелину.

Древлехранилище мое поступило въ казну въ 1852 г.

Въ 1853 г. Д. А. Ровинскій, у котораго оставались сундуки, заглянувши въ нихъ почему-то опять, сдѣлавъ еще открытіе—нашелъ тетради записокъ Штелина о Петрѣ III и нѣкоторые другіе лоскутки. Я обрадовался этому, въ полномъ смыслѣ историческому открытію, которое доставляетъ драгоценныя для исторіи несчастнаго принца данныя, и попросилъ тогда Ф. Б. Миллера переписать и перевести ихъ. Когда работа его была окончена и мнѣ доставлена, въ 1853 или 1854 году, я отвезъ подлинники въ Петербургъ, и передалъ ихъ барону Модесту Андреевичу Корфу, какъ принадлежащія de jure къ древлехранилищу, хотя найденныя послѣ его сдачи. Очень помню, что баронъ Корфъ жилъ тогда въ Царскомъ Селѣ, и я былъ у него вмѣстѣ съ М. С. Щепкинымъ. Онъ доставилъ записки, кажется, прямо къ Государю, и онѣ не были въ публичной библиотекѣ, въ которую поступили всѣ прочія мои рукописи.

Записки эти явились недавно въ Читеніяхъ Историческаго Общества, а здѣсь печатаются по оставшейся у меня копіи. Пересмотрѣвъ теперь ихъ для печати, я нашелъ нѣсколько ошибокъ, какъ въ копіи, такъ и въ переводѣ, которыя мною и исправлены.

Кажется—все это черновые наброски Штелина: онъ записывалъ, что приходило ему на память, и что онъ послѣ намѣревался обработать. Нѣкоторые параграфы дѣйствительно были послѣ отдѣланы, отъ того и встрѣчаются повторенія, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ подробностей, а можетъ быть и все это только корректуры, а сочиненіе сожжено. Я сохранилъ ихъ всѣ, и разставилъ по мѣстамъ, также перемѣнилъ вообще нѣсколько размѣщеніе, смотря по со-держанію и хронологіи.

Какъ ни кратки записки, но онѣ представляютъ драгоценныя данныя, и образъ Петра III, доходившій до насъ въ чертахъ, очень неблаговидныхъ, представляется теперь гораздо лучше. Это былъ человѣкъ довольно смысленный, добрый, умный, готовый на все хорошее, что доказалъ двумя великими дѣлами, при самомъ вступленіи на престолъ: уничтоженіемъ тайной канцеляріи, и грамотою дворянства. Намѣреніе отобрать имѣніе отъ духовенства можно бѣ было похвалить, если бы оно было исполнено лучше и цѣлесообразнѣе, въ чемъ падаетъ вина и на исполнительницу этого намѣренія, т.-е. императрицу Екатерину II. Разумѣется, во всѣхъ этихъ трехъ указахъ долженъ былъ принимать главное участіе В. Н. Волковъ, который и прежде возилъ В. князю протоколы изъ сената, и А. И. Глѣбовъ.* Легкомысліе и вѣтреность погубили его; къ несчастію, онъ заразился еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, при маломъ дворѣ своего отца, страстію къ военницѣ, или, какъ называетъ ее Штелинъ, *militaire marotte* — и потомъ благоговѣніемъ къ лицу Фридриха II. Развитіе

* Нужно бы собрать свѣденія объ этомъ лицѣ.

первой страсти, имѣющей для насъ историческое значеніе, очень живо представлено у Штелина. Также и времяпровожденіе его при дворѣ И. Елизаветы. Заботы ея о воспитаніи племянника очень трогательны. Планъ Штелина, добросовѣстнаго нѣмца, (несправедливо недавно у насъ осужденнаго), пригодился бъ и для новыхъ наставниковъ. О супружеской жизни, къ сожалѣнію, почти нѣтъ никакихъ извѣстій у осторожнаго Штелина.

О переворотѣ нашлось только нѣсколько строкъ, не на своемъ мѣстѣ поставленныхъ.

У меня нашлось еще нѣсколько какъ бы черновыхъ записокъ, но на итальянскомъ языкѣ, для которыхъ не успѣлъ я до сихъ поръ приискать переписчика.

Для большей ясности я составилъ краткій перечень всѣхъ, определенныхъ у Штелина касательно времени, событій (прочихъ я, разумѣется, не вставляя).

1728. Февраля 10, ст. ст., родился въ Килѣ.

1730. Вступила на престолъ рус. И. Анна.

1737. По 8 году, стоялъ на часахъ у дверей во время торж. обѣда, и произведенъ отцемъ въ офицеры.

1738. Скончался отецъ.

1740. Скончалась И. Анна.

1741. Вступила на престолъ И. Елизавета.

1741. Въ декабрѣ, пріѣхалъ по вызову въ Петербургъ.

1742. Февраля 10, празднованіе 14-лѣтняго возраста.
—28, отбытіе двора въ Москву.

Апрѣля 25, коронованіе.

Въ іюлѣ Штелинъ назначенъ преподавателемъ В. К.

Въ ноябрѣ 17, объявленъ В. К. и наследникомъ.

Въ декабрѣ, посольство съ предложеніемъ шведской короны.

Декабря 27, возвращеніе въ Петербургъ.

1743. Въ половинѣ января прерванное ученіе возобновилось отъ мая до августа въ Петербургъ.

Въ іюлѣ получено *venia aetatis*, свидѣтельство о совершеннолѣтіи.

- Осенью разслабленіе опасная болѣзнь, переломъ между субботою и воскресеньемъ.
- Въ мартѣ принцъ Августъ привозитъ портретъ принцессы ангальт-цербтской.
1744. Путешествіе въ Москву и отдохновеніе, а весною прибытіе принцессы ц. съ матерью въ Москву. Юня 28 миропомазаніе, путешествіе въ Кіевъ, и Въ августѣ возвращеніе. *
- Осенью pleuresie.
- Въ ноябрѣ обрученіе, зимою вѣтрная оспа, прекращеніе занятій до новаго года.
- Дворъ возвращается въ Петербургъ.
1745. На возвратномъ пути въ Петербургъ въ февралѣ у В. К. настоящая оспа, времяпровожденіе очень легкомысленное.
- Августа 25, бракосочетаніе по 18 году.
1746. Февр. письмо перехваченное Штелинымъ къ великой княгинѣ, и послѣдовавшее примиреніе.
1746. Пребываніе въ Ораніенбаумѣ, военныя упражненія дѣлаются страстію. Князь Репнинъ (militaire marotte).
1747. Чеглоковъ при дворѣ. Все перемѣняется, но не къ лучшему, Штелинъ выходитъ въ отставку.
- 1748—1753 также.
1753. Чеглоковъ умираетъ.
1754. вмѣсто Ч. поступаетъ ко двору В. К. графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ.
- Лѣтомъ вызовъ голштинскихъ офицеровъ въ Ораніенбаумъ, военная страсть еще усиливается.
- Сентября 20. Рожденіе В. К. Павла Петровича.
1757. Возстаетъ прот. союза Россіи съ Австріей и Франціей.
1761. Кончина, декабря 26, И. Елизаветы.
1762. Указъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи, грамота дворянству, указъ объ отобраніи имѣній у духовенства.
- 28 и 29 іюня, смятеніе въ Петербургѣ.
- Возшествіе на престолъ И. Екатерины.

* Императрица ѣздила съ В. К., а невеста оставалась въ Москвѣ?

МЫСЛИ

ИННОЦЕНТІЯ, АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО, О РОССИЙСКОМЪ

БИБЛЕЙСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

(Набросанный отрывокъ изъ бумагъ).

Библейское Общество было въ Россіи. Почему? Потому что оно казалось дѣломъ добрымъ и полезнымъ. Кому казалось такимъ? Александру Благословенному, всѣмъ лучшимъ людямъ *того времени*, самымъ тѣмъ, кои въ послѣдствіи сдѣлались его противниками и уничтожителями. Уже ли всѣ ошибались — столько лѣтъ признавая его полезнымъ и содѣйствуя ему?

И однако же это Общество закрыто и уничтожено? Почему? Потому что признано не только бесполезнымъ, а и вреднымъ для Россіи.

На чемъ основано это заключеніе?—Теперь этого, даже этого почти никто сказать не можетъ.

Паденіе его было глухо, совершилось въ потьмахъ. Доказательствъ, документовъ на вредъ никакихъ не предъявлено, а потому внимательному наблюдателю и судіи оставалось только догадываться и предполагать, что вѣрно найдено въ семъ Обществѣ что-либо вредное. Что такое? Богъ вѣсть.

Случай, или лучше сказать, Провидѣніе сохранило для насъ Записки одного лица, которое было во главѣ дѣйствователей, и смѣло, но истинно можно сказать, клеветниковъ на это истинно-христіанское учрежденіе.

Что мы видимъ изъ нихъ?

1. Что разсмотрѣнія безпристрастнаго при этомъ случаѣ, то-есть, при закрытіи Общества Библейскаго, не было никакого: оно осуждено не выслушанное, не разсмотрѣнное.

2. Что причины, выставленныя тогда противъ Общества, были весьма неважны, взятыя отъ внѣ, а не изъ самаго существа его и дѣйствій.

3. Что всѣ нападки на него были слѣдствіемъ не убѣжденія, хотя бы и ошибочнаго, а личностей и интриги.

Кто потрудится прочесть эти Записки (а въ нихъ все изложено въ полнотѣ, ибо излагались съ намѣреніемъ оправдать себя, и представить Библейское Общество въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ), тотъ самъ невольно и скоро придетъ къ сему же самому заключенію и подивится, какъ сила зла взяла такъ скоро перевѣсъ надъ силою добра...

Что же дѣлать?—Если нѣтъ сомнѣній, то возстановить благое дѣло, давъ ему тотъ видъ и кругъ дѣйствій, какіе будутъ признаны за лучшіе.

Если есть какое-либо сомнѣніе, разсмотрѣть—почему дѣло было брошено—по причинамъ ли уважительнымъ, или по личностямъ.

И если окажется послѣднее, (а окажется), сдѣлать тоже, то-есть, возстановить благое дѣло.

«Но можетъ-быть, поелику уже дѣло было брошено, то лучше не заниматься имъ, чтобы не произвести какого-либо соблазна.»

Нѣтъ, это было бы,

- 1) противъ совѣсти,
- 2) противъ христіанства,
- 3) противъ челоуѣчества.

Не соблазнъ произведетъ воскресеніе Библіи, а радость.

Кажется, тѣмъ же очиномъ пера, которымъ, при чтеніи извѣстныхъ «Записокъ современника о судьбѣ православной Церкви Русской въ царствованіе Александра I-го», преосвященный херсонскій архіепископъ Иннокентій сдѣлалъ на нихъ нѣсколько замѣтокъ, набросалъ онъ и предъложенныя здѣсь мысли о Библейскомъ Обществѣ. Мысли эти невольно приводятъ насъ на память подобныя же мысли, высказанныя недавно почившимъ великимъ іерархомъ Церкви, въ запискѣ «о догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи греческаго семидесяти толковниковъ и славенскаго переводовъ Священнаго Писанія». Кому знакомъ ходъ дѣла, вызвавшего эту записку, тотъ понимаетъ чрезвычайно важное для всей Русской Церкви ея значеніе: * она въ свое время остановила шагъ сколько рѣшительный, столько же и опасный.... Въ концѣ этой записки читаемъ слѣдующую, позднѣйшую приписку: «въ 1856 году, въ благословенные дни священнаго коронованія благочестивѣйшаго Государя, Императора Александра Николаевича, Святѣйшій Синодъ входилъ въ разсужденіе о доставленіи православному народу способа читать Священное Писаніе, для домашняго назиданія, съ удобнѣйшимъ по возможности разумѣніемъ, и по томъ, съ Высочайшаго соизволенія, принялъ для сего дѣятельныя мѣры.» Вскорѣ за тѣмъ стали появляться изъ-подъ спуда опыты переложенія Библии на русскій языкъ. Наконецъ, въ недавно вышедшемъ отчетѣ нынѣшняго просвѣщенно-дѣятельнаго оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода находимъ заявленіе, что «эти опыты переложеній имѣютъ весьма важное значеніе: облегчая правильное

* Въ концѣ этой записки не безъ особеннаго намѣренія замѣчено (и напечатано), что она составлена «въ домъ святаго Юліана Богослова. Мая 8, 1845 года.»— Я до сихъ поръ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю, что въ 1848 году, въ бытность мою въ Москвѣ, мнѣ представился неожиданный случай вызвать эту записку въ печать чуть-ли не изъ-за семи печатей. Особый оттискъ ея изъ Писемъ къ третьей книжкѣ Твор. Св. От. за 1858 годъ, я имѣлъ удовольствіе получить отъ почтеннаго А. В. Горскаго 21-го ноября того же года. П. С.

разумнѣе слова Божія, они даютъ прекрасный матеріалъ и пособіе для изданія въ-послѣдствіи, отъ лица Святѣйшаго Синода, полнаго перевода Библии съ требуемыми достоинствами.» Въ настоящее время уже нѣтъ нужды доказывать важность и благотворность этого библейскаго дѣла: оно говоритъ само за себя яснѣе всѣхъ доказательствъ. Остается только желать, чтобы мысли просвѣщеннѣйшихъ нашихъ архипастырей (Филарета и Иннокентія) и желанія православнаго русскаго общества, такъ или иначе, получили скорѣйшее осуществленіе.

Что же касается до «Записокъ современника», заставившаго высказать вышеприведенныя мысли преосвященнаго Иннокентія: то, не смотря на чрезвычайно любопытныя подробности о нѣкоторыхъ лицахъ и событіяхъ, нельзя не замѣтить, что сочинитель, съ цѣлью самооправданія, употребляетъ особенныя усилія, чтобы набросить невыгодныя тѣни на Библейское Общество. Но онъ невольно измѣняетъ самому себѣ, когда говоритъ, напр., о началѣ этого Общества: «съ 1812 по 1816 годъ, межъ тѣмъ какъ Александръ I довершалъ на боевыхъ поляхъ и царственныхъ сѣздахъ освобожденіе и умиротвореніе западной Европы, — начало тайкомъ пробираться къ намъ новорожденное въ Англіи «Библейское Общество»: Дома у себя было оно предметомъ ненависти и подозрѣній церкви Англиканской, съ которою боролось въ союзѣ съ тамошними диссентерами, иначе англійскими раскольниками. У насъ, напротивъ, первые агенты Библейскаго Общества приняты были съ восторгомъ», и пр.; а о прекращеніи дѣятельности этого Общества замѣчаетъ: «туча нашла; громы ударили въ Россійское Библейское Общество; а съ нимъ прекратилась дешевымъ изданіемъ *Вѣтоваго и Новаго Завета на пользу и утѣшеніе вѣрующихъ.*»

II. Савваитовъ.

З А М Ъ Т К А

О КИЕВСКОМЪ МИТРОПОЛИТѢ ЕВГЕНІИ.

.... Преосвященный Евгений любилъ поэзію и музыку; любилъ иногда писать стихи, и нѣкоторые самъ предлагалъ на голоса. Лишившись жены, онъ написалъ и положилъ на ноты стихотвореніе:

„Для того ли свѣтомъ льститься,
Чтобы мѣрять жизнь тоской,
Чтобы плакать и крушиться,
И не знать, что есть покой?“ и проч.

Отецъ мой *, который пользовался любовью Евгения (бывшаго епископа въ Вологдѣ), любилъ пѣть этотъ—какъ называли тогда—«кантъ».

Въ письмѣ изъ Навагорода, отъ 2-го іюня 1804 года, преосвященный Евгений писалъ, между прочимъ, Г. Н. Городчанинову:

... «Я живу попеременно то въ Новѣгородѣ, то въ Хутынѣ, но охотнѣе въ послѣднемъ, гдѣ роскошная природа живить меня свѣжими своими красотами.

Мой садъ не аглинской, но фруктовъ въ ономъ болѣ;
Они сочнѣй Петропольскихъ, растущихъ по неволѣ;
Театръ мой—цѣлый садъ; музыка—птичьи хоры;
Мой пышный дворъ—друзей любезныхъ разговоры;
Мой эрмитажъ—въ саду въ сгустившихся кустахъ;
Моя кунсткамера—въ снопахъ и закромахъ,
Вся академія—природа предо мной:
Въ ней лучше учиться и сердце, и умъ мой.

Вотъ вамъ въ худыхъ стихахъ картина удовольствій моихъ, которыя желалъ бы удѣлить и вамъ преданный Е.»

При празднованіи столѣтней годовщины отъ дня рожденія преосвящ. Евгения, въ вологодской семинаріи были пѣты хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ «канты», сочиненные Евгениемъ: первый, по прочтеніи его біографіи, — *О жизни*, начинающійся такъ:

* Онъ не разъ говорилъ мнѣ, что преосв. Евгений (кажется, уже изъ Кіева) въ письмахъ своихъ въ Вологду писалъ поклоны своимъ любезнымъ Саввантушкѣ и Ламанушкѣ, (т. е. Саввантову и Ламанскому).

„Первый гласъ
 Въ жизнь у насъ—
 Гласъ младенческа стenanья.
 Первый шагъ
 Въ свѣтъ—страхъ,
 Страхъ страстей обуреванья!“...

Второй, по прочтеніи статьи Н. И. Суворова, посвященной *памяти преосвящ. Евгенія*, — *О счастья*:

„Скажи мнѣ, другъ мой вѣрный,
 Въ чьемъ счастья предметъ?“...

Третій, послѣ прочтенія же статьи, — *О смерти*:

„Вотще мя устрашася,
 О смерть, своей судьбой!“...

Кажется, Евгенію же принадлежитъ «кантъ», изъ котораго припоминаю начало и нѣсколько стиховъ:

Только явятся
 Солнца красы,
 Всѣмъ одѣваться
 Придутъ часы.
 Боже мой, Боже!
 Всякой день тоже!

.....
 Къ должности водить
 Всякаго честь.
 Полдень приходитъ—
 Надобно ѣсть.
 Боже мой, Боже!
 Всякой день тоже!

Ложь и обманы
 Свѣтъ злодѣй;
 Рвутъ, какъ тираны,
 Люди людей.
 Боже мой, Боже!
 Всякой день тоже!“....

Кромѣ прекраснаго хора архіерейскихъ пѣвчихъ, во время Евгеніева епископства въ Вологдѣ, были хоры—пѣвческой музыкальной и при семинаріи изъ семинарскихъ же воспитанниковъ. Спустя десятка полтора лѣтъ, слѣды Евгеніевского музыкальнаго хора оставались въ нѣсколькихъ полеманныхъ инструментахъ, валявшихся на хорахъ въ семинарскомъ залѣ: тамъ и мнѣ удалось видѣть ихъ.

П. Савваитовъ.

П И С Ь М О

АРХИМАНДРИТА МАКАРІЯ, АЛТАЙСКАГО МИССИОНЕРА,
КЪ А. С. НОРОВУ.

Сообщено П. Саввинымъ

Желая изъяснить чувство благодаренія, соответствующее благотворному ко мнѣ усердію Вашего Превосходительства, представляю Вамъ рукописную книгу Іова на Россійскомъ нарѣчїи, въ переводѣ съ оригинала. Надѣюсь, что Вашему Превосходительству будетъ прїятно увидѣть сію священную, древнюю книгу и на живомъ отечественномъ нашемъ языкѣ въ той вразумительности, въ какой современность представляетъ ее на другихъ Европейскихъ языкахъ.

Съ глубочайшимъ къ особѣ Вашей почтеніемъ пребуду....

Сибирь. Томск. губ. округъ г. Бійска.
Алтайскія горы. Селеніе *Улала*.
1841, янв. 24 дня.

Предъ переводомъ книги Іова сдѣлано слѣдующее примѣчаніе:

Въ посвятельномъ письмѣ, при которомъ рукописи книгъ Іова и Пророка Ісаіи на Россійскомъ языкѣ съ примѣчаніями, въ концѣ 1840 г. посланы мною, посредствомъ Епископа Томскаго, Святѣйшему Правительствующему Синоду Россійской Церкви, сказано между прочимъ: «Лѣтомъ прошлаго (1839) года, находясь въ Санктпетербургѣ, имѣлъ я радость пріобрѣсти всѣ каноническія книги Ветхаго Завета пророческія и поучительныя, на Россійскомъ нарѣчїи, переведенныя съ оригинала протопресвитеромъ Герасимомъ Петровичемъ Павскимъ. Но какъ сіи подаренныя мнѣ библейскія рукописи были писаны весьма поспѣшно и притомъ молодыми людьми: то я тогда же предположилъ свѣрять ихъ съ оригиналомъ Еврейскимъ; и рукопись книги Іова свѣрять, находясь, на возвратномъ въ Сибирь пути, въ Москвѣ и въ Казани, а рукопись Пророка Ісаіи по возвращеніи къ церковной Алтайской миссіи. Между тѣмъ я исправилъ и тотъ переводъ, въ которомъ

сіи священныя книги были уже представлены мною комиссіи духовныхъ училищъ.

Хотя же я за учителемъ моимъ по Еврейской Библии слѣдовалъ, какъ ученикъ, не какъ невольникъ, и хотя при священномъ текстѣ сихъ книгъ находятся у меня объяснительныя примѣчанія: однако поправокъ въ текстѣ было такъ много, что переводъ, сдѣланный мною, сталъ уже не моимъ. Усердно желаю, чтобъ онъ сдѣлался нашимъ.

А. М.

ПАМЯТЬ О КІЕВСКОМЪ ВОЕВОДѢ

ГРИГОРІЙ ХОДКЕВИЧЪ.

Онъ былъ на кіевскомъ воеводствѣ предмѣстникомъ святопамятнаго князя Константина Константиновича Острожскаго.

Въ *Кіевскомъ Синописи*, многократно издававшемся съ 1674 года, сказано: «Року отъ Р. Х. 1555, бысть воевода кіевскій Григорій Александровичъ Ходкевичъ».

Въ *лѣтописи и описаніи Кіева*, изданной 1858 года Николаемъ Закревскимъ, при исчисленіи кіевскихъ воеводъ, сказано: «1555. Григорій Александровичъ Ходкевичъ, ревностный католикъ; его удалили; а правили кіевскіе городничіе и старосты».

Зачѣмъ эта ошибочная прибавка, столь обидная для памяти заслуженнаго мужа! Въ то время не было ревностныхъ католиковъ между панами-радами литовскими; да и въ самой Польшѣ католичество было тогда въ крайнемъ упадкѣ и небреженіи. А нашъ Ходкевичъ.. но вотъ, онъ самъ говоритъ о себѣ:

«.. Азъ, Григорій Александровичъ Ходкевича, видѣхъ такое христіанское наученіе въ сей книзѣ, восхотѣхъ, еже бы слово Божіе размножилось, и наученіе людямъ

закону Греческаго ширялося, зане осудѣ сихъ книгъ на многоразличныхъ мѣстѣхъ, и не пощаждѣхъ отъ благодарованныхъ ми сокровищъ на сіе дѣло дати; къ тому же изобрѣтохъ собѣ въ томъ дѣлѣ друкарьскомъ людей научныхъ, Ивана Ѳедоровича Москвитина и Петра Тимофѣевича Мстиславца, повелѣлъ есмь имъ, учинивши вартать друкарьскій, выдруковати сію книгу *Евангеліе учителяное*, первое на почеть и похвалу Господу Богу въ Троицы Единому, и къ наученію людемъ христіянскимъ *закоу нашею Греческаю*.

Сіи, можно сказать, предсмертныя слова Григорія Ходкевича находятся въ предисловіи къ *Евангелію учительному*, которое печатали московскіе художники въ 1568—1569 годахъ, въ его наслѣдственномъ городкѣ Заблудовѣ (Гродненской губерніи).

Передъ своимъ недолгимъ воеводствомъ въ Кіевѣ, (съ 1554 по 1557 г.), онъ былъ старостою *ковенскимъ* и *подкоморымъ*; а потомъ продолжалъ служеніе въ другихъ званіяхъ. Въ 1563 году былъ онъ: «панъ троцкій, гетманъ дворный великаго княжества Литовскаго, справца староства *Жомонтскаго*, державца *кормиловскій*». Скончался въ 1569 году, будучи «паномъ *виленскимъ*, наивышшимъ гетманомъ великаго княжества Литовскаго» и проч.

Мы помянемъ бывшаго воеводу кіевского словами того приснопамятника-книгопечатника, Ивана Ѳедоровича Москвитина, изъ его послѣсловія къ *Апостолу*, напечатанному имъ во Львовѣ, въ 1574 году: «Аще когда прилучится кому *выкнуги* въ сію душеполезную апостольскую книгу, и разумѣти, что потребно и душеполезно, той преже *вѣхъ* виновнику *вѣхъ* благамъ и *сѣдѣтелю* жизни нашея Богу благодать да воздасть; а его милости пану Григорію Александровичу Ходкевича *вѣчныя* памяти и съ святыми равнопрестольными, отъ вѣка Богу угодившими, сѣселенія и *сѣжителства* получитьи да проситъ».

М. Максимовичъ.

Григорій Ходкевичъ былъ женатъ на княжнѣ Екктеринѣ Ивановнѣ Вишневецкой, и оставилъ по себѣ двухъ сыновъ, *Андрея и Александра*.

Онъ былъ внукъ извѣстнаго въ лѣтописяхъ *Ивана Ходкевича*, воеводы кievскаго, при которомъ въ 1482 году Менгли-Гирей произвелъ страшное опустошеніе Кіева. Тогда и воевода, съ женою и дѣтьми, взятъ былъ въ плѣнъ, въ которомъ и скончался онъ 1486 года. Вызволненный изъ плѣна сынъ его, *Александръ Ходкевичъ*, памятеиъ устроилъ общежительной обители Супрасльскаго, въ началѣ XVI вѣка. По примѣру благочестиваго отца, и Григорій Александровичъ былъ строителемъ Заблудовскаго Успенскаго монастыря.

Въ отсутствіе воеводъ кievскихъ, правила воеводствомъ не городничіе, а *намыстники* воеводскіе, называвшіеся по просту *подвоеводами*. Иногда, до опредѣленія настоящаго воеводы, назначаеы были *справцы* воеводства кievскаго (по нынѣшнему сказать, *исправляющіе должности*); но «старостъ кievскихъ» совсѣмъ не было, такъ какъ не было и *староства* кievскаго. (Въ *Актахъ Южной и Западной Россіи*, т. 1. 1863 г., помѣщена любопытная королевская грамота, данная 1541 г. *справцу* воеводства кievскаго, князю Андрею Михайловичу Кошерскому, о строгомъ воспрещеніи козакамъ дѣлать набѣги на татарскіе улусы. Въ примѣчаніи къ ней сказано: «Такого же содержанія грамоты даны старостѣ черкасскому, князю Андрею Пронскому, и *старостѣ кievскому* Бобоѣду». Но здѣсь очевидная описка или обмолвка; должно читать: *старостѣ каневскому*.)

PS. Въ дополненіе къ моей «Памяти о воеводѣ кievскомъ» скажу, что и въ старинныхъ кievскихъ помяникахъ, въ Никольскомъ и другихъ, записанъ: «Родъ пана Григорія Ходкевича.» А у Закревскаго, и въ мовомъ «Описаніи Кіева,» сказано: «Григорій Александровичъ Ходкевичъ, ревностный папистъ». (Стр. 894). Помидуй Богъ!

ИЗЪ ТРАГЕДІИ
„ТОРКВАТО ТАССЪ“

З е д л и ц а .

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА II.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Площадь передъ дворцомъ герцога, въ Феррарѣ. Дворецъ
ярко освѣщенъ, въ него входятъ и выходятъ маски.

Тассъ.

Нѣтъ силъ уйти отсюда! въ этомъ домѣ
Заключено, что радостью мнѣ было,
Что горечью наполнило мнѣ жизнь.
Еще хоть разъ хочу взглянуть на это. —
— Я здѣсь стою, какъ горестный изгнанникъ
Изъ рая пылкой юности моей;
Но не могу сознаться въ преступленья,
Иль преступленьемъ назову любовь.
Я здѣсь брожу, какъ отлетѣвшій духъ,
Котораго влечетъ сюда желанье
Взглянуть на то, что въ жизни онъ любилъ. —
— Какъ тамъ свѣтло! Тамъ шумное веселье
Справляетъ пиръ, и музыка гремитъ,
И для гостей отворены все двери.
Но въ нихъ войти не смѣю гостемъ я:
Мнѣ мѣста нѣтъ среди счастливицевъ міра.
Отверженный, какъ паря земли,
Я лишь могу воскликнуть съ сокрушеньемъ,
Въ тотъ яркій свѣтъ изъ мрака моего:
Прости на вѣкъ! прости Элеонора!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТАССЪ. ДВОРЯНИНЪ.

ТАССЪ.

Скажите мнѣ, синьоръ, что здѣсь за праздникъ

ДВОРЯНИНЪ.

Не здѣшній вы, какъ видно по вопросу?

ТАССЪ.

Нѣтъ, я не здѣшній.

ДВОРЯНИНЪ.

Здѣсь сегодня балъ,

И входъ открытъ свободный каждой маскѣ.

Весь дворъ, самъ герцогъ будетъ здѣсь въ костюмѣ,

Чтобъ самому не узаннымъ остаться,

И общаго веселья не стѣснять.

Наѣхало не мало иностранцевъ,

И при дворѣ, какъ слышно, будетъ свадьба.

ТАССЪ.

Какъ? свадьба? чья? какая свадьба? съ кѣмъ?

ДВОРЯНИНЪ.

Да говорятъ, что герцогъ мантуанскій

Вступаетъ въ бракъ съ принцессой Леонорой

ТАССЪ.

Съ принцессой Леонорой? (*про себя*)

Неужели

Свободу я купилъ такой цѣною?

ДВОРЯНИНЪ.

Вонъ тамъ даются маски на прокатъ,

И нѣ дорого стоитъ; не хотите ль

Взглянуть на балъ? не будете жалѣть.

Я самъ иду туда, чтобъ удивить

Мою подругу, тамъ ее заставъ.

Тассъ.

Съ соперникомъ подъ ручку? Статься можетъ!

Дворянинъ.

О, нѣтъ, синьоръ! она чужда измѣны!

Тассъ.

Глупецъ, кто вѣрить имъ! Я ихъ извѣдалъ!
Онъ, синьоръ, коварны, какъ трясина,
Которая поверхностью зеленой
Плѣняетъ взоръ; но если только ступишь,
Такъ подъ тобой осадеть эта зелень,
И въ глубь тебя затянетъ неизбѣжно!

Дворянинъ.

Я видѣлъ въ ней лишь доброту и вѣжность.

Тассъ.

Что видѣли, то было хорошо,—
Плѣнительно, свято какъ добродѣтель;
Но то, чего не видѣли... О, нѣтъ!

Дворянинъ.

Вы, кажется, не въ духѣ?

Тассъ.

Въ темнотѣ

Таится больше всяческихъ пороковъ,
Чѣмъ можемъ мы придумать и постичь,
И чѣмъ прелестнѣе, тѣмъ гаже! Грудь
Холодная на видъ, какъ снѣгъ альпійскій,
Скрываетъ больше жара и огня,
Чѣмъ всѣ вулканы вмѣстѣ. О, повѣрьте,
Тѣмъ гаже, чѣмъ прелестнѣй!

Дворянинъ.

О, зачѣмъ

О женщинахъ такъ дурно заключать!

(Уходитъ во дворецъ).

Тассъ.

Гремите трубы! бейте барабаны!
 Чтобъ заглушить души моей стenanья
 Последняя мечта теперь исчезла,
 Разсѣялся волшебной жизни сонъ!
 Но что скорбѣть? виновна-ли она?
 Иль никогда ты, сердце, не привыкнешь
 Быть одинокимъ въ мѣрѣ, и тогда,
 Когда ужъ гробъ открыть передъ тобою?
 — Нѣтъ, Тассъ, будь твердъ, какимъ ты долженъ быть!—
 Но я хочу войти туда,
 Ее увидѣть, съ ней поговорить,
 Хотя бы смерть была передо мною.
 О, десять жизней я готовъ отдать,
 Чтобъ только разъ еще взглянуть къ ней въ очи....
 А тамъ—пусть будетъ, что угодно Богу!
 (*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Явленіе шесто.

Великолѣпно украшенная галлерей во дворцѣ герцога.
 Изъ залъ слышна музыка. Входятъ и выходятъ маски.

Лукреція и Элеонора (замаскированныя).

Лукреція.

Какая бъ ни была его судьба,
 Мы одного достигли: онъ свободенъ.

Элеонора.

Чтобъ умереть, какъ хочется ему.

Лукреція.

И это вѣдь свобода.

Элеонора.

И притомъ

Съ такимъ трудомъ она ему досталась!

Луcreция.

Пока онъ не уйдетъ, не буду я покойна,
Чтобъ новая бѣда съ нимъ не случилась.

Элеонора.

Но онъ вѣдь удалился злополучный!
Межъ тѣмъ какъ здѣсь и пиръ и торжество,
Бредеть онъ бѣдный темною дорогой,
Задумчивый, покинутый отъ всѣхъ!
И не сказалъ никто ему „прости“!
Лишь я;—но онъ не могъ меня услышать.
(Идутъ далье).

Явленіе седьмое.

Тассъ (замаскированный пилигримомъ).

Вонъ тамъ она идетъ,—ея походка!
Межъ тысячами я ее узналъ бы,
Хотя бъ нашель ее на брегѣ Леты!
Ея мнѣ образъ не затмитъ и время,
Ни мѣръ тѣней не скроетъ отъ меня!
(Слѣдуетъ за ними).

Явленіе осьмое.

Монтекатино (замаскированный). Другая такая же **маска**.

Маска.

Вы не ошиблись-ли, Монтекатино?

Монтекатино.

Нѣтъ, это былъ Торквато.

Маска.

Вы сказали,
Чтобъ онъ сегодня ночью удалился
И не являлся здѣсь?

МОНТЕКАТИНО.

Сказаль.

МАСКА.

А онъ

Все здѣсь еще! Я съ нимъ поговорю.

(Уходятъ).

Явленіе девятое.

ТАССЪ и ЭЛЕНОРА *(входятъ).***ЭЛЕНОРА.**

Что нужно вамъ? Зачѣмъ вы все за мной
Слѣдите всюду? вамъ, какъ пилигриму,
Не слѣдуетъ сопутниковъ искать.

ТАССЪ.

Но прежде чѣмъ начнетъ онъ трудный подвигъ,
Онъ долженъ преклониться предъ святыней,
Чтобъ подтвердить себя на путь безвѣстный,
Съ котораго ужъ нѣтъ ему возврата.

ЭЛЕНОРА.

О, Боже! Что за голосъ! вы....

ТАССЪ.

Я мертвый, нынче вставшій изъ могилы,
И вновь туда идущій навсегда!
И еслибъ я снялъ маску передъ вами,—
Мой страшный видъ васъ могъ бы испугать.

ЭЛЕНОРА.

Тассы! это вы!

ТАССЪ.

Да, точно,—это я!

Элеонора.

Несчастный! Ах! могла ль я ожидать
Такъ увидаться съ вами?

Тассъ.

Наконецъ

Свершилось то, о чемъ не смѣлъ мечтать:
Мой взоръ съ восторгомъ тонетъ въ вашемъ взорѣ,
Въ тѣхъ безпредѣльныхъ звѣздахъ, гдѣ душа
Моя, какъ злато, плавилась въ огнѣ,
Чтобъ сдѣлаться и чище и блестящей.

Элеонора.

Но знаете ль, что ждетъ васъ?

Тассъ.

Знаю все:

Мнѣ нечего страшиться и терять.
Я ухожу, и Богъ мнѣ говоритъ:
На встрѣчу я иду свободѣ высшей,
Чѣмъ та, которую мнѣ герцогъ даровалъ;
Но какъ ужь сочтены мои минуты,
То дайте мнѣ схватить ихъ на лету,
Чтобъ разъ еще вкусить бывшее счастье.

Элеонора.

Ахъ, еслибъ знали вы мои страданья!

Тассъ.

Въ своей груди носилъ я идеалъ
Того, что было мнѣ всего дороже,
Всего прекраснѣй въ жизни и любви.
Я сохранилъ его въ моемъ несчастьи,
Душѣ моей свѣтильникомъ онъ былъ,
Онъ былъ моимъ хранителемъ, когда
Мою главу удары бѣды разили.....
Я этимъ вамъ обязанъ, Леонора!

Элеонора.

О нѣтъ! вы мнѣ обязаны лишь горемъ!

Тассъ

И ежели мое творенье въ свѣтѣ
 Приобрѣло успѣхъ и похвалу,
 То я и этимъ также вамъ обязанъ.
 И не сердитесь, если я припомню
 Тѣ дни, которые, быть-можетъ, вамъ
 Хотѣлось бы изъ памяти изгнать,—
 Не нужно вамъ краснѣть за нихъ, ни мнѣ,
 Что я любовью вашей жилъ, вкушая
 Амброзію небеснаго блаженства,
 И счастливый, равняя себя богамъ.
 Благодарю, за все благодарю,
 Хотя и я какъ Иксіонъ, который,
 Дерзнувъ любить Юпитера сестру,
 Былъ сброшенъ въ адъ отъ трапезы боговъ!

Элеонора.

Ахъ, еслибъ я могла однимъ лишь словомъ
 Всю жизнь мою, всё чувства передать!

Тассъ.

Хоть разъ еще васъ видѣть, сокрушить
 Замокъ, уста и сердце мнѣ гнетущій—
 Вотъ что всегда моей мечтою было,
 Безуміемъ, мой обуявшимъ духъ,
 Стремленіемъ, которымъ я томился;—
 И милосердый Богъ исполнилъ все:
 Я ухожу отъ васъ не безъ прощанья.
 Теперь о мнѣ ни слова.—Если можно,
 Забудьте объ мнѣ! Да, пусть для васъ
 Я буду мертвъ отнынѣ. Возвратитесь
 Къ веселымъ, свѣтлымъ днямъ счастливой жизни,—
 Да ниспошлетъ вамъ Богъ ихъ много, много!
 Про вашу свадьбу говорили мнѣ....

ЭЛЕОНОРА.

Какъ? свадьбу? Тассъ? могли ль вы это думать?

ТАССЪ.

Какъ? Развѣ нѣтъ? Вамъ бракъ не предстоитъ?

ЭЛЕОНОРА.

Нѣтъ, и не будетъ никогда! Клянусь!

ТАССЪ.

О, поддержи теперь меня, Всевышній!

ЭЛЕОНОРА.

Такъ слушай же и вѣрь моимъ словамъ,

Какъ будто говорю ихъ, умирая:

Да, мой Торквато, я тебя любила,

Люблю теперь, и буду вѣкъ любить!

Явленіе десятое.

Тѣ же и **ЛУКРЕЦІА**, (входитъ поспѣшно и беретъ
Элеонору за руку).

ЛУКРЕЦІА.

Скорѣй! закройся маской! удалимся!

(къ Тассу)

Уйдите, если жизнь вамъ дорога!

ТАССЪ.

Что слышалъ я! останьтесь, ради Бога!

ЛУКРЕЦІА.

Нельзя, нельзя! Не слѣдуйте за нами!

(Убѣгаетъ съ Элеонорой).

ТАССЪ.

О, рухни, сводъ, на голову мою,

И погреби меня съ моимъ блаженствомъ!

Нѣтъ, я пойду, пойду за нею....

Явленіе одиннадцатое.

Тассъ. **Маска** (загораживаетъ ему дорогу).

Маска.

Стойте!

Тассъ.

Что нужно вамъ? пустите!

Маска.

Только слово!

Вы, какъ я вижу, странникъ и дороги
 Не знаете; позвольте жъ вамъ сказать:
 Цѣль вашего пути не этотъ домъ;
 Дорога ваша дальше, удалитесь.
 И не дерзайте приходить сюда.
 У входа здѣсь на стражѣ исполинъ:
 Онъ уничтожитъ васъ однимъ ударомъ.
 Онъ васъ еще щадитъ, благодаря
 Хорошему расположенью духа;
 Но если встрѣтитъ васъ еще, какъ нынче,
 То головой клянусь, — грозитъ вамъ смерть!
 Безумецъ жалкій! вы не излечились!
 Вы все еще мечтать не разучились,
 Что ровня вамъ невѣсты королей,
 Вамъ, для кого осталось лишь на долю—
 Безуміе, да цитра, да сума!

(уходитъ).

Тассъ.

Ахъ, это говорилъ мой злобный геній!
 То герцогъ былъ! да, я его узналъ.

Ө. Миллеръ.

ПОЗДНѢЙШІЕ ГОДЫ.

Quae regio in terris, nostri non plena laboris?
 En Priamus! Sunt hic etiam sua praemia laudi.
 Sunt lacrimae rerum, et mentem mortalia tangunt
 Virg. Aen. 1.460.

Дни идутъ за днями, проходятъ годы и вѣка, и въ нихъ совершается жизнь человѣка и вселенной, все болѣе и болѣе выработывая свое значеніе, въ существѣ ихъ предустановленное, и знаменуя свѣтлыя времена своего развитія особенными событіями, называемыми эпохою. Эпохою кончается и начинается историческій вѣкъ, рѣдко совпадающій съ гражданскимъ и астрономическимъ, но непременно имѣющій таинственное съ ними отношеніе по вліянію образованности и міроваго организма на явленіе тѣхъ событій, изъ которыхъ слагалась и которыми вызывается эпоха.

Какъ ни разнообразны эти эпохи по временамъ и народамъ, но опытъ, сводъ и уразумѣніе событій, привели къ историческому убѣжденію, что всѣ эти многоразличныя эпохи, съ-послѣдствіемъ вѣка, совокупляются существенною ихъ стороною, въ великомъ, всеобъемлющемъ началѣ *свободы* человѣка и взаимности людей и народовъ, — той истинной свободы, которая, отрѣшаясь отъ грѣха, сближаетъ человѣка съ божественнымъ идеаломъ въ молитвѣ, стремленіи, и поступкахъ, — и той человѣческой взаимности (солидарности), при которой все болѣе и болѣе утверждается право отдѣльной независимости лицъ и народовъ, вмѣстѣ и непременно и одновременно съ обязанностию усвоенія, общенія и тожества взаимныхъ нуждъ и удовлетвореній. Да носимъ тяготы другъ друга. Не ребенкомъ въ пеленкахъ и на помочахъ, проходящимъ возрасты

дѣтства, зрѣлости и старости, представляется намъ челоѡчество, по воззрѣнію древнихъ: младенецъ чистъ и непороченъ, и его окружаютъ и ведутъ любовь и опытъ родителей. Челоѡчество не единица, не дѣти эти старцы, стоящіе во главѣ ихъ. По преданію и писанію намъ представляется оно арестантомъ, переселенцемъ, окованнымъ цѣпями грѣхопаденія, окруженнымъ враждебными стихіями, и ведомымъ нуждою по пути препятствій, глухому и темному. Трудный путь! По указаніямъ генія челоѡчества, при видѣ огненныхъ столповъ и языковъ, нисходящихъ на избранныхъ служителей, онъ идетъ къ свѣту, влекомый какимъ-то обѣтомъ и надеждою на обѣтованное благосостояніе. На пути этомъ каждый привалъ, каждый этапъ знаменуетъ ступень гражданственности, свѣтлые дни отдыха, искупаемые овладѣніемъ то вершиками, то милями пройденнаго поля жизни, на которомъ далѣе, — далеко, — виднѣется знамя искомаго благосостоянія, и сопровождаемые — увы! почти всегда лишеніями и жертвованіями лицъ, народовъ и поколѣній. Восьмую тысячу лѣтъ идетъ этотъ арестантъ, и перешелъ тысячи этаповъ, искупая потерянную свободу и преслѣдуя тяжкій путь въ надеждѣ достигнуть цѣли, прійти къ этапу, на которомъ съ него снимутъ всѣ цѣпи, и дозволить раститися и наполнять землю и владѣть ею.

На каждомъ этапѣ снимаютъ съ него то цѣпь, то двѣ, то кольцо, то колодку, общая на будущемъ привалѣ снять всѣ; и онъ терпитъ, гнется и изнуруется, ожидая: вотъ недалеко, вотъ снимется и послѣдняя цѣпь. Исху-далъ и побѣлѣлъ челоѡкъ. И вотъ дѣйствительно, что-то прояснилось на небѣ, какъ-то легче становится бѣднымъ раменамъ его; онъ чувствуетъ, что спадаютъ цѣпи, приближается желанная свѣтлая эпоха, и предвозвѣщается, на этомъ этапѣ, радостное пѣніе: здѣсь нѣтъ печалей и болѣзней. И погибъ челоѡкъ.

А между тѣмъ новыя колонны арестантовъ идутъ то съ сѣвера на югъ, то съ востока на западъ, и все далѣе и далѣе, и чѣмъ далѣе, тѣмъ гуще, шумнѣе и скорѣе.

Гдѣ окончатся эти этапы вѣковѣчнаго странствованія, гдѣ обрѣтется искупленіе, и гдѣ наконецъ успокоятся труждающіеся и обремененные.... Неизвѣстно. Но партіи идутъ непрерывно одна за другою, сопровождаемыя своими десятскими, и та, которая впереди, уходя, оставляетъ на память грядущей: вѣсть-о своихъ напряженныхъ стремленіяхъ, и жалобы, всегда жалобы, на перенесенныя лишенія, да старый хламъ, да бѣлыя кости.

И мы, какъ другіе, какъ за сто и тысячу лѣтъ, составляемъ партію и идемъ къ новому этапу по той же дорогѣ развитія свободы и взаимности, и отличаемся отъ предшествующихъ только тѣмъ, что насъ больше, и что изъ сѣти цѣпей, которыя замедляли ходъ ихъ, многія поржавѣли и распались, а многія на разныхъ этапахъ сняты разными служителями генія человѣчества, постоянно и всегда присущаго, какъ организующая сила, ихъ же звали: Константинъ (организация церкви), Карловингъ (организация новыхъ западныхъ территорій), Гогенштауфъ (организация корпорацій), Лютеръ (организация властей), Людовикъ XIV (организация государства), Петръ (организация восточной территоріи); великіе вторые XVIII ст. Фридрихъ, Іосифъ, Екатерина (организация естественнаго права), и великіе первые: Наполеонъ, Александръ (организация публичнаго права).

Повторяя эти эпохи, проводя эти прямыя линіи, мы перелистываемъ сорокъ сороковъ страницъ исторіи, на каждый годъ по страницѣ, и подъ рѣзцомъ историка всякая страница представляется однообразной картиной переселенцевъ, звучащихъ цѣпями.

Сколько снято ихъ и сколько остается снять?

Тяжесть лишеній человѣка, чѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ совершеннѣе онъ, такъ велика и многосложна, что на

отдаленныхъ переходахъ по этапамъ гражданственности, при этомъ звонъ цѣпей и говоръ милліоновъ, снятіе одной цѣпи уже едва ощутительно, и привыкнувъ жаловаться, кричать и пищать, человѣкъ нерѣдко пищить и тогда, когда ловкій десятскій, не слушая жалобъ, снимаетъ цѣпь, и какъ бы въ доказательство, что здѣсь прошла партія, откладываетъ ее въ старый хламъ, въ которомъ будутъ рыться прибывающія новыя поколѣнія, идя той же исторической дорогой.

Совершая мѣрный путь, какъ земля и луна, гражданственность, по принятому обычаю, заключаетъ обороты ежегоднымъ отчетомъ, внося въ свой Грость-Бухъ долги и уплаты, но отнюдь не прибыль,—долги огромные, уплаты медленные, долги, заключенные необходимостію безконечнаго развитія духовныхъ и вещественныхъ условій бытія всякаго созданія, уплаты трудомъ, усиліями, непременно личными, въ потъ лица, въ бдительности мысли. А эти усилія тѣмъ напряженнѣе и тѣмъ изнурительнѣе, чѣмъ болѣе возрастаетъ масса должниковъ, потребителей, такъ что предложеніе не отвѣчаетъ запросу, ибо соревнованіе изощряетъ самолюбія, между тѣмъ какъ своекорыстіе поперечить свободѣ и взаимности. Много цѣпей снято, но много надѣто и новыхъ. Улучшенія человѣческія нераздѣльны отъ стѣсненій и невыгодъ.

Но куда мы идемъ, и когда мы придемъ по этой исторической дорогѣ? Нельзя ли избрать раціональный, болѣе краткій и ровный путь? Попытки бывали, есть и всегда будутъ. Въ наше время попытка сдѣлана въ огромныхъ размѣрахъ, и возведена на степень дѣйствующаго исходнаго начала. Общее одушевленіе 1848 г., какого міръ еще не видѣлъ, открыло было широкій путь свободѣ и взаимности; дипломатическія тайны обсуждались во всеуслышаніе, частная жизнь готова была поселиться въ стеклянномъ домѣ, отъ всѣхъ слышались слова любви и братства, и чередовая партія переселенцевъ, безъ всякаго

десятскаго, сложила сама съ себя цѣпи на избранномъ пунктѣ, ему же названіе оргія организацій. Съ сѣлоу океана она готова была привалить къ желанному окончательному этапу, но смышленный десятскій закричалъ разшатавшейся партіи: не туда, прямѣе, это не этапъ, а маякъ. Опасность обратила къ порядку, и оглашенная партія остановилась и смялась, какъ это бываетъ всегда, когда вызывается и является реакція. Партія отвалила, но волны возмущеннаго океана еще долго не успокоятся, и порывистая партія, по собственной винѣ, долго не достигнетъ желаемаго этапа, остановленная силою, необходимою порядка, исторической постепенности, ея же не преидеши, по крайней мѣрѣ, безнаказанно. Нашему времени, нашему этапу, должно принадлежать отчетливое сознаніе этого великаго начала порядка и великая задача примирить и упредить его въ соединеніи съ свободою и взаимностію, въ отношеніяхъ личностей и народностей, проявляющихся ассоціаціями и конфедераціями. Примиреніе это заключаетъ въ себѣ всѣ огражденія нашихъ драгоценныхъ достиженій, которыя готовятъ едва мыслимое для прежнихъ поколѣній преобразование частнаго гражданскаго права въ европейское публичное, по которому ребенокъ Мортара могъ бы сказать вмѣсто *civis romanus sum* въ общаеомъ эльдарадо римской муниципіи: *civis europaeus sum*, — а право народное въ право личное, по которому достоинство челоуѣка и его собственность, во всякомъ паспортѣ и подъ всякимъ флагомъ, всегда и вездѣ пользуются общимъ покровительствомъ. Достиженія эти колоссальны. Они непопятны, они чужды и даже противны римской образованности, доселѣ бывшей нашею воспитательницею. При дѣйствіи ихъ геніальный гражданинъ — *civis romanus* — славившій римское господство надъ всѣмъ міромъ, изумился бы при воззрѣніи на одинъ внѣшній міръ, подчиненный Европѣ. Всюду во вселенной чувствуется присутствіе этого генія современной образо-

ванности. Въ то время какъ летучіе корабли его проникаютъ въ полюсы, гдѣ, кажется, ни добыть, ни изучить нечего, а смѣлая пытливость открываетъ центральныя Азіи и Африки, отворяютъ отдаленные входы запертаго прежде на-глухо востока, и на всѣхъ моряхъ—на этихъ Божіихъ, бесплатныхъ путяхъ—утверждаютъ неприкосновенность лица и вещи въ войнѣ, какъ въ мирѣ, разнося по всему свѣту товары, знанія и гражданственность, въ то же время этотъ геній проникаетъ далѣе седьмага неба, далѣе седьмага слоя земли и моря, и по умозрѣнію, въ изчисленіяхъ и наведеніяхъ, указываетъ на невидимыя точки: здѣсь должна быть планета, здѣсь скрываются алмазы, здѣсь рождаются перлы, и лучъ солнца уловляется въ говорящихъ образахъ, и токъ электричества собирается въ говорящую нить, теченіе воздуха ожидаетъ законовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ геній, сопровождавшій всѣ партіи по этапамъ человѣчества, собралъ снятыя съ нихъ цѣпи и наложилъ ихъ на враждебныя стихіи, и этимъ окованіемъ препятствій такъ ускорилъ переходы, въ пространствѣ и времени, такъ усовершилъ всякій механизмъ и облегчилъ всякое состояніе, что невольно внушаетъ человѣческой гордынѣ такіе помыслы, за которые Мильтонъ низвергнулъ бы виновнаго въ огонь кромѣшный, и такія предпріятія, за которыя, и въ полномъ блескѣ XVIII ст., ученые судьи осудили бы счастливица за связь съ дьяволомъ. Да, достиженія эти колоссальны, человѣчество преображается, и самыя смѣлыя утопіи Платоновъ, Боденовъ и Гоббесовъ отстаютъ отъ дѣйствительности: но отчего же они не имѣютъ другихъ, лучшихъ для человѣка послѣдствій, и партія новыхъ переселенцевъ также стонетъ и ропщетъ, даже сильнѣе, бьется и мечется болѣе нежели когда-нибудь? Современная партія многочисленна, идетъ скоро и громко,—но отчего эти милліоны ртовъ тщетно ожидаютъ пищи и утоленія изысканныхъ и одичалыхъ аппетитовъ, отчего эти милліарды бѣдствій, не находя, въ

сферы преступлений и самообольщений, сподручных пособий, вопиють къ небу, просятъ чуда для своего уврачеванія, и, падая отъ безсилія духа, мышцъ и заклинаній, повторяють древній хоръ: все тотъ же производъ и гибнетъ человѣкъ?

Не того ожидали отъ своихъ устроений люди эпохи 1815 года!

Кромѣ общихъ и отдаленныхъ, двѣ этому ближайшія причины. Третья бросается въ глаза и не нуждается въ объясненіяхъ.

Причины эти заключаются въ преданіяхъ партій 1830 и 1848 годовъ.

Партія 1830 г. провозгласила началомъ господство исполнившихся событій, т.-е. господство факта, сплошной силы, и возвела въ систему популярность, т.-е. зависимость отъ сплошнаго числа. Въ 1795 г. сказано было: на насъ смотрятъ 40 вѣковъ (въ Египтѣ). Доктринеры повторили: насъ созерцаетъ Исторія (Ройе Коляръ). И за тѣмъ, и свидѣтельство вѣковъ и созерцаніе исторій начали такъ гнуть и ломать, что окончательно пошатнулось всякое гражданское убѣжденіе, и иному барину (Талейрану и NN) непримѣтно удалось присягнуть десять разъ.

Посреди этого гражданского крушенія оставалось господствующимъ вѣрованіе въ силу науки, предвозвѣщенную еще Бакономъ, и поддержанную рядомъ замѣчательныхъ школъ публицистовъ. Оно въ это время сокупило доктрину, каеедру съ практикой, съ министерскимъ портфелемъ. Оставалось вѣрованіе въ силу организующей науки, и явившіеся высокіе таланты готовы были осуществить древнее преданіе о счастіи народовъ подъ управленіемъ философовъ.

Партія 1848 года уничтожила и это вѣрованіе. Сонмы лучшихъ умовъ, собравшіеся въ Парижъ, Франкфуртъ, Берлинъ и Вѣнѣ, провозгласили необходимость преобразованийъ въ главѣ и членахъ общественнаго организма, по ученіямъ натуральной философіи; но представя свѣту прекрасные цвѣты мыслительности и слова, они тщетно общали плоды, и обнаружили несостоятельность оглашенныхъ преобразованийъ. Кой-что уцѣлѣло и вошло въ жизнь изъ работъ этихъ народныхъ сеймовъ, но низойдя

путемъ популярности до низшихъ классовъ общества, теоріи этихъ преобразованій ввели въ жизнь и то, что всякая мелкая мѣстность и всякая минутная личность готовы требовать самостоятельности и своей доли участія.

Мы находимся въ этой стадіи нашего этапа. Этотъ быстрый переворотъ, это современное разочарованіе возмечтаній привели къ тому ложному положенію, въ которомъ находятся теперь все и всё, и люди, проболтавшіеся въ общемъ говорѣ, и учрежденія, не отвѣчавшія вызваннымъ ими стремленіямъ, и дѣла и планы, всегда осуждаемые людьми, когда не удаются. Манія организацій надѣлала столько обѣщаній, что ожиданія далеко опередили дѣйствительность и самую возможность осуществленія. Ошеломленная партія арестантовъ сбилась съ дороги, ожидая все отъ успѣха и возлагая успѣхъ на случайность. Въ этомъ новомъ крушеніи конечно уцѣлѣла система популярности; но эта зыбь морская не имѣетъ законовъ, и если смѣлый кормчій рѣшится примѣнить это орудіе къ началу знаменитаго юриста: наибольшее благо для наибольшаго числа, то самое начало это, въ существѣ миролюбивое, превращается въ осадную прокламацію: *salus republicae suprema lex*, ибо популярность не есть дѣль или ученіе, идущія прямыми путями, но рычагъ, требующій пассивнаго повиновенія одной матеріальной силѣ и одного ухищренія своекорыстія.

И какъ могло быть иначе?

Медленно, но тѣмъ не менѣе ощутительно, человѣчество и всё его установленія измѣняются въ существѣ и стремленіяхъ, имъ обусловленныхъ. При дѣйствіи этаго закона, въ періодъ времени отъ этапа 1790 годовъ, не мудроно, что дѣды не узнаютъ внуковъ, и слова и вещи получили другое значеніе. Толкованія словъ этихъ въ лексиконахъ и новаго облика вещей для всѣхъ глазъ еще нѣтъ, и сознаніе стоитъ на степени предчувствія; но они будутъ, ибо иначе знаніе, созерцаніе и самое разумѣніе отречутся отъ своей дѣятельности и истощатся въ пустыхъ усиліяхъ. А отречься имъ нельзя: камни, факты возопіютъ.

Въ чемъ дѣло, что представляетъ эпоха? Дѣло въ томъ что историческое развитіе жизни, обнимавшее естественныя ея требованія, съ ослабленіемъ сихъ послѣднихъ

передъ общественными требованіями гражданственности, уступаетъ мѣсто рациональному, выработанной опытами вѣковъ и возмужавшей въ этихъ опытахъ наукѣ. Она можетъ ошибаться, она ошибалась и ошибается, но она необходимостію призвана къ участию въ развитіи, ибо безъ нея, при разнообразіи старыхъ и новыхъ условій, при дѣйстви свободы и взаимности, бюстительное историческое начало создало бы свою несостоятельность и отдало участь поколѣній слѣпому случаю.

Дѣло въ томъ, что основаніе общества — недвижимая собственность — утратило прежнюю исключительность съ распространеніемъ движимыхъ и неимущественныхъ цѣнностей, которыя обняли, охватили и преобразили эту собственность, такъ что неподвижность ея улетучилась, и носится изъ края въ край, изъ рукъ въ руки по биржамъ и конторамъ.

Дѣло въ томъ, что централизованное стремленіе перекрещивается притязательнымъ развитіемъ личности, и что прежде, преобладающее начало порядка, на которомъ власть соединяла право и обязанность, даетъ мѣсто преобладанія сознательной свободѣ, при которой мудрость вѣка думаетъ водворить благосостояніе всѣхъ и каждого на основаніи нравственного, но тѣмъ не менѣе обязательнаго закона взаимности, и экономическаго, вездѣ дѣйствительнаго начала запроса и предложенія. По закону взаимности обида и нарушеніе въ Гренландіи почувствуется въ Сицилии, и падежъ небольшого стада тибетскаго колониста возвыситъ процентъ въ Манчестерѣ.

По началу экономическому вещь, собственность должна принадлежать тому, кто можетъ наиболѣе извлечь изъ нея пользы (Лявернь).

И наконецъ, дѣло въ томъ, что наблюденіе за станками Гутенберга, съ явленіемъ Гутенберга 2-го или гласностію, совершенно измѣняетъ свой характеръ и способности, ибо при развитіи гласности за всѣми наблюдать могутъ только всѣ. Какое мѣсто въ этомъ движеніи займутъ позднѣйшіе годы, начинавшіеся громкимъ словомъ въ тюльрійской залѣ и кончающіеся цюрихскимъ трактатомъ и конгрессомъ, созданнымъ для разъясненія этого слова?

Высокое и знаменательное, думаемъ мы. Продолжая развитіе свободы и взаимности, все болѣе и болѣе отвергая одностороннія полу-мѣры, наше время рѣшительнѣе предшествовавшихъ осмѣлилось сдѣлать шагъ изъ ложнаго положенія. Мы первые порадуемся исходу на прямой путь, гдѣ опредѣленность цѣлей упрощается откровенностію предпріятій, и гдѣ тѣсныя своекорыстные виды должны быть поражены — неудачей, ибо въ наше время всякій уснѣхъ условленъ служеніемъ общему благу. Но мы желали бы всю силу нашего убѣжденія удостоверить изъ созерцающей и прошедшей исторіи, что развитіе не терпитъ прямыхъ линій, которыя обходятъ и приносятъ въ жертву мѣсности и поколѣнія, — что право еще не изчерпываетъ всего значенія человѣка, — и что какъ ни далеко зашла современная партія съ своими смѣлыми вожатыми, она кричитъ и ропщетъ, ибо и ей предстоитъ далекій путь и тотъ же этапъ, гдѣ нѣтъ печалей и болѣзней, а тяжесть цѣпей, ее гнетущихъ, едва уменьшилась. И при великихъ достиженіяхъ нашихъ звучать эти цѣпи, и временное спокойствіе и временныя радости не представляютъ прочныхъ ручательствъ.

Когда уединяешься въ себя и съ участіемъ свободной мысли и взаимной любви обозрѣваешь этотъ волнующійся міръ, въ которомъ нѣтъ уголка, гдѣ бы не кипѣли страсти, гдѣ бы опасенія не отравляли удовольствія, и гдѣ бы не было вызванныхъ корыстью распрей, недуговъ и смерти, слухъ утомляется возгласами, то торжества и плача, то требованій и отказа, и масса оглашенныхъ притязаній и непомѣрное возрастаніе толпы желающихъ такъ велики, что исполненное участія сердце сжимается отъ робости, и умъ, въ страхъ и трепетъ, сомнѣвается въ своей силѣ, отказываясь отъ своего достоинства. Подавленный этимъ созерцаніемъ, человѣкъ обращается къ небу, моля о вдохновеніи и вразумленіи, и долго, долго, всегда будетъ дѣйствительно и присуще лучшимъ умамъ изрѣченіе вдохновеннаго историка: бьется и мечется человѣкъ, а ведетъ и приводитъ Богъ.

24-го декабря.
1859 г

**По случаю Записки, помѣщенной въ «Сѣверной Почтѣ»
1867 г., о дѣйствіяхъ комитета, Высочайше
учрежденнаго для преобразованія духовноучебныхъ
заведеній.**

Съ № 38 «Сѣверной Почты» начали въ ней помѣщаться статьи подъ заглавіемъ: *О дѣйствіяхъ комитета, высочайше учрежденнаго для преобразованія духовноучебныхъ заведеній*. Въ первой изъ этихъ статей напечатано, что «потребность въ преобразованіи духовноучебныхъ заведеній была сознаваема еще въ пятидесятихъ годахъ. Тогда, по приглашенію г. оберъ-прокурора св. Синода, доставлены были начальствующими въ сихъ заведеніяхъ отзывы о важнѣйшихъ недостаткахъ, замѣчаемыхъ въ духовноучебныхъ заведеніяхъ. Для обсужденія этихъ отзывовъ и для изысканія мѣръ къ улучшенію быта духовноучебныхъ заведеній во всѣхъ отношеніяхъ былъ учрежденъ, по высочайшему повелѣнію, въ 1860 г. комитетъ при св. Синодѣ.» Въ литературѣ же пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ появилось такое множество большихъ и малыхъ статей, прямыхъ и косвенныхъ отзывовъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ, господствовавшихъ и господствующихъ въ духовноучебныхъ заведеніяхъ, что изъ нихъ однихъ можно составить не маленькую бібліотеку. Такимъ образомъ и свѣтское правительство, и духовное начальство, и литература, притомъ какъ свѣтская, такъ и духовная, открыто заявили, что нужно преобразовать и улучшить духовноучебныя заведенія.

На это заявленіе получено два официальных отвѣта. Первымъ былъ проэктъ епархіальныхъ семинарій, составленный комитетомъ, который былъ открытъ, какъ сейчасъ сказано, въ 1860 г. Но этотъ проэктъ такъ неудаченъ, что при немъ духовныя училища не только не излечились бы отъ своихъ недуговъ, но и окончательно разстроились бы. Противъ него возстала единогласно свѣтская литература; во многихъ даже духовныхъ журналахъ появилось много статей, которыя доказали неудовлетворительность или всего, или извѣстныхъ частей его. Многія даже правленія семинарій, всѣ академическія правленія подали голосъ противъ него. Впрочемъ ему уже *пропыта вѣчная память*; онъ сданъ въ архивъ, конечно не къ чести его составителей; иначе бы въ 1866 г. не зачѣмъ было открывать новый комитетъ для преобразованія духовноучебныхъ заведеній.

Этотъ-то комитетъ даетъ теперь второй отвѣтъ. Онъ, какъ видно изъ № 38 «Сѣверной Почты», закончилъ главныя части своего труда еще въ декабрь 1866 г. Въ настоящее же время онъ занятъ окончательною обработкою нѣкоторыхъ подробностей, входящихъ въ составъ проэкта устава, составленіемъ объяснительныхъ записокъ къ симъ уставамъ, а также развитіемъ соображеній относительно способовъ осуществленія преобразованій по семинаріямъ и низшимъ духовнымъ училищамъ.» Судя по этой цитатѣ, кажется не зачѣмъ и говорить противъ новаго проэкта семинарскаго устава; вѣдь главныя его части уже закончены, обрабатываются только подробности и составляются пояснительныя записки. Къ чему же тутъ судить и разсуждать? Но въ началѣ 1867 года въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ, напр. въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и «Москвѣ», было высказано, что новый уставъ духовноучебныхъ заведеній уже готовъ: только напрасно не предложили его предварительно на общее сужденіе. Вскорѣ послѣ этихъ вполнѣ справедли-

выхъ заявленій и начали печататься въ «Сѣверной Почтѣ» статьи о дѣйствіяхъ комитета, учрежденнаго въ 1866 г. для преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. Изъ такого совпаденія какъ бы запроса съ одной и отвѣта съ другой стороны можно заключить, что разсмотрѣніе проектируемаго новаго устава семинарій желательно для самаго комитета, или по крайней мѣрѣ для лицъ, помѣстившихъ въ «Сѣверной Почтѣ» записку о дѣйствіяхъ его. Притомъ эта же записка говоритъ, что проектъ устава, составленный комитетомъ 1860 г., сообщенъ былъ для обсужденія не только начальникамъ епархій, но и попечителямъ учебныхъ округовъ министерства народнаго просвѣщенія и *наиболѣе извѣстнымъ ученымъ и литераторамъ*. Почему же теперь и «Русскому» — новому органу русской журналистики, не высказать своего мнѣнія объ уставѣ семинарій, который составленъ новымъ комитетомъ? Ученые и образованные члены комитета не обидятся, по всей вѣроятности, если «Русскій» не согласится съ ними въ нѣкоторыхъ пунктахъ *. Истина не затемняется, а проясняется, когда ее разсматриваютъ съ различныхъ сторонъ, и притомъ не одними и тѣми же глазами.

Члены комитета, какъ видно изъ «Сѣверной Почты», не согласились между собою въ основныхъ мысляхъ относительно устройства духовныхъ училищъ. Большинство членовъ, по идеямъ которыхъ составленъ новый уставъ, положило допустить для духовенства два рода училищъ: 1) Уѣздныя училища, которыя будутъ устраиваться въ городахъ и другихъ мѣстахъ и должны быть общеобразовательными заведеніями; 2) семинаріи съ тѣмъ же курсомъ въ шесть лѣтъ, какъ и нынѣ; только онѣ раздѣлены будутъ не на три двугодичныхъ, а на шесть

* По своему объему эта статья не могла быть помѣщена въ газетѣ и отложена была до «Утра.» Ред.

одногодичныхъ классовъ; первые четыре низшихъ класса назначены для довершенія общаго образованія, начинающагося въ училищахъ, а послѣднiе два класса посвящены исключительно богословскому образованiю.»

Чтобы безпристрастно судить объ этомъ новомъ уставѣ, предпошлемъ нѣсколько замѣчанiй. Когда рѣшаются на преобразованiя какой бы то ни было вѣтви управленiя, прежде всего, по нашему мнѣнiю, нужно обращать вниманiе на то, чтобы новыя постановленiя устранили прежде господствовавшiе недостатки и злоупотребленiя и не давали имъ возможности или оставаться въ прежнемъ своемъ видѣ, или развиться подъ другими формами,— чтобы удовлетворили влѣвъ появившимся потребностямъ общества. Иначе пусть *все старое совершается по старому!* Такимъ образомъ, чтобы судить о проектируемомъ уставѣ духовноучебныхъ заведенiй, нужно или вдругъ, или постепенно рѣшить вопросъ: почему нужно преобразовать эти училища? что за недостатки, которые слѣдуетъ устранить, и на будущее время предотвратить какъ въ нихъ, такъ и въ духовенствѣ? чего желаетъ отъ будущихъ преобразованныхъ духовныхъ училищъ общество? чего должно потребовать отъ нихъ государство? Разрѣшенiе этихъ вопросовъ поможетъ уже видѣть, въ какой степени соотвѣтствуетъ современнымъ потребностямъ проектируемый уставъ духовноучебныхъ заведенiй. Здѣсь пока рассмотримъ его съ трехъ сторонъ.

1.

Къ главнѣйшимъ недостаткамъ по учебной части, господствующихъ въ духовноучебныхъ заведенiяхъ, принадлежитъ пренебреженiе, которое большая часть начальниковъ и даже наставниковъ ихъ питаютъ къ такъ называемымъ свѣтскимъ наукамъ, и поверхностное знанiе или даже совершенное незнанiе ихъ воспитанниками.

Не говоримъ уже объ очень близкомъ, такъ сказать, прошлогоднемъ прошедшемъ, когда даже тщеславились этимъ незнаніемъ или пренебреженіемъ, когда знаніе, напр., математики считалось чѣмъ-то въ родѣ неблагонамѣреннаго поступка. И нынѣ еще найдется слишкомъ много семинаристовъ, которые не умѣютъ слагать, или умножать дроби, развѣ смутно понимаютъ Коперникову систему, не объясняютъ происхожденія облаковъ, тумановъ, росы, дождя и проч., не знаютъ ни одного изъ новѣйшихъ языковъ, а если и знаютъ, то чтенія ихъ не поймутъ ни настоящіе, ни русскіе французы. Этого мало; самый русскій языкъ еще не отличается въ семинаріяхъ литературными достоинствами; живая, простая и легкая нынѣшняя проза считается недостойнымъ и неспособнымъ органомъ для выраженія высокихъ христіанскихъ истинъ. По этому нисколько не удивительно, что образованное общество имѣетъ не высокое понятіе объ образованности семинаристовъ и духовенства. Министерство народнаго просвѣщенія въ 1866 только году положило даже магистровъ и кандидатовъ духовныхъ академій допускать къ занятію учительскихъ мѣстъ въ гимназіяхъ не иначе, какъ по выдержаніи предварительнаго экзамена; молодаго человѣка для пгготовленія не только къ университету, но и къ гимназіи, развѣ въ крайности отдадутъ семинаристу; въ обществѣ и литературѣ до сихъ поръ клеймятъ названіемъ *семинарщины* то умственное образованіе, которое получается въ духовноучебныхъ заведеніяхъ.

Все это имѣетъ весьма вредное вліяніе на взаимныя отношенія между духовенствомъ и образованными классами, а затѣмъ и на религіозность послѣднихъ. Не мѣсто, да и не нужно здѣсь доказывать, что священнику надобно быть не простымъ требоисполнителемъ, но и образованнымъ человѣкомъ. Отъ этого доказательства насъ избавляетъ даже уставъ семинарій, составленный въ 1862 году;

въ одномъ изъ его пунктовъ говорится, что добрый служитель церкви долженъ быть образованнымъ человекомъ въ общепринятомъ смыслѣ слова (§ 3). И потому новый проектируемый уставъ семинарій непременно долженъ принять рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы семинаристы были не только православными богословами, но и образованными людьми въ общепринятомъ смыслѣ слова. Посмотримъ теперь, что за мѣры, которыя принимаетъ уставъ для этой цѣли.

Духовныя семинаріи по новому уставу не будутъ чисто-спеціальными, богословскими институтами, потому что, по словамъ самого устава, двѣ трети классовъ назначены для довершенія общаго образованія. Не будутъ также и общеобразовательными училищами. Статья въ Сѣверной Почтѣ прямо говоритъ, что духовноучебныя заведенія *должны готовить достойныхъ пастырей Церкви, что въ нихъ число учащихся должно быть соразмѣрено съ потребностями каждой епархіи, что послѣдніе два класса посвящены исключительно богословскому образованію, что ректоръ долженъ быть изъ духовныхъ лицъ въ санѣ архимандрита, или протоіерея, и семинарія остаются по прежнему смѣшанными училищами, въ которыхъ въ одно и то же время хотятъ давать воспитанникамъ и общеобразовательное и спеціальное воспитаніе.*

Въ прошлое время была большая мода на такія училища; напр. всѣ кадетскіе корпуса военнаго и морскаго вѣдомствъ принадлежали къ этой категоріи. Но смѣшанныя учебныя заведенія почти никогда вполнѣ не соответствовали своему назначенію. Въ самомъ дѣлѣ, начальникомъ смѣшаннаго училища можетъ быть или спеціалистъ, или неспеціалистъ; существованія третьяго рода начальниковъ, о которыхъ можно сказать, что они *ни то, ни сѣ, ни рыба, ни мясо*, мы и не допускаемъ. Начальникъ спеціалистъ, какъ опытъ показалъ, не станетъ обращать

вниманіе на предметы общаго образованія; они для него большею частію или *terra incognita*, или вещь пустая и излишняя. Начальникъ же неспеціалистъ не въ состояніи будетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы воспитанники были хорошими спеціалистами; не имѣя основательныхъ свѣдѣній въ спеціальныхъ наукахъ, онъ по неволѣ, по обыкновенному самолюбію, увлечется расположеніемъ къ общеобразовательнымъ предметамъ. Такимъ образомъ воспитанникамъ будетъ грозить опасность быть не спеціалистами и вмѣстѣ съ тѣмъ образованными людьми, но педантами-спеціалистами, или сдѣлаться только образованными людьми, но не соответствовать своему спеціальному назначенію. Обыкновенно же, какъ опытъ показалъ, большинство ихъ не бываетъ ни хорошо образованными людьми, ни спеціалистами; ихъ скорѣе можно назвать *рутинерами-спеціалистами, мастерами-спеціалистами*. Вотъ почему въ настоящее время дошли до убѣжденія, что первоначально всякому спеціалисту нужно дать полное общеобразовательное воспитаніе, сдѣлать его образованнымъ человѣкомъ въ благородномъ и общепринятомъ смыслѣ слова. Образованные государственные люди, распоряжающіеся дѣлами военнаго и морскаго министерствъ, такъ и поступили; кадетскіе корпуса нынѣ уже спеціальныя училища, но въ нихъ можетъ поступить только тотъ, кто выдержитъ удовлетворительный экзаменъ въ предметахъ общаго образованія; военныя гимназіи, не смотря на свое имя, тоже, что и гимназіи министерства народнаго просвѣщенія, состоятъ подъ начальствомъ не военныхъ спеціалистовъ, а обыкновенныхъ директоровъ; воспитанниковъ не стараются насильственно передѣлать въ военныхъ людей, а даютъ имъ только хорошее общее образованіе.

Преобразованія, недавно законченныя по военно-учебнымъ заведеніямъ, еще необходимы въ духовныхъ училищахъ. Пусть извинятъ насъ за правду, если мы

скажемъ, что между духовными особами, а слѣдовательно между прошедшими, настоящими и будущими начальниками духовно-учебныхъ заведеній, очень мало лицъ вполне знакомыхъ съ общеобразовательными науками; еще менѣе такихъ, которыя бы любили и продолжали ими заниматься; еще менѣе такихъ, которыя бы имѣли смѣлость и желаніе показать себя ревностными ихъ защитниками и способствовать такому ихъ преподаванію въ духовныхъ училищахъ, какое требуется въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ. Еслибы иной начальникъ и рѣшился на такой отважный поступокъ, то онъ встрѣтитъ иногда почти непреодолимыя препятствія во вліяніи сверху и въ окружающей средѣ. Нельзя также не сказать и того, что между преподавателями свѣтскихъ наукъ въ духовныхъ училищахъ немного есть людей вполне знакомыхъ съ своимъ предметомъ; а послуживши, поживши, и самые ревностные изъ нихъ усвоиваютъ себѣ взглядъ ближайшаго начальства на свои науки. Такимъ образомъ предметы общаго образованія отъ совокупнаго дѣйствія и начальниковъ и наставниковъ не будутъ процвѣтать въ семинаріяхъ, если послѣднія по прежнему останутся смѣшанными училищами.

Самый уставъ однимъ изъ своихъ распоряженій помогаетъ этому. Еслибы въ первыхъ четырехъ классахъ ничего не преподавалось, кромѣ предметовъ, относящихся къ общему образованію, тогда бы, такъ сказать, по неволѣ пришлось ихъ не унижать, потому что не предъ чѣмъ было бы унижать. Но по новому уставу, «дабы семинаріи сохраняли полное единство направленія и характеръ духовно-учебнаго заведенія, на спеціальныя ея классы отнесены одинъ изъ богословскихъ предметовъ, именно изъясненіе книгъ священнаго писанія Вѣтхаго Завета.» Разумѣется, что этотъ предметъ сдѣлается главнѣйшимъ предметомъ класса, а прочіе болѣе, или менѣе побочными, второстепенными и даже третьестепенными. Ректоръ и епархіальный начальникъ, какъ лица духовнаго сана,

особенно монашествующіе, не могут не отдавать преимуществъ духовнымъ, богословскимъ наукамъ, даже не имѣютъ полной возможности выразить свое расположеніе къ свѣтскимъ предметамъ, еслибы уже оно и было въ нихъ. И потому, пользуясь своими правами посѣщать во всякое время классы, а также предсѣдательствовать на экзаменахъ, выражая свое расположеніе къ однимъ богословскимъ, и холодность и даже нерасположеніе къ свѣтскимъ наукамъ, постепенно, ненамѣренно, даже незамѣтно для самихъ себя возвысятъ первыя, а послѣднія понизятъ до возможной степени. Въдъ и по прежнему уставу семинарій математика принадлежала къ обязательнымъ предметамъ, а между тѣмъ сами члены комитета сознались въ запискѣ, что «преподаваніе ея было довольно слабо.» Можетъ-быть, въ царствованіе новаго устава свѣтскія науки будутъ лучше преподаваемы и оцѣниваемы, нежели прежде, но онѣ никогда не будутъ такъ изучаемы, какъ бы слѣдовало быть въ общеобразовательныхъ училищахъ; къ нимъ по прежнему станутъ обнаруживать большую, или меньшую, такъ сказать, вѣротерпимость.

А между тѣмъ время уже подумать о томъ, чтобы образованные классы не имѣли повода считать духовныхъ особъ *отсталыми*. Пора убѣдиться, что всѣ лица, предназначенныя для административныхъ, юридическихъ, іерархическихъ и пр. должностей, прежде всего должны быть образованными русскими гражданами, а потомъ уже инженерами, медиками, судьями, священниками и пр. Пора перестать бояться *внѣшней*, какъ говорилъ Григорій Богословъ, *учености*. Религіозность наша существенно зависитъ отъ нормальнаго развитія моральнаго и религіознаго чувствъ, а не отъ объема и характера нашихъ познаній. Василию Великому и Григорію Богослову не помѣшало заслужить титулъ вселенскихъ учителей то обстоятельство, что они воспитались въ аѳинскихъ, даже языческихъ школахъ, и глубоко тамъ ознакомились съ внѣшнею ученостію. А Юліанъ сдѣлался гонителемъ христіанства,

хотя всѣми силами старались дать ему въ дѣтствѣ христіанское, даже церковное воспитаніе. Пора, повторимъ, чтобы семинаристы первоначально получали общеобразовательное, гимназическое воспитаніе; а этого-то при новомъ уставѣ, при усвоеніи семинаріямъ характера смѣшанныхъ училищъ, никакъ нельзя ожидать.*

2.

Другая важнѣйшая причина дурнаго положенія не только духовныхъ училищъ, но преимущественно даже всего бѣлаго духовенства, состоитъ въ отдѣльности послѣдняго отъ всѣхъ сословій, въ его почти кастовой исключительности. Въ самомъ дѣлѣ, кому уже неизвѣстно, что, за ничтожнѣйшими исключениями, всѣ священно-и-церковнослужители не только сами тоже дѣти священно-и-церковнослужителей, но и принуждены бываютъ брать себѣ женъ только изъ духовнаго сословія. Необходимымъ послѣдствіемъ такого порядка дѣлъ была наследственность мѣстъ. Въ послѣднія два-три десятилѣтія слишкомъ немногимъ священно-и-церковнослужителямъ удалось поступить на мѣста за одни свои личные достоинства; тутъ непременно помогало или то, что одинъ былъ самъ сыномъ, внукомъ, племянникомъ и пр., а другой женился на дочери, внукъ, племянницѣ и пр. своего предшественника. Даже въ 1867 г., не смотря на печатныя насмѣшки, найдете вы въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ резолюціи слѣдующаго содержанія: священническое, дьяконское, или причетническое мѣсто въ такомъ-то селѣ, сдѣлавшееся вакантнымъ по случаю смерти такого-то, предоставляется или семейству, или дочери покойника; такъ что будущій археологъ, извлеки подобную резолюцію изъ архивной пыли, будетъ имѣть причины утверждать, что въ 19-мъ столѣтіи въ Россіи православными священниками, дьяконами и причетниками бывали дѣвицы.

* Слѣдуетъ думать, что одинъ церковный предметъ не помѣшаетъ, кажется, усиліямъ общаго образованія, при равноправности преподавателей, а нужно, чтобы въ духовныхъ училищѣ давали не только. *Ред.*

Такая кастовая исключительность духовенства, такіа наследственныя, соединенныя съ нею семейныя привилегіи не только противорѣчатъ каноническимъ правиламъ и здравому смыслу, но и произвели уже множество гибельныхъ послѣдствій. 33-е правило шестаго вселенскаго собора прямо говоритъ: «понеже увѣдали, что въ армянской странѣ пріемлются въ клиръ только тѣ, кто суть изъ священническаго рода, въ чемъ іудейскимъ обычаямъ послѣдуютъ тако творить предпріемающіе . . . ; то цюлагаемъ, да не будетъ отнынѣ позволено желающимъ нѣкоторыхъ въ клиръ впредъ взирати на родъ производимаго; но испытывая, достойны ли они по изображеннымъ въ церковныхъ правилахъ опредѣленіямъ быти сопричисленными къ клиру; да производятъ ихъ въ служители церкви, хотя бы они происходили отъ просвѣщенныхъ предковъ, хотя бы нѣтъ.» Наше духовенство, забывши это соборное правило, и совершенно почти закрывши входъ въ свою среду лицамъ другихъ сословіи мужескаго и женскаго пола, вполне себя изолировало. Присоедините сюда кастовое воспитаніе семинаристовъ, разнаго рода привилегіи, понятія, привычки, недостатки, предразсудки и пр., усвоенныя духовенствомъ, и вы поймете, почему съ своей стороны и всѣ сословія отшатнулись отъ него. Есть еще много отдѣльныхъ духовныхъ лицъ, къ которымъ міряне имѣютъ уваженіе, но ни для кого уже не составляетъ тайны то обстоятельство, что въ огромнѣйшемъ большинствѣ русскаго православнаго общества господствуетъ болѣе, нежели равнодушіе, — болѣе, нежели нерасположеніе къ духовенству, къ его интересамъ, къ его улучшенію и пр. — Далѣе, духовенство, не обновляясь новыми элементами, а, такъ сказать, пробавляясь тѣми соками и тою кровью, которую наследовало отъ своихъ предковъ, удерживаетъ за собою тѣ недостатки, которые оно какъ-бы въ наследство получаетъ отъ своихъ родителей и прародителей.

Мы вовсе не хотимъ сказать, что кастовая исключительность духовенства и господствующая въ его средѣ наследственность мѣсть зависятъ только отъ духовноучебныхъ заведеній. Но, кажется, имѣемъ право желать, чтобы училища не поддерживали, не увѣковѣчивали этой исключительности, этой наследственности. При предстоящемъ преобразованіи семинарій надобно принять всѣ мѣры къ тому, чтобы вывести духовенство изъ той изолированности, въ которой оно теперь находится, — чтобы ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ къ поступленію въ духовное званіе не предоставлялось дѣтямъ левитовъ большихъ привилегій, нежели лицамъ прочихъ сословій, — чтобы устройство духовно-учебныхъ заведеній не противорѣчило 33-му праву шестаго вселенскаго собора.

Но видимому, новый уставъ семинарій желаетъ уничтожить кастовую исключительность духовенства, соглашаясь допускать въ нихъ, а потомъ въ священники лица изъ другихъ сословій. Но на самомъ дѣлѣ новый уставъ, можетъ-быть, и не усилитъ противъ нынѣшняго кастовой исключительности духовенства, но за то и не думаетъ ослаблять ее, какъ это сейчасъ увидимъ.

Дѣти духовенства начальнае свое образованіе получаютъ въ низшихъ духовныхъ училищахъ. Хотя они *должны бы быть заведеніями общеобразовательными*; но никакъ нельзя ожидать, чтобы они обнаружили вліяніе на уничтоженіе, или даже на большое ослабленіе кастоваго состоянія духовенства. Мы еще не знаемъ, какимъ образомъ эти училища устроятся, но можно уже видѣть, что они поддерживаютъ кастовое положеніе духовенства; они учреждаются съ тѣмъ, чтобы въ нихъ дѣти духовенства подготовлялись къ поступленію въ семинаріи, — учреждаются самимъ духовенствомъ на изысканныя имъ же средства, будутъ находиться подъ высшимъ начальствомъ духовныхъ, даже монашествующихъ лицъ, имѣтъ ближайшими начальниками

и учителями духовныхъ же особъ, или по крайней мѣрѣ воспитанниковъ духовныхъ семинарій. И хотя позволено будетъ принимать въ эти училища дѣтей изъ другихъ сословій, но охотниковъ воспользоваться этимъ дозволеніемъ найдется немного, потому что каждому изъ нихъ надобно будетъ вносить плату за право обученія. И потому эти будущія духовныя училища подобно нынѣшнимъ удержатъ кастовый характеръ.

И въ будущихъ преобразованныхъ семинаріяхъ не много можно встрѣтить такихъ распоряженій, которыя бы сильно стали содѣйствовать ослабленію теперешняго сословнаго характера духовенства. Первые четыре класса *довершаютъ общее образование, начинающееся въ училищахъ*; слѣдовательно ближайшими, непосредственными кандидатами для семинарій будутъ ученики духовныхъ училищъ. Но сейчасъ мы видѣли, что въ нихъ удержится сословный характеръ, съ которымъ, разумѣется, ученики поступятъ и въ семинарію. И хотя «въ видахъ расширенія возможности имѣть сколько можно болѣе людей, призванныхъ къ священству, комитетъ полагаетъ разрѣшить поступленіе въ специально-богословскіе классы семинарій безъ экзамена молодымъ людямъ, получившимъ общее образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ; но не многіе воспользуются и даже будутъ имѣть возможность воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ. По всей вѣроятности, въ новомъ уставѣ не скажутъ прямо, что въ специально-богословскій классъ должна поступать только извѣстная часть семинаристовъ, которые прошли чрезъ всѣ четыре класса, а другая *непремѣнно* пополнялась бы воспитанниками изъ другихъ учебныхъ заведеній. По всей вѣроятности, начальству будетъ предоставлено (какъ впрочемъ и слѣдуетъ) право принимать послѣднихъ въ томъ только случаѣ, когда изъ семинаристовъ не наберется требуемаго числа для специальныхъ богословскихъ классовъ. Но предполагать такой случай трудно; вѣдь въ первыхъ четырехъ классахъ

семинарій будетъ столько учениковъ, сколько нужно для богословскаго отдѣленія, даже съ избыткомъ. Они уже начальству вполнѣ извѣстны; притомъ въ глазахъ его будутъ имѣть гораздо больше достоинствъ, нежели сторонніе воспитанники. Они *не только наши*, но и знаютъ священное Писаніе, логику, психологію, обзоръ философскихъ ученій, пасхалію, — предметы, которые будутъ преподаваться въ духовныхъ семинаріяхъ, но не гимназіяхъ; даже несправедливо при такомъ условіи замѣнять гимназистами семинаристовъ, гораздо лучше приготовленныхъ къ специальности богословской! Затѣмъ извѣстно уже, что свои воспитанники всегда начальству болѣе нравятся, нежели *пришедшіе отъ-иуду*; такимъ образомъ для послѣднихъ будетъ развѣ нѣсколько вакансій; и семинаріи по прежнему станутъ состоять изъ однихъ дѣтей духовенства и удержатъ основной характеръ. И въ священники опять станутъ поступать не тѣ, которые будутъ чувствовать призваніе къ этому званію, а тѣ, которые по своему рожденію, по школьному невольному воспитанію, по механическому почти настроенію, по *всему строю жизни въ семинаріяхъ*, вынужденными найдутся искать себѣ пристанищавъ духовномъ званіи. Въдъ они будутъ воспитываться въ училищѣ и семинаріи въ сословномъ кружкѣ, съ сословнымъ направленіемъ, хоть частенько насильственно навязаннымъ, подъ сословнымъ начальствомъ. Конечно, комитетъ полагаетъ, — что «еслибы и встрѣтились среди молодыхъ людей, свершающихъ семинарскій курсъ образованія, лица, по своему настроенію ума и сердца влекущіяся къ иной дѣятельности въ жизни, чѣмъ та, къ которой готовятъ ихъ семинарія, то эти лица безпрепятственно могутъ быть увольняемы изъ семинаріи по заявленіи ими желанія о томъ»; но на это заявленіе также, какъ и нынѣ, не многіе рѣшатся, притомъ именно люди энергическіе, умные и добросовѣстные, которые бы, оставшись въ духовенствѣ даже безъ призванія къ нему, все-таки были бы лучшими

пастырями, нежели прочіе ихъ товарищи съ обломовскою натурою, по которой они идутъ, куда толкаютъ ихъ обстоятельства. Притомъ ихъ станеть заставлятъ неволя не оставлять семинаріи. Вотъ они прошли четыре класса ея; положимъ, что чувствуютъ себя не очень способными къ духовному званію. Но что же имъ дѣлать? изъ записки комитета не видно, чтобы они чрезъ четыре года семинарскаго образованія получили права гимназистовъ: чѣмъ же они будутъ, вышедши изъ семинаріи? Не болѣе, какъ недоучившимися семинаристами; но если нынѣ и на кончившихъ курсъ семинаристовъ смотреть въ свѣтскомъ обществѣ неблагопріятно, то нѣтъ поводовъ надѣяться, что этотъ неблагопріятный взглядъ измѣнится, когда къ тому же обществу явятся не кончившіе курса семинаристы, имѣющіе, какъ мы уже замѣтили, получить то же сословное настроеніе и воспитаніе, которое и нынѣ отнимаетъ у нихъ возможность безъ препятствій поступить въ свѣтское званіе. По неволѣ пойдешь въ спеціально-богословскій классъ. Поступившіе же сюда по новой, уже дѣйствительной неволѣ должны будутъ причислить себя къ духовному званію, какъ потому, что иначе негдѣ будетъ пристраиваться, такъ, кажется, именно и по неволѣ. Выслушаемъ, что объ этомъ говоритъ помѣщенная въ «Сѣверной Почтѣ» записка: «всѣ же прочіе (воспитанники семинаріи, за исключеніемъ тѣхъ, которые послѣ четырехъ классовъ выйдутъ изъ семинаріи), которые останутся въ семинаріи и окончатъ курсъ въ оной, нѣтъ сомнѣнія, сдѣлаютъ это *по живому сочувствію къ предстоящему имъ духовному дѣланію, будучи къ тому приготовлены и весьма строгомъ жизни въ семинаріи.*» Конечно, тутъ прямо не сказано, что всякаго, кто побылъ въ спеціально-богословскихъ классахъ, по неволѣ заставятъ поступить въ духовенство (впрочемъ нынѣ такъ открыто нельзя сказать): между тѣмъ комитетъ не сомнѣвается, что *они сами это сдѣлаютъ*, что у нихъ должно быть *живое сочувствіе къ духовному дѣланію*, что

они приготовятся къ тому *всѣмъ строемъ жизни въ семинаріи*. Значить уже, по пословицѣ, *дѣло не минуе*, — *сдѣлаютъ непременно*, — *нѣтъ сомнѣнія*. Само большинство членовъ комитета, вѣроятно, не надѣется привлечь къ священству многихъ изъ другихъ сословій, говоря, что по его «проекту священство не останется безъ людей призванія.» Но вѣдь если въ цѣлой Русской имперіи изъ 37000 священниковъ будетъ только 37 человекъ съ призваніемъ къ своему званію, то и тогда нельзя будетъ сказать, что священство остается безъ *людей призванія*: вѣдь есть ихъ по одному на тысячу. Нѣтъ, нужно бы такъ устроить семинаріи, чтобы въ священство поступало какъ можно болѣе людей съ призваніемъ, а не по наследственнымъ правамъ, по рожденію, противъ чего вооружается шестой вселенскій соборъ.

Не много лицъ съ призваніемъ къ духовному званію прибавить разрѣшеніе допускать къ «слушанію въ богословскихъ классахъ уроковъ безъ экзамена людей зрѣлаго возраста (до 30 лѣтъ), почувствовавшихъ желаніе посвятить себя духовному служенію». Такого рода кандидаты встрѣтятся въ воспитанникахъ семинаріи такое же препятствіе, какъ и молодые люди, кончившіе курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но здѣсь бросается въ глаза одно обстоятельство. По проекту новаго устава семинарское начальство принимаетъ этихъ кандидатовъ *безъ экзамена, удостовѣряясь лишь въ ихъ церковной начитанности*. Что же это такое? Къ чему же теперь для семинаристовъ, поступающихъ въ богословскіе классы, признано нужнымъ знаніе общеобразовательныхъ наукъ? Почему бы и отъ нихъ не требовать одной *церковной начитанности*? Вѣдь если человекъ зрѣлаго возраста можетъ безъ экзамена, при одной этой начитанности слушать богословскій курсъ и поступать въ священники, то непонятно, почему лицамъ и юношескаго возраста не предоставлено подобнаго права? И на оборотъ, если

молодой человек не иначе может слушать богословский курс и сделаться потом священником, как получивши общее гимназическое образование, хорошо ознакомившись с историей, и с математикой, с физикой, латинским, греческим, и одним из новейших языков, психологией, логикой и проч., то почему же другой молодой человек, подождавши своих 25—30 летъ, не имѣетъ нужды доказывать своихъ познаній во всехъ этихъ предметахъ, а долженъ выказать только одну церковную начитанность? Какъ угодно, а тутъ по неволѣ рождаются подозрѣнія, вполне ли новый уставъ находитъ общее образование нужнымъ для священниковъ? Не найдено ли будетъ возможнымъ постепенно готовить людей къ *духовному дѣланію* лишь *однимъ строемъ жизни съ семинаріахъ*, и довольствоваться въ нихъ одною церковною начитанностію? *

3.

Изъ нашего разсмотрѣнія новаго устава семинарій видно, что онъ не устраняетъ двухъ главныхъ недостатковъ, которые въ настоящее время господствуютъ въ духовныхъ училищахъ и въ духовенствѣ, и сопровождаются гибельными послѣдствіями. Въ семинаріяхъ по прежнему будутъ недостаточно преподаваться обще-образовательныя науки,—по прежнему будетъ господствовать и въ нихъ и въ духовенствѣ кастовая исключительность.** Впрочемъ оба эти недостатка, чего добраго, найдутъ себѣ усердныхъ защитниковъ въ духовенствѣ; между членами его

* Нѣтъ, это уже значило бы слишкомъ далеко простирать свои опасенія! Авторъ увлекается, кажется, логикой. Допущеніе, предполагаемое новымъ уставомъ, соответствуетъ собственнымъ его мнѣніямъ противъ замкнутости сословія.

Свое мнѣніе я выражу въ слѣдующихъ положеніяхъ:

Общее образование необходимо. Доступъ въ духовное званіе долженъ быть открытъ. Средства для образованія нужны для всего сословія. Гдѣ ихъ взять—? Ич. другая. М. П.

** Нѣтъ, мы не раздѣляемъ опасеній въ такой степени. Многое зависитъ отъ исполнителей, отъ общаго духа. М. П.

есть много такихъ, которые вѣрують и исповѣдуютъ, что ни имъ, ни ихъ сыновьямъ, или подчиненнымъ, не нужно никакое общечеловѣческое образованіе, что для нихъ достаточно если не одной церковной, то богословской начитанности, и что въ колѣно Левіино никто не долженъ вступать изъ прочихъ колѣнъ русскаго Израиля. Но новый уставъ заключаетъ въ себѣ такія распоряженія, которыя возбуждаютъ во всемъ ѡбломъ духовенствѣ неудовольствіе и даже негодованіе. Объяснимъ причины этого неудовольствія и негодованія.

— Члены духовенства, особенно священники и дьяконы, непремѣнно должны быть женатыми, а потому не могутъ не быть семейными людьми. Самый злой врагъ духовенства едва ли осмѣлится открыто, печатно обвинять его въ излишней требовательности и притязательности за то, что оно пожелаетъ своимъ сыновьямъ давать воспитаніе, соответствующее по крайней мѣрѣ среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Препятствовать, даже не содѣйствовать исполненію такого желанія, право, нечеловѣчно, особенно нынѣ, когда и крестьянамъ еще не запрещено имѣть и исполнять подобныя желанія. Но извѣстно, что огромное большинство духовенства или не имѣетъ средствъ, или сильно затрудняется давать хорошее научное воспитаніе своимъ дѣтямъ по причинѣ неблистательнаго положенія своихъ финансовъ. Вопросъ теперь состоитъ въ томъ, нужно ли оказывать ему пособіе въ этомъ случаѣ? Для рѣшенія этого вопроса обратимся къ примѣрамъ. У насъ есть множество учебныхъ заведеній, напр. военныхъ училищъ, военныхъ гимназій, инженерная и артиллерійская академія, училище правовѣдѣнія, александровскій лицей, гатчинскій институтъ и пр., гдѣ огромное количество сыновей дворянъ и чиновниковъ получаютъ бесплатное воспитаніе. Не мало также есть училищъ для бесплатнаго же воспитанія дочерей тѣхъ же лицъ. По финансовымъ своимъ средствамъ духовенство въ общей слож-

ности бѣдѣ дворянъ и чиновниковъ, особенно тѣхъ, которыхъ дѣти воспитываются въ перечисленныхъ заведеніяхъ. Не мѣсто здѣсь говорить о томъ, кто полезенъ и необходимъ для государства. Но нельзя не сказать, что Православіе у насъ есть господствующая религія; нашъ Царь есть православный государь; Русскій народъ есть православный народъ; на Русское царство смотрѣли до сихъ поръ и стануть еще долго смотрѣть, какъ на православное государство. Православіе же немыслимо безъ священства, безъ клира, безъ іерархіи. Значить, *духовенство необходимо для Русскаго царства, пока послѣднее останется православнымъ государствомъ*. И потому оказывать вспоможеніе духовенству при воспитаніи его дѣтей также необходимо, какъ и помогать въ томъ же дѣлѣ дворянству и чиновничеству. Только здѣсь не излишне принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства. Дворянинъ и чиновникъ *не прикрѣпленъ*, такъ сказать, къ извѣстнаго рода обязанностямъ и должностямъ. Они не стѣснены законами въ выборѣ занятій для пропитанія себя и своихъ семействъ. Но духовенство, особенно священники, почти что *прикрѣплены* къ своимъ должностямъ; они при самыхъ уважительныхъ причинахъ могутъ оставить свое званіе только съ титуломъ *разстриги*, и не вступать ни въ какую гражданскую службу, — одни ранѣ 10, а другіе ранѣ 6 лѣтъ; кромѣ того духовенству запрещено заниматься промышленностію. И потому духовныя лица не въ правѣ ли сказать: «если мы нужны для Русскаго царства, какъ православнаго государства; если мы *прикрѣплены* къ своимъ должностямъ; если намъ запрещено заниматься промышленностію; то или обезпечьте насъ такъ, чтобы мы могли сами воспитывать своихъ дѣтей сообразно съ нашимъ положеніемъ въ обществѣ, или помогите намъ въ этомъ случаѣ».

Прежде дѣйствительно духовенству помогали. На содержаніе духовно-учебныхъ заведеній отъ него не тре-

бывали никакихъ пожертвованій, даже доставляли казенное, хотя и не очень достаточное, содержаніе не однимъ сиротамъ, но и тѣмъ отцамъ, у которыхъ воспитывался не одинъ сынъ, и, главное, не только позволяли, но и обязывали отдавать своихъ сыновей въ духовно-учебныя заведенія. Кромѣ того не были взыскательны касательно одежды воспитанниковъ, не требовали мундировъ, и допускали къ слушанію уроковъ, кто въ чемъ ни приходилъ. Съ конца тридцатыхъ годовъ положеніе дѣлъ немного измѣнилось. Въ низшія училища принимали еще всѣхъ сыновей духовенства, но въ семинаріяхъ завели такъ-называемыя *штаты*, на основаніи которыхъ могли получать воспитаніе, соответствующее среднимъ учебнымъ заведеніямъ, не всѣ способные къ тому воспитанники, а лишь въ такомъ количествѣ, которое по особымъ расчетамъ считалось необходимымъ для епархіи. Отъ этого число получающихъ образованіе въ семинаріяхъ уменьшилось; напр. вмѣсто 17,559 въ 1847 г., обучалось въ нихъ въ 1860 г. 14,630 человѣкъ. Даже въ низшихъ училищахъ число учениковъ уменьшилось, напр. ихъ было въ 1839 г. 45,827, тогда какъ въ 1860 г. только 38,794 человѣка. Штаты эти до такой степени не соответствовали потребностямъ духовенства, что они, такъ сказать, *tacito modo* отмѣнялись, и нарушались семинарскими правленіями; вверху какъ будто бы этого не замѣчали. И потому духовенство не въ правѣ ли было ожидать, что при новомъ преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній воспитаніе дѣтей для него облегчится? Оно жестоко ошиблось въ своихъ расчетахъ.

До сихъ поръ низшія духовныя училища содержались на счетъ свѣчныхъ церковныхъ доходовъ и процентовъ съ особаго духовно-училищнаго капитала. По новому уставу само духовенство «обязуется изыскать средства для этихъ училищъ». Ну, а если не изыщеть? Очевидно, можетъ остаться безъ училищъ. Или, если изыщеть, но

недостаточныя? то пусть воспитываетъ половину, или треть своихъ дѣтей. Далѣе, конечно, комитетъ говоритъ, что «семинаріи предположено содержать на средства, Высочайше дарованныя изъ государственнаго казначейства, (1,500,000 руб.) и другія, состоящія въ распоряженіи св. синода средства», но въ то же самое время прибавляетъ: «при чемъ число учащихся въ этихъ заведеніяхъ должно быть соразмѣряемо съ потребностями каждой епархіи». Слѣдовательно штаты, которые такъ тяжелы были для духовенства и уменьшили число учащихся въ семинаріяхъ, останутся по прежнему, и кромѣ того съ нѣкоторыми отягчающими обстоятельствами. Мы уже сказали, что новый уставъ допускаетъ въ семинаріи, въ специально-богословскіе классы, молодыхъ людей изъ свѣтскихъ семей; конечно, ихъ будетъ не много; но все-таки, и при маломъ количествѣ ихъ, число штатныхъ мѣстъ въ специально-богословскихъ классахъ для дѣтей духовенства уменьшится. Но комитетъ, въ видахъ доставленія «средствъ духовенству воспитывать его дѣтей, предоставляетъ ему учредить на собственные средства параллельные классы въ семинаріи».

Откуда же теперь духовенству брать средства и на низшія училища, и на параллельные классы въ семинаріи? Комитетъ предполагаетъ отдѣлить на училища остатки отъ суммъ, находящихся въ распоряженіи св. синода; но эта жертва не будетъ велика; она послужитъ только дополненіемъ къ «средствамъ, которыя обязуется само духовенство изыскивать для этихъ училищъ. Во многихъ епархіяхъ есть уже готовые средства какъ для этой потребности, такъ и для вышеупомянутаго учрежденія параллельныхъ классовъ при семинаріяхъ, именно сдѣланныя въ послѣдніе годы духовенствомъ (изъ церковныхъ доходовъ) пожертвованія на улучшеніе мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній, простирающіяся нынѣ до 350,000 руб. Пожертвованія эти будутъ вполне обращены на оба

эти вышеупомянутые предмета въ тѣхъ епархіяхъ, въ ка-
кихъ они заведены».

Но послѣднія средства нельзя считать вполне достаточ-
ными. Во-первыхъ, они далеко еще не во всѣхъ епар-
хіяхъ *изысканы*. Потомъ составлялись не изъ денегъ жер-
твуемыхъ дѣйствительно самимъ духовенствомъ, а изъ
церковныхъ доходовъ; они во многихъ мѣстахъ, какъ
намъ вполне извѣстно, пробудили въ церковныхъ старос-
тахъ, въ прихожанахъ и въ самомъ духовенствѣ ропотъ;
крестьяне какъ-то плохо понимаютъ, почему это деньги,
жертвуемая ими Богу, должны наибольшую частію идти
на воспитаніе поповскихъ дѣтей. Для нѣкоторыхъ же
первей наложенные на нихъ вносы положительно обре-
менительны; мы даже знаемъ случай, гдѣ церкви нужно
было сдѣлать заемъ, чтобы уплатить требуемую съ
нея сумму на мѣстныя духовно - учебныя заведенія.
Значитъ, эти средства легко могутъ уменьшиться.
Но даже и не уменьшаясь, они были бы достаточными при
прежнемъ устройствѣ духовныхъ училищъ и семинарій;
между тѣмъ окажутся далеко не вездѣ удовлетворительными
при новомъ преобразованіи семинарій для тѣхъ двухъ
потребностей, на которыя они должны быть отнесены.
По новому уставу жалованье наставникамъ увеличено въ
лихихъ мѣстахъ до $3\frac{1}{2}$ разъ. Эта мѣра, вполне справедливая
относительно наставниковъ, сдѣлаетъ мѣстныя денежные
средства, т.-е. мнимыя пожертвованія духовенства, недо-
удовлетворительными, потому что они рассчитаны были да-
леко не на то жалованье, которое изъ нихъ назначалось
наставникамъ и начальникамъ. Потомъ, прежде въ отдѣль-
ныхъ классахъ семинарій и училища бывало по 60, 80 и
болѣе учениковъ; теперь же новый уставъ постановляетъ
непремѣннымъ условіемъ, чтобы «въ каждомъ классѣ учи-
лища было не болѣе 40 человекъ (а въ семинаріи не бо-
лѣе 50—55), и чтобы въ случаѣ превышенія этого числа
было открываемо параллельное отдѣленіе класса».

Наконецъ, прежде обученіе въ классѣ продолжалось два года, а теперь предполагается учредить одногодичные уже курсы, и слѣдовательно число учителей очень увеличится. Ясно, что *иысканныя* уже средства окажутся большею частію недостаточными. Откуда же теперь духовенству *иыскивать* еще новыя денежныя средства для приличнаго воспитанія своихъ дѣтей?

По словамъ напечатанной въ «Сѣверной Почтѣ» записки, «воспособненіемъ духовенству въ содержаніи училищъ послужить предоставляемое комитетомъ духовенству право принимать въ эти училища дѣтей изъ другихъ сословій съ опредѣленною платою за обученіе». Нельзя не улыбнуться, читая эти строки. Жалованье учителямъ училища, какъ я слышалъ, полагается каждому 420 руб. И потому, если бы въ классѣ былъ только одинъ учитель, то и тогда при 40 воспитанникахъ нужно бы брать съ cadaго по 10 р. 50 коп. Но одному учителю въ классѣ быть не возможно; значить, плата за cadaго ученика должна увеличиться если не вдвое, то въ полтора раза. Прибавьте сюда расходы на отопленіе, ремонтъ класса, содержаніе его въ чистотѣ; вѣдь съ cadaго ученика менѣе 20 руб. взять будетъ невозможно. Сколько же въ какомъ-либо уѣздномъ городѣ найдется людей, которые бы стали платить не по 20 даже, а по 15, или 10 руб. въ годъ, когда многіе тяготятся даже платою 15 руб. въ гимназію? По нашему мнѣнію, основанному на предыдущемъ расчетѣ, допущеніе дѣтей другихъ сословій въ духовныя училища не облегчить, а затруднить духовенство въ финансовыхъ его средствахъ. Въ семинаріи же каждый отдѣльный параллельный классъ, при 900 жалованья, и при 12 урокахъ, назначенныхъ каждому наставнику, и при 22 урокахъ въ каждомъ классѣ въ недѣлю, потребуетъ двухъ профессоровъ и 4,800 руб. на ихъ жалованье, т.-е по 36 руб. съ cadaго изъ 50 учениковъ, полагаемыхъ на каждый классъ; это уже почти что плата за

право обучаться въ университетѣ. Откуда же взять духовенству средства на воспитаніе своихъ дѣтей? Остаются его собственные доходы. Но эти доходы въ большинствѣ духовенства крайне недостаточны даже теперь, когда училища содержатся на казенный счетъ; сама записка о дѣйствіяхъ комитета..... въ «Сѣверной Почтѣ» называетъ *необезпеченность сельскаго духовенства извѣстною*. Что же останется дѣлать духовенству при новомъ уставѣ? Очевидно что, — не давать очень значительному количеству своихъ дѣтей даже училищнаго воспитанія!!!

Такимъ образомъ новый уставъ училищное и семинарское воспитаніе дѣтей сдѣлаетъ еще болѣе прежняго затруднительнымъ для духовенства. И потому нельзя не пожалѣть, что новый уставъ не составленъ по мысли меньшинства комитета, именно двухъ его членовъ. Это меньшинство полагало «въ каждой епархіи учредить семиклассное училище исключительно для дѣтей духовенства, въ которомъ (т.-е. училищѣ) дѣти эти получали бы общее образованіе и по оконаніи курса пользовались бы правами окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія; для спеціальнаго же богословскаго образованія устроить особыя богословскія училища съ трехлѣтнимъ богословскимъ курсомъ, въ которыя бы поступали лица, кончившія курсъ ученія какъ въ духовныхъ гимназіяхъ, такъ и вообще въ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ. При такомъ устройствѣ духовно-учебныхъ заведеній, по мнѣнію составителей предположенія, въ спеціальныя богословскія училища, а затѣмъ и на служеніе церкви въ санѣ священнослужителей, будутъ поступать только лица, чувствующія призваніе посвятить себя означенному служенію, и въ то же время дѣти духовнаго происхожденія безпрепятственно получать образованіе и воспользуются правами, сопряженными съ нимъ, хотя бы они затѣмъ и не поступали въ духовное званіе».

Изъ статьи, помѣщенной въ «Сѣверной Почтѣ» о дѣйствіяхъ комитета и пр., не видно, конечно, какъ бы на основаніи предположенія меньшинства его устроены были въ подробностяхъ духовно-учебныя заведенія. Но покорно просимъ извиненія у большинства членовъ комитета, если мы скажемъ, что за исключеніемъ слова: *исключительно*, стоящаго почти въ самомъ началѣ сдѣланной нами выписки, основныя мысли меньшинства гораздо лучше соотвѣтствуютъ, и удовлетворяютъ потребностямъ духовенства, нежели основныя идеи проекта большинства. Если бы духовно-учебныя заведенія устроены были по мысли меньшинства, то духовенство не имѣло бы права и нужды жаловаться на невозможность давать своимъ сыновьямъ приличное научное образованіе; пусть дѣти будутъ только способны, прилежны и нравственны, — училища и учителя для нихъ готовы. Потомъ, тѣ же дѣти въ семиклассномъ училищѣ получили бы полное, настоящее гимназическое образованіе, слѣдовательно знали бы хорошо всѣ тѣ науки, которыхъ знаніе считается необходимымъ для образованнаго человѣка; на нихъ перестали бы смотрѣть съ тѣмъ же пренебреженіемъ, которое теперь достается на долю семинаристовъ. Наконецъ, кастовое состояніе, мало-по-малу ослабѣвая, покончилось бы; тогда бы въ духовенство стали поступать люди съ призваніемъ къ священному званію гораздо въ большемъ количествѣ, нежели какъ будетъ при семинаріяхъ, имѣющихъ устроиться по уставу большинства. Дѣтямъ духовенства, не имѣющимъ призванія къ духовному званію, не было бы надобности насильно приневоливать себя къ нему единственно потому, что они никуда болѣе не годятся. Полное гимназическое воспитаніе дастъ имъ возможность доставать кусокъ хлѣба по другимъ вѣдомствамъ. Съ другой стороны, дѣти мірянъ, чувствующія призваніе къ духовному званію, имѣя совершенно одинаковыя права съ дѣтями духовенства на поступленіе въ богословскія учи-

лица, не будутъ отъ нихъ оттъсняемы тѣми, которыя станутъ воспитываться въ семинаріяхъ по новому уставу.

Но большинство членовъ комитета не приняло предложенія меньшинства на основаніи слѣдующихъ причинъ.

1. «Въ предположеніи меньшинства (будтобы) дается слишкомъ большое предпочтеніе цѣли предоставлять образованіе, и сопряженныя съ нимъ права дѣтямъ духовенства предъ главною цѣлю устроенія духовноучебныхъ заведеній — готовить достойныхъ священно-служителей.» Но мы уже объяснили, что при необходимости духовной іерархіи для благосостоянія и прочности государства, при невозможности для духовныхъ лицъ вести безбрачную, безсемеиную жизнь, и наконецъ по причинѣ справедливаго желанія ихъ давать своимъ сыновьямъ приличное воспитаніе, — при всѣхъ такихъ условіяхъ необходимо дать средства духовенству удовлетворять этому желанію. Еслибы наше духовенство было богато, тогда оно дѣйствительно само должно было бы озабочиваться образованіемъ своихъ сыновей; тогда бы, пожалуй, духовному вѣдомству не за чѣмъ было озабочиваться устройствомъ семинарій; ему бы нужно было только открыть въ достаточномъ количествѣ богословскіе классы, и принимать въ нихъ воспитанниковъ, получившихъ общее образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но пока духовенство бѣдно, пока, какъ выражено въ запискѣ, помѣщенной въ «Сѣверной Почтѣ», *необезпеченность сельскаго духовенства извѣстна*, до тѣхъ поръ духовенство въ правѣ требовать, чтобы оно не было принуждено само изыскивать средства на открытіе, или поддержаніе училищъ для воспитанія своихъ дѣтей.

2. «Наполненіе спеціально-богословскихъ училищъ надлежащимъ числомъ учащихся ничѣмъ не обезпечивается, и даже есть полное основаніе полагать, что, судя по числу оканчивающихъ курсъ ученія въ свѣтскихъ гимназіяхъ, число поступающихъ въ богословскія училища

было бы очень незначительно, так как известная необеспеченность сельского духовенства, конечно, не многих из окончивших гимназическое образование привлекла бы на трехлѣтній богословскій курсъ семинаріи, когда предъ ними открываются двери университета; а изъ него всѣ возможныя служебныя и ученныя поприща. Такой непремѣнный недостатокъ въ лицахъ, получившихъ полное богословское образование, повелъ бы къ тому, что епархіальные начальства вынуждались бы возводить въ священно-служительскій санъ лица, не получившія богословскаго образования.» Но это опасеніе, высказываемое большинствомъ комитета, несправедливо. Еслибы духовноучебныя заведенія устроились по мысли меньшинства, то дѣтей духовнаго званія, окончившихъ курсъ въ семиклассномъ училищѣ, и получившихъ полное гимназическое образование, а слѣдовательно достойныхъ поступить въ специально-богословскіе классы, было бы гораздо болѣе, даже едва ли не вдвое болѣе, нежели сколько будетъ подготавливаться въ семинаріяхъ къ специально-богословскимъ классамъ. Изъ этого двойнаго числа, конечно, нѣкоторые пожелають и попробуютъ войти въ открытыя для нихъ двери университета: но такихъ будетъ немного, потому что въ духовномъ званіи слишкомъ мало лицъ, которыя бы имѣли возможность изъ своихъ доходовъ ежегодно отдѣлять 300 руб., чтобы воспитывать сыновей въ университетѣ даже годъ или два. Такимъ образомъ желающихъ поступить въ специально-богословскій классъ будетъ изъ дѣтей духовенства много. Это тѣмъ вѣрнѣе, что и въ теперешнихъ семинаріяхъ, и въ тѣхъ, которыя устроятся по идеямъ большинства комитета, начальники изъ духовныхъ лицъ неумѣстною своею ревностію изъ 12—18-лѣтнихъ мальчиковъ сдѣлають суровыхъ аскетовъ и аяхоретовъ, задавляли и стануть задавлять любознательность въ воспитанникахъ, *якобы* ради усиленія богословскаго элемента, и разными другими ошибками про-

буждали и пробудятъ сильное нерасположеніе и къ богословію и къ духовному званію. Въ семиклассныхъ же училищахъ, еслибы даже они находились подъ управленіемъ духовныхъ лицъ, будетъ менѣ поводовъ къ такимъ несообразностямъ; и воспитанники при свободномъ развитіи ихъ способностей, а не при насильственномъ ихъ искаженіи, скорѣе полюбятъ духовное званіе; по крайней мѣрѣ у нихъ менѣ будетъ причинъ имѣть отвращеніе къ нему и къ богословію.

Затѣмъ теперь дѣйствительно не очень много воспитанниковъ оканчиваетъ гимназическій курсъ. Но если небогатые родители, которые своихъ дѣтей не могутъ содержать въ университетѣ, но могли бы дать имъ гимназическое воспитаніе, если эти родители, замѣтивъ въ своихъ сыновьяхъ расположеніе къ духовному званію, будутъ увѣрены, что дѣти, хорошо кончивъ курсъ въ гимназій, въ состояніи будутъ поступить въ богословскія училища и сдѣлаться священниками, то, право, многие постараются провести дѣтей по всѣмъ классамъ гимназій. Конечно, положеніе священниковъ незавидно, но и званіе писца въ какомъ-либо судебномъ мѣстѣ, или званіе сидѣльца и прикащика въ лавнѣ купца—самодура не имѣетъ тоже ничего особенно привлекательнаго. По нашему мнѣнію, еслибы духовноучебныя заведенія устроены были по мысли меньшинства комитета, то для духовнаго начальства произошло бы затрудненіе не отъ того, что оставались бы не наполненными богословскія училища, а отъ того, что слишкомъ много явилось бы и изъ духовныхъ и изъ свѣтскихъ гимназій охотниковъ поступить въ богословскія училища; и все это были бы уже люди, получившіе полное образованіе въ тѣхъ наукахъ, которыя считаются необходимыми для всякаго образованнаго человѣка; и такимъ образомъ въ званіи священниковъ увидали бы не только ученыхъ богослововъ, но и образованныхъ людей въ общепринятомъ смыслѣ слова.

3. По мнѣнію большинства членовъ комитета, предположеніе меньшинства во всякомъ случаѣ было бы неосуществимо по состоянію средствъ св. Синода; ибо для содержанія семиклассныхъ училищъ и трехклассныхъ богословскихъ школъ, отдѣльныхъ однѣ отъ другихъ какъ по своему существованію, такъ и по управленію, св. Синодъ не имѣетъ ни денежныхъ средствъ, ни готовыхъ зданій. Сужденіе объ этомъ возраженіи мы начинаемъ русскою пословицею: *по одежкѣ надобно протягивать ножки*. Если она кому-либо покажется слишкомъ грубою и простонародною, то примѣнительно къ разсматриваемому нами предмету можно парафразировать ее слѣдующимъ образомъ: «когда будетъ замѣчено, что всѣхъ какихъ бы то ни было дѣтей нельзя воспитать блистательно и отлично во всѣхъ отношеніяхъ, то лучше ихъ воспитать тоже всѣхъ, хотя бы только очень хорошо и даже хорошо, нежели одну половину воспитать отлично, а у другой отнять средства къ воспитанію.» Теперь разсмотримъ, справедливы ли мысли большинства комитета о недостаточности суммъ св. Синода.

Духовноучебныя заведенія до сихъ поръ главнымъ образомъ содержались на деньги, выручаемыя въ церквахъ отъ продажи восковыхъ свѣчъ, вѣнчиковъ и отпустительныхъ молитвъ, и на проценты съ духовноучебныхъ капиталовъ. Первые по смѣтѣ на 1865 г. простирались до 1,161,418 р. 34¹/₄ к., а вторые до 807,014 руб. 45³/₄ к., всего 1,968,432 р. 80 к. Въ настоящее же время общую сумму можно положить не менѣе 2.000,000 р. Сюда нужно прибавить 1.500,000 р., которые по Высочайшему повелѣнію будутъ выдаваемы ежегодно изъ государственнаго казначейства на содержаніе духовноучебныхъ заведеній (изъ этихъ 1.500,000 р., ежегодный отпускъ увеличивается на 300,000 р., а съ 1870 г. будетъ уже выдаваемо ежегодно по 1.500,000 р.) Слѣдовательно не далеко то время, когда въ распоряженіи св. Синода будетъ находиться 3.500,000 р.

И эта сумма могла бы значительно улучшить духовно-учебныя заведенія. Если они менѣе, нежели при 2,000,000 р. содержались, конечно, плоховато, но все-таки содержались, то, когда способы увеличились чуть не вдвое, можно уже ихъ содержать очень недурно, даже хорошо.

Но къ 3,500,000 р. нужно еще прибавить вновь открытый источникъ доходовъ; это сумма, жертвуемая духовенствомъ, т. е. собираемая изъ церквей, на содержаніе духовныхъ училищъ. Она, какъ пишется въ «Сѣверной Почтѣ», уже простирается до 350,000 р., но при усердномъ содѣйствіи всѣхъ епархіальныхъ начальниковъ, она должна бы составить значительную сумму. Возьмемъ для примѣра Смоленскую и Рязанскую епархіи. Первая до 1862 г. представляла на духовноучебныя заведенія свѣчныхъ доходовъ 21878 р. 81 к., а вторая 14127 р. 7 к., но съ 1865 г. та, при народонаселеніи въ 1,078,817 душъ, составляетъ 41,849 р. — почти вдвое, а эта, съ 1866 г., при 1,400,000 душахъ — 57,000 р., болѣе, нежели четверо противъ прежняго. Можетъ-быть, увеличеніе вносимой суммы по Рязанской епархіи очень велико, и не можетъ быть принято за норму для всѣхъ епархій, но и вносъ по Смоленской епархіи не можетъ тоже быть нормою, какъ очень малый. Кажется, не будетъ преувеличеніемъ, если положить, что сумма, вносимая доселѣ церквами на духовныя училища, можетъ быть среднимъ числомъ увеличена въ $2\frac{1}{2}$ раза, или по крайней мѣрѣ вдвое. И потому вмѣсто одного милліона, какъ было въ 1865 г., должно получиться $2\frac{1}{2}$, или на худой конецъ 2 милліона рублей. Такимъ образомъ на содержаніе всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній сумма можетъ простираться до $4\frac{1}{2}$ —5 милліоновъ рублей.

При такой суммѣ, которая превышаетъ бывшую въ 1866 г. въ $2\frac{1}{2}$ раза, кажется, уже можно содержать духовноучебныя заведенія, избавивъ само духовенство отъ обязанности изыскивать новыя средства для ихъ содер-

жанія. Но еслибы и при этомъ оказался недостатокъ въ деньгахъ, то почему не попридержаться той пословицы и того ея парафраза, на которые мы недавно указали; а они дѣйствительно могутъ имѣть приложеніе къ разсматриваемому нами случаю.

А.) По новому уставу на каждаго казенно-коштного воспитанника полагается истрачивать 90 руб. Конечно, при особыхъ суммахъ на прислугу, отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ дома и пр., эта сумма блистательна для семинаристовъ самой наибольшей части губернскихъ городовъ. Но, не гоняясь за блистательностію, осмѣливаемся сказать, что, уменьшивъ эту сумму до 70, даже до 60 р., все еще можно содержать казенныхъ учениковъ хорошо. Вѣдь нынѣ на каждаго изъ нихъ идетъ во многихъ семинаріяхъ съ небольшимъ 30 руб. Притомъ намъ по опыту извѣстно, что даже при нынѣшней дороговизнѣ содержаніе учениковъ на квартирѣ стоитъ отцамъ очень часто не болѣе 60—80 руб. въ подмосковныхъ губерніяхъ, хотя въ этотъ счетъ входитъ сумма на наемъ квартиры. Повѣрьте, что, при честной экономіи, на 60 и особенно на 70 руб., въ готовомъ казенномъ домѣ, при готовомъ освѣщеніи, отопленіи, можно содержать семинариста весьма хорошо. А между тѣмъ чрезъ предполагаемое уменьшеніе явился бы очень порядочный остатокъ. Если въ будущихъ семинаріяхъ стануть пользоваться казеннымъ содержаніемъ 6120 человекъ, какъ это было въ 1861 году, то отъ предлагаемой нами мѣры составитя экономія въ 120—180 тысячъ рублей.

Б.) Наставникамъ семинаріи по новому уставу полагается по 900 руб. ежегоднаго жалованья. Но намъ извѣстно, что въ смоленской и въ другихъ семинаріяхъ наставники, начавши получать по 600 р. въ годъ, нашли свое положеніе очень улучшеннымъ; если прибавить имъ еще 400 руб., тогда должности ихъ будутъ выгоднѣе почти всѣхъ священническихъ должностей въ большей

части городовъ. Мы не говоримъ, что несправедливо наставниковъ сравнивать съ учителями гимназій. Но почему же, немного сокративши ихъ жалованье и все-таки оставивъ ихъ при весьма хорошемъ содержаніи, — почему этимъ самымъ *до поры до времени* не доставить возможности получать образованіе очень значительному числу дѣтей духовнаго званія и избавить отцовъ ихъ отъ скорби не видѣть возможности дать своимъ сыновьямъ приличное воспитаніе? Право, за это предложеніе не слѣдуетъ бранить. А между тѣмъ остатокъ является очень почтенной величины. Въ 1861 г. наставниковъ семинаріи было 696 человекъ. Если бы осталось то же самое число и въ будущихъ семинаріяхъ, то и тогда экономія состояла бы почти изъ 140,000 р. Но при шести классахъ въ семинаріи, не болѣе, какъ при 50—55 ученикахъ въ каждомъ классѣ число наставниковъ будетъ не менѣе 1,000 человекъ; тогда экономія дойдетъ до 200.000 р.*

В.) Можно также *до поры до времени* не требовать, чтобы въ каждомъ классѣ семинаріи было не болѣе 50—55, и чтобы, какъ скоро число учениковъ превыситъ эту норму, тотчасъ открывались параллельные классы. Слушая учителя въ числѣ 60, 70, даже 80 человекъ, ученики немногимъ будутъ развѣ лучше того, когда бы ихъ было только 50—55. А между тѣмъ отъ предлагаемой мѣры число наставниковъ сократилось бы, и получилась значительная экономія въ деньгахъ.

Приложите сдѣланныя нами вычисленія къ училищамъ, тогда расходы, для покрытія которыхъ комитетъ не находилъ средствъ, значительно уменьшатся. Не смотря на то, что учителя семинаріи станутъ получать ежегодно 600—700 руб., на казеннаго ученика назначится 60—70 руб.; въ классѣ будетъ сидѣть до 60—70 человекъ, семинаріи и училища сдѣлаютъ огромный шагъ впередъ.

* На это осмѣливаюсь никакъ не соглашаться: учителя семинарій должны бы получать жалованье паровѣ съ учителями гимназій, а профессора академіи паровѣ съ профессорами университетовъ. М. П.

Профессоры не будутъ бѣдными, учениковъ можно будетъ содержать очень хорошо; и вмѣстѣ съ тѣмъ духовенство не поставится въ безвыходное положеніе относительно воспитанія, можетъ-быть, цѣлой трети своихъ сыновей.

Предлагаемыя мѣры могутъ быть допущены, какъ временныя. Пусть, напр., нормою для жалованья будетъ 900 р.; но пусть на извѣстный срокъ, по извѣстнымъ мѣстностямъ оно еостоитъ изъ 700 р. Если въ какой-либо епархіи, какъ напр. въ Рязанской, съ церковей уже собирается сумма достаточная для покрытія всѣхъ расходовъ, то можно назначить каждому наставнику не по 700, а по 900 р. А если въ какой-либо епархіи духовенство еще не пожертвовало изъ церковныхъ денегъ суммы достаточной для покрытія всѣхъ расходовъ по учебнымъ заведеніямъ епархіи, тогда наставникамъ придется получать до извѣстнаго времени по 700 р. Но вмѣстѣ съ тѣмъ пусть будетъ внушено епархіальному начальнику и духовенству, что имъ дается только извѣстный срокъ для отысканія средствъ улучшить свои училища и семинарію до той степени совершенства, до которой доведены въ другихъ епархіяхъ. Или пусть уже не обижаются, что къ нимъ стануть поступать менѣе достойные наставники, нежели въ другія, напр. въ рязанскую семинарію. При такомъ положеніи дѣлъ, если только епархіальное начальство захочетъ, средства изобрѣтутся, суммы нужныя соберутся, и улучшения скоро довершатся. За то не будетъ періода, въ который часть дѣтей духовенства останется безъ воспитанія или навсегда, или пока не изыщутся средства для этого самимъ духовенствомъ.

Наконецъ, можно, кажется, устранить недостатокъ помѣщеній, котораго опасается большинство членовъ комитета въ случаѣ устройства семиклассныхъ гимназій и трехклассныхъ богословскихъ школъ. Въ настоящее время значительную часть семинарскихъ зданій занимаютъ

казеннокоштные воспитанники. Но позвольте доложить, что гораздо выгоднѣе было бы и для казны и для казеннокоштныхъ воспитанниковъ, еслибы назначаемыя на содержаніе послѣднихъ деньги были выдаваемы въ видѣ стипендій. Возьмемъ даже не 90, а 70 р.; повѣрьте, что кромѣ развѣ Петербурга, Москвы, Одессы, духовенство всѣхъ епархій на такія деньги станеть содержать дѣтей гораздо лучше, нежели семинарское начальство. Кромѣ того воспитанники, получая стипендіи, скоро забудуть и не будутъ уже имѣть понятія о томъ, какимъ образомъ деньги, назначаемыя на ихъ содержаніе, переходятъ въ карманы ихъ начальства, какъ тоже начальство частенько пользуется припасами, купленными для воспитанниковъ. А если стануть выдаваться стипендіи вмѣсто казеннаго содержанія, то въ семинарскихъ зданіяхъ съ излишкомъ явятся нужныя помѣщенія для классовъ. Потомъ въ рѣдкомъ изъ губернскихъ городовъ вмѣстѣ съ семинаріею нѣтъ дома и для училища; въ Калугѣ, Тулѣ, Рязани и пр. училищныя дома немногимъ чѣмъ уступаютъ семинарскимъ. Такимъ образомъ есть возможность помѣстить въ отдѣльныхъ домахъ семиклассную гимназію и трехклассную богословскую школу. Далѣе, въ тѣхъ уѣздныхъ городахъ, въ которыхъ есть дома для духовныхъ училищъ, почему хотъ по мѣстамъ не устроить прогимназій? Чрезъ это для гимназическихъ классовъ понадобится уже гораздо менѣе классныхъ комнатъ. Если бы ни одно изъ предлагаемыхъ средствъ не оказалось удовлетворительнымъ, то можно даже рискнуть, устроивши, гдѣ понадобится, классы съ двухгодичными курсами. Право, отъ этого гораздо менѣе будетъ вреда, нежели отъ того, когда треть, или болѣе дѣтей духовенства останется безъ воспитанія. Впрочемъ и здѣсь точно также, какъ и относительно денежныхъ суммъ, можно сдѣлать временныя отступленія, и внушить епархіальному начальству и духовенству, чтобы они къ извѣстному сроку озаботились и нашли средства устроить нужныя помѣщенія для того, чтобы ихъ дѣти могли обучаться и въ семиклассной гимназіи и въ трехклассномъ богословскомъ училищѣ.

Б. В. Н. Т.

Одиннадцать записокъ Пушкина къ М. П. Погодину
1830 г.

Предлагаемыя записки нашель я въ портфеляхъ своей корреспонденціи. Въ 1830 году Пушкинъ, кажется, проигрался въ Москвѣ, и ему понадобились деньги. Онъ обратился ко мнѣ, но у меня ихъ не было, и я общался ему перехватить у кого-нибудь изъ знакомыхъ, начиная съ Надеждина, который собрался тогда издавать Телескопъ. Остроуміе Пушкина видно и въ этихъ легучихъ лоскуткахъ. М. П.

1.

Сдѣлайте божескую милость, помогите. Къ воскресенью мнѣ деньги нужны непременно, а на васъ вся моя надежда. А. П.

2.

Могу ли къ Вамъ заѣхать и когда? и будутъ ли деньги? у Бога конечно всего много,* но Онъ взаимно не даетъ, а даритъ кому захочетъ, такъ я болѣе на васъ надѣюсь, чѣмъ на Него (прости Господи мое прегрѣшеніе).

Post-scriptum et Nota bene: Румянцовъ уничтожилъ рогадки (chevaux de Frise), а ввелъ каррей кагульскія.**

3.

Выручите, если возможно, а я за васъ буду Бога молить съ женой и съ малыми дѣтушками.—Завтра увижу ли васъ, и нѣтъ ли чего готоваго? (въ трагедіи понимается). *** А. П.

4.

Сдѣлайте одолженіе, скажите, могу ли надѣяться къ 30 маю имѣть 5000 р., или на годъ по 10 рг. с., или на 6 мѣс. по 5 рг. с.—Что четвертое дѣйствіе? **** А. П.

* Вѣроятно я употребилъ это выраженіе въ своей запискѣ, на которую Пушкинъ отвѣчаетъ этою.

** Въ Московскомъ Вѣстникѣ, который издавался еще тогда съ участіемъ Пушкина, сдѣлана была кѣмъ-то ошибка, которую Пушкинъ здѣсь поправляетъ.

*** Я писалъ тогда трагедію «Петръ I», и предъ тѣмъ прочелъ Пушкину первыя три дѣйствія, о которыхъ Чаадаевъ оставилъ впечатлѣнія Пушкина.

**** Опять вопросъ, относящійся къ трагедіи Петръ I.

5.

Пушкинъ приходилъ поздравить васъ съ новосельемъ.

6.

Какъ вы думаете, есть надежда на Надеждина, или Недоумко недоумѣваетъ? * А. П.

7.

Если уже часть, такъ большую ради Бога.** А. П.

8.

Надеждинъ хоть изрядно насъ *тешитъ* иногда (*тесать*) или *чешетъ* etc.,*** но лучше было бы, если (бъ) онъ теперь потѣшилъ—двѣ тысячи лучше одной, суббота лучше понедѣльника etc.

Весь вашъ etc.

9.

Слава въ вышнихъ Богу, а на землѣ вамъ, любезный и почтенный! Ваши 1800 р. ас. получилъ съ благодарностію, а прочія чѣмъ вы скорѣе достанете, тѣмъ меня болѣе одолжите. Впрочемъ я не обязался именно къ которому числу.

Весь вашъ А. П.

10.

Чувствую, что я вамъ надоѣдаю, да дѣлать нечего. Скажите, сдѣлайте одолженіе, когда именно могу надѣяться получить остальную сумму. А. П.

Четвергъ.

11.

Сердечно благодарю Васъ, любезный Михайло Петровичъ. Заемное письмо получите на дняхъ.—Какъ вамъ кажется письмо Чаадаева? и когда увижу васъ?

* Игра словъ относится къ псевдониму Надеждина: онъ писалъ тогда въ Вѣстникѣ Европы Каченовскаго подъ именемъ Недоумки.

** Вѣроятно, я далъ предъ тѣмъ знать Пушкину, что всей суммы достать не могу, а развѣ часть.

*** Опять игра словъ: Надеждинъ жестоко ругалъ въ своихъ статьяхъ Пушкина, который отстигнулъ ему нѣвѣстной эмигрантомъ.

Замѣтка о селѣ Знаменскомъ.

Село Знаменское, въ которомъ Карамзинъ часто жила у друзей своихъ Плещеевыхъ, находится въ Орловской губерніи, Болховскаго уѣзда, 4-го мирового участка, Злынской волости. Вокругъ него расположены села Чернь и другія, принадлежавшія тоже другу Карамзина. Знаменское лежитъ на р. Кутьмѣ, впадающей въ р. Нугрь, на которой устроены въ Болховѣ извѣстные кожевенные заводы, и которая втекаетъ въ Оку близъ границы Болховскаго и Бѣлевскаго уѣздовъ. Въ немъ теперь 155 душъ крестьянъ, временно-обязанныхъ Розѣ Ринальдовнѣ Плещеевой (родомъ Полькѣ), второй женѣ Арзамасца Александра Алексѣевича Плещеева, котораго два внука отъ перваго брака (съ графиней Чернышевой), Александръ и Григорій Петровичи, живутъ и нынѣ въ Болховскомъ уѣздѣ, въ наслѣдственномъ имѣніи «Чернь». Въ домѣ села Знаменскаго давалъ А. А. Плещеевъ свои роскошные праздники, и предавался разнымъ причудамъ во время своего вдовства и второй женитьбы. Домъ этотъ, въ которомъ жилъ Карамзинъ еще въ концѣ прошлаго вѣка, къ сожалѣнію, сгорѣлъ. Нынѣшняя владѣлица Знаменскаго живетъ въ домѣ, выстроенномъ уже позднѣе.

М. Лонгиновъ,

ВАЖНѢЙШИЯ ОПЕЧАТКИ
въ статьѣ «Поѣздка во внутреннюю Чехію».

<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
Стран. Строка	
102— 8 св. обсужденіи	убѣжденіи
112— 7 — все постоянно встрѣчается	вы постоянно встрѣчаете.
115— 18 — Сазивѣ	Сазавѣ
117— 14 св. высокіе берега	высокіе отроги
130— 7 св. Послѣ слова: ужиномъ, въ	<i>особой строкѣ должно вставить; II.</i>
134— 13 св. если угодно, и шпіонами,	если угодно, и шпіонками,
142— 17 св. Тенскимъ	Тынскимъ
154— 14 св. Баварамъ,	Баворамъ,
— — 13 — Баваръ	Баворъ
171— 13 св. <i>Роби,</i>	<i>Раби,</i>
175— 10 св. чего и безъ	чего не безъ
176— 18 — 1816	1817
179— 10 — иногда	нѣкогда
185— 10 — г. Лодля,	г. Лидля,
216— 5 — случаяхъ,	слухахъ,
220— 11 св. тяжелыя и грозныя цѣпы,	тяжелыя и грозныя цѣпы,
227— 12 св. борьбою противъ нихъ, —	борьбою противъ нихъ, — и источникомъ современной связи духовенства съ
и родомъ въ Чехіи	народомъ въ Чехіи
233— 9 — поддержаніе	непосредственнѣе содержаніе
246— 9 св. политичемъ	политическомъ

Вмѣсто Волтавы надо вездѣ читать Отаву.

Дрочія опечатки читатели легко усмотрятъ сами.

ВЪ КОНТОРЪ РУССКАГО МОЖНО ПОЛУЧАТЬ И ПРЕЖДЕ
ИЗДАНЫЯ СБОРНИКИ.

УТРО

1865 года.

Дѣтство, воспитаніе и первые литературные опыты Карамзина (*М. П. Погодина*). Нигилисть, поэма въ стихахъ (*графа В. А. Сологуба*). Восточный вопросъ (*профессора Лавровскаго*). О народности и національности въ литературѣ (*М. А. Дмитріева*). Памяти П. А. Плетнева (*князя П. А. Вяземскаго*). Его же: Венеція (фотографіи I—VIII). Забѣтки (I—VIII). Письмо Батюшкова къ Карамзиной со стихами. Письмо Батюшкова къ Карамзину изъ Неаполя. Письмо Карамзина къ И. Елизаветѣ Алексѣевнѣ, по случаю кончины И. Александра. Письмо Жуковскаго къ К. А. Карамзиной, по полученіи извѣстія о кончинѣ ея супруга. Отношеніе графа Блудова, по случаю доноса на Карамзина. Переписка Карамзина съ граф. Каподистріей. Три дня на Итальянскихъ озерахъ, *С. П. Колошина*. Тьма, изъ Байрона, (*С. А. М.*) Кара судьбы, ломбардское преданіе. Письма о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи, къ Н. Н., Кобдену, Прудону и проч. (*М. П. Погодина*). Мнѣнія, голоса и замѣчанія гласнаго по дѣйствіямъ Московской Городской Думы 1863—1866 года (*М. П. Погодина*). О выборѣ въ головы. Качества, необходимыя для головы. Нужно ли теперь для Москвы газовое освѣщеніе. Объ обязательномъ застрахованіи домовъ отъ пожара. О пользѣ отъ уничтоженія адресъ-конторы. О возможныхъ источникахъ доходовъ. О средствахъ увеличить содержаніе полиціи. Условія съ жильцами. Необходимость возвысить цѣну вина. Какъ вызвать мнѣнія. Толковый перечень занятій Думы. Лучше ли стало обывателямъ при новыхъ порядкахъ? Случаи изъ городской жизни, относящіеся до полиціи. Мысли о ея преобразованіи. Полезныя для того мѣры. Приемъ всякихъ закладовъ въ кабакахъ. Нѣчто о городскихъ больницахъ. По поводу толковъ о газовомъ освѣщеніи Москвы. О сберегательныхъ кассахъ. О сборѣ съ извозчиковъ и объ учрежденіи ихъ постоянныхъ дворовъ. О па-

латкахъ предъ Ваганьковскимъ кладбищемъ. Нужно ли строить бойни отъ города. Забѣчанія на докладъ комиссіи о смѣтѣ на 1866 годъ. Общія забѣчанія о Московской Думѣ. Ея достоинства и недостатки. Желанія. Обь отношеніяхъ Распорядительной Думы къ Общей. Къ разсужденіямъ о смѣтахъ. Какъ отбирать мнѣнія. Нужда въ подробныхъ ежегодныхъ отчетахъ. Необходимость разсмотрѣть подробно всѣ статьи доходовъ и расходовъ. О пожарной командѣ. О торговой полиціи. Задачи отъ города. Программа Утра—Мнѣніе о текущихъ вопросахъ (*М. П. Погодина*). Отношенія Россіи къ Европѣ, къ Азій, къ Славянамъ. Необходимость въ желѣзныхъ дорогахъ. О добычаніи каменнаго угля. Западныхъ губерній. Царство Польское. Остзейскія губерніи, о равноправности тамъ Русскихъ съ Нѣмцами, и со Шведами въ Финляндіи. О духѣ въ учебныхъ заведеніяхъ. Необходимыя мѣры. О пьянствѣ. О дворянскихъ собраніяхъ. О судебной реформѣ. Свобода печати. Злоупотребленія. Мальчикъ въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ (*Ө. Н. Глинки*.) Дорога (*М. А. Дмитріева*). Изъ Мицкевича (*Н. В. Берга*). Изъ Рюккерта (*А. Ө. Фета*). Просьба обь учрежденіи крестьянскихъ сторублевыхъ банковъ при церквахъ въ западныхъ губерніяхъ (*Н. С. Кожановской*). Для біографіи Хомякова (*Графа Остен-Сакена*). О годѣ рожденія Карамзина (*М. П. Погодина*.) Къ молодымъ людямъ, напутственное слово (*А. И. Иванцева-Платонова*). Къ сборнику приложена авто-біографическая записка Карамзина (fac-simile). Цѣна 2 рубля.

УТРО 1859 года.

Липы, повѣсть въ стихахъ, *Н. М. Языкова*. Взглядъ на Русскую литературу въ 1858 году, *В. Н. Алмазова*. Два первыхъ дѣйствія трагедіи „Петръ Первый“, *М. П. Погодина*. О поэзіи Пушкина, *В. Н. Алмазова*. Конь, басня *И. А. Крылова*. Щедринъ и новѣйшая сатирическая литература. *Е. Н. Эдельсона*. Благочестивому Меценату, *А. С. Хомякова*. Свѣтскія язвы, *С. П. Колошина*. Поединчики, рассказъ *Г. Н. Жельзнова*. Американская женщина. Двѣ записки *Татищева*, о вступленіи на престоль императрицы Анны. Стихотворенія Миллера, Алмазова и пр. и пр. Цѣна 2 руб.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАРАМЗИНЪ,

по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ.

Сочиненіе М. П. Погодина, два тома, съ 3-мя портретами, 5-ю
листами снимковъ съ черновой Исторіи, корректуры и автобіо
графической записки. Цѣна 5 руб. сер.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ

М. ПОГОДИНА,

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

Книга вторая. 1867. Содержаніе: Кирилль и Меодій, сла
вянскіе первоучители. Взглядъ на удѣльный періодъ, отъ кон
чины Ярослава до нашествія Монголовъ. Древняя русская аристо
кратія — (о родоначальникахъ первыхъ дворянскихъ фамилій).
Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный (въ отношеніи къ новымъ
толкамъ). Былъ ли Борисъ Годуновъ основателемъ крѣпостнаго
права (разборъ первыхъ указовъ о закрѣпленіи крестьянъ).
Отвѣтъ г. Костомарову на его возраженія. Судъ надъ царевичемъ
Алексѣемъ Петровичемъ. Царевичъ, по вновь найденнымъ
документамъ. Воспоминаніе объ А. П. Ермоловѣ.

Цѣна второй книгѣ 2 рубля.

Книга первая. 1846. Содержаніе: Взглядъ на Русскую
Исторію. Очеркъ Русской Исторіи. Формація государства. Пар
аллель Русской Исторіи съ Исторіей западныхъ государствъ,
относительно начала. О старшинствѣ между князьями. О Мос
квѣ. Приращенія Москвы. О мѣстничествѣ. О характерѣ Іоанна
Грознаго. Объ участіи Годунова въ убіеніи царевича Димитрія.
Нѣчто объ Отрепьевѣ. Петръ Великій. Крестьянинъ Иванъ По
сошковъ. За Русскую старину.

Цѣна первой книгѣ 2 рубля; за обѣ книги вмѣстѣ 3 руб.

СОЧИНЕНІЯ КРЕСТЬЯНИНА ИВАНА ПОСОПКОВА.

Въ двухъ частяхъ. Цѣна за обѣ части вмѣстѣ 3 р. с. Порозилъ
2 руб. сер.

А. П. ЕРМОЛОВЪ. Матеріалы для его біографіи. 1864.
Цѣна 2 руб. сер.

ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ, по новымъ доку
ментамъ. 1863. Цѣна 1 р. 50 к.

ВѢНОКЪ на могилу преосв. Иннокентія. Собраніе статей,
въ воспоминаніе о немъ писанныхъ, съ присоединеніемъ избран
ныхъ его проповѣдей. 1863. Цѣна 1 р. 20 к.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1868 годъ:

РУССКІЙ,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

издаваемая М. Погодинымъ.

Цѣна въ Москвѣ безъ доставки за 52 листа. 3 р. 50 к.

— съ доставк. и пересылк. въ другіе города. 4 р.

